

Родная **ЛАДОГА**

№ 4 (70) ' 2024

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Сергей КОРЫТИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Группы охранных
предприятий «РАДОН»

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЧИТАЙТЕ САЙТ ЖУРНАЛА «Родная Ладога»: rodnayaladoga.ru

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А.В. (Самара); Казин А.Л. (Санкт-Петербург); Корольков А.А. (Санкт-Петербург); Орлов Б.А. (Санкт-Петербург); Сдобняков В.В. (Нижний Новгород); Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург); Скотникова Г.В. (Санкт-Петербург); Смолькин И.А. (Псков); Швечиков А.Н. (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БУНЕЕВ Владимир Васильевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — Депутат Государственной думы ФС РФ. Народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич (Москва). Депутат Государственной думы ФС РФ. Член Союза писателей России.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты и сайта «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета, член Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — художник, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы», член Общественной палаты РФ.

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СЕРДЮК Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург) — Генеральный директор Группы охранных предприятий «РАДОН», учредитель строительной компании «ВитаСтрой», основатель и директор Фонда «Я Русский», капитан 3 ранга запаса.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

ЩИПКОВ Александр Владимирович (Москва) — философ, заместитель Главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЄХИ

Владимир Путин. Президент России. «Мир кардинально и необратимо меняется». *Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай»* 5

ЛИПРОВОЗЗРЄННЄ

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «Русский мир: внешние и внутренние вызовы». *Доклад на пленарном заседании XXVI Всемирного русского народного собора* 20

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов).
Библейские и богословские аспекты Таинства Евхаристии 46

Сергей Перевезенцев. Гуманизм или консерватизм? 72

Владимир Катасонов. Религия и культура 85

Александр Дугин. Молдова и ее исторнал 176

Василий Дворцов. Языки бытийный и бытовой. *Художественная литература как мерило духовно-нравственного состояния нации* 207

Александр Казин. Ядро русской культуры — это православная вера и русский язык. *О роли Православия в художественной культуре России* 228

ПОЭЗИЯ

Евгений Харитонов 30

Андрей Ребров 34

Ярослав Кауров 93

Валентина Курицына 96

Александр Ананичев 136

Юрий Беляев 200

Владимир Скиф 204

Евгений Юшин 248

Наталья Чистякова 252

ПРОЗА

Игорь Изборцев. День перед Рождеством. *Рассказ* 37

Павел Астахов. Крыжовник. *Рассказ* 146

Николай Иванов. Реки помнят свои берега. *Отрывок из романа* 168

Алексей Куренев. Хвостик. *Рассказ* 195

Анатолий Байборodin. Путевые вехи. *Повествование из дневниковых записей* 278

ИСКУССТВО

Марина Петрова. Иконопись и религиозная живопись. Подобие и различие 60

Валентина Ефимовская. Русское сердце. *Изобразительные особенности, жанровые направления и духовные смыслы творчества художника Филиппа Москвитина. К 50-летию живописца* 235

Александр Мосякин. Неоэстетизм Руслана Франта 266

Точка ЗРЄННЄ

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ (Капáлин). Царь, всецело преданный Божьему Промыслу 99

Борис Галенин. О фантоме Февраля 1917 104

Андрей Ильницкий. Глубинная война за мир 152

Александр Камкин. Родовые черты европейского фашизма — истоки и современность.....	156
Сергей Караганов. Применение ядерного оружия может уберечь человечество от глобальной катастрофы?	162
Александр Кугай. Проект «Украина»: философия заводной игрушки.....	190
Михаил Тарковский. Вытоптать след	217

История и современность

Анатолий Степанов. Консервативный народник. Слово о <i>Константине Петровиче Победоносцеве</i>	111
---	-----

БЕССЕДА

Елена Чавчавадзе. К вопросу о фальсификациях фотографий времен Гражданской войны — «Виселицы Колчака» и «Жертвы колчаковщины». <i>Интервью</i>	118
---	-----

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Православный Харбин встречает Красную Армию	128
Леонид Савин. Русский француз, ставший Великим Кубинцем. <i>Жизнь и творчество Алехо Карпенцьера</i>	254

Дороги ВОЙНЫ

Виктор Иванов. Блокадный дневник А.Г. Елизарова.....	140
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Николай Дорошенко. Леонов (1899–1994).....	212
Михаил Зарубин. Была на карте деревня Зарубино	271

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий Сдобняков. Печаль и радость сердца моего. <i>Ловля рыбы и случаи из жизни в пределах старой нижегородской ярмарки</i>	282
--	-----

Третья ПЕРА

Давид Чечурин. День Победы наступает	302
---	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:
https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret
<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>
<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

РЕХИ

Владимир ПУТИН
Президент России

«МИР КАРДИНАЛЬНО И НЕОБРАТИМО МЕНЯЕТСЯ»

*Выступление на заседании
дискуссионного
клуба «Валдай»*

Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 7 ноября 2024 года. Сочи.

Тема заседания: *«Прочный мир, — на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности для развития в XXI веке».*

Добрый день, уважаемые дамы и господа, дорогие друзья!

Очень рад приветствовать всех вас на нашей традиционной встрече. И сразу же хочу поблагодарить за участие в острых, содержательных дискуссиях Валдайского клуба. Мы с вами встречаемся 7 ноября, дата значимая и для нашей страны, можно сказать, и для всего мира. Русская революция 1917 г., как в свое время нидерландская, английская, Великая французская революция, стали в известной степени вехами в развитии человечества, во многом определили ход истории, характер политики, дипломатии, экономики и общественного устройства.

Нам с вами также выпало жить в эпоху кардинальных, по сути, революционных перемен, не только осмыслять, но и быть непосредственными участниками сложнейших процессов первой четверти XXI века. Валдайскому клубу, почти ровеснику нашего века, уже 20 лет. В таких случаях часто, между прочим, говорят, что время летит незаметно, быстро, но в данном случае так не скажешь. Эти два десятилетия не просто были насыщены важнейшими, подчас драматическими событиями поистине исторического масштаба — на наших глазах формируется совершенно новое мировое устройство, непохожее на то, что мы знаем из прошлого, например, Вестфальскую или Ялтинскую систему.

Источник: Кремлин.ру

Поднимаются новые державы. Народы четче и яснее осознают свои интересы, свою самоценность, самобытность и идентичность, все тверже настаивают на достижении целей развития и справедливости. При этом общества сталкиваются с бóльшим количеством новых вызовов: от захватывающих технологических изменений до катастрофических природных катаклизмов, от вопиющего социального расслоения до массовых миграционных волн и острейших экономических кризисов.

Эксперты говорят об угрозах новых региональных конфликтов, глобальных эпидемий, о сложных и неоднозначных этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта, о том, как сочетаются друг с другом традиции и прогресс.

Какие-то из этих проблем мы с вами предсказывали, встречаясь раньше, детально даже обсуждали, встречаясь на Валдае, в Валдайском клубе, а какие-то интуитивно только предчувствовали, надеясь на лучшее, но не исключая и худшего сценария.

Что-то, напротив, стало для всех полной неожиданностью. Действительно, динамика очень сильная. Непредсказуем современный мир, это уж точно. Если оглянуться на двадцать лет назад и оценить масштаб изменений, а затем спроецировать эти изменения на предстоящие годы, можно предположить, что следующее двадцатилетие будет не менее, а то и более сложным. А насколько — конечно, зависит от множества, большого количества факторов. Вот для того, чтобы их проанализировать, попробовать что-то спрогнозировать, я так понимаю, вы и собираетесь в Валдайском клубе.

Наступает в некотором смысле момент истины. Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьезная, непримиримая борьба. Непримиримая прежде всего по той причине, что это даже не схватка за власть или за геополитическое влияние. Это столкновение самих принципов, на которых будут строиться отношения стран и народов на следующем историческом этапе. От его исхода зависит, сможем ли мы все вместе, совместными усилиями построить мироздание, которое позволит развиваться всем, решать возникающие противоречия на основе взаимного уважения культур и цивилизаций, без принуждения и применения силы. Наконец, сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими, гуманистическими началами, а человек — остаться человеком.

Казалось бы, альтернативы этому нет. На первый взгляд. Но, к сожалению, есть. Это погружение человечества в пучину агрессивной анархии, внутренних и внешних расколов, утрата традиционных ценностей, новые форматы тирании, фактический отказ от классических принципов демократии, базовых прав и свобод. Все чаще демократию начинают трактовать как власть не большинства, а меньшинства и даже противопоставляют традиционную демократию и народовластие некой абстрактной свободе, ради которой демократическими процедурами — выборами, мнением большинства, свободой слова и неангажированностью СМИ, как некоторые считают, можно и пренебречь, можно и пожертвовать.

Угрозой является навязывание, превращение в норму тоталитарных по своей сути идеологий, что мы видим на примере западного либерализма, сегодняшнего западного либерализма, который выродился, полагаю, в крайнюю нетерпимость и агрессию к любой альтернативе, к любой суверенной и

независимой мысли и сегодня оправдывает неонацизм, терроризм, расизм и даже массовый геноцид гражданского населения.

Наконец, это международные конфликты и столкновения, чреватые взаимным уничтожением. Ведь оружие, способное это делать, существует и постоянно совершенствуется, приобретает новые формы по мере развития технологий. А клуб обладателей такого оружия расширяется, и никто не гарантирует, что в случае лавинообразного нарастания угроз и окончательного разрушения правовых и моральных норм оно не будет задействовано.

Уже говорил, что мы подошли к опасной черте. Призывы Запада нанести стратегическое поражение России — стране, обладающей крупнейшим арсеналом ядерного оружия, — демонстрируют запредельный авантюризм западных политиков. Ну, во всяком случае, некоторых из них. Такая слепая вера в собственную безнаказанность, исключительность может обернуться мировой трагедией. Вместе с тем прежние гегемоны, привыкшие еще с колониальных времен повелевать миром, все чаще с удивлением обнаруживают, что их перестают слушаться. Попытки силой удержать ускользающее могущество ведут лишь к всеобщей нестабильности и росту напряженности, к жертвам и разрушениям. А вот того результата, к которому стремятся желающие сохранить свою абсолютную, безраздельную власть, такие попытки все равно не обеспечивают. Потому что ход истории остановить невозможно.

Вместо того чтобы осознать тщетность своих устремлений, объективный характер перемен, некоторые западные элиты, кажется, готовы пойти на все, чтобы не допустить появления новой международной системы, отвечающей интересам мирового большинства. В политике Соединенных Штатов, например, и их союзников в последние годы все более заметен принцип «не доставайся же никому», «если не с нами, то против нас». Ну, послушайте, эта формула очень опасная. Потому что и у нас, и во многих странах мира есть такая поговорка: как аукнется, так и откликнется.

Хаос, системный кризис уже нарастает и в самих странах, которые пытаются проводить такую политику, у них самих претензии на исключительность, на либерально-глобалистское мессианство, на идеологическую и военно-политическую монополию все больше истощают те страны, которые пытаются проводить такую политику, толкают мир к деградации, вступают в явное противоречие с подлинными интересами самих народов Соединенных Штатов Америки и европейских стран.

Уверен, что рано или поздно на Западе это поймут. Ведь в основе его былых великих достижений всегда лежал именно прагматичный, трезвый подход, основанный на весьма жесткой, порой циничной, но рациональной оценке происходящего и собственных возможностей.

И в этой связи хочу вновь подчеркнуть: в отличие от наших оппонентов, Россия не воспринимает западную цивилизацию как врага, не ставит вопрос «мы или они». Еще раз повторю: «кто не с нами, тот против нас» — мы же так не говорим никогда. Мы не хотим никого ничему учить, никому навязывать свое мировоззрение. Наша позиция открыта, и она заключается в следующем.

Запад накопил действительно огромные человеческие, интеллектуальные, культурные, материальные ресурсы, благодаря которым он может успешно развиваться, оставаясь одним из важнейших элементов мировой системы. Но именно «одним из», наравне с другими активно развивающи-

мися государствами и группами стран. Ни о какой гегемонии в новой международной среде речи быть не может. И когда, допустим, в Вашингтоне и в других западных столицах осмысливают, признают этот неопровержимый, непреложный факт, процесс выстраивания мировой системы, соответствующей вызовам будущего, вступит, наконец, в фазу подлинного созидания. Дай бог, чтобы это произошло как можно скорее. Это в общих интересах, в том числе и прежде всего самого Запада.

Пока же нам, всем тем, кто заинтересован в создании справедливого и прочного мира, приходится тратить слишком много сил на преодоление деструктивных действий наших оппонентов, цепляющихся за собственную монополию. Ну, это же очевидно, что это происходит, это все видят и на самом Западе, и на Востоке, на Юге — везде видят. Пытаются сохранить власть и монополию, очевидные вещи.

Эти усилия можно было бы направить с гораздо большей пользой, отдачей на решение действительно общих проблем, которые затрагивают всех: от проблем демографии и социального неравенства до климатических изменений, продовольственной безопасности, медицины и новых технологий. Вот над чем нужно было бы думать и над чем всем действительно нужно работать, чем заниматься.

Позволю себе сегодня несколько философских отступлений — у нас же дискуссионный клуб. Так что, надеюсь, это будет в струе тех дискуссий, которые шли здесь до сих пор.

Уже говорил: мир кардинально и необратимо меняется. От предыдущих версий устройства мировой системы он отличается сочетанием, параллельным существованием двух, казалось бы, взаимоисключающих явлений: быстро растущей конфликтностью, фрагментацией политического, экономического, правового поля — это с одной стороны, и сохраняющейся теснейшей взаимосвязанностью всего мирового пространства — с другой. Это может восприниматься как некий парадокс. Ведь мы привыкли к тому, что описанные тенденции обычно просто идут одна за другой, сменяют друг друга. Век за веком эпохи конфликтов и разрыва связей чередуются с более благоприятными периодами взаимодействия. Такова динамика исторического развития.

Получается, что сегодня это не работает. Ну, попробуем немножко порассуждать на эту тему. Острые, принципиальные, эмоционально наполненные конфликты, конечно, значительно осложняют мировое развитие, но не прерывают его. На месте разрушенных политическими решениями и даже военными средствами цепочек взаимодействия возникают другие. Да, гораздо более сложные, иногда запутанные, но сохраняющие экономические и социальные связи.

Мы увидели это на опыте последних лет. Совсем недавно коллективный Запад, так называемый коллективный Запад, предпринял беспрецедентную попытку отлучить Россию от мировой системы, экономической и политической. Объем санкций, карательных мер, применяемых к нашей стране, не имеет аналогов в истории. Наши оппоненты предполагали, что нанесут России сокрушительный, нокаутирующий удар, от которого она уже просто не оправится, перестанет быть одним из ключевых элементов международного обихода.

Думаю, нет нужды напоминать, что произошло в реальности. Сам факт того, что юбилейный Валдай собрал такую представительную аудиторию,

говорит, мне кажется, сам за себя. Но дело, конечно, не в Валдае. Дело в реалиях, в которых мы живем, в которых Россия существует. Россия нужна миру, и никакие решения ни вашингтонских, ни брюссельских якобы начальников над другими не способны изменить этого.

То же самое относится и к другим решениям. Против мощного течения не выплывает даже тренированный пловец, какие бы ухищрения и даже допинги он ни использовал. А течение мировой политики, мейнстрим направлен в другую сторону, в противоположную устремлениям Запада — от нисходящего гегемонистского мира к восходящему многообразию. Это очевидная вещь, как у нас в народе говорят, к бабке ходить не нужно. Это очевидно.

Давайте вернемся к диалектике истории, сменам эпох конфликтов и сотрудничества. Действительно ли мир стал таким, что эта теория, эта практика больше не работают? Попробуем взглянуть на происходящее сегодня под немного другим углом зрения: а в чем, собственно, состоит конфликт, и кто участвует в этом конфликте сегодняшнего дня?

С середины прошлого столетия, когда современными усилиями и ценой огромных потерь удалось победить нацизм — наиболее злостную, агрессивную идеологию, ставшую порождением острейших противоречий первой половины XX в., — перед человечеством стояла задача избежать возрождения подобного феномена и повторения мировых войн. Несмотря на все зигзаги и локальные стычки, общий вектор тогда определился. Это радикальное отвержение всех форм расизма, разрушение классической колониальной системы и расширение числа полноправных участников международной политики — спрос на открытость, демократичность международной системы был очевидным, — быстрое развитие разных стран и регионов, появление новых технологических и социально-экономических подходов, направленных на расширение возможностей развития и повышение благосостояния. Конечно, как и любой исторический процесс, это порождало столкновение интересов. Но, повторяю, общее стремление к гармонизации и развитию во всех аспектах этого понятия было налицо.

Наша страна — в ту пору Советский Союз, внесла большой вклад в укрепление этих тенденций. СССР помогал государствам, освободившимся от колониальной или неоколониальной зависимости, будь то Африка, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток или Латинская Америка. И отдельно напомним, что именно Советский Союз в середине 80-х гг. прошлого века выступил за прекращение идеологической конфронтации, за преодоление наследия холодной войны, собственно, за прекращение самой холодной войны и затем за преодоление ее наследия, тех барьеров, которые мешали единству мира и его всеобъемлющему развитию.

Да, у нас сложные отношения к тому периоду, учитывая, во что в итоге вылился курс тогдашнего политического руководства страны. С некоторыми трагическими последствиями нам приходится справляться, бороться до сих пор. Но сам порыв, хочу это подчеркнуть, сам порыв, пусть и неоправданно идеалистический со стороны наших руководителей и нашего народа, порой даже наивный подход, как сегодня мы это видим, без сомнения, диктовался искренними пожеланиями мира и всеобщего блага, что на самом деле исторически присуще характеру нашего народа, его традициям, системе ценностей, духовно-нравственных координат.

Но почему такие устремления привели к противоположным результатам? Вот вопрос. Ответ мы знаем, я уже неоднократно так или иначе упоминал об этом. Потому что другая сторона идеологического противостояния восприняла происходящие исторические события не как шанс переустроить мир на новых справедливых началах и принципах, а как свой триумф, победу, как капитуляцию нашей страны перед Западом, а значит, как возможность по праву победителя устанавливать собственное полное доминирование.

Я уже как-то говорил об этом, сейчас просто вскользь, не буду называть имен. В середине 90-х, даже в конце 90-х от одного из тогдашних политических деятелей США прозвучало: теперь мы будем относиться к России не как к побежденному противнику, а как к тупому инструменту в наших руках. Вот этим руководствовались. Не хватило ни широты взгляда, ни общей культуры, ни политической культуры. Непонимание того, что происходит, и незнание России. В том, как Запад превратно и в своих интересах истолковал то, что считал итогами холодной войны, как стал перекраивать под себя мир, его беспардонная и беспрецедентная геополитическая жадность — вот подлинные истоки конфликтов нашей исторической эпохи, начиная с трагедий Югославии, Ирака, Ливии, а сегодня и Украины, и Ближнего Востока.

Некоторым западным элитам показалось, что наступившая монополия, их монополия, момент однополярности в идейном, экономическом, политическом и даже отчасти военно-стратегическом смысле и есть станция назначения. Всё, приехали. «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» Как самонадеянно тогда было объявлено, чуть ли не конец истории.

В этой аудитории нет нужды объяснять, насколько близоруким и ошибочным оказалось это осуждение. История не закончилась, напротив, вступила просто в новую фазу. И дело ведь не в том, что какие-то зловредные враги, конкуренты, подрывные элементы мешали Западу в установлении своей системы мировой власти.

Скажем честно, после исчезновения СССР — модели советской социалистической альтернативы — многим в мире поначалу показалось, что монопольная система пришла надолго, чуть ли не навсегда, и к ней нужно просто приспособиться. Но она зашаталась сама по себе, сама под грузом амбиций и алчности этих западных элит. А когда они увидели, что в рамках даже той системы, которую они создали под себя (после Второй мировой войны, конечно, надо признать, победители создавали Ялтинскую систему под себя, а потом, после холодной войны, якобы победители в холодной войне начали создавать под себя, корректируя эту Ялтинскую систему — вот в чем проблема), ну так вот, которую они создавали под себя своими собственными руками, начинают преуспевать и лидировать совсем другие (вот что они увидели: систему создали — и вдруг появляются другие лидеры в рамках этой системы), безусловно, они тут же взялись корректировать эту систему, созданную уже ими под себя, начали нарушать те же самые правила, о которых говорили вчера, менять ими же самими установленные правила.

А какой же конфликт мы наблюдаем сегодня? Убежден, это вовсе не конфликт всех со всеми, вызванный отступлением от неких правил, о которых нам часто твердят на Западе, вовсе нет. Мы видим конфликт между подавляющей частью населения планеты, которая хочет жить и развиваться

во взаимосвязанном мире огромного количества возможностей, и мировым меньшинством, которое озабочено только одним, как я уже говорил, — сохранением своего доминирования. И ради этого оно готово разрушать достижения, ставшие результатом длительного развития в направлении всеобщей мировой системы. Но из этого, как видим, ничего не получается и не получится ничего.

При этом сам Запад лицемерно пытается всех нас убедить, что под угрозой то, чего добивалось человечество после Второй мировой войны. Ничего подобного, я сейчас только что об этом упомянул. И Россия, и подавляющее большинство стран как раз стремятся к тому, чтобы укрепить дух международного прогресса и стремления к прочному миру, который составлял стержень развития с середины прошлого столетия.

А под угрозой на самом деле совсем другое. Под угрозой как раз эта монополия Запада, которая возникла после развала Советского Союза, обретенная им на некоторое время в конце XX столетия. Но еще раз хочу это сказать, да и присутствующие в этом зале понимают: любая монополия, как нам известно из истории, рано или поздно заканчивается. Иллюзий здесь быть не может. Да и монополия — это всегда вредная вещь, даже для самих монополистов.

Политика элит коллективного Запада влиятельна, но — по числу участников весьма ограниченного клуба — нацелена не вперед, не на созидание, а назад, на удержание. Любой любитель спорта, не говоря о профессионалах, в футболе, в хоккее, в любых видах единоборств, знает: игра на удержание практически всегда ведет к поражению.

Возвращаясь к диалектике истории, можно сказать, что параллельное существование конфликтности и стремление к гармонии, конечно, неустойчивое. Противоречия эпохи рано или поздно должны разрешиться синтезом, переходом к другому качеству. И при вступлении в эту новую фазу развития — выстраивания новой мировой архитектуры, всем нам важно не повторить ошибок конца прошлого века, когда, как я уже говорил, Запад попытался навязать всем свою глубоко, на мой взгляд, порочную, чреватую новыми конфликтами модель выхода из холодной войны.

В формирующемся многополярном мире не должно быть проигравших стран и народов, никто не должен чувствовать себя ущемленным и униженным. Только тогда мы сможем обеспечить действительно долгосрочные условия для всеобщего справедливого и безопасного развития. Стремление к сотрудничеству и взаимодействию уже сейчас, без сомнения, берет верх, преодолевая острейшие ситуации. Можно смело сказать, что это и есть международный мейнстрим — магистральное течение событий. Конечно, находясь в эпицентре тектонических сдвигов, вызванных глубинными изменениями мировой системы, трудно предсказывать будущее. А поскольку нам известно общее направление изменений — от гегемонии к сложно устроенному миру многостороннего сотрудничества, можно попробовать очертить хотя бы некоторые грядущие контуры.

Выступая на Валдайском форуме в прошлом году, позволил себе изложить шесть принципов, которые, на наш взгляд, должны быть положены в основу отношений на новом историческом этапе развития. Произшедшие события и время, на мой взгляд, только подтвердили и справедливость, и обоснованность выдвинутых предложений. Я попробую их развить.

Первое. Открытость к взаимодействию является важнейшей ценностью для подавляющего большинства стран и народов. Попытки возведения искусственных барьеров порочны не только тем, что тормозят нормальное и выгодное всем экономическое развитие. Прерывание связей особенно опасно в условиях природных катаклизмов, социально-политических потрясений, без которых, увы, не обходится международная практика.

Недопустимы, например, ситуации, подобные той, что случилась в прошлом году после катастрофического землетрясения в Малой Азии. Исключительно по политическим причинам было заблокировано оказание помощи народу Сирии, некоторые районы сильно пострадали от удара стихии. И такие примеры, когда эгоистические, конъюнктурные интересы препятствуют реализации всеобщего блага, вовсе не единичны.

Безбарьерная среда, о которой говорил в прошлом году, — это залог не только экономического процветания, но и удовлетворения острых гуманитарных нужд. А в условиях новых вызовов, среди которых и последствия стремительного развития технологий, человечеству просто жизненно необходимо объединять интеллектуальные усилия. Показательно, что основными противниками открытости стали сегодня те, кто совсем недавно, вчера, что называется, больше всех поднимали ее на щит.

Сегодня те же силы и люди пытаются использовать ограничения как инструмент давления на инакомыслящих. Из этого ничего не выйдет по той же самой причине: огромное мировое большинство за открытость без политизации.

Второе. Мы всегда говорили о многообразии мира как обязательном условии его устойчивости. Может показаться парадоксом: ведь чем пестрее, тем сложнее выстроить единую картину. И, конечно, универсальные нормы здесь вроде бы должны помочь. Могут ли они это сделать? Спору нет, это сложно, непросто сделать. Но, во-первых, не должно быть ситуации, когда модель одной страны или относительно небольшой части человечества берется за что-то универсальное и навязывается всем остальным. И второе: никакой условный, даже вполне демократически выработанный кодекс невозможно взять [и] раз и навсегда приписать как директиву, как неоспоримую истину другим.

Международное сообщество — это живой организм, ценность и уникальность которого — в его цивилизационном многообразии. Международное право — продукт договоренностей даже не стран, а народов, ведь правовое сознание — неотъемлемая и самобытная часть каждой культуры, каждой цивилизации. Кризис международного права, о котором сейчас говорят, — это в некотором смысле кризис роста.

Подъем народов и культур, которые раньше по тем или иным причинам оставались на политической периферии, означает, что их собственные, самобытные представления о праве и справедливости играют все более весомую роль. Они разные. Отсюда может возникнуть впечатление разноречия и какофонии какой-то, но это лишь первый этап становления. И убежден, что новое устройство возможно только на принципах многоголосия, гармоничного звучания всех музыкальных тем. Если угодно, мы движемся к мироустройству не столько полицентрическому, сколько к полифоническому, в котором слышны и, главное, должны быть услышаны все голоса. Тем, кто привык и хочет исключительно солировать, придется привыкать к новой мировой партитуре.

Я уже говорил, что такое международное право после окончания Второй мировой войны. В основе международного права лежит Устав ООН, который был написан странами-победительницами. Но мир меняется, конечно, появляются новые центры силы, мощные экономики растут, выходят на первое место. Конечно, нужно, чтобы правовое регулирование тоже менялось. Конечно, аккуратно это надо делать, но это неизбежно. Право отражает жизнь, а не наоборот.

Третье. Мы не раз говорили, что новый мир может успешно развиваться только на принципах максимальной представительности. Опыт последней пары десятилетий наглядно продемонстрировал, к чему приводит узурпаторство, чье-то стремление присваивать себе право говорить и действовать от имени других. Те, кого принято называть великими державами, привыкли и приучились считать, что они имеют право определять, в чем состоит интерес других — вот интересное кино! — фактически диктовать другим их национальные интересы исходя из своих собственных. Это не только нарушает принципы демократии и справедливости, хуже всего, что это, по сути, не позволяет реально решать насущные проблемы.

Наступающий мир не будет простым именно в силу своего многообразия. Чем больше полноправных участников процесса, тем сложнее, конечно, найти оптимальный, устраивающий всех вариант. Зато, когда он найден, есть надежда, что решение окажется устойчивым и долгосрочным. А еще это позволяет избавиться от самодурства и импульсивных шараханий и, напротив, сделать политические процессы осмысленными и рациональными, руководствуясь принципом разумной достаточности. По большому счету этот принцип заложен же и в Уставе ООН, и этот принцип в Совете Безопасности. Право вето — это что такое? Право вето для чего придумано было? Чтобы не проходили решения, которые не устраивают игроков на международной арене. Хорошо это или плохо? Плохо, наверное, для кого-то, что одна из сторон ставит барьер при принятии решений. Но хорошо в том смысле, что не проходят решения, которые кого-то не устраивают. О чем это говорит? Эта норма говорит о чем? Идите в переговорную комнату и договаривайтесь — смысл в этом.

Но, поскольку мир становится многополярным, надо найти такие инструменты, которые позволили бы расширить применение и механизмы подобного рода. В каждом конкретном случае решение должно быть не просто коллективным, а включать тот состав участников, кто способен внести содержательный и значительный вклад в урегулирование проблем. Это, прежде всего, те участники, которые непосредственным образом заинтересованы найти позитивный выход из ситуации, потому что от этого на деле зависит их будущая безопасность, а значит, и процветание.

Нет числа примерам того, как сложные, но на самом деле разрешаемые противоречия соседних стран и народов превращались в непримиримые хронические конфликты из-за интриг и грубого вмешательства внешних сил, которым в принципе все равно, что дальше будет с участниками этих конфликтов, сколько крови прольется, сколько жертв они понесут. Они просто руководствуются — те, кто вмешивается со стороны, — своими исключительно эгоистическими интересами, при этом, не беря на себя никакой ответственности.

Считаю также, что особую роль в будущем будут играть региональные организации, ведь страны-соседи, как бы сложно ни складывались отношения между ними, всегда объединяет общий интерес в стабильности и безопасности. Компромиссы просто жизненно необходимы им для достижения оптимальных условий собственного развития.

Далее. Ключевой принцип безопасности для всех без исключения. Безопасность одних не может быть обеспечена за счет безопасности других. Я здесь ничего нового не говорю. Это в документах ОБСЕ все прописано. Надо только, чтобы это исполнялось.

Блоковый подход — наследие колониальной эпохи холодной войны — противоречит природе новой международной системы, открытой и гибкой. В мире сегодня остался лишь один блок, спаянный так называемой «обязаловкой», жесткими идеологическими догмами и клише, — это Организация Североатлантического договора, которая, не прекращая экспансии на восток Европы, сейчас пытается распространить свои подходы и на другие пространства мира, нарушая свои собственные уставные документы. Это просто откровенный анахронизм.

Мы не раз говорили о той разрушительной роли, которую НАТО продолжала играть, особенно после распада Советского Союза и Варшавского договора, когда, казалось бы, альянс утратил формальный, ранее декларируемый повод и смысл своего существования. Мне кажется, что Соединенные Штаты понимали, что этот инструмент становится как бы непривлекательным, ненужным, а им нужен был и нужен сегодня, для того чтобы руководить в зоне своего влияния. Поэтому и конфликты нужны.

Вы знаете, еще до всех острых конфликтов сегодняшнего дня мне многие европейские лидеры говорили: что они нас пугают тобой, нам не страшно, мы угроз никаких не видим. Это прямая речь, понимаете? Я думаю, что и в Штатах это прекрасно понимали, почувствовали, сами уже относились к НАТО как к второстепенной какой-то организации. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Но все-таки эксперты там понимали, что НАТО нужно. А как сохранить его ценность, привлекательность? Нужно напугать как следует, нужно Россию и Европу разорвать между собой, особенно Россию и Германию, Францию конфликтами. Вот и довели до госпереворота на Украине и до боевых действий на юго-востоке, в Донбассе. Просто вынудили нас на ответные действия, в этом смысле добились того, чего хотели. То же самое и в Азии происходит, на Корейском полуострове, мне кажется.

На деле мы видим, что мировое меньшинство, сохраняя и укрепляя свой военный блок, надеется таким образом сохранить власть. Однако даже внутри самого этого блока уже можно понимать, видеть, что жестокий диктат «старшего брата» никак не способствует решению стоящих перед всеми задач. Тем более явно противоположны такие устремления интересам остальных стран мира. Сотрудничать с теми, с кем выгодно, налаживать партнерство со всеми, кто в этом заинтересован, — таков очевидный приоритет большинства стран планеты.

Очевидно, что военно-политические и идеологические блоки — это еще один вид препятствий, возводимых на пути естественного развития такой международной системы. При этом замечу, что само понятие «игра с нулевой суммой», когда выигрывает только один, а все остальные остаются в проигрыше, — продукт западной политической мысли. Во время доминиро-

вания Запада такой подход навязали всем как универсальный, но он далеко не универсальный и работает не всегда.

Например, восточная философия, а многие здесь, в этом зале, знают об этом не понаслышке, не хуже, а, может быть, даже лучше, чем я, — построена совсем на другом подходе. Это поиск гармонии интересов, чтобы каждый мог достичь самого важного для себя, но не в ущерб интересам других. «Я выигрываю, но и ты выигрываешь». Да и русские люди всегда в России, все народы России всегда, когда это было возможно, исходили из того, что главное — не продавить свое мнение любыми путями и средствами, а постараться убедить, заинтересовать в честном партнерстве и равноправном взаимодействии.

Наша история, в том числе история отечественной дипломатии, не раз показывала, что значит честь, благородство, миротворчество, снисхождение. Достаточно вспомнить роль России в устройстве Европы после эпохи наполеоновских войн. Я знаю, что там в известной степени это рассматривается как возврат, как попытка удержания там монархии и так далее. Дело сейчас совсем не в этом. Я говорю в целом о подходе к тому, как решались эти вопросы.

Прототип нового, свободного и неблокового характера отношений между государствами и народами — сообщество, которое формируется сейчас в рамках БРИКС. Это в том числе наглядно иллюстрирует тот факт, что даже среди членов НАТО есть те, как вы знаете, кто проявляет интерес к тесной работе с БРИКС. Я не исключаю, что в будущем и другие государства задумаются над совместной, более тесной работой с БРИКС.

Наша страна в этом году председательствовала в объединении, и совсем недавно, как вы знаете, прошел саммит в Казани. Не скрою, выработка скоординированного подхода многих стран, интересы которых далеко не во всем и не всегда совпадают — дело непростое. Дипломатам и другим государственным деятелям пришлось приложить максимум сил, такта, на деле показать умение слышать, слушать друг друга, чтобы добиться желаемого результата. Немало сил на это ушло. Зато именно так рождается уникальный дух сотрудничества, он основан не на принуждении, а на взаимопонимании.

И мы уверены, что БРИКС дает всем хороший пример по-настоящему конструктивного сотрудничества в новой международной обстановке. Добавлю, что площадки БРИКС, встречи предпринимателей, ученых, интеллектуалов наших стран могут стать пространством для глубокого философского, фундаментального осмысления современных процессов мирового развития с учетом особенностей каждой цивилизации с ее культурой, историей, идентичностью традиций.

Дух уважения и учета интересов — на этом основана и будущая система евразийской безопасности, которая начинает формироваться на нашем огромном материке. И это не только подлинно многосторонний подход, но еще и многогранный. Ведь безопасность сегодня — понятие комплексное, включающее в себя отнюдь не только военно-политические аспекты. Безопасность невозможна без гарантий социально-экономического развития и обеспечения устойчивости государств перед лицом любых вызовов — от природных до рукотворных, — идет ли речь о материальном или цифровом мире, киберпространстве и так далее.

Пятое. Справедливость для всех. Неравенство — настоящий бич современного мира. Внутри стран неравенство порождает социальную напряженность и политическую нестабильность. На мировой арене разрыв в уровне развития между «золотым миллиардом» и остальным человечеством чреват не только нарастанием политических противоречий, но прежде всего углублением проблем миграции.

Практически все развитые страны планеты сталкиваются с все менее контролируемым притоком тех, кто надеется таким образом улучшить свое материальное положение, повысить социальный статус, обрести перспективы, а порой просто выжить.

В свою очередь, такая миграционная стихия провоцирует рост ксенофобии и нетерпимости к приезжим в более богатых обществах, что запускает спираль социально-политического неблагополучия, повышает уровень агрессии.

Отставание многих стран и обществ по уровню социально-экономического развития — комплексный феномен. Волшебного средства против этой болезни, конечно, нет. Нужна долгосрочная системная работа. Во всяком случае, здесь необходимо создать условия, при которых будут сняты искусственные, политически мотивированные препятствия для развития.

Попытки использовать экономику в качестве оружия, против кого бы это ни было направлено, бьют по всем, в первую очередь по самым уязвимым — по людям и странам, нуждающимся в поддержке.

Убеждены, что такие проблемы, как продовольственная, энергетическая безопасность, доступ к услугам в сфере здравоохранения и образования, наконец, возможность законного и беспрепятственного перемещения людей должны быть вынесены за скобки любых конфликтов и противоречий. Это и есть базовые права человека.

Шестое. Мы не устаем подчеркивать, что любое устойчивое международное устройство может базироваться только на принципах суверенного равенства. Да, все страны обладают разным потенциалом, это очевидно, и возможности у них далеко не одинаковые. В этой связи часто приходится слышать, что полное равноправие невозможно, утопично и иллюзорно. Но особенность современного мира, тесно связанного и целостного, как раз и заключается в том, что государства не самые могучие, большие, зачастую играют даже большую роль, чем гиганты, хотя бы потому, что они способны более рационально и целенаправленно использовать свой человеческий, интеллектуальный, природный и экологический потенциал, гибко и разумно подходят к решению сложных вопросов, задают высокие стандарты в качестве жизни, в этике, в эффективности управления, в создании возможностей для самореализации каждого, в формировании условий, благоприятной психологической атмосферы в обществе для взлета науки, предпринимательства, искусства, творчества, раскрытия таланта молодежи. Все это сегодня становится факторами глобального влияния. Перефразируя физические законы: проигрывая в смысле, можно выиграть в результативности.

Самое вредное, деструктивное, что проявляется в сегодняшнем мире, — это высокомерие, отношение к кому-то свысока, желание бесконечно и навязчиво поучать. Россия никогда это не делала, ей это несвойственно. И мы видим, что наш подход продуктивен. Исторический опыт неопровержимо показывает: неравноправие — будь то в обществе, государстве, на международной арене — обязательно ведет к дурным последствиям.

Хочу добавить, о чем ранее, может быть, и не упоминал часто. За несколько столетий в западнцентричном мире выработались некие клише, стереотипы, своего рода иерархия. Есть развитый мир, прогрессивное человечество и некая универсальная цивилизация, к которой все должны стремиться, а есть отсталые, нецивилизованные народы, варвары. Их дело — беспрекословно слушать, что им говорят со стороны, и действовать по указанию тех, кто якобы стоит выше этих народов в цивилизационной иерархии.

Понятно, что такая оболочка — для грубого колониального подхода, для эксплуатации мирового большинства. Но беда в том, что эта, по сути, расистская идеология пустила корни в сознание очень многих. И это тоже серьезное ментальное препятствие для всеобщего гармоничного развития.

Современный мир не терпит не только высокомерия, но и глухоты к особенностям, самобытности других. Чтобы выстраивать нормальные отношения, нужно, прежде всего, прислушаться к собеседнику, понять его логику, культурную основу, а не приписывать ему то, что думаешь о нем сам. Иначе общение превращается в обмен штампами, в навешивание ярлыков, а политика — в разговор глухих.

Понимаете, конечно, мы же видим, проявляют интерес к каким-то самобытным культурам самых разных народов. Внешне все красиво: и музыка, и фольклор как бы приподнимаются. Но, по сути, политика в сфере экономики и безопасности остается прежней — неоколониальной.

Посмотрите, как работает Всемирная торговая организация — ничего не решает, потому что все западные страны, основные экономики все блокируют. Все только в своих интересах, чтобы возобновить и постоянно тиражировать одно и то же, что было десятилетиями и столетиями раньше, держать всех в узде — вот и все.

Надо не забывать, что все равны в том смысле, что все имеют право на свое видение, которое не лучше и не хуже других, оно просто свое, и нужно это по-настоящему уважать. Именно на этой базе формулируется взаимное понимание интересов, уважение, эмпатия, то есть способность сопереживать, чувствовать проблемы других, способность воспринять чужую точку зрения и аргументы. И не только воспринять, но и действовать в соответствии с этим, выстраивать свою собственную политику в соответствии с этим. Воспринимать — не значит принять и во всем согласиться. Это, конечно, не так. Это прежде всего значит признать право собеседника на собственное мировоззрение. По сути, это первый необходимый шаг к тому, чтобы начать находить гармонию этих мировоззрений. Различие, разнообразие надо научиться воспринимать как богатство и возможности, а не как повод к конфликту. В этом тоже состоит диалектика истории.

Мы с вами понимаем, что эпоха кардинальных трансформаций — это время неизбежных потрясений, к сожалению, столкновения интересов, своего рода новой притирки друг к другу. При этом связанность мира necessarily смягчает противоречия. Конечно, это тоже правда. И может, напротив, отягощать иногда, делать отношения еще более запутанными, а поиск выхода — гораздо более сложным.

За столетия своей истории человечество привыкло, что предельный способ разрешения противоречий — выяснение отношений при помощи силы. Да, такое тоже бывает. Кто сильнее, тот и прав. И этот принцип тоже ра-

ботаает. Да, бывает такое нередко, странам приходится защищать свои интересы вооруженным путем, отстаивать их всеми доступными средствами.

Но современный мир комплексный и сложный, он становится все сложнее и сложнее. Решая какую-то одну проблему, применение силы создает, конечно, другие, зачастую еще более тяжелые. И мы это также понимаем. Наша страна никогда не выступала и не выступает инициатором применения силы. Нам приходится это делать только тогда, когда становится понятно, что оппонент ведет себя агрессивно, не воспринимает никаких, абсолютно никаких аргументов. И когда это необходимо, мы, конечно, будем принимать все меры для защиты России и каждого ее гражданина, и всегда будем добиваться своих целей.

Мир совсем не линеен и внутренне неоднороден. Мы всегда это понимали и понимаем. Не хотел бы сегодня предаваться воспоминаниям, но хорошо помню, как в 1999 г., когда возглавил Правительство, а потом стал главой государства, с чем мы сталкивались тогда. Думаю, что российские граждане, специалисты, которые в этом зале находятся, тоже хорошо помнят, какие силы стояли за террористами на Северном Кавказе, откуда и в каких объемах они получали оружие, деньги, моральную, политическую, идеологическую, информационную поддержку.

Даже смешно вспоминать, и грустно, и смешно, как говорили: это же «Аль-Каида»; «Аль-Каида», вообще, плохо, но когда против вас воюет, то ничего. Что это такое? Все это и ведет к конфликту. Тогда мы ставили перед собой цель — все время, сколько отпущено, все силы использовать для сохранения страны. Конечно, это было в интересах всех народов России. Несмотря на тяжелейшее экономическое положение, после кризиса 1998 г. и разрухи в армии, надо прямо об этом сказать, мы все вместе, именно всей страной отразили атаку террористов, затем и разгромили их.

Я почему вспомнил об этом? Потому что снова кое у кого возникла мысль, что мир без России будет лучше. Тогда старались закончить с Россией, доразвалить все, что осталось после развала Советского Союза, и сейчас, похоже, тоже кто-то об этом мечтает. Думают, что мир будет послушнее, будет лучше управляться. Но Россия не раз останавливала тех, кто рвался к мировому господству, кто бы это ни делал. Так будет и впредь. Да и мир-то лучше не станет. Те, кто пытается это сделать, должны это в конце концов понять. Сложнее только будет.

Наши оппоненты находят все новые способы и инструменты, пытаюсь от нас избавиться. Теперь в качестве такого инструмента используют Украину, украинцев, которых попросту цинично натаскивают на русских, превращая их, по сути, в пушечное мясо. И все это под аккомпанемент разговора о европейском выборе. Ничего себе выбор! Нам точно такого не нужно. Мы защитим себя, наших людей — пусть ни у кого не будет на этот счет никаких иллюзий.

Но роль России этим, конечно, не исчерпывается, чтобы себя только защищать и сохранять. Может, это прозвучит несколько пафосно, но само существование России — гарантия того, что мир сохранит свою многоцветность, многообразие, сложность, и это залог успешного развития. И сейчас могу вам сказать, что это не мои слова, это мне часто очень говорят наши друзья из всех регионов мира. Я ничего не преувеличиваю. Повторю: мы никому ничего не навязываем и не будем этого никогда делать. Нам самим

это незачем, и никому это не нужно. Мы руководствуемся своими ценностями, интересами и представлениями о должном, которые укоренены в нашей идентичности, истории и культуре. И, конечно, мы всегда готовы к конструктивному диалогу со всеми.

Тот, кто уважает свою культуру и традиции, не имеет права не относиться с таким же уважением к другим. А тот, кто пытается заставить других вести себя неподобающим образом, неизменно втаптывает в грязь и собственные корни, свою цивилизацию и культуру, что мы отчасти и наблюдаем.

Россия сегодня борется за свою свободу, за свои права, свой суверенитет. Я без преувеличения так говорю, потому что на протяжении предыдущих десятилетий вроде как внешне все благоприятно, благопристойно выглядело: из «семерки» сделали «восьмерку» — спасибо нас пригласили.

Вы знаете, что происходило? Я же видел: приезжаешь на ту же самую «восьмерку», сразу становится ясно, что до встречи в рамках «восьмерки» уже собралась «семерочка» и между собой что-то пообсуждали, в том числе в отношении России, а потом приглашают Россию. Смотришь на это с улыбкой, смотрел всегда. И красиво обнимают, и по плечу похлопают. А на практике делают все наоборот. И все наступают, наступают и наступают. Наиболее зримо это смотрится в контексте расширения НАТО на восток. Обещали, что не будут, а все делают и делают. И на Кавказе, и эта система противоракетной обороны — все, по любому ключевому вопросу просто плевать хотели на наше мнение. Это в конечном итоге всё вместе стало выглядеть как ползучая интервенция, которая без всякого преувеличения направлена была бы на какое-то принижение, а лучше — на разрушение страны: или изнутри, или извне.

Добрались, в конце концов, до Украины, туда влезли и с базами, и с НАТО. 2008 г.: приняли решение в Бухаресте о том, чтобы открыть двери для Украины и Грузии в НАТО. С какого, извините за простоту выражения, с какого перепугу? Там были какие-то сложности, что ли, в мировых делах? Да, спорили мы с Украиной по ценам на газ, но все равно решали. В чем проблема? Зачем надо было это делать — просто создавать условие для конфликта? Понятно же было, к чему это приведет. Нет, все равно — и дальше, и дальше, и дальше: освоение наших исторических территорий пошло, поддержка режима с явным неонацистским уклоном.

Поэтому можно смело сказать и повторить: мы не только за свою свободу боремся, не только за свои права, не только за свой суверенитет, а защищаем всеобщие права и свободы, возможности для существования и развития абсолютного большинства государств. В этом в известной степени мы видим и миссию нашей страны. Всем должно быть понятно: давить на нас бесполезно, а вот договариваться с полным учетом взаимных законных интересов мы всегда готовы. К этому призывали и призываем всех участников международного общения. И тогда можно не сомневаться, что будущие гости заседания Валдайского клуба, сегодня пока еще, может быть, школьники, студенты, аспиранты или молодые ученые, начинающие эксперты, через следующие 20 лет, накануне 100-летия Организации Объединенных Наций, будут обсуждать гораздо более оптимистические и жизнеутверждающие сюжеты, чем те, которые нам приходится обсуждать сегодня.

Большое спасибо вам за внимание.

**Святейший
Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл**

«РУССКИЙ МИР: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ»

*Доклад
на пленарном заседании
XXVI Всемирного
русского народного собора*

28 ноября 2024 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил на пленарном заседании XXVI Всемирного русского народного собора «Русский мир: внешние и внутренние вызовы»¹.

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимые отцы, братья и сестры! Уважаемые представители государственной власти!

Сердечно приветствую всех участников пленарного заседания XXVI Всемирного русского народного собора.

В прошлом году, на юбилейном съезде, мы говорили о настоящем и будущем Русского мира. Именно так звучала тогда тема нашей встречи, по этой теме и проходили дискуссии. Мы тогда много размышляли о понятии «Русский мир», о его ценностной парадигме и о том, какое место в ней занимает традиция.

Напомню, нами был сформулирован следующий важный тезис: Русский мир — это культурное пространство высоких духовных и нравственных ценностей, особое место среди которых занимают верность традиции, принципам солидарности и справедливости, взаимного уважения, терпения и миролюбия, устремленности к добру и гармонизации отношений, нравственно ответственного творчества и осознания неотделимости России от судеб всего мира, «всемирной отзывчивости» русского человека.

Итак, общность мировоззренческой идей и нравственных установок, общность святынь Русского мира, не связанного с государствен-

¹ Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси.

ными границами, национальными или религиозными различиями, образует ценностный фундамент нашей цивилизации.

В своем прошлом выступлении я также коснулся основных вызовов, с которыми сталкивается Русский мир. Сегодня хотел бы подробнее остановиться на важнейших угрозах и развить мысли, высказанные год назад.

Угрозы обычно разделяют на внешние и внутренние, хотя в реальности они зачастую тесно связаны и перекликаются между собой. Если же мы смотрим на мир глазами религиозной веры, то легко можем увидеть, что все деструктивные явления, по сути, имеют духовную природу. Поэтому в определенной степени название темы нашей встречи можно назвать условным.

Из очевидных внешних угроз Русскому миру самой актуальной сегодня является продолжение военных действий. Эскалацию трагического конфликта между братскими народами России и Украины постоянно подогревают известные всем внешние силы, действующие по древнему и проверенному принципу «разделяй и властвуй». Эти силы заинтересованы в дальнейшем усугублении противоречий между братскими народами.

А почему? — можно было бы спросить. Почему Россия, Украина и Беларусь точно кость в горле у западного мира? Ответ простой: все дело в тех ценностях, которых мы придерживаемся, которые положены в основу нашей духовно-культурной идентичности. Как метко писал талантливый русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, западный мир «*инстинктивно чувствует это крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить... и которое имеет и силу, и притязание жить своей независимую, самобытную жизнью*»¹. Эти ценности, названные мною ранее, сейчас героически отстаивают наши воины, сражающиеся в зоне специальной военной операции.

Западный мир, привыкший к многолетней культурной гегемонии, не готов признать за нами — да и за другими цивилизациями — право на самобытность и особенно на самостоятельность. Именно об этом свидетельствует настойчивая эскалация, которая грозит перерасти в прямое столкновение двух миров. Слава Богу, руководство России и прежде всего Президент страны Владимир Владимирович Путин, сознавая огромную ответственность, являет мудрую рассудительность, хладнокровие и спокойствие в этих непростых обстоятельствах, не поддается на циничные и дерзкие провокации, но продолжает последовательное продвижение к поставленным целям — защите законных и справедливых интересов России и Русского мира.

Не буду много говорить об этих внешних событиях, хотя они, безусловно, очень беспокоят всех нас. Вместе с тем, хотел бы отметить, что нагнетание страха вокруг возможных апокалиптических сценариев, чрезмерный алармизм и спекуляции на ядерную тему не полезны, с духовной точки зрения. Враг рода человеческого пытается посеять смятение и тревогу в сердцах людей, чтобы парализовать их волю и лишить мужества, ибо человеком, лишенным душевного мира, легче манипулировать. Он всего боится, он сам себя изнутри ослабляет и всегда нуждается во внешней опоре, а внешняя опора является нередко фактором манипулирования.

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: РОССПЭН, 2010. С. 71–72.

Христиане не боятся так называемого «конца света». Мы ждем Господа Иисуса, Который придет в великой славе, уничтожит зло и будет судить все народы. Но такое упование вовсе не означает, что мы должны сидеть сложа руки и молча наблюдать за происходящим, попуская злу торжествовать. Напротив, наше земное призвание — быть воинами Господа и вести, по слову апостола, *брань против духов злобы поднебесных* (Еф. 6:12), противостоять злу и отстаивать высокие нравственные идеалы. Вот такое целеполагание у России, как говорят, на внешнем контуре.

Среди значимых внутренних угроз России и нашей духовно-культурной идентичности — это, как ни странно, распространение и поддержка неоязыческих идей. Казалось бы, экзотика, а совсем нет. Эту тему я уже затрагивал ранее.

Повторю: риторика неоязычников обычно строится вокруг идей лично-героизма, доблести и подвига, которые якобы не присущи христианству. Лживость этого тезиса абсолютно очевидна. Нужно совершенно не знать историю русского народа, чтобы утверждать подобные глупости. Подвиг — это основа христианской жизни, которая требует огромного мужества, воли и силы духа. «Подвиг» — от слова «движение», как я нередко говорил, движение вперед и вверх. В подвиге всегда есть вертикальное, то есть духовное, измерение. История Церкви знает множество примеров святых, несших ратное служение. Бережно хранит память о святых воинах и Русская Православная Церковь. Святые благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской, праведный адмирал Федор Ушаков, преподобные Илия Муромец, Пересвет и Ослябя и сегодня вдохновляют наших воинов, сражающихся на передовой.

Однако угроза распространения неоязычества с культом жестокости и грубой силы реально существует, в том числе и в армейской среде. Борьба с такими взглядами — важная задача и военных священников, и ответственных командиров, замечающих за своими подчиненными нечто подобное.

В последнее время появилась и новая мода устанавливать фигуры языческих божеств для привлечения внимания туристов. Языческие идолы — это именно идолы, то есть религиозные символы, а не какие-то «арт-объекты», как это пытаются порой представить. Наши благочестивые предки низвергали идолов, и не потому что были некультурными людьми, а потому что понимали: речь идет не о культурном факторе, но очень большой опасности для духовной жизни.

У многих в памяти недавняя резонансная история, произошедшая в одном северном регионе, который прочно ассоциируется с оплотом русскости и православной традиции. Слава Богу, усилиями правящего архиерея, неравнодушной общественности и указанием губернатора этот квази-арт-объект был демонтирован. Но ведь, к сожалению, это не единственный такой случай, и где-то воззвания Церкви и требования православной общественности остаются не услышанными.

Хотел бы вновь особо подчеркнуть: любые заигрывания с язычеством опасны. К чему они приводят, мы хорошо знаем. Достаточно взглянуть на соседнее воюющее государство, в котором неоязычники при попустительстве власти приобрели такую силу, что создали собственные воензированные подразделения, основанные на нацистской идеологии. «Язычество равно нацизму» — эту формулу необходимо иметь в голове

всем симпатизантам языческих идей, продвигающих их в общественном пространстве. Не от большого ума и не от любви к Отечеству это делается, надо сказать. Скорее, напротив — от незнания истории и банального невежества. Это в лучшем случае. А в худшем — от сознательного желания навредить.

Печально, но попытки подогреть интерес к язычеству наблюдаются даже в образовательном пространстве. Достойно глубокого сожаления, что руководители и педагоги в некоторых школах пытаются переформатировать на славянский манер популярный в западных странах шабаш — так называемый «Хэллоуин»; честно говоря, праздником даже язык не поворачивается такое назвать. Под патриотическим предлогом предлагается переименовать «Хэллоуин» в меропрятие «Велесова ночь».

Что это, если не фальсификация национальной истории, подмена духовных ценностей и, простите, пощечина русской культуре? В ответе на такого рода действия нельзя проявлять инертность и равнодушие. Это не пустяки, это не сказки, это не игра молодежи — нет, совсем другое. Важно делать все возможное, чтобы предотвратить внедрение этих ложных и опасных символов в сознание наших детей, тем более, как я уже сказал, в определенных средах эти символы охотно принимаются.

Невежество — воистину корень многих зол. Церковь всегда выступала за развитие просветительской деятельности. «Свет Христов просвещает всех» — эти слова огненной строкой проходят не только через богослужения Великого поста, но и через всю миссию Церкви, которая свидетельствует о важности получения настоящих, глубоких знаний, качественного образования и нравственного воспитания. Именно поэтому мы с осторожностью относимся к звучащим сегодня предложениям ограничить среднее образование восьмью классами, а высшее — тремя годами обучения. А прозвучали такие мысли и на достаточно высоком уровне.

Образование необходимо для формирования цельной и гармонично развитой личности, для раскрытия в человеке образа Божия, заложенного с рождения. Не устаю напоминать об этом важном смысле слова «образование». Если образование и культура не воспитывают в человеке доброту, совесть, любовь к Отечеству, то возникают тревожные вопросы: в правильном ли направлении вообще они развиваются? точно ли служат благу народа?

Как так получается, что у части заканчивающих государственные школы или вузы молодых людей формируются ценности, чуждые нашей духовной культурной традиции? Они не испытывают любви и даже уважения к России, к ее истории, с нескрываемым презрением отзываются о русском народе и даже о русском языке. Таких, конечно, пока меньшинство, но, к сожалению, это немаленькое меньшинство. Почему из государственных вузов, содержание которых обеспечивается за счет средств национального бюджета, пополняемого простыми налогоплательщиками, то есть всеми нами, выходят в том числе и русофобы? В то время, когда страна находится в очень непростом положении, обороняясь от многих, кто желает, как мы говорим, расчленить и погубить единый народ.

Эти вопросы перестанут быть риторическими, если мы посмотрим, какие ценности могут прививаться молодому поколению педагогами с «широкими взглядами на жизнь», как они сами себя называют.

В январе этого года, выступая перед нашими парламентариями в Совете Федерации, я делился с ними своей озабоченностью относительно преподавания литературы в школе. С учетом литературоцентричности всей русской культуры данный вопрос имеет ключевое значение — в первую очередь для формирования ценностных ориентиров подростков, их моральных качеств и жизненных устремлений. И вот учитель, зная это, выбирает для детского чтения современные произведения, которые рассказывают о нормальности неполной семьи, внебрачных связей или романтизируют противоестественную однополую любовь. Может ли подобный сомнительный круг чтения сформировать у человека твердые нравственные убеждения? Ответ очевиден: конечно, нет!

Современная детская литература и ее качество — это предмет особого рассмотрения. Насколько мне известно, в последнее время были даже специальные исследования для выявления тем, поднимающихся в детских книгах. И среди этих тем обнаружили такие, как идеализация предательства, человек как животное, отвержение традиционных социальных ролей в семье, нормализация любых отклонений, «живи здесь и сейчас, не думай о будущем»... Безотносительно того, насколько корректными были выборка книг и методика самого исследования, большую тревогу вызывает тот факт, что такие книги в принципе присутствуют в предлагаемом для детей чтении. Схожая ситуация наблюдается и в области детской мультипликации.

Все это похоже на какую-то — не побоюсь сказать — социальную шизофрению. С одной стороны, Церковь прикладывает большие усилия, для того чтобы укреплять традиционные духовно-нравственные основы жизни в нашем народе. Мы ведем активный диалог с законодательной и исполнительной властью: отстаиваем важные законодательные инициативы, боремся с пропагандой идеологии «чайлдфри» и защищаем права нерожденных детей, свидетельствуя о важности многодетности и укрепления института брака. И не только Церковь, но и многие общественные организации, да и большинство граждан, готовы защищать наши ценности.

И в это же самое время в части нашего общества, в государственных школах, вузах, в средствах массовой информации как бы незначай, исподволь, насаждается и популяризируется совсем иная система ценностей, чуждая нашей культуре и духовной традиции. Получается, что одной рукой мы созидаем и собираем, а другой — расточаем и разрушаем. Что это? С одной стороны, продвигаем важные законопроекты по защите традиционной семьи, а с другой — не допускаем до телеэфира передачи про традиционную семью, снятые, в том числе, с участием представителей Церкви. Вот недавно — взяли и сняли такую передачу без объяснений. Зато нередко транслируются развлекательные шоу и другие программы, в которых без осуждения и даже без всякого сожаления говорится, как о чем-то нормальном, о разводах и нарушении супружеской верности. Шуточки, смешочки, якобы развлекательный контент, который подается не для выражения озабоченности, не как развал семьи, не как личная трагедия для родителей и детей, а как нечто не лишнее даже некой романтики.

Вспоминаются в связи с этим пронзительные слова нашего замечательного философа Василия Розанова, с болью и негодованием писавшего о тех, кто, презирая свою Родину, при каждом удобном случае вредит ей исподтишка: они внушают и *«нашептывают нашим детям, что мать их*

недостойная, ... что теперь, когда они по малолетству не в силах ей всадить нож, то, по крайней мере, должны понатыкать булавок в ее постель, стулья и диваны; набить гвоздочков везде на полу»¹, чтобы она страдала и истекала кровью. Таких гвоздочков, к сожалению, и сегодня рассыпается немало.

Я затронул лишь некоторые темы. Можно было бы сказать и о всеобщем снижении уровня грамотности, и о все более редком навыке логично, ясно и красиво выражать свои мысли, о недостаточно высоком социальном статусе и авторитете учителей, о пугающей эпидемии сквернословия, охватившей в том числе и детей. Жутко слышать, как ребенок семи-десяти лет матом ругается. Все это тоже очень важные вопросы.

Судьбы целых империй зависят от образования молодежи, свидетельствовал великий Аристотель, ибо где *нет исключительного внимания к воспитанию, там и само государство терпит ущерб*². Вопросы образования и воспитания подрастающего поколения имеют ключевое значение для будущего нашего народа, а потому должны быть в фокусе особого, пристального внимания как государственных властей, так и общественности.

Всем нам, любящим русскую культуру, отстаивающим самобытность и духовный суверенитет русской цивилизации, каждому на своем месте, предстоит немало потрудиться, чтобы настойчиво, последовательно и решительно ограждать наше молодое поколение от влияния пагубных идей, которые реально угрожают будущему нашей страны.

Для Русского мира одним из оплотов традиции является семья. Важно решать демографические проблемы, связанные с низкой рождаемостью, с высоким процентом разводов и, конечно, снова и снова скажу, с совершением большого количества аборт. О последней теме не устаю напоминать при каждом случае, когда встречаюсь с людьми, от которых зависит решение этого болезненного вопроса. Слава Богу, за минувший год в целом ряде регионов были приняты законодательные меры по запрету склонения к аборту, и сердечно благодарю руководителей этих регионов. Отрадно, что многие частные клиники добровольно отказались от лицензий на проведение аборт, тоже благодарю за такой шаг. Надеюсь, что подобные начинания будут распространяться на все регионы и станут вкладом в народосбережение и в улучшение демографической ситуации.

Еще один серьезный вызов Русскому миру — это алкогольная угроза. Мы много говорим о необходимости повышать рождаемость и укреплять семейные ценности, о пропаганде многодетности и борьбе с абортами, но забываем, что страшным зверем, пожирающим людей, остается алкоголь. Распад семей, женское и мужское бесплодие, рождение больных детей, тяжкие преступления со смертельным исходом, совершенные в пьяном виде, и, наконец, разрушение здоровья и значительное снижение умственных способностей как у самих употребляющих алкоголь, так и у их потомков, получающих дурную наследственность, — все это ведет к физической, интеллектуальной и духовно-нравственной деградации людей и в перспективе к неумолимому угасанию нации.

¹ *Розанов В.В.* Впечатления мирянина: (об анафематствовании) // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 3. С. 646.

² *Аристотель.* Политика. Кн. 8 // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 628.

Проблема возникла, конечно, не вчера. На протяжении нескольких столетий распространяются и настойчиво навязываются общественному сознанию ложные стереотипы о якобы извечной склонности русского человека к пьянству. Ничего подобного! Русский человек всегда был работающим, трудолюбивым, ответственным, целеустремленным. Без этих важных качеств просто невозможно было бы создать такое государство, каким является Россия.

В свете этого с сердечной болью воспринимаю сообщения о том, что в текущем году существенно выросла продажа алкоголя: по некоторым из видов продажа выросла даже на 60%¹. Неприемлемо высоким остается употребление алкоголя на душу населения². Это реальная проблема национального масштаба.

Русская Православная Церковь, свидетельствующая о смертельной опасности алкоголизации, не может не бить в набат по этому поводу. У нас существует Церковно-общественный совет по защите от алкогольной угрозы, задачей которого является в том числе координация усилий Церкви, государства и институтов гражданского общества. Хотелось бы получить актуальную информацию о том, что реально делается для борьбы с алкогольной угрозой, в том числе и в рамках работы этого Совета.

Алкоголь оказывает непосредственное влияние на повышение смертности среди населения, поэтому никакие меры по улучшению демографической ситуации в стране не будут иметь ощутимого эффекта, если не вести борьбу за укрепление трезвенных убеждений. Знаю, что в некоторых российских регионах уже действуют или активно обсуждаются меры по ограничению продаж алкоголя. Думаю, это доброе начинание, заслуживающее поддержки.

В свое время, когда я был ректором духовной академии в Ленинграде, в мои обязанности входило также пастырское окормление русских приходов в Финляндии. И, посещая эту страну, я был удивлен, как системно, с каким упорством и настойчивостью власти осуществляли программы по ограничению употребления алкоголя. Как известно, среди северных народов это явление было действительно очень распространено и представляло большую опасность. И ведь многого достигли: никакого повального пьянства в Финляндии, по крайней мере, о ней могу говорить, не существует. Казалось, что из этого рабства вырвать народ невозможно, но ведь сделали — посредством разумных государственных программ, широкого информирования общественности, воспитания в школах и других учебных заведениях. Поэтому есть, конечно, соответствующие примеры, и, думаю, было бы очень важно, чтобы и у нас осуществлялась планомерная работа по ограничению употребления алкоголя нашим населением.

Необходимо вернуть нашему народу понимание и убеждение, что трезвость — это норма жизни, тем более жизни духовной. Люди, погруженные

---

¹ Розничные продажи алкоголя в России обновили исторический максимум. По подсчетам Росалкогольтабакконтроля, по сравнению с 2017 г. показатели продаж алкоголя выросли в среднем на 21%. (источник: <https://www.rbc.ru/wine/news/673768d99a794700adc827e0?ysclid=m3rfb32lgz940130002>).

² По данным Минздрава за 2023 г., потребление алкоголя на душу населения в России составляет 8,44 литра этанола в год (источник: <https://minzdrav.gov.ru/news/2024/04/20/21284-minzdrav-rossii-podvyol-itogi-raboty-za-2023-god>).

в церковную культуру, помнят, что каждое утро мы просим Господа, чтобы Он даровал нам *бодрствующим сердцем и трезвенною мыслью прожить всю ночь здешней земной жизни*¹. А духовное трезвение невозможно без трезвения плоти, это аксиома!

Без возвращения людей к трезвенному образу жизни нельзя представить будущее Русского мира. Если мы хотим и впредь сохранять мировое лидерство в технологическом, интеллектуальном отношении, если желаем, чтобы в народе нашем рождались талантливые, умные и, главное, здоровые дети, борьба с алкогольной угрозой — архиважная задача, которую необходимо решать и решать безотлагательно. Но при этом все-таки должен сказать: совершенно очевидно, что предпринимаемые меры достигают своей цели, и мы являемся свидетелями уменьшения алкогольной зависимости в масштабах нашей страны.

Большая часть моего выступления в прошлом году была посвящена неблагоприятной миграционной ситуации, сложившейся в России. Хотя ситуация и сегодня продолжает оставаться непростой, но, слава Богу, в настоящее время на федеральном и региональном уровнях принимаются законодательные меры для регулирования миграционных потоков и борьбы с нелегальной миграцией.

Замечательно, что в ряде российских регионов прошли форумы и конференции, посвященные этой актуальной теме. Значимым, например, стал Приморский межконфессиональный форум, прошедший полтора месяца назад. Заявления, прозвучавшие на нем, свидетельствуют о глубоком, серьезном понимании проблемы, а также о готовности Церкви и общественности активно участвовать в ее решении. Надеюсь, так и будет.

Подчеркну еще раз: непропорциональное замещение коренного населения мигрантами — носителями иного цивилизационного кода, иного исторического опыта — может привести к критическому культурному дисбалансу в нашей стране. А это, в свою очередь, несет несомненную угрозу Русскому миру, ценностным ядром которого является Православие. Кроме того, не секрет, что мигрантскую среду не оставляют без внимания те, кто проповедуют идеи радикального исламизма, экстремизма, представляющие прямую угрозу российской государственности. Вот я и в прошлом году уже говорил об этом, но получил гневную отповедь от некоторых не очень доброжелательно относящихся к Русской Церкви исламских руководителей. Меня это огорчило. Потому что речь идет не о желании Церкви ограничить мусульманское присутствие в России, речь идет не о межрелигиозной теме, а речь идет о будущем нашего государства. Речь идет о том, что будет с Россией, в том числе о судьбе русского народа. И как же Церковь может об этом не говорить? Я был весьма удивлен негативной реакцией со стороны некоторых руководителей исламских общин, хоть и очень немногочисленных.

Убежден, что корректировка миграционной политики должна заключаться не только в пресечении потоков нелегальных мигрантов, что, конечно, тоже необходимо, и не только в том, чтобы декларативно провозглашать равенство закона для всех. В прошлом году я уже обращал внимание на неэффективность механизма решения проблем мигрантов через диалог

---

¹ Молитва 5-я, свт. Василия Великого.

государственных властей с национальными диаспорами и их так называемыми лидерами. Хотел бы вновь подчеркнуть, что этот способ недостаточно эффективен. Не всегда понятен статус этих лидеров: они не занимают официальной должности, государство не уполномочивало их представлять какие бы то ни было объединения. Перед законом мигрант выступает именно как физическое лицо, наделенное правами и обязанностями, а не как член некоей организации по национальному признаку. Мигрант, а не те, кто пытается говорить от его имени, является субъектом права. Предлагаемые диаспорами способы решения проблем не приносят пользу ни государству, ни государствообразующему русскому народу.

К сожалению, ряд защитников «приезжих специалистов», нарушающих законы, пытается представить справедливое общественное несогласие с ситуацией как притеснение мигрантов. Да нет никакого притеснения! Что же нам, и озабоченность свою выразить нельзя? Можно представить, что было бы, если нечто подобное происходило бы в тех странах, где представители миграции являются большинством, если бы русский народ действовал там таким же образом. Поэтому еще раз хочу заявить: Церковь никогда и ни при каких обстоятельствах не выступает и не будет выступать за дискриминацию людей по национальному и религиозному признаку, ибо сама в недавнем прошлом страдала от такого притеснения. Но повторю вновь: позиция замалчивания, выбранная некоторыми региональными властями, спускание ее на тормозах якобы для снижения общественной напряженности ведут как раз к обратному — к социальному недовольству. Это также является значительной угрозой Русскому миру, для которого гармоничное взаимодействие государственной власти, общественности и всех людей доброй воли является важным принципом бытия.

Еще и еще раз скажу: конечно, выгодно эксплуатировать мигрантов, в каком-то смысле лишенных прав. Им можно меньше платить, они могут жить в ужасающих условиях, на них можно зарабатывать. Те, кто так поступает, заботятся в первую очередь о своей прибыли, о своем достатке. Но очень важно, чтобы государство имело возможность реально регулировать все эти процессы, не отдавая их на откуп тем, кто использует труд мигрантов для повышения своего материального благосостояния. Здесь действительно нужно вмешательство государства.

Русский мир — это пространство высоких духовных и нравственных идеалов, которое объединяет людей разных религиозных взглядов, проживающих на территории России. А почему так? Потому что у нас общая история, богатый и ценный опыт совместного государственного строительства и отстаивания свободы и независимости нашей большой Родины, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Одной из угроз, могущих расколоть единство Русского мира, являются попытки внести этнорелигиозную напряженность в наше общество. Масла в огонь, к глубокому сожалению, подливают и безответственные высказывания некоторых сограждан, не только подвергающих сомнению общепринятую интерпретацию ключевых событий в истории России, но и оспаривающих даже государствообразующую роль русского народа. Эти сограждане не стесняются напрямую переиначивать всю нашу историю, отодвигая русский народ на ее периферию. Напомню, что последнее является грубым нарушением Конституции страны. Стоит особенно подчеркнуть: подобные заявления льют воду

на мельницу врагов России, желающих усиления центробежных тенденций в нашем обществе.

Не хватит времени, чтобы перечислить все угрозы и проблемы, с которыми приходится сталкиваться нашей Родине на нынешнем этапе ее исторического бытия. Важно понять одно: от преодоления этих угроз и проблем зависит само существование России как великого, суверенного, многонационального государства. Поэтому наши совместные усилия должны быть направлены на преодоление существующих проблем нашей общественной жизни, на укрепление нравственных, духовных и культурных основ нашего народа. Трудности на историческом пути русского народа — это не повод для злорадства и тем более самопревозношения других этносов. Ведь это трудности всей России, для преодоления которых нужны общие солидарные труды. Тогда страна наша поистине может стать светом мира и солью земли (Мф. 5:13–14), силой, способной мужественно и твердо противостоять злу и духам тьмы, ковчегом спасения для многих народов, желающих свободно и открыто исповедовать традиционные ценности и духовно-нравственные идеалы.

Дорогие участники Собора! На всех нас лежит высокая миссия. Сегодня в этом зале присутствуют представители традиционных религий России, представители всех ветвей государственной власти, общественных организаций, педагогического и родительского сообщества. В нашем уважаемом собрании представлены важнейшие государственные и социальные институты. Перед нами стоят задачи, которые в одиночку никто из нас не сможет решить. Сможем только вместе, только в единстве, к чему всех вас горячо призываю.

Благодарю за внимание.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАРИТОНОВ

СЖИГАТЬ, КАК ДЕД, НЕМЕЦКИЕ КРЕСТЫ

Евгений Николаевич Харитонов — родился в 1985 г. Член Союза литераторов Белгородской области при БРОО «Союз писателей России». Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах «Родная Ладога», «День и ночь», «Краснодар литературный», «Крым», «Звезда Востока», «Александрь», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский Вестник» и др. **Живет в Белгороде.**

МЫ РУССКИЕ, А ЗНАЧИТ ПОБЕДИМ!

Домой пришел я на исходе дня,
Поставил берцы молча у двери.
Никто встречать не бросился меня,
И сердце защемило вдруг внутри.

Проверил дом. Обдало холодком.
Нигде не встретил теплое: «Привет!»
И, взгляд направив в зеркало тайком,
Я понял, что меня здесь тоже нет.

Что все вокруг
придуманный мираж...
А я на самом деле третий день
Лежу под грудой бревен.
Наш блиндаж
Снаряд врага поставил набекрень.

Подняться бы, да нету сил дышать.
Но чувствую, как шепотом в груди
Твердит моя несносная душа:
«Мы русские, а значит победим!»

* * *

Друг на друга дни похожи.
Стены Родины трещат.
Знаем, что учил Ты, Боже,
Всех врагов своих прощать.

Всё бы так, да жалость в сердце
Нам отныне не слуга,
Раз уж русского младенца
Мир считает за врага.

ПОВЕДАЙ, РУСЬ

Поведай, Русь моя святая,
Душа покоя не дает:
Что жизнь настала непростая,
Народ наш скоро ли поймет?

Гуляют жители столицы,
Спешат на море в отпусках...
А здесь, на западной границе,
Ведут сражение войска.

А здесь снарядами разбиты
Десятки русских деревень

И местный житель от обиды
Клянет Москву и ночь, и день

За то немое равнодушие,
С которым вешали Христа,
За то, что там считают глушью
Войною стертые места.

РОМКА

Возле ног дымит огромная воронка,
За спиной горят равнины и холмы.
«Да, хорош пейзаж!» — шутя промолвил Ромка,
Внук героя неоконченной войны.

Ромке с виду лет, пожалуй, восемнадцать,
Но с войной который год уже на «ты».
Русский он, вот и пришел с врагами драться,
Чтоб сжигать, как дед, немецкие кресты.

И, смахнув с лица рукою капли пота,
Запахнув в АК последний магазин,
Ромка выкрикнул: «А ну, вставай, пехота!
Что ж, и мы теперь давайте подержим!»

Пленных брать команду нынче не давали,
Ни к чему кормить бездушное зверье!
Шли в атаку мы, ложились и вставали
Не за орден, за Отечество свое!

И пока ведут нас в бой такие Ромки,
В чьих глазах пылает праведный огонь,
Будет жить Россия, а ее потомки
Нам исполнят День Победы под гармонь!

НУ РАЗВЕ ХОДЯТ В ПАРКИ НА ВОЙНЕ?

Мечтаю я сегодня о простом —
По парку прогуляться не спеша.
Почувствовать, как шепчется с листом
Моя немножко грустная душа.

Казалось бы, банальность и пустяк —
Сидеть, читая книгу, на скамье.
Но все не так. Теперь уже не так.
Ну разве ходят в парки на войне?

А до него совсем рукой подать,
Минуты три по улице идти!
Но страшно мне в том парке умирать,
А может быть вообще на полпути.

И я смотрю в разбитое окно
Из комнаты, где вечный полумрак,
На черное, горелое пятно
В том месте, где когда-то был наш парк.

* * *

Всю жизнь мы в поисках ответа: Зачем привел нас в мир Христос? И только в мыслях у поэта Такой отсутствует вопрос.	Он видит мир вокруг иначе, Как будто жил здесь сотни лет. А по ночам меж строчек прячет Всех нас волнующий ответ.
---	--

* * *

Не всем дано понять в моей стране, Что значит жить годами на войне. Сдержав в себе волнение и страх, Бежать в подвал с ребенком на руках.	Прикрыть его, кричащего, спиной. А вы детей видали с сединой? Которых бы от шороха трясло? Не видели? Ну что ж, вам повезло!
--	---

НА КРАЮ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Ярко светятся доспехи На груди святой Руси. Мы стоим у крайней вехи, В мыслях: «Господи, спаси!»	Дикий свист бесовской плети Носит эхо над страной... Чем запомнится столетие? Как и прошлые — войной.
---	--

СВО ГЛАЗАМИ БЕЛГОРОДЦА

Два года не ведаем сна и покоя...
Уснешь ли, когда рядом с домом бои?
Атаки на город по матушке крѳа,
Сидим, притаившись, как те воробьи.

Колотится сердце, вздуваются вены,
Заметив на небе белесый надрез.
И стало привычным под звуки сирены
От смерти бежать в незнакомый подъезд.

За счастье увидеть от уха до уха
Улыбки на лицах друзей и родных.
Но мы, белгородцы, не падаем духом,
Хоть нет от обстрелов у нас выходных.

Какие б еще ни обрушились беды,
Мы вынесем их, как бывало не раз!
И в день неизбежно грядущей Победы
Не скроем промокших от радости глаз.

ПРОЗРЕНИЕ

Казалось, что не торопилась
Ко мне сойти Господня милость.
Всю жизнь ее смиренно ждал.
А этим утром осознал...

И вспыхнул стыд огнем на коже:
Та милость — жизнь! Простишь ли, Боже,
Душе незрелой слепоту,
Принявшей свет за темноту?

ВЫШЛА КНИГА

Фёдоров М.И.

Воины СВО. Воронежцы. Книга славы
и памяти. — М.: Вече, 2024.

Книга «Воины СВО. Воронежцы» — это ожидаемое пополнение летописи о наших патриотичных и героических земляках.

«Нет героев от рождения — они рождаются в боях», — написал Александр Твардовский. Мы видим подтверждение этой мысли каждый день, когда узнаем истории воронежцев — обычных мирных жителей, рабочих и инженеров, учителей и врачей, водителей и предпринимателей — решивших сменить привычное занятие, чтобы стать защитниками Родины и Справедливости.

Судьбы, отраженные на страницах книги, — отличный пример для всех, особенно для подрастающего поколения, которое должно воспитываться на наших исконных нравственных ценностях и выдающихся поступках соотечественников.

Во втором сборнике очерков Михаил Федоров рассказывает не только о самих бойцах СВО, но и об их близких друзьях, учителях. От этого повествование стало еще более многогранным и душевным.

*Губернатор Воронежской области
Александр Гусев*

ПОЭЗИЯ

Андрей РЕБРОВ

«СВЕЧАМИ И ЛАДАНОМ ПАХЛИ СНЕГА»

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. В 1993 г. стал одним из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском (где получил благословение на творчество) и других монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь правления СП России, член Императорского Православного Палестинского Общества, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Стою и смотрю на застывший канал,
Сомкнувшийся льдами с Вселенной...
Какие-то люди, входя на причал,
Несут свои ноши согбенно.

И видится, где-то вдали, у Невы,
Там, в зыбкой юдоли морозной,
Взбираются, древле и ныне, волхвы
Гранитною лестницей к звездам.

И там, где России моей небеса
Сливаются с твердью библейской,
Оттуда доносятся мне голоса —
На русском и арамейском.

Вот также, на звездные глядя миры,
Мы вверх по житийному спуску
Идем и несем на закорках дары
Высокой словесности русской.

У РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры —
Не просто полые шары,
А населенные планеты.

Там детских грез чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных —
В неугасимые светила
Невинно преобразены.

И как сгущенный — до сверканья,
Овеществленный в форму свет —
Шпиль над еловым мирозданьем
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред елкою, в сторонке
Весь в чистых, радужных слезах
Лик обомлевшего ребенка,
Его нездешние глаза.

СВЯТОЧНОЕ

Блекнет день,
исполнясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере яблоневых веток
Созревает новая луна.

На дворе — мороз, но временами
Чудится, что в заоконной мгле
Сладко пахнут горними садами
Яблоки, не собранные нами, —
Маленькие луны на земле.

* * *

На церковных окнах — ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам, —
Будто бы на облаке взлетает с ельником
С белою оградой православный храм.

Раздышу молитвою изморозь оконную —
От простора белого аж в глазах черно...
А вдали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя теплится окно...

Елочки завьюжены и сторожки заперты,
Тропка запорошена — никого на ней,
Только легким-легкие светятся у паперти
Два следа от ангельских маленьких ступней.

Но запели певчие, сотворив знамения,
И запели сиверком зимние поля, —
Будто бы со знаменным и с метельным пением
Устремилась к Вышнему русская земля.

* * *

*В начале было Слово...
И Слово стало плотью...*

Иоанн 1.1;1.14

Под Рождество за окнами метет,
И тихость преисполнила деревню,
Лишь вьюга песни плачет иль поет
Распевом, будто слышанным
и древним.

Знать, на Руси для слышащих ушей
Такие песни чайнны и вемы, —
Под эти звуки брезжатся в душе
Песчаные сугробы Вифлеема.

И чудится: ослабнув от жары,
Как те волхвы, купины у забора,
Неся в ветвях стожарные дары
Сквозь вьюгу, тихо движутся
к собору...

От звонов колокольных вдруг легко
Осыплется отишь снеговое,

И по дороге, словно снежный ком,
Покатится округлый волжский говор...

Спешу во храм, покуда — не погас
Огонь его окошек, и Христова
Звезда не занялась. И «было Слово...»
Земле моя, ужели в этот час,
Как ясли вифлеемские, ты снова
Младенца Сущего приять в себя
готова!

В далекий храм вошел,
едва успев —
К полуночной звезде вершится
бденье...

«И Слово стало плотью» без истления,
И Ангели поют, и в тихом пенье
Мне слышится метельный тот распев...

* * *

Рождественским снегом покрыты соборы.
И солнце играет в родных небесах.
И кажется, будто в глубоких затворах
Печерские старцы творят чудеса.

И вдруг, встрепенувшись от первого звона,
Мохнатые шапки роняют на лед
Сединами зим убеленные кроны,
Сединами лет убеленный народ.

Метали поклоны белицы-березы,
Склонялись и ветви, и сотни голов,
И чудилось мне: отступили морозы,
И душу согрела молитвенность слов.

То в храме тропарь гулко братия пела,
И отзвук его долетал из леска.
Снегами и елями пахло в приделах,
Свечами и ладаном пахли снега.

А звоны летели над долгим простором,
Пушистым и белым, как Божий убрус.
И вторили им и сердца, и соборы,
И шапки роняла притихшая Русь.

* * *

На грани неба и земли,
Над нашей жизнью смертной,
Краснеет солнышко вдали,
Как плод ветхозаветный.

Еще немного, и с высот,
С ветвей спирали звездной,
Вдруг упадет закатный плод
На путь эпохи грозной.

И вижу: чьих-то стоп следы
Ведут снегами к храму...

А дальше — небом, до звезды, —
В свѣтъ Нового Адама.

И верится: как по снегам,
Здесь, в «кожаных одеждах»
По белоснежным шли пескам
Адам и Ева прежде.

И азь, по свежим тем следам, —
Наследственной дорогой
Иду, как Ева и Адам,
К звезде Младенца-Бога.

ПРОЗА

*Полезло же кому-то
счастье наколядовать
столько всякой всячины!*

Н.В. Гоголь

«Вечера на хуторе близ Диканьки»

Игорь ИЗБОРЦЕВ

ДЕНЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Рассказ

Игорь Изборцев (Игорь Александрович Смолькин) — родился в 1961 г. в г. Пскове, окончил Ленинградский Политехнический институт, работал в строительстве. С конца 80-х начал журналистскую деятельность. Председатель Приходского совета храма Воскресения Христова в Орлецах. Член СП России. С 2005 г. — председатель правления Псковского регионального отделения СП России, секретарь правления СП России, член Всемирного Русского Народного Собора, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства России и Белоруссии. Автор многих книг прозы. Действительный член Академии Российской словесности, Петровской академии наук и искусств. **Живет в г. Пскове.**

Выйдя из магазина, Зинаида перевела дух. Она поставила наполненные продуктами пакеты на скамейку и задумалась. Все ли купила к Рождественскому столу? Так, горошек, огурцы, «Докторская», яйцо... Для оливье вроде бы все есть. А «Дамский каприз»? Куриная грудка, грецкие орехи, сыр — это уже дома в холодильнике. Ананас? Ну вот, забыла. В магазин Зинаида решила не возвращаться, благо, через дорогу, буквально в двух шагах, раскинулся на полквартала рынок, где торговали, как исстари повелось, всякой всячиной.

Легкий морозец слегка пощипывал руки, будил забытые воспоминания. Он словно звал: айда играть в снежки... Поди уж ты! Зинаида улыбнулась. Вон оно где детство?! А будто всё рядом, будто вчера!

*Играет детвора в снежки,
«Печет» из снега пирожки...*

Смешно! Она неспеша двинулась в сторону рынка. Завтра Рождество, все семейство соберется — мама, дочка с зятем, внуки, муж, конечно. Кого забыла? Шиншиллу Грушу, как же без нее? Ох! От неожиданности она чуть не выронила пакеты...

— Здравсте, тетя Зина! — прямо ей в ухо, хохоча, крикнула соседская дочка Кристина.

— А мы в парк аттракционов на горки с подружками! Поехали с нами!

— Нет уж, Кристиночка! — собравшись с силами, чуть тронула губы улыбкой Зинаида, хотя ей хотелось отшлепать вздорную девчонку.

— Старая кровь не молодит и не греет. Опять же, всяк сверчок знай свой шесток. Ваш — прыгать да скакать, а мой — у печки колдовать.

— Наколдуйте побольше пирожков, мы к вам колядовать придем! — опять хохотнула Кристина и побежала догонять подружек.

Надо ж, научили на свою голову! Это мама ее, Ольга Ивановна, в прошлом году показала Кристине, как петь колядки:

*Коляда, коляда,
Накануне Рождества!
Тетенька добренька,
Пирожка-то сдобненька
Не режь, не ломай,
Поскорее подавай...*

Теперь покоя точно не будет... Зинаида в ожидании остановилась под светофором у пешеходного перехода. Мимо пронесился поток машин. Вроде бы такой же, как всегда, да не такой. Ведь в канун Рождества все по-иному, воздух напряжен до звона от ожидания волшебных перемен. Не этот день для исполнения мечты? Для неожиданных встреч? Для чуда, наконец? И машины словно не гудят, а поют, зовут куда-то в даль. А песня какая славная? «Ночь тиха над Палестиной, спит усталая земля, горы, рощи и долины — скрыла все ночная мгла...».

Да что это со мной? Прямо Гоголь какой-то, Диканька! Зинаида встряхнулась и крепче ухватила пакеты с продуктами. Ладно, чего удивляться? Все мы, за редким исключением, до старости — большие дети.

Песня не умолкала! Нет, чудо сегодня будет, точно будет! Тут уж, как хотите...

Загорелся зеленый. Шагая по зебре, она смотрела, как бесшабашно веселится обвешенный новогодней мишурой рынок: подмигивает сотнями разноцветных огней, звенит, гремит, зазывает. У самого входа все еще тянулся во фронт ряд искусственных елок, обсыпанных пластмассовым снегом. Новый Год миновал, а они все стояли, как последней милости ожидая Рождества.

— Задаром забирай, за так отдаю! — кричал их хозяин, пожилой южанин в отороченной мехом тубетейке.

— Задарма? Давай! — вскинулся русский дядька в красной куртке.

— Плати три тыща и забирай! — хитро усмехнулся южанин и хлопнул в ладоши.

— Задарма же обещал?

— А что, три тыща деньга? Так и есть, задаром.

Зинаида, размышляя, где бы сподручнее купить ананас, миновала ворота и окунулась в стихию свободной торговли. К ананасу взяла еще мандаринов и копченую горбушу. Небо чуть распахнулось и просыпало вниз первые невесомые снежинки. У мясных рядов обнаружил себя давешний дядька в красной куртке, держащий на плече спутанную бечевкой искусственную елку. Снежок теперь на ней лежал настоящий, только что выпавший. Значит, сторговался с тубетейкой? И три тысячи точно не деньги? У павильона с пиротехникой, подле сооруженной для праздничных затей сцены, кучковался народ. Слушали стихи, которые читал невысокий мужчина с седой шевелюрой.

*Чтобы скорее победить,
Я русской речью мог бы стать —
И слово нужное сказать,
И не сдаваться научить.*

*Я бы хотел утесом стать,
Я стать горюю был бы рад,
Чтобы собою закрывать
От пуль идущих в бой солдат.*

*Я облаком хотел бы стать,
Чтобы целительным дождем
Солдатам раны омывать,
Чтоб им все беды — ничем...*

Зинаида заметила в запорошенной легким снежком толпе несколько военнослужащих. Чтобы скорее победить... А может быть, чудо — это как раз и есть победа? Зинаида вспомнила, как плакала месяц назад дочка: у ее лучшей подруги муж погиб на Донбассе. Победа, конечно, нужна, пусть она и станет чудом!

Под ухом опять бухнуло, это мелкие пацаны озорничали с хлопущками. Всё, баста! Зинаида взяла саму себя под уздцы. Домой! Руки отрываются...

У кафе «Приют комедиантов» шумел нетрезвый мужик, бранился и рвал на груди тельняшку. Из открытых настежь дверей валил густой дух шашлыков и пива. Внутри кто-то душевно пел «Катюшу». Воистину, нам бы скорее победить...

Выходила она через другие ворота, миновав бесконечные прилавки с парфюмерией, шампунями, стиральными порошками и предметами личной гигиены.

Ну не везет же! У газетного киоска, приткнувшегося к ограде рынка, она опять угодила в свару.

— Смотри-ка, с Рождеством он меня поздравляет, а сам деньги выблаживает! — кричала полная женщина в каракулевой шубе.

— Ишь, какой молодой тунеядец! Что, работать не хочешь? Легче попрошайничать? Постыдился бы! Родителям-то какво сына такого иметь? Дом свой позоришь!

— Нет у меня родителей и дома нет, — ответил кто-то, пока для Зинаиды невидимый.

Она подошла поближе, чтобы рассмотреть оппонента каракулевой шубы. Тот сидел прямо на снегу, подобрал под себя ноги. Светловолосый, лет тридцати, с бледным, словно неживым лицом, заросшим белесой щетиной. На нем был заношенный зимний воинский бушлат — палочка выручалочка для бомжей, ведь в таком и в сильную стужу не замерзнешь. В лежащей перед ним шапке покрывались снежком с десятков монет. Бомж? Вроде бы не похож? Но поди их разбери?

— Мадам, вы проход загородили! — сердито бросила она каракулевой шубе. — Проходите дальше, не позорьте родителей!

Шуба оторопело застыла. Лицо ее налилось багрянцем, она по-жабьи безмолвно задвигала губами... Нужных слов у нее, однако, не нашлось, и она, кровожадно погрозив кулаком, скрылась за углом газетного киоска.

— С Рождеством Христовым! — бомж, мельком взглянув на Зинаиду, виновато склонил голову к плечу и указал рукой на свою шапку: — Вот...

Глаза у него были голубые и чистые, совсем не как у бомжа. Да и вся эта лежащая на нем печать заброшенности, никому ненужности не могла скрыть природную красоту и благородства его лица. На кого он похож? Зинаида судорожно теребила память. Ага, вспомнила! Старый фильм «Сорок первый». Олег Стриженов, красавец белый офицер. И впрямь, «Сорок первый»...

— Вы не похожи на нищего, — сказала она, — что с вами случилось?

— Я с Украины, из Донецкой области, — охотно ответил Сорок первый...

Зинаида испугалась, что услышит сейчас слезливую историю, в духе нынешнего военного времени, на которые мастаки были все попрошайки. И первые слова Сорок первого подтверждали это ее опасение, но что-то все же заставляло верить. Быть может, предчувствие Рождества?

— Наш дом еще в начале девятнадцатого года нацисты разбомбили, — продолжал мужчина. — Отец сразу погиб, а мы с матерью, раненые, в больницу попали. Мама через неделю умерла, а я вот выжил, в Россию поехал, тетка меня тут в районе приняла, у нее дом свой был.

— А чего ж вы здесь, а не у тетки?

— Померла она. Сын ее приехал в законное наследство вступать, меня выселил, вот в город привез, чтобы я, значит, в Донецк возвращался. Три тысячи рублей дал на дорогу.

«А что, три тыща — деньга?» — вспомнила Зинаида тубетейку и, нахмурившись, спросила:

— Совесть у него есть? А вы что же думали? Надо было к властям обратиться. Лет-то вам сколько?

— Девятнадцать стукнуло, — сказал мужчина, стряхивая с волос лишший снег.

— Девятнадцать? — удивленно повторила Зинаида. — Всего девятнадцать?

— Уже! — поправил ее собеседник. — Если б мне тогда было девятнадцать, когда отец и мать были живы, я бы воевать на передок ушел, жилы бы рвал, а дом свой защитил!

— Девятнадцать ему, — разволновалась Зинаида, — а как зовут-то тебя, родимый?

— Петром зовут, Петей.

— Петя, где же ты живешь сейчас?

— Да так, — парень махнул рукой, — там нормально, надо только немного заплатить. Вот накоплю денег и домой в Донецк рвану, костыми лягу, а хоть одного нацика в ад отправлю — за отца, за мать!

Зинаида вдруг вспомнила их семейную историю еще с той Великой войны. Бабушка рассказывала, как вернулись они зимой сорок пятого из эвакуации, а от дома родного остались лишь давно остывшие развалины. Сидели вот также в снегу, опустив руки, и даже слез не было, все выплакали. «Мама-то твоя, Оля, тогда еще не родилась, — делилась воспоминаниями бабушка, — она на свет Божий появилась в сорок шестом. Дед в ту пору, в

начале сорок пятого, еще с фронта не вернулся. А я со старшими дочками, Наташей и Фросей, приехала, получается, к головешкам и гряде битого кирпича. И что делать? Люди мимо проходили, худые как тени, голодные, с потемневшими от горя лицами. До нас ли им было? Ведь война еще не закончилась. Так что нам хоть пропадай! И тут женщина одна останавливается. Смотрит на нас и спрашивает: «Это что же, ваш дом?» — «Да, — отвечаю, — все, что от него осталось». — «Идти некуда?» — «Некуда». — «Так, берите свои пожитки, ноги в руки, и за мной!»».

Эту добрую женщину, ангела-хранителя их семьи, звали Зинаидой Николаевной. Она устроила бабушку с дочерями в комнате сына, который тогда воевал на Первом Украинском фронте. Муж ее еще в сорок втором пропал без вести, но она верила, что жив, и ждала. Дождалась в пятьдесят третьем. После смерти Вождя тот был освобожден по амнистии из лагеря, где сидел за то, что побывал у фашистов в плену. Увы, счастье продолжалось недолго — через пять лет он умер от последствий старых ран. Бабушка рассказывала, что они прожили в этом гостеприимном доме три месяца, пока ей от больницы, куда она устроилась работать, не выделили комнату. Вот такой была Зинаида Николаевна, Царствие ей Небесное! Именно в ее честь много лет спустя одну из бабушкиных внучек назвали Зинаидой...

Эти воспоминания, как ускоренная кинолента, за несколько мгновений промелькнули перед ее внутренним взором, объединив ту далекую, неведомую ей Великую войну и эту, тоже ей неведомую, но близкую, с такой живой болью и явственным ощущением горечи на осоленных слезами губах... Надо побеждать, как тогда победили! Всегда побеждать!

— Петя, колядки знаешь Рождественские? — спросила она, опуская пакеты с продуктами в снег.

— Вроде помню что-то, — удивленно хлопнул глазами Петр, — в детстве на селе колядовали.

— Давай, — воскликнула она с нетерпением в голосе, — спой или хотя бы прочитай!

Петр на несколько секунд задумался, смел снег со лба и вдруг выпалил быстрым речитативом:

*Добрый вечер тобі, пане господарю. Радуйся!
Ой радуйся, земле, Син Божий народився!
Застеляйте столи та все килимами. Радуйся!
Ой радуйся, земле, Син Божий народився!*

— Добре, хлопче! — улыбнулась Зинаида. — Что ж, получай, коляда, награду!

Она достала из кошелька пятитысячную купюру и протянула парню. Тот опешил от неожиданности.

— Это что, мне?

— Тебе! С наступающим Рождеством!

Петр пошарил руками в снегу и достал костыли, оперся на них и неожиданно быстро вскочил на ноги... Нет, на ногу, одну: левая солпина¹ брюк была заправлена внутрь чуть ниже колена.

¹ Солпина — штанина, брючина в псковском говоре.

— Так вон оно что? — сердце Зинаиды заглодело. — Это твое ранение? Так ты инвалид? Пенсия же должна быть?

— Нету пенсии, — пожал плечами юноша. — Тетя Клава была малограмотной, а я малолетний. Все, что удалось, так это паспорт оформить российский. Да и то недавно.

— Паспорт — это хорошо, — медленно протянула Зинаида, выстраивая в голове мысли в нужный порядок. И в этом порядке уже проглядывало решение...

— Вот как поступим, друг сердечный, — сказала она, коснувшись Петинной руки, — сейчас Рождество, у нас дома полна коробочка — все родные соберутся. Так что к нам тебя пригласить никак не смогу. Ты продержись два-три дня, а девятого января приходи вот по этому адресу, — она протянула юноше визитную карточку. — Это адрес клуба, где я давно состою и даже вхожу в состав правления. Называется клуб «Городские добряки» и занимается помощью тем, кто нуждается. Таким, как ты, например. Так что бери паспорт и часам к десяти приходи.

— Так нет паспорта, — грустно улыбнулся Петр, — тети Клавин сын забрал его для каких-то там формальностей, а потом сказал, что потерял.

— Негодяй! — Зинаида презрительно сжала губы. — Это он так тебя, видно, стреножить хотел, лишит возможностей официально действовать, в подвал к бомжам загнать. Что-то там, похоже, нечисто с его наследством. Ладно, с ним еще разберемся! Ты приходи, главное, Петруша.

— Хорошо! — тот теперь уж совсем широко растянул губы в улыбке. — Обязательно приду. С Рождеством Христовым!

* * *

Домой она добралась чуть живая. Рядом с подъездом мерил ногами глубину сугробов внук Коля.

— Вы давно приехали? — спросила она у мальчика.

— Давно уже, минут двадцать назад, — ответил внук и хитро сверкнул глазами. — Бабуля, а я на горку. Мама разрешила.

— Нет, Коленька, — Зинаида постучала ногой об ногу, стряхивая с сапог снег. — Горка у нас опасная, ее так залили, что можно выскочить на проезжую часть. Здешняя-то ребятня, что постарше, умеют в сторонку свернуть, чтоб под машину не попасть, а малышам нельзя. Тебе ведь еще девяти нет.

— Через два месяца, — обиженно надулся Коля, — вон Димка с первого этажа на две недели меня младше, а ему можно.

— Ничего не знаю, тебе запрещено, а не то вообще из дома не выйдешь! Смотри у меня! — она угрожающе потрясла в воздухе пакетом с продуктами.

Коля демонстративно отвернулся и взялся разбрасывать сугроб руками по сторонам.

— Смотри, дворник придет, отшлепает! — припугнула Зинаида, заходя в подъезд.

Дочь во всю хозяйничала на кухне.

— Мама, привет! — крикнула она. Я тут шубу готовлю, а то ведь завтра не успею. Бабушка Оля спит, Коля гуляет.

— Видела озорника, — устало перевела дух Зинаида. — Сейчас продукты достану, переоденусь и помогу тебе.

— Мама, не надо ничего, я справлюсь и с продуктами разберусь. Ты поди отдохни.

Зинаида внимательно посмотрела на дочь, потом притянула ее к себе и поцеловала в лоб.

— Красавица ты у меня, Маринка, и труженица.

В гостиной Зинаида опустила в кресло и расслаблено прикрыла глаза. Бередили душу мысли о несчастном донецком пареньке Петруше. Надо же, девятнадцать лет, а выглядит как тридцатилетний мужчина. Эка жизнь его помяла, побросала. Но красавец! Суший «Сорок первый»...

— Марина, — громко спросила она, — ты веришь, что в Рождество происходят чудеса? И не только с членами правительства и детьми олигархов, но и с простыми людьми, такими, как мы?

— Про олигархов и политиков верю, — Марина появилась в дверном проеме с кухонным полотенцем в руках, — а про таких, как мы, нет. Какие у нас чудеса? У Кольки, вон, ботинки прохудились, Надьке надо новую куртку покупать, а Димке премию срезали и зарплату задерживают. Им там поставщики что-то вовремя не поставили, но страдают наши мужики. А ты про какое-то чудо!

Она раздраженно махнула полотенцем и вернулась на кухню, но через полминуты вернулась обратно.

— Мама, — спросила нежным голоском, — мы с Димой и Надей поедем на ночную службу в собор, ничего, что Колька у вас переночует? А завтра днем мы всем семейством к вам.

— Нам не привыкать, пусть ночует, — опять прикрыв глаза, ответила Зинаида. — И бабушке Оле будет дело, ей пенсию прибавили. Так что других забот у нее теперь нет, как за правнуком приглядывать.

Из соседней комнаты послышалось пение:

*В Вифлееме утомленном
Все погасли огоньки,
Только в поле отдаленном
Не дремали пастухи.*

*Стадо верно сосчитали,
Обвели ночной дозор,
И, усевшись, завязали
Меж собою разговор...*

Последние строчки бабушка Оля допела уже в гостиной. Она, по своему обыкновению, была в толстой, вязанной кофте и черной юбке — халатов она не признавала.

— Привет, мои дорогие девчонки! — раскинула она руки для объятий. — С сочельником вас! С наступающим Рождеством! Что до пенсии, так бабки во дворе шутят, мол, жить на пенсии хорошо, а жить на пенсию невозможно. Прибавят-то грош, а отымут повышениями разными рубль.

— Живи быстро. Умри молодым. Пенсионный Фонд России! — парадным голосом отрапортовала Марина.

— Да ну вас, женщины! — Зинаида сложила перед собой пальцы пирамидкой. — Я серьезное что-то хотела сказать. Мамуля, вы из эвакуации вернулись зимой сорок пятого, а точнее когда? Не помнишь?

— Помнить не могу, не родилась тогда еще, но знаю, — баба Оля расстегнула, потом опять застегнула верхнюю пуговицу кофты, — это было... Послушайте, это было сегодня, шестого января, в сочельник. Только семьдесят восемь лет назад. А ты откуда узнала, дочка?

— Да ничего я не узнала, — Зинаида тяжело перевела дух, — просто пришло время отдавать долги. Я сейчас на рынке человека одного встретил, мужчину молодого, красавец просто, он из Донецка...

— Мама, — укоризненно покачала головой Марина, — у нас папа тоже еще неплох, и женщины на него посматривают, и что это еще за мысли? То-то про чудеса заговорила?

— Да при чем тут папа? — повысила голос Зинаида. — При чем тут подозрения какие-то. Да он мальчишка совсем, он вообще...

— Девчонки, а я тоже на ночную хочу! — врзалась в разговор баба Оля. — Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума! — пропела она. — Сегодня все на ночную идут...

— Бабуля, — оборвала ее на полуслове Марина, — куда тебе с твоими коленками? Ты еще на горку с Колькой пойди! Вот ума палата!

— А что, Коля на горку пошел? Я же ему запретила! — встревожилась Зинаида.

— Ну пошел, — Марина перекинула полотенце через плечо, — что тут такого? Сказал, что все пацаны идут. Мы тут картонку ему нашли, чтобы кататься удобно было.

— Так это он картонку в сугроб от меня прятал, сорванец? — Зинаида неведомо кому погрозила пальцем. — Ой, как бы беды не вышло! — вскинулась она. — Надо бежать за ним!

— Да что случилось, мама? — в недоумении пожала плечами Марина.

— Погоди, потом, — крикнула Зинаида, торопливо надевая пальто, — я за Коленькой сбегаю.

По лестничным маршам она прыгала через ступеньки, как в детстве. Мысли подгоняли ее лучше всякого кнута. Господи, спаси и сохрани Коленьку! Дура, что я наделала? Зачем паренька с рынка с собой не привела? Полна коробочка, видишь ли? А тогда, в сорок пятом, не полна была? Если отдавать долги, так до конца, не оставляя хвостов. Пять тысяч, видишь ли, подарила, цаца! Нет, не погашен долг!

Снег падал с неба лавиной. Улица на глазах превращалась в непролазный сугроб, кроющийся пышной периной и нехоженые дворовые пространства, и расчищенные дворниками проезды и дорожки. С каждым шагом Зинаида все более утопала в снегу; она шла, повторяя про себя снова и снова: «Господи, спаси и сохрани внука Коленьку!». Да где эта горка? Ага, вот она! Сквозь белую снежную пелену на самой ее вершине женщина с трудом разглядела Колю. Сидя на картонке, он только начинал скольжение вниз. Еще она видела мчащуюся по дороге машину. И два эти вектора движения вот-вот должны были пересечься... Сама она помочь не успевала. Коля... машина... они неумолимо сближались друг с другом... Но когда ее

внук почти уже оказался под колесами слепо несущегося вперед автомобиля, его вдруг подхватили чьи-то крепкие руки. Из снежной непрогляди появилась мужская фигура. Незнакомец сначала поднял мальчонку высоко вверх, потом опустил вниз на тротуар. Рослый мужчина в зеленом военном бушлате — таким увидела его Зинаида. Петруша? Но как? Через мгновение она сжимала Колю в объятиях. Тот даже не успел испугаться и только повторил: «Бабуля, ты чего?»

— А где Петруша? — спросила она у внука, с трудом переводя дыхание. — Дядя одноногий, который тебя спас?

— Почему одноногий? — удивился Коля. — У него было две ноги, он меня схватил и вот здесь поставил, а сам ушел. Потом ты появилась. Это что, твой знакомый? Дядя Петя?

— Я уж теперь и не знаю, — растерянно вздохнула Зинаида, чувствуя, как щемит от острой боли сердце, — Ангел это был или человек? Пойдем домой, там пирожков бабушка напекла. У нас дел много, нам еще долги надо отдавать! А чудеса, внук, в Рождество случаются, так всем и передай!

Вечерело. Снегопад поутих, но крупные снежинки, как неземные белые птицы, все еще кружили под уличными фонарями, искрились, сверкали. И из глубины этой феерии зимнего чуда то ли блазились, то ли на самом деле звучало волшебное пение:

*Милость людям посылает
Сам Христос Владыка Царь,
Грешный мир спасти желает
И Себя приносит в дар.*

*Ночь тиха над Палестиной,
Спит усталая земля,
Горы, рощи и долины —
Скрыла всё ночная мгла...*

**Митрополит
Петрозаводский
и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

БИБЛЕЙСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ ТАИНСТВА ЕВХАРИСТИИ

*Ибо я уверен, что ни смерть,
ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала,
ни Силы, ни настоящее,
ни будущее, ни высота, ни глубина, ни
другая какая тварь не может
отлучить нас от любви Божией
во Христе Иисусе, Господе нашем.*

Послание апостола Павла
к Римлянам 8:38,39

Предварительные понятия

Таинство Евхаристии («Благодарение» *εὐχαριστία* — *греч.*) является центральным Таинством Церкви, в котором хлеб и вино по молитве Церкви действием Святого Духа прелагаются в истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Причащаясь Телу и Крови Христовым, верующие теснейшим обра-

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мединститут. В 1981 г. защитил канд. дисс. в Смоленском мединституте. Работал старшим преподавателем. В 1986 г. во время учебы в Московской Духовной академии пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха. После окончания МДА защитил канд. дисс., оставлен преподавателем Ветхого Завета. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. рукоположен во епископа Новгородского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. каф. богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии нескольких журналов, член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и научными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии, проректор Екатеринбургской ДС. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии. Возглавлял Церковно-общественный совет по биомедицинской этике и Синодальную богослужебную комиссию.

зом соединяются с Господом Иисусом Христом и друг с другом во Христе. Евхаристия превосходит все другие Таинства. «В других Таинствах Господь Иисус сообщает верующим в Него те или другие <...> дары благодати, которые Он приобрел для людей Своею Крестною смертью», всем Своим Искупительным подвигом. В Евхаристии же «Он предлагает в снедь Самого Себя — собственное Тело и собственную Кровь»¹. Именно поэтому это Таинство называется Благодарением. В нем мы принимаем Самого Христа, и единственный ответ, который возможен с нашей стороны, — это Благодарение «о всех, их же вемы и их же не вемы, явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас».

Таинство Евхаристии установлено Господом Иисусом Христом на Тайной Вечере: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Матфей 26:26–29). Об этом же повествуется в Евангелиях от Марка (14 гл.) и Луки (22 гл.), а также у ап. Павла в 1 Коринфянам 11:23–25. Это Таинство является Новым Вечным Заветом (Евреям 13:20), который Христос заключил между Богом и людьми Своею Кровью (Лука 22:20; 1 Коринфянам 11:25).

Библейские основания

Неразрывно связанное с Воплощением Сына Божия, Голгофской Жертвой и Искуплением, Таинство Евхаристии было замыслено Богом прежде творения мира. «*Не тленным серебром или золотом искуплены вы, <...> но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира*», — говорит апостол Петр (1 Петра 1:18–20)².

Евхаристия была прообразована вкушением плодов от Древа Жизни в Раю и предуказана в ветхозаветных жертвах. Все ветхозаветные жертвоприношения в свете будущей Крестной Жертвы Христа сокровенно указывали на Евхаристию. Жертва Авеля «от первородных стада своего» (Бытие 4:4), жертва Ноя после потопа (Бытие 8:20), ежегодная жертва очищения (Левит 16:2–34), жертва Завета с Богом (Исход 24:4–8); «*И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих*», жертвы всесожжения (Левит 1:1–17), Благодарения (Левит 22:29–30), мирная (Левит 3:1–17) и важнейшая в Ветхом Завете жертва пасхального агнца (Исход 12:1–26) — все это таинственные символы Евхаристии. Например, «*Агнец у вас должен быть без порока, мужского пола, однолетний; возьмите его от овец, или от коз, и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером, и пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине*

¹ Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическое богословие. СПб., 1852. Т. IV. С. 164.

² Так же: «проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Коринфянам 2:7).

дверей в домах, где будут есть его; пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его... не оставляйте от него до утра, но оставшееся от него до утра сожгите на огне. Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью: это — Пасха Господня. А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь» (Исход 12: 5–8, 10–12).

Прообразами Евхаристии были также хлеб и вино Мелхиседека, вынесенные им как «священником Бога Всевышнего» навстречу Аврааму (Бытие 14:17–20), трапеза Премудрости, описанная в книге Притчей: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: «Кто неразумен, обратись сюда!» И скудоумному она сказала: «Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное...» (Притчи Соломона 9:1–5). Прообразовательным является также очищение уст пророка Исайи (Исайя 6:6–7), манна в пустыне (Исход 16:1–19) и вода, высеченная из скалы (Исход 17:1–7).

Ветхозаветная символика Евхаристии нашла свое отображение в чинопоследовании Литургии свт. Василия Великого. В молитве после Великого входа сказано: «якоже приял еси Авелевы дары, Ноевы жертвы, Авраимова всеплодия, Моисеева и Ааронова священства, Самуилова мирная. Якоже приял еси от святых, Твоих, апостол истинную сию службу, сице и от рук нас грешных прими дары сия во благодати, Твоей Господи».

Сокровенные указания на будущее Таинство таинств содержатся и в пророческом провозвестии Ветхого Завета. «Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое **между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву**», — возвещается в ветхозаветном пророчестве Малахии (Малахия 1:11). По поводу этого великого пророчества из Священного Писания следует подчеркнуть, что во времена пророка Малахии (ок. 420 г. до Р. Х.) жертва приносилась евреями только в Иерусалимском храме. Вспомним из Евангелия, что Иосиф и Мария также приносили жертву после рождения Иисуса Христа в Иерусалимском храме. «А когда исполнились дни очищения их, по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в Законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных» (Лука 2:22–24). В известной беседе с Иисусом Христом самарянка говорит Ему: «Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в Духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн 4:20–24).

Беседа о Хлебе Жизни в 6-й главе Евангелия от Иоанна есть догматическое осмысление Таинства Евхаристии. Ко времени написания 4-го Евангелия Евхаристия уже прочно вошла в жизнь Церкви, поэтому необходимо было не повторять известное уже повествование об ее установлении, но дать богословское учение о ней. Основной акцент сделан на сотериологическом и эсхатологическом аспектах Евхаристии: «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Иоанн 6:53–57).

В свете беседы о Хлебе Жизни «хлеб насыщенный» (Матфей 6:11; Лука 11:3), о котором Христос заповедал просить в молитве Господней, в святоотеческом наследии понимается не столько как земной хлеб, сколько как Хлеб небесный, «особенный», «стоящий выше всех сущностей» («над-сущностный» — ἑπι-ούσιον), «превосходящий все твари», то есть Тело Христова¹. (Именно поэтому молитва Господня «Отче наш» «установлена на Божественной Литургии лишь после призывания Святого Духа на Святые Дары и на всех людей»)².

По свидетельству книги Деяний, первые христиане «постоянно пребывали в <...> преломлении хлеба» (Деяния 2:42), что было исполнением слов Христа: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лука 22:19; 1 Коринфянам 11:24). Заповедь эта выражает волю Христа о совершении Евхаристии до Его Второго Пришествия, как об этом говорит апостол Павел: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Коринфянам 11:26).

«Воспоминание», о котором говорит Господь, является не простым ментальным актом, но есть вхождение в реальное общение со Христом, актуализация единожды совершенной Им Евхаристии в настоящем моменте времени. В данном случае слово «воспоминание» употреблено в традиционном библейском смысле — как нечто действенное, подобно заповеди «*помнить (то есть соблюдать) день субботний*» (Исход 20:8). «Это не только воспоминание, — говорит прот. Г. Флоровский. — Вспоминают о бывшем и прошедшем, о том, что некогда случилось, и чего уже нет. А Тайная Вечера не только была единожды совершена, но таинственно продолжается и до века, <...> Это исповедуем мы каждый раз, приступая к евхаристической Чаше: Вечери Твоя тайныя **днесь**, Сыне Божий, причастника мя приими... *Продолжается*, а не повторяется. Ибо едина жертва, едино приношение, един Иерей, «приносящий и приносимый». <...> Каждая Евхаристия есть некое исполнение Тайной Вечери, ее осуществление и раскрытие в мире и во времени. Каждая евхаристическая служба есть всецелое отображение единой великой Евхаристии, совершенной Спасителем в навечерии Его вольных страданий на Тайной Вечере»³.

¹ См., напр.: *Иероним Стридонский, блаж.* Творения. Киев, 1901. Ч. 16. С. 41.

² *Бобринский Б., протопресв.* Тайна Пресвятой Троицы: Курс догматического богословия. М., 2005. С. 180, 184.

³ *Флоровский Г., прот.* Евхаристия и соборность // *Путь.* 1929. № 19. С. 3.

Тело и Кровь Христовы в Евхаристии

Православное богословие однозначно утверждает подлинность евхаристических Тела и Крови Христовых. В Таинстве действием Святого Духа хлеб и вино становятся истинными и реальными Телом и Кровью Воплощенного Сына Божия Господа Иисуса Христа. Эта истина основывается как на Божественном Откровении, так и на святоотеческом предании.

Святоотеческое предание единогласно утверждает истину, согласно которой мы причащаемся Тела и Крови Господа Иисуса Христа, которые Он принял в Воплощении. Это та Плоть, которая была распята на Кресте, умерла, воскресла и вознесена одесную Бога Отца.

Священномученик Игнатий Богоносец убеждал христиан чаще собираться для Евхаристии, ибо через нее «низлагаются силы сатаны»¹. Он предостерегал первых христиан от еретиков, не признающих, «что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил, по Своей благодати»².

Свт. Кирилл Иерусалимский говорил: «Видимый хлеб есть не хлеб, хотя и ощутителен по вкусу, но Тело Христово, и видимое вино есть не вино, хотя и подтверждает то вкус, но Кровь Христова»³. В этих словах свт. Кирилла евхаристический евангельский реализм выражен с максимальной яркостью и недвусмысленностью. «Истинная была плоть Христа, которая распята, погребена; воистину сие есть *Таинство той самой плоти*», — писал свт. Амвросий Медиоланский⁴.

Евхаристия. Храм св. Александра Невского. Петрозаводск

¹ *Игнатий Богоносец, свт.* Послания. Казань, 1857. С. 57.

² Там же. С. 170.

³ *Кирилл Иерусалимский, свт.* Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 246.

⁴ PL. T. XVI. Col. 407. De myst. IX, n. 53; cfr. VIII, n. 47, 48; in Ps. XLIII, n. 36.

Преп. Иоанн Дамаскин († ок. 780 г.) в «Точном изложении православной веры» пишет: «Подобно тому как, согласно с законами природы, хлеб через съедание, и вино, и вода через выпивание изменяются в тело и кровь того, кто ест и пьет, и не делаются другим телом, по сравнению с прежним его телом; так и хлеб, предложения, и вино, и вода, через призывание и пришествие Святого Духа, преестественно изменяются в Тело Христово и Кровь, и не суть два, но единое и то же самое»¹.

Наконец, постановления Первого, Третьего и Седьмого Вселенских Соборов не оставляют никаких сомнений в реальности евхаристических Тела и Крови и их тождественности с Телом и Кровью Воплощенного Сына Божия. «Святые Дары прежде освящения называются «вместообразными», после же освящения, по существу, Телом и Кровью Христовой и суть таковы», — с замечательной лаконичностью свидетельствовали Отцы Седьмого Собора².

Тождество евхаристических Тела и Крови Христовых исторически имеет *принципиальное сотериологическое значение* — мы причащаемся тому Телу, которое воспринял и в Самом Себе исцелил и обожил Воплощенный Сын Божий. Евхаристия, таким образом, есть входение в тайну Искупления, актуализация в верующих Искупления, совершенного Господом Иисусом Христом. Без Евхаристии Искупление остается нереализованным.

В Евхаристии мы причащаемся именно тому самому Телу, которое Христос исцелил и обожил в Своем Воплощении. Отрицание этого бесспорного факта есть, по существу, отрицание смысла Боговоплощения и реальности совершенного Христом Искупления. Без этого тождества мы не участвуем в Искуплении, не исцеляется наша природа. Именно поэтому Церковь решительно отвергает любые символические, аллегорические или спиритуалистические толкования евхаристических Тела и Крови.

Христологический аспект Евхаристии

Христос присутствует в Евхаристии всецело, в полноте Своего Божества и человечества, ипостасно соединенного с Божеством. Каждая частица евхаристического хлеба есть Тело Христово, единое и неделимое. В каждой частице присутствует весь Христос. Это сознание содержится в литургическом чинопоследовании: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда не иждиваемый, но причащающийся освящай». Святой Иоанн Дамаскин пишет: «Тело поисти-

---

¹ *Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры.* М.: Братство святителя Алексия; Ростов-на-Дону: Приазовский край. 1992. Кн. 4, Гл. XIII. С. 222–294. Это репринт с «Точное изложение православной веры»: пер. с греч. магистра богословия А. Бронзова, преп. СПбДС. СПб, 1894.

² Деяние 3. На I Вселенском Соборе Отцы исповедали: «На Божественной трапезе мы не должны просто видеть предложенный хлеб и чашу, но, возвышась умом, должны верою разуметь, что на священной трапезе лежит Агнец Божий, «вземляй грехи мира» (Ин. 1:29), приносимый в жертву священниками, и истинно приемля честное Тело и Кровь Его, должны веровать, что это знаменья нашего воскресения». Макарий (Булгаков), еп. Цит. соч. С. 199–200. На III Вселенском Соборе было утверждено: «причащаясь Святой Плоти и Честной Крови Христа, <...> принимаем не как обыкновенную плоть (да не будет!), <...> но как Плоть воистину животворящую и собственную для Самого Слова» (Деяния Вселенских Соборов. Т. I. СПб., 1996. С. 195).

не соединилось с Божеством, Тело, родившееся от Святой Девы, не потому что вознесшееся Тело снисходит с неба, но потому, что самый хлеб и вино изменяются в Тело и кровь Бога. Если же ты отыскиваешь тот образ, как это происходит, то тебе достаточно услышать, что с помощью Святаго Духа, подобно тому, как при содействии Святого Духа Господь для Себя и в Себе осуществил и плоть от Святой Богородицы; и больше мы ничего не знаем, за исключением того, что слово Божие — истинно и действительно, и всемогуще, а образ — неисследим»¹. Эта сверхъестественная истина может быть выражена только с помощью антиномии.

Сверхъестественная истина

Антино́мия (др.-греч. ἀντι-νομία «противоречие в законе» или «противоречие закона <самому себе>») — ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование, и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, то есть противоречие между признаваемыми одинаково верными положениями. Для И. Канта, внесшего понятие антиномии в философию, оно выполняет функцию познавательной границы: если разум пересекает эту границу, он впадает в противоречие. Так, если мы рассматриваем мир как целое, то есть подходим к его изучению с метафизических позиций, а не с эмпирических, то мы сталкиваемся, согласно Канту, с противоречиями: мир оказывается перед нами конечным и бесконечным, делимым и неделимым одновременно. Антиномия служит у этого философа подтверждением безуспешности метафизики, представленной рациональной космологией (Кант подробно рассматривает только «космологические» антиномии).

Антиномия в философии и богословии — противоречие между двумя логически обоснованными положениями. Понятие антиномии сейчас используют многие науки: философия, культурология, лингвистика, психология, педагогика, политология, социология, конфликтология, а также теология. У отца Павла Флоренского реальность осмысливается как антиномия. Противоречие у него также играет роль границы, но только для рационального постижения. На уровне верующего разума противоречие устраняется. Учение о богословской антиномии становится широко известным благодаря книге о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины». Антиномия также часто встречается у преп. Иустина (Поповича) в его труде «Философские пропасти». Особую ценность представляет переписка архимандрита Софрония (Сахарова) с протоиереем Георгием Флоровским, где последний заявляет, что антиномичность догматов бесспорна, а также то, что в русском богословии антиномизм впервые анонсировал отец Павел Флоренский. Антиномия для Флоренского — это метод нахождения равновесия между полярными явлениями. Можно сказать, что антиномия есть противоречие между двумя истинами или тождество противоречий. На уровне верующего разума противоречие устраняется.

---

¹ *Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Братство святителя Алексия; Ростов-на-Дону: Приазовский край. 1992. Кн. 4, Гл. XIII. С. 222–294. Это репринт с «Точное изложение православной веры»: пер. с греч. магистра богословия А. Бронзова, преп. СПбДС. СПб, 1894.*

ПРИМЕРЫ ДОГМАТИЧЕСКИХ АНТИНОМИЙ

ТЕЗИС

АНТИТЕЗИС

Божество:

Единосушное

Триипостасное

Два естества во Христе соединены:

неслитно (ἀσυγχύτως)
и неизменно (ἀτρέπτως)

нераздельно (ἀδιαίρετως)
и неразлучно (ἀχωρίστως)

Отношение человека к Богу:

Римлянам 9
(где объясняется отвержение
Израиля с объективной
и богословской точки зрения,
икономической), то есть дается
ответ на вопрос «для чего?»

Римлянам 9:30–10:21
(где объясняется отвержение
Израиля с нравственной и ан-
тропологической точки
зрения (амартологической),
то есть дается ответ на
вопрос «почему?»

Богопознание:

Бога не видел никто никогда
Иоанн 1:18

Блаженные чистые сердцем,
яко тии Бога узрят
Матфей 5:8

Таинство Евхаристии — Агнец Божий:

Раздробляемый
и Неразделяемый

Всегда ядомый
и никогдаже иждиваемый

Христос присутствует в евхаристических Дарах постоянно, то есть не только при самом причащении, но и до причащения, и после причащения. Хлеб и вино, ставшие Телом и Кровью Христа, уже не предлагают в прежнее свое естество, но остаются Телом и Кровью Христовыми навсегда, независимо от того, будут ли они преподаны верующим для причащения.

В толковании на слова молитвы Господней «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Слово *насущный* означает, что этот хлеб по качеству своему превышает всего существующего (здесь свт. Игнатий ссылается и перефразирует преп. Кассиана. Collatio IX, сар. XXI). Величие его и святость бесконечны, непостижимы; освящение, достоинство, доставляемые вкушением его, необъятны, необъяснимы. Хлеб, подаваемый Сыном Божиим, есть всесвятая Плоть Его, которую Он дал за живот мира. К чудной пище присоединено столько же чудное питье. Плоть Богочеловека дана в пищу верующим, Кровь Его — в напиток. Богочеловек не отличался ничем от прочих людей, будучи совершенным человеком; но был Он вместе и совершенным Богом: по наружности все видели и осязали в Нем человека, по действиям познавали Бога. Подобно этому благоволил Он, чтобы всесвятая Тело Его и всесвятая Кровь Его были

прикрыты веществом хлеба и вина: и видятся, и вкушаются хлеб и вино, но приемлется и сдается в них Тело и Кровь Господа»¹.

Триадологический аспект Евхаристии

В Евхаристии Церковь приносит молитву Богу Отцу, чтобы действием Святого Духа хлеб и вино преложены были в Тело и Кровь Воплощенного Сына Божия. Обращение к Отцу заложено уже в Новом Завете, в первой, можно сказать, евхаристической молитве «Отче наш», и в Первосвященнической молитве Христа. К Отцу обращены раннехристианские евхаристические молитвы, а также большинство известных анафор². Все византийские евхаристические молитвы имеют Троичную структуру: они обращены к Отцу, вспоминают Домостроительство Сына и призывают Святого Духа.

Освящение Даров совершается во время эпиклезы, которая является исконной литургической практикой Церкви. Ее содержит подавляющее большинство анафор, в том числе древнейших, и о ней свидетельствует сословие Отцов Церкви. Как говорит, например, свт. Кирилл Иерусалимский: мы «умоляем Человеколюбца Бога ниспослать Святаго Духа на предлежащие дары, да сотворит Он хлеб Телом Христовым, а вино — Кровию Христовой. Ибо, без сомнения, чего коснется Святой Дух, то освящается и предлагается»³. Также и святой Николай Кавасила утверждает: «Священник молится, чтобы всесвятый и всемогущий Дух, почив на них (предлежащих Дарах), преложил хлеб в самое честное и святое Тело Христа, а вино — в самую честную и святую Кровь Его. *После сих слов все священнодействие окончено и совершено*»⁴.

Евхаристия как Жертва

Таинство Евхаристии является жертвой Богу и неотделимо от Голгофской жертвы Христа. О жертвенном характере Евхаристии Господь говорил еще в беседе о Хлебе Жизни: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Иоанн 6:51). Установление Таинства пронизано идеей жертвенной смерти за все человечество, Христос говорит не просто о Своем Телe и Своей Крови, но о Телe, «ломимом» (Лука 22:19; 1 Коринфянам 11:24) и Крови, «изливаемой» (Матфей 26:28; Марк 14:24; Лука 22:20). Апостол Павел подчеркивает известную истину: «Ибо едва ли кто умрет за праведника, разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог, Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Римлянам 5:7,8).

¹ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетическая проповедь // Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений. М., 2002. Т. 4. С. 237.

² Напр., в «Учении Двенадцати апостолов народам» молитва направлена к Отцу Небесному и содержит Благодарение за «жизнь и ведение, которое Ты даровал нам чрез Иисуса Отрока Твоего» (Раннехристианские Отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 11).

³ *Кирилл Иерусалимский, свт.* Пятое тайноводственное слово // Кирилл Иерусалимский, свт. Творения. СПб., 6/г. С. 248; Греческий текст см.: Cyrille de Jerusalem. Catecheses Mystagogiques. Sources Chretiennes. Paris, 1966. Т. 126. P. 156.

⁴ *Николай Кавасила, свт.* Изъяснение обрядов Божественной литургии // Николай Кавасила. Христос. Церковь. Богородица. М.: Храм святой мученицы Таианы, 2002. С. 155.

Спаситель «однажды» (Евреям 7:27; 9:28) принес Себя на Голгофе в жертву, «чтобы поднять грехи многих» (Евреям 9:28). В Евхаристии предлагается то же самое Тело и та же самая Кровь. Таким образом, Евхаристия есть не восполнение жертвы Голгофской, а приобщение к ней верующих, усвоение плодов Крестной жертвы всеми членами Церкви Христовой. Поэтому во всех литургиях, в молитве после освящения Даров, выражается мысль о том, что евхаристическая жертва приносится за спасение всех живых и умерших.

Объясняя жертвенный характер Евхаристии, святой Николай Кавасила пишет: «Хлеб становится жертвой ни до освящения, ни после, но во время него. Именно тогда хлеб становится самим Телом Христовым. <...> Именно это обозначает принести хлеб и соделать его жертвой — пресуществить его в Тело Господа, принесенное в жертву. Таким образом, каждый раз осуществляется спасительная жертва Агнца Божия, и Тело Христово пребывает единократно принесенным»¹.

Только отвергающие реальное изменение в Евхаристии хлеба и вина в Тело и Кровь Богочеловека (протестанты), не признают жертвенного значения Евхаристии.

Евхаристическая терминология

Православное богословие совершенно определенно говорит о невозможности в полноте выразить тайну Евхаристии. Евхаристический канон литургии свт. Иоанна Златоуста содержит такие слова: «Ты бо еси Бог, неизреченен, неведом, невидим, непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный, Твой Сын...». В Священном Писании и Священном Предании Таинство Евхаристии называется различными именами: *Вечерей Господней, Трапезой Господней, Хлебом Божиим, Чашей Господней, Чашею благословения, Жертвой святой, таинственной, словесной, умилолюбивительной, просительной, Жертвой Благодарения*. Евхаристия именуется также *Таинством Тела и Крови Христовых, Хлебом Жизни* (Иоанн 6:48) и *Чашей Жизни*. Непостижимость и невыразимость Бога являются основанием апофатического богословия и богословских антиномий.

С другой стороны, мы именуем Бога, и в Божественном Откровении Ему даются многоразличные Имена, ибо нет одного такого Имени, которое бы полностью выразило Божество. Это же относится, как выражено в вышеприведенной евхаристической молитве, и к Сыну Божию, начиная с Его Воплощения (тропарь Благовещения «Днесь спасения нашего главизна и еже от века Таинства явление...»). Богословие Божественных Имен, или катафатическое богословие, только частично приоткрывает нам Тайну Божества, является попыткой приблизить недомыслимое Бытие Бога нашему пониманию.

В догмате есть элемент рационально познаваемый, который мы выражаем в богословских и философских терминах, и таинственный компонент. Так же и в Евхаристии. Невозможно в полной мере с помощью одного термина адекватно выразить эту тайну. Мы постоянно выражаем эту мысль,

---

¹ *Николай Кавасила, свт.* Изъяснение обрядов Божественной литургии // *Николай Кавасила. Христос. Церковь. Богородица.* М.: Храм святой мученицы Татианы, 2002. С. 194.

называя евхаристические Тело и Кровь Христовы, Святыми **Тайнами** (см. Справка: антиномия). Поэтому важно помнить, что никакой богословский или философский термин не в силах охватить и выразить Таинство таинств. Это не значит, что все термины равнозначны. Но мы не должны быть в плену нами же изобретенных терминов, пытаясь вместить в них всю тайну Откровения. Это означает, что любой термин должен рассматриваться в свете апофатической непостижимости Таинства Евхаристии.

Есть прекрасное библейское выражение «И стало так», например, в Ветхом Завете: «*И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так*» (Бытие 1:7). И далее, после актов творения рефреном повторяется «*и стало так*». Откровение просто констатирует свершившийся факт. То же и в Новом Завете. Например, первое чудо Христово в Канне Галилейской, когда по слову Христову вода «*стала*» вином (Иоанн 2:9). «*Aquam vinum factam*» («воды, сделавшейся, ставшей вином»). В Таинстве Евхаристии хлеб и вино **становятся** Телом и Кровью Христовыми.

Существуют различные внебиблейские термины, с помощью которых Святые Отцы выражали веру в реальность Таинства таинств — святой Евхаристии. Но, используя эти термины, они всегда подчеркивали, что — говоря словами преп. Иоанна Дамаскина — «образ **преложения** неизследим». Евхаристия совершается Святым Духом «при содействии Святого Духа Господь для Себя и в Себе осуществил и плоть от Святой Богородицы; и больше мы ничего не знаем, за исключением того, что слово Божие — истинно и действенно, и всемогуще, а образ — неисследим»¹.

Для обозначения того факта, что хлеб и вино в Евхаристии становятся Телом и Кровью Христа, чаще всего используется литургический термин — «преложение» (ή μεταβολή). Аристотель этим термином обозначал превращение пищи в тело человека при ее вкушении (ср. соответствующий термин «метаболизм», донныне используемый в медицине). И недаром свт. Григорий Нисский в 37-й главе «Большого огласительного слова» объясняет чудо Евхаристии именно аналогией с вкушением хлеба человеком, и эта аналогия повторена затем преп. Иоанном Дамаскиным. Поэтому и применительно к Евхаристии термин «преложение», употребленный в тексте литургии свт. Иоанна Златоуста (μεταβαλὼν — «**преложив**»), говорит о явном онтологическом переходе из одной реальности в другую, о бытийной перемене. В данном контексте он означает сущностное изменение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

Другой термин, о котором до сих пор идут споры между православными богословами, это — «пресуществление». Следует отметить, что даже выдающийся римо-католический богослов Фома Аквинский (1226–1274) в своих сочинениях преимущественно употребляет именно термин «преложение» — transformation — μεταβολή.

Сегодня термин «пресуществление» является достаточно привычным и устоявшимся и удобен тем, что подчеркивает реальность изменения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа и не допускает перетолкований Таинства Евхаристии в протестантском духе, почему и был использован и утвер-

---

¹ Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение Православной Веры. Кн. IV. Гл. 13. С. 222–294.

жден Константинопольским Собором 1691 г., деяния которого были приняты Русской Православной Церковью.

Экклезиологический аспект Евхаристии

Евхаристия — Таинство единства Церкви. Без Евхаристии нет и не может быть никакого другого Таинства, поскольку изначально нет и не может быть Церкви без Евхаристии: «Тело Его <...> есть Церковь» (Колоссянам 1:24) — говорит апостол Павел.

Само основание Церкви или «приобретение» (Деяния 20:28) ее Христом евхаристично. «Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн 19:34). Истечение крови и воды в святоотеческом богословии неизменно понималось как символ будущей Церкви. Вода является символом крещения, кровь указывает на Евхаристию. Так Церковь основана во Христе: «Истекла кровь и вода, которые и означают Церковь Христову, созданную в Нем, подобно тому, как из бока Адама была взята жена Его»¹.

Древние отцы называли Евхаристию «единением». Как сказано в литургии свт. Василия Великого: «Нас же всех, причащающихся от единого Хлеба и Чаши, соедини друг ко другу, да ни один от нас не причастится недостойно». Отрыв от церковного единства, разрушение единства Церкви следствием своим имеет недостойное причащение. Не может причащаться Телу Христову тот, кто отделяет себя от Церкви и разрушает ее единство.

Всякий приход, в котором совершается Таинство Евхаристии, есть «семья» во Христе. Христиане являются «братьями и сестрами» друг другу не в метафорическом, но в онтологическом, бытийном смысле, как ставшие «сотелесными и сокровными» Христу. Люди, причащающиеся из одной Чаши, должны настолько объединяться во Христе, чтобы жить уже единым сердцем, как один человек. По мысли В.Н. Лосского, «тот, кто глубже укоренен в Церкви, кто глубже сознает единство всех в Теле Христовом, тот и меньше связан своими индивидуальными ограничениями, личное сознание его более раскрыто Истине»². «Источник наших церковных болезней, — писал протоиерей Иоанн Мейендорф, — повлекший за собой целый ряд недоразумений, есть утеря чувства Церкви, как живой общины»³.

Знаменитый святоотеческий тезис «вне Церкви нет спасения» имеет евхаристическое обоснование. Вне Церкви нет спасения, поскольку вне Церкви нет Евхаристии. А без Евхаристии нет ни спасения, ни обожения, ни истинной жизни, ни воскресения в вечности.

Вещество для Таинства Евхаристии

Веществом для Таинства Евхаристии является чистый, квасный, пшеничный хлеб и красное виноградное вино, растворенное водой. В повество-

¹ *Ефрем Сирийский, преп.* Творения. М.: Издательский Отдел Московского Патриархата, 1995. Т. 8. С. 324.

² *Лосский В.Н.* Богословие и боговидение: Сборник статей / под общ. ред. В. Пислякова. М.: Свято-Владим. Братство, 2000. С. 578.

³ *Мейендорф И., прот.* Иерархия и народ в Православной Церкви // Вестник РСХД. 1955. № 39. С. 39.

Евхаристия. На престоле Святые Дары

вании евангелистов об установлении Таинства Евхаристии на Тайной Вечере для обозначения хлеба используется слово ἄρτος. (Матфей 26:26; Марк 14:22; Лука 22:19), то есть «хлеб вскисший», а не термин ἄζυμος, который переводится как «хлеб безквасный, опресночный». В Деяниях и посланиях апостола Павла также употребляется термин ἄρτος (Деяния 2:42, 46; 20:7; 1 Коринфянам 10:16; 11:20). И во все последующее время Евхаристия совершалась в Церкви только на квасном хлебе. Красное виноградное вино должно быть разбавлено водой — в воспоминание крестных страданий Христа, когда из Его прободенного ребра «истекла кровь и вода» (Иоанн 19:34).

Эсхатологический аспект Евхаристии

Эсхатологический аспект является одной из самых таинственных тем евхаристического богословия. Евхаристия есть Таинство воскресения: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6:54). Как сказано в литургии свт. Василия Великого: «елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедаете».

В творениях многих Святых Отцов грех отождествляется со смертью, а Евхаристия — с бессмертием. Таким образом, Евхаристия обретает космическое и даже сверхкосмическое измерение. То, что произошло на заре человеческой истории в момент грехопадения, преодолевается в Таинстве Причащения. Через грех прародителей смерть вошла в мир (Римлянам 5:12). Господь сказал Адаму в Раю: «От дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие 2:17). И хотя в тот день, когда Адам вкусил плодов от

древа познания добра и зла, физически он не умер, но произошло принципиальное изменение его естества — в него вошел закон смерти. Вкушение запрещенных плодов стало для человека «залогом смерти»¹. В Евхаристии происходит обратное тому, что произошло в грехопадении. Тело и Кровь Христовы становятся для искупленного человечества «залогом жизни». «Мы получили жизнь во Христе; именно Тело Его вкусили вместо плодов дерева жизни, <...> и праведной Кровью Его омыты, <...> и чрез надежду воскресения ожидаем будущей надежды, и *уже живем жизнью Его, которая сделалась залогом нашим*»². После Причащения, хотя физически люди продолжают умирать, меняется самая суть, принцип человеческого бытия. Приобщившись нетленным Телу и Крови Христа, человек оказывается вне абсолютной власти смерти (ср. Римлянам 6:9), становится наследником воскресения.

¹ *Ефрем Сирин, преп.* Творения. М.: Издательский Отдел Московского Патриархата, 1995. Т. 8. С. 333.

² Там же. С. 333.

ВЫШЛА КНИГА

Самович А.Л.

Незабытые герои. Судьбы и подвиги: Белорусская книга памяти Первой мировой войны (1914–1918): биографический справочник. — Минск: Колорград. Т. 1. А-Д, 2023.

Справочник содержит сведения о судьбах и подвигах свыше 15 000 уроженцев белорусской земли, отличившихся на полях сражений Первой мировой войны 1914–1918 гг. и отмеченных за свой ратный труд высокими боевыми наградами — Георгиевскими крестами и медалями. В 1-й том вошло около 3000 персоналий. Более 400 воинов-белорусов являлись кавалерами высшей 1-й степени Георгиевского креста. В данном томе представлено 116 таких героев. В приложении приводятся выдержки из Статута ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

Основу кратких биографических очерков составили данные российских и белорусских архивов (РГВИА, РГВА, РГАВМФ, РГИА, НИАБ в Минске и НИАБ в Гродно). Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся военной историей Беларуси, уважающих свои родные корни и славные дела предков. Книга станет хорошим личным или корпоративным подарком для семей, биографии представителей которых запечатлены на ее страницах.

Марина ПЕТРОВА

ИКОНОПИСЬ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ. ПОДОБИЕ И РАЗЛИЧИЕ

Марина Владимировна Петрова — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, лауреат премии «Имперская культура». Статьи опубликованы в журналах: «Наш современник», «Православная беседа», «Держава». Много лет участвовала в Рождественских чтениях, а также в заседаниях секции «Церковь и культура» Всемирного Русского народного собрания. В течение нескольких лет сотрудничает с радио «Радонеж», где ею прочитан полный цикл авторских лекций «Духовные основы русского искусства». **Живет в Москве.**

Иконопись и религиозная живопись черпают сюжеты в основном из Библии и Евангелия. На этом их близость и заканчивается. А далее начинаются принципиальные различия, полярные размежевания.

Перед тем, как начать писать икону, все иконописцы пребывали в посте и молитве. До XV в., точнее, до Дионисия, все иконописцы были монахами. А это значит, что вместе с монахом-иконописцем пребывал в посте и молитве весь монастырь. О чем они молились? Чтобы на этого иконописца снизошло вдохновение, озарение? Нет! Чтобы духовным очам иконописца открылся первообраз, который он стремился затем быстро зарисовать, боясь что-нибудь добавить от себя, дабы не изменить, а главное, не исказить это Божье послание. Такова природа иконописи.

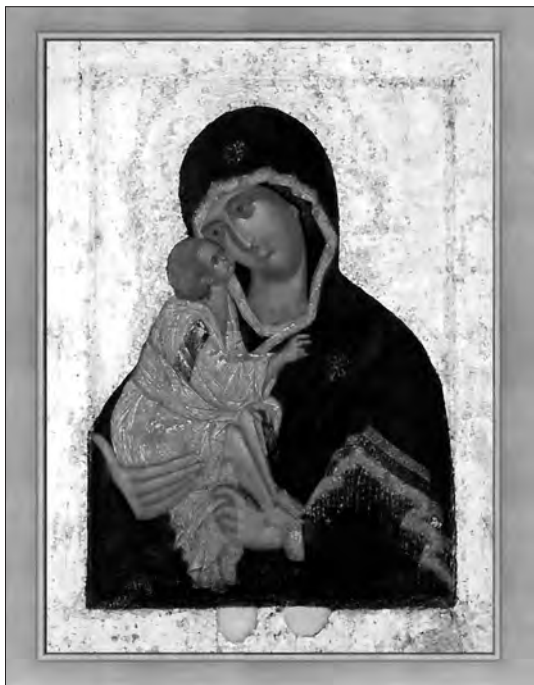
Но это вовсе не значит, что сознание иконописцев, их мировидение оставалось раз и навсегда тем же самым. Оно развивалось в соответствии с обогащением новыми откровениями самого богословия. Известно, что в XIV в. византийский архиепископ Фессалонитский Григорий Палама совершил своего рода открытие. Суть его заключается в том, что человек, все время пребывающий в молитвенном общении с Богом, начинает видеть в окружающем мире божественную энергию. Когда об этом стало известно на Руси, то выяснилось, что и преподобный Сергий Радонежский, и монахи Троицкого монастыря тоже это знали, но не писали об этом.

Для иконописцев же все это возымело большое значение, и они не могли пройти мимо. В том же, XIV в., была написана Донская икона Божией матери. При написании ее художник, уже знающий о божественной энергии, находит способ отразить, привести это в свое творение. Он

покрывает всю одежду богомладенца золотыми линиями — ассистом, известным еще из глубокой древности. Достаточно вспомнить икону XII в. «Ангел золотые волосы» из собрания Русского музея. В Донской иконе, благодаря ассисту, утверждается очень важная мысль, что Иисус Христос, несмотря на свой малолетний возраст, не перестает быть Богом. Благодаря ассисту иконописец смог отобразить ставшую достоянием Церкви ту божественную энергию, которую Он источает. Это и стало главным в данной иконе.

В первой четверти XV в. создана знаменитая «Троица» Андрея Рублева. Практически в то же самое время в Византии появляется икона «Гостеприимство Авраама». Этот библейский сюжет, взятый из 19 главы Книги Бытия, известен иконописцам давно. На Руси он тоже был достаточно популярен. Под таким названием иконы и появлялись в храме. Несколько лет тому назад в Третьяковской галерее была выставка «Византийские иконы» из собрания музеев Греции, где была представлена и созданная в начале XV в. икона «Гостеприимство Авраама». И хотя сюжет и «Троицы» А. Рублева, и византийской иконы, казалось бы, один и тот же, но они принципиально отличаются друг от друга.

Согласно Книги Бытия, Авраам у Мамврийского дуба встретил трех ангелов, которые, в частности, сообщили ему, что у него, человека уже преклонного возраста, родится сын. Обрадованный этой вестью, Авраам приглашает их к себе в дом, где готовят для дорогих гостей великое угощение. На иконе запечатлен сам прием в доме Авраама, где и он, и его жена Сара сами прислуживают гостям. Посколь-

Донская икона Божией Матери. XIV в.

Андрей Рублев. Икона «Троица». XV в.

*Икона «Гостеприимство Авраама».
Византия. XV в.*

тот момент, когда Бог-Отец принимает решение послать Бога-Сына на землю, в мир «взыскать и спасти погибшее» (Мф. XVIII:11). При этом и Бог-Отец, и Бог-Сын уже знали, чем и как закончится эта спасительная миссия Христа. Тем не менее Рублев пишет легкий наклон головы Бога-Сына в сторону Бога-Отца, что на церковном языке означает смиренное приятие воли Божией. Рублев сохраняет композиционные элементы и их место в прежней иконе «Гостеприимство Авраама». Но только смысл они обретают уже совсем иной. Архитектурное изображение слева вверху теперь получает совсем другое значение, как символ Божьего домостроительства, т.е. созидание храма в душе человека. А изображение Мамврийского дуба становится символом того древа, на котором будет распят Христос. Гора справа входит в композицию символом духовного восхождения человека, что может длиться всю его жизнь.

XVI в. занимает особое место в истории мирового искусства. Время эпохи Возрождения, эпохи Ренессанса. Но, по сути, это начало заката в Европе иконописи. Именно в те поры Священное Писание было объявлено всего лишь историческим источником, доступным всем и каждому. Это значит, что любой художник может позаимствовать нужный ему сюжет. Нужный для чего? Вот тут-то и начинается самое главное. Через личное отношение к сюжету, его герою, личное видение отношений между персонажами, если это многофигурная композиция, провести ту идею, ради которой художник берется за кисть. В связи с этим, если иконопись в европейском искусстве постепенно утрачивает свои позиции, то ее место начинает занимать нарождающееся таким образом светское искусство. В самой природе его как раз и лежит личное отношение художника к тому, что и как он изображает.

Лет 10 тому назад в Третьяковской галерее была выставка из фондов музеев Ватикана. Была представлена, в частности, картина известного итальянского художника XVI в. Паоло Веронезе «Святая Елена». Мать римского императора Константина, будучи христианкой, жившей в языческом окружении, Елена, которой было уже много лет, решила поехать на Святую Землю и найти крест, на котором был распят Христос. Ее сопровождало немало людей, включая и тех, кому предстояло копать в случае нахождения места Голгофы. Приехав в Иерусалим, она начала искать это место, зная, что оно находится за стенами города. Найдя, начали копать и натолкнулись, как и положено, на три креста. Но как узнать, какой из них Христов?

*Паоло Веронезе. «Святая Елена».
Италия. XVI в.*

Елена сознавала, что на кресте, на котором был распят Бог, не могло не остаться следов его божественной природы, Его чудодейственной силы. Но как, на чем это проверить? И тут она видит, что идет похоронная процессия: мать хоронит своего молодого сына. Римская императрица останавливает процессию, и начинают прикладывать кресты к усопшему. Первый крест приложили — ничего. Второй приложили — ничего. Третий крест приложили, и усопший ожил. Так в IV в. был обнаружен крест Христов. За этот духовный подвиг Церковь и прославила Елену.

Что мы видим на картине П. Веронезе? Прежде всего, блистательное мастерство! Художник мастерски пишет шелк платья Елены со сложным орнаментом. Его не пугают складки платья, ломающие орнамент. Он блестяще владеет светотенью, с помощью которой пишет их. Мимо художника не проходит и ее красный бархатный плащ, подбитый шелком, но уже другой фактуры, с застежкой из золота и драгоценных камней. С потрясающим мастерством выписана и прозрачная ткань, спускающаяся с головы Елены, увенчанной золотой короной. Поскольку Елена — императрица, то для придания торжественности и величия художник пишет рядом мраморную колонну. В этой картине художника явно увлекает легкая, свободная, мастерская игра на фактурах. Слово опоминаясь, Веронезе пишет справа в углу деревянный крест. Но, похоже, крест равноконечный, а рядом — ангел. Причем тут этот греческий крест, да еще с ангелом? А где тот духовный подвиг, который совершила римская императрица Елена? Что в этой картине говорит нам о ее святости? Художник ограничился изображением красивой женщины с опущенными ресницами.

*Симон Ушаков. «Владимирская икона
Божией Матери». XVII в.*

ление образа, его обмирщение, поскольку главным и определяющим для художника становится его личное отношение к избранному сюжету как объекту изображения.

В отличие от Европы, иконопись на Руси продолжает существовать и в XVII в. Это время творчества последнего великого русского иконописца Симона Ушакова. Он, соблюдая канон, порой соединяет тематически близкие композиции. В отличие от прежних иконописцев, пишет лики святых светлые, приговаривая, что не все святые были смуглы. Примером может служить одна из ранних работ художника Владимирская икона Божией Матери (1652). Особо хотелось бы выделить икону «Спас Нерукотворный», написанную в 1651 г. Симон Ушаков еще не раз будет возвращаться к этой теме, поскольку икона «Спас Нерукотворный» была очень востребована на Руси. Написанная в ранний период его творчества, эта икона представляет особый интерес. Именно здесь впервые за всю историю русской иконописи он использовал совершенно новый прием, выстраивая иконографию в двух перспективах. Одна — для убруса, то есть полотенца, которым в свое время Христос промокнул умытое водой лицо. Чудесным образом вода превратилась в краски, отпечатав на убрусе Его лик. Так в мире появилась вообще самая первая икона: не написанная — нерукотворная. Таково происхождение и самой иконы, и ее названия.

Для Симона Ушакова, разумеется, главным было изображение лика Христа, и художник не случайно пишет его в другой перспективе, выделяя Его и приближая Его к нам. Тем самым он добивается очень важного: максимального сокращения расстояния между молебным образом и самим молящим-

Невольно возникает одна любопытная мысль. В искусстве на протяжении веков главной была тема «Бог». Когда эта тема уходит, то ее место начинает занимать другая тема — форма. Стили, мастерство, сам поиск новизны изображения — все это ее проявления. Так рождается светское искусство, как отражение именно личного видения, личного понимания того, о чем художник говорит в своей картине. Именно оно, это личное видение, личное понимание определяет саму природу и религиозной живописи, нарождающейся как неотъемлемой части светского искусства. И если в основе иконописи стоит Бог, то в основе светского искусства стоит человек. Поэтому, независимо от характера сюжета, происходит так или иначе зазем-

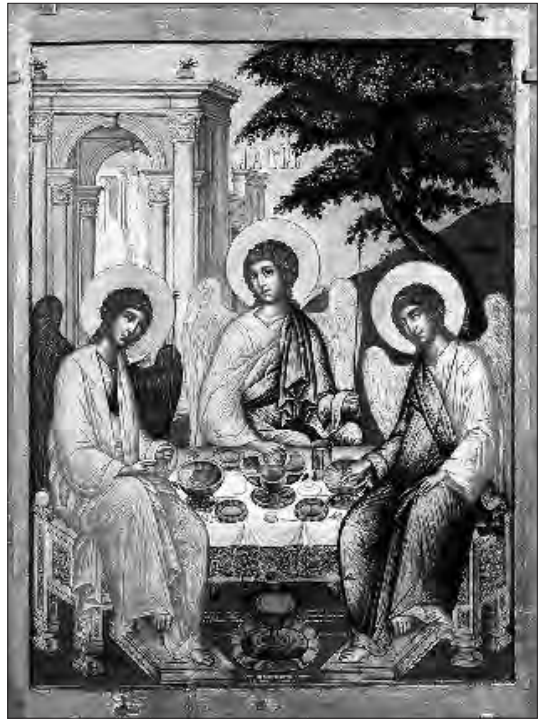

Паоло Веронезе. «Пир в доме Левия». Италия. XVI в.

ся. Так впервые получила свое воплощение апостольская мысль: «Приблизьтесь к Богу, и Он приблизится к вам» (Иак. IV:8).

XVII в. не случайно называют переходным периодом. Именно в это время наши стали чаще выезжать в Европу, приобретая там произведения, преимущественно художников эпохи Возрождения. Именно в XVII в. зародилось коллекционирование. Конечно, оно несопоставимо и, прежде всего, по своим масштабам, с коллекциями, появившимся в веке XIX, но зародилось оно именно тогда. Симон Ушаков не выезжал за границу, но он тоже стал приобретать понемногу эти картины и, в частности, работу П. Веронезе «Пир в доме Левия». Особое внимание иконописца привлекла арка справа, сквозь которую видны написанные в прямой перспективе архитектурные сооружения. А вскоре он получает заказ написание иконы «Троица» (1681), где цитирует Веронезе, изобразив вдохновившую его арку с виднеющейся в ней архитектурой. Это — первый случай включения в иконопись элементов светского искусства.

Симон Ушаков. «Троица». XVII в.

А в иконе «Дерево государства Московского» его можно назвать полноправным автором, поскольку ему принадлежит не только само письмо, но и вся сочиненная им иконография.

Также впервые именно Симон Ушаков начинает подписывать свои иконы, проставляя там не только подпись и дату, но и по просьбе настоятеля какого храма или монастыря данная икона создана. Но все это не было проявлением тщеславия или амбиций. Ставя свою подпись, иконописец тем самым принимал на себя всю ответственность за те новации, за те новые приемы, которыми он обогатил не только иконопись, но и вообще русское искусство. Позднее художники и в XVIII в., и в XIX в. будут обращаться к этим приемам, используя их в своем творчестве.

Как известно, в 1757 г. была создана Академия художеств, где все классы определялись жанровой принадлежностью: класс бытовой живописи, класс пейзажа и т.д. Не удивительно, что историческая и религиозная живопись как производные светского искусства объединились в общем классе. Первыми преподавателями в Академии были иностранные художники. Естественно задаться вопросом: разве у нас не было своих хороших художников? Были: А. Матвеев, И. Вишняков, И. Аргунов и другие, творчество которых, независимо от века, оценивается очень высоко. Но эти талантливые художники были самоучками, а нужны были профессора, академики, прошедшие академическую школу как профессиональную основу своего искусства. Екатерина II, взявшая в 1764 г. под свое крыло Академию, утвердила ее президентом И.И. Бецкого. Именно он при первой же возможности начал вводить в преподавательский состав русских художников, окончивших с медалью Академию, прошедших стажировку за границей и создавших по своему возвращении произведение, как своего рода отчет о проделанной работе, принятом комиссией Академии. На этом основании такому художнику присваивалось звание академика, что и позволяло Бецкому заменять иностранного педагога на русского. Первым таким преподавателем стал замечательный художник Антон Павлович Лосенко, автор известных картин «Владимир и Рогнеда», «Прощание Гектора с Андромахой», а также его хорошо известные портреты: актера, основателя первого в России профессионального театра Ф. Волкова, поэта и драматурга А.П. Сумарокова и др. Ему же принадлежит и картина «Жертвоприношение Авраама» (1765) из собрания Русского музея, где она представлена в постоянной экспозиции. По сути, эта работа Лосенко является одним из первых, если не самым первым русским произведением религиозной живописи.

Хорошо известно, что в процессе работы над картиной Лосенко постоянно ориентировался на «Толкование библейского сюжета» Иоанна Златоуста. Пока художник шел за автором «Толкований», у него все получалось. И поленица возникала как прообраз креста, на котором будет распят Христос. И само положение Исаака на ней скорее напоминало тело распятого Христа. Но вот на страницах книги Лосенко встречает слова «духовное горение» и, можно сказать, споткнулся об это выражение. В богословии понятие «духовное горение» означает полное отдание себя в волю Божью. Лосенко воспринял его совсем иначе. Воспринял как экзальтацию, как пробуждение отеческих чувств, противоречивших воле Бога. У Лосенко все в Аврааме сопротивлялось велению Бога убить своего единственного любимого сына. Левая рука Авраама беспомощно ищет опоры в пустоте и не находит его. Правая рука, сжимающая нож, уже занесена над Исааком, а в глазах — смятение, отчаяние и боль. Но Богу не нужно было это убийство. Он хотел всего лишь проверить, насколько сильна, насколько крепка была

Александр Иванов. «Явление Христа народу». XIX в.

вера в Аврааме. Поэтому ангел, схватив руку Авраама, и останавливает его. Образ библейского Авраама у Лосенко оказался наполненным чисто человеческими чувствами, далекими от духовного, высокого состояния веры. Все это и привело, в конечном итоге, к заземлению образа, его обмирщению. Сам художник это понимал и уже больше никогда не обращался к религиозной живописи.

Но и современники Лосенко, и художники уже XIX в. продолжали обращаться к библейским и евангельским сюжетам. В отличие от своих европейских коллег, русские живописцы стремились все же раскрыть их сакральный смысл. Но шли они тем же путем, что и европейские художники: через личное отношение и к самому сюжету, и к его персонажам, утверждая идеи, которые они считали важными и значимыми.

Весной 1858 г. возвращается в Петербург из Италии Александр Иванов с картиной «Явление Христа народу», над которой работал 20 лет. На первый взгляд, все кажется здесь простым и незамысловатым. По призыву Иоанна Предтечи жители Иерусалима, что виднеется вдаль, пришли к реке Иордан, чтобы покаяться и принять крещенское омовение. На самом деле мы имеем сложнейшее построение композиции, в которой художник использует четыре перспективы. Одна — прямая, в которой выдержаны и город, и природа, и люди, что на первом и дальних планах. Но художнику необходимо выделить фигуру Иоанна Предтечи, и он применяет здесь прием, открытый еще Симоном Ушаковым в его ранней иконе «Спас Нерукотворный». Иванов создает для него отдельную перспективу, но поскольку Предтеча — человек, то перспектива для него, естественно, прямая. Использование одновременно двух перспектив — это наложение одной

пространственной среды на другую. Прием, который активно используется сегодня и в фотографии, и в кинематографе.

Третью перспективу Иванов создает для Христа, фигура которого не соответствует своими размерами фигурам ни первого, ни дальнего планов. Поскольку Христос — это Бог, поэтому создаваемая для Него перспектива будет обратной, как и принято в иконах. Поднимающиеся за Его спиной утренние испарения художник пишет голубыми, называя этот цвет мистическим. Бывший студент класса исторической живописи, Иванов хорошо усвоил христианскую символику, в которой голубой цвет символизирует небесную чистоту, Царство небесное, а также олицетворяет связь мира тварного с миром нетварным. Тем самым Иванов добивается очень важного и значительного. Благодаря обратной перспективе, художнику удалось передать сам момент выхода Христа из мистической голубизны, из Царства небесного, в мир тварный, открывая Себя народу. Такое еще не удавалось ни одному художнику в мире.

Далеко не случайно мастер выстраивает между фигурами Крестителя и Христа новую, четвертую перспективу. Для Иоанна Предтечи она будет прямая. Перспектива упирается прямо в фигуру Христа, именно поэтому она для Него будет обратная. И если Христос пойдет по ней, то Его фигура будет возрастать, в то время как фигура Иоанна Предтечи, идущего по своей — прямой перспективе, будет уменьшаться. Так художник впервые за всю историю мирового искусства воплотил евангельскую мысль: «Одному расти, другому умяляться» (Ин. III:30).

За спиной Иоанна Предтечи стоит группа из четырех человек. Это будущие ученики Христа, будущие апостолы. На лице Нафанаила мы видим полное недоверие к словам, слетевшим с уст Крестителя: «Се Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29). На втором плане Андрей, который со временем прибавит к своему имени Первозванный. На его лице мы видим уже сомнение: а вдруг это настоящий Бог, а вдруг нет. На первом плане в этой группе стоит Петр, и по его состоянию мы видим первое пробуждение веры. А рыжеволосый юноша — это Иоанн, который сразу принимает на веру слова Иоанна Крестителя. На этой группе, состоящей всего из четырех человек, художник проигрывает ситуацию, которая развивалась веками. От полного недоверия и даже преследования первых христиан, через сомнение, пробуждение веры и, наконец, торжество христианства. В 301 г. первой страной, утвердившей его как государственную религию, стала Армения.

Очень важную роль в этой картине играет одетый в голубой хитон раб, сидящий на первом плане композиции, с веревкой на шее как символом невольничества. Прямо в него упирается идущая от Христа ритмическая вертикаль. Сзади раба даны в рост две мужских фигуры, помогающие старцу встать и увидеть Бога. Художественное оправдание присутствия этих двух фигур сопряжено с их важной ролью в композиционном решении. Именно они перехватывают, удерживают и утверждают эту вертикаль. Благодаря такому композиционному решению, возникает равносторонний треугольник с вершинами: Иоанн Предтеча (Ветхий Завет), Христос (Новый Завет), раб. Если раб среди иудеев, значит, он не иудей. Если раб среди правоверных, значит, он язычник. Тем самым образ раба оказывается носителем очень важной мысли художника о распространения христианства по всему миру. А весь мир к тому времени — языческий.

Из всех присутствующих только два первосвященника, в правой части композиции, воспринимают слова Иоанна Крестителя как страшное богохульство. А прямо перед ними Иванов изобразил отца и сына, называемых в специальной литературе «дрожащие». Они уже покаялись, приняли крещенское омовение, обсушились и готовы были одеться, но остановлены радостным словом Иоанна Предтечи. Художник не случайно изобразил Иоанна, указующим одной рукой на идущего Христа, а в другой руке держащим крест. Еще в XVII в. в русских иконах и даже в Деисусе стали изображать, переняв от европейских художников, этот образ с крестом. Но крест изображался всегда высокий, как опора Иоанна Крестителя. В данном же случае он скорее напоминает напрестольный крест, которым Иоанн Предтеча как бы встречает Христа. В этом получила свое выражение одна из глубочайших мыслей Иванова: человечество, пребывающее в дольном мире, полном страстей и искушений, всегда встречает Его крестом, и уже поэтому готово кричать: «Распни Его! Распни!».

Эта картина занимает особое место в истории русского искусства. Наполненная откровением и религиозного сознания, и религиозной души самого художника, именно здесь впервые зазвучала высокая исповедальная нота.

Вторая половина XIX в. — время в искусстве неоднозначное. Художественная среда как бы разделилась на две группы. Одна группа, в которую входили Васнецов, Суриков, Шишкин и другие художники, искала Бога в сердце своем, как и заповедал Христос: «милости хочу, а не жертвы» (Мф. XII:7). И если кто-то из них прикасался к теме Христа, то утверждал в созданном образе богочеловеческое Христа. А если создавал исторические, бытовые, пейзажные произведения, то всегда утверждал в них духовно-нравственные ценности.

Другая же группа, куда входили Крамской, Polenov и другие, искала Бога на путях просвещенного разума. Создавая свои религиозные картины, эти художники утверждали в них человекобожие Христа. Хорошо известна картина И.Н. Крамского «Христос в пустыне», созданная в 1872 году. В одном из своих писем художник писал: «Итак, это не Христос, то есть я не знаю, кто это. Это я, это мои мысли». Иными словами, художник наделил Бога своим представлением о Нем, своим видением, своим пониманием Христа, которого Крамской вообще называл «первым атеистом». И, прежде всего, потому что Он «опирался только на самого себя и поэтому мы все тоже должны опираться только на самих себя». В этом высказывании достаточно откровенно видно влияние В.В. Стасова на взгляды И.Н. Крамского. Стасов вообще считал главным назначением искусства отражение социальной ситуации, и потому основными должны быть социальные проблемы в искусстве. На какое-то время художники пошли за Стасовым, но очень скоро их палитра стала предельно сдержанной, даже серой. А хотелось использования цвета, света в самых разных регистрах в отображении красоты и разнообразия окружающего мира. Не удивительно, что первыми возроптали пейзажисты, в частности А.И. Куинджи, палитра которого начала резко меняться. Но при всем том осталось главное в его искусстве — планетарность мировидения, открытый им масштаб мироздания, влияние света на то или иное проявление природы и т.д. Недаром его называли «певцом просторов и света».

По поводу художников, исповедовавших человекобожие Христа, высказался Николай Ге в своей картине «Что есть истина?» из «Страстного

цикла». Правда, фигура этого художника неоднозначна. Еще с 1884 г. он был дружен с Л.Н. Толстым, слово, мнение которого было необычайно авторитетно в тогдашнем русском обществе. Сам Ге даже называл писателя своим духовным отцом. Под непосредственным влиянием Толстого многое сформировалось и в сознании, и в мировоззрении самого Ге, который проповедовал религиозную живопись в ее «гуманистическом значении». В этом отношении он был очень близок и Крамскому, и Полену, и др.

К 1880-м гг. вприятии Христа религиозное и гуманистическое мировидение пришли в острейшее противоречие. Этот внутренний разлад между разумом и Богом, между Храмом и Градом в душе человека являет собой, пожалуй, самую характерную, самую драматическую сторону русской жизни последней четверти XIX века. По сути, именно это драматическое состояние и стало главной темой картины «Что есть истина?» (1890). Художник запечатлел момент разговора Пилата с Христом. На слова Христа о том, что Он «пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине» (Ин. XVIII:37), Пилат ответил достаточно равнодушно. Его словами Н. Ге и озаглавил свою картину. Ведь за Пилатом — не только военная мощь римской империи, но и вся античная философия, которая уже высекла на философском камне искру, осветившую все вокруг светом разумного знания. Именно поэтому просвещенный Пилат не собирается обсуждать этот вопрос. Потому и жест его поднятой руки, лишенный энергии действия, не приглашает к разговору. Пилат не видит, не понимает, Кто стоит перед ним. Именно здесь и рождается ответ на вопрос: ПРО ЧТО эта картина. И Ге отвечает на него прямо и однозначно: в свете разума Бога не видно.

Все мы хорошо знаем, что существуют чудотворные иконы. Очень часто в храме мы встречаем некоторые иконы под стеклом, за которым висят на нитке золотые перстни, кольца, золотые цепочки и даже жемчужные ожерелья. Так прихожане благодарят икону за то, что она помогла, спасла, исцелила. Но как-то не приходилось за все годы моей работы слышать о том, что религиозная картина, как неотъемлемая часть светского искусства, обладала бы такой же чудодейственной силой. Тем не менее один-единственный такой случай есть. И здесь особая роль принадлежит М.В. Нестерову, создавшему целое направление в религиозной живописи, в которой никогда не обращался ни к библейскому, ни к евангельскому сюжетам. Но при этом каждое произведение его религиозной живописи всегда было наполнено идеями Православия, образами Христа и пути к Нему, проблемами бездуховности в современном ему русском обществе и т.д.

Наконец, именно Нестерову принадлежит создание целого цикла картин, где главным героем становится русский святой — преподобный Сергий Радонежский. Но рассказ лишь об одной картине из этого цикла, которая имеет непосредственное отношение к тому чуду, о котором было сказано чуть выше. Речь идет о картине «Юность преподобного Сергия» (1892—1897). Работая в свое время над этим циклом, я натолкнулась в Рукописном отделе ГТГ на письмо жены В.М. Васнецова — Александры Владимировны. Правда, письмо без начала, поэтому утверждать, кому оно адресовано, не могу. Но из текста письма становится понятно, что адресовано оно человеку, который буквально днями должен ехать в Киев, где работали на лесах Васнецов и Нестеров, расписывая отстроенный Владимирский собор. В этом письме Александра Владимировна очень про-

сит своего адресата непременно рассказать М.В. Нестерову историю, которая произошла с ней, а, точнее, с ее сыном. Мальчик тяжело заболел, а медицина, к сожалению, разводила руками, т.к. ни одно предлагаемое средство на болезнь не действовало. Состояние матери можно себе представить, видевшей страдания своего сына и беспомощность его врачей. Както на глаза ей попался какой-то художественный журнал. Разумеется, не вчитываясь, поскольку голова была занята совсем другими мыслями, стала машинально его перелистывать. И вдруг наткнулась на черно-белую в половину журнальной страницы репродукцию

*Михаил Нестеров.
«Юность преп. Сергия». XIX в.*

картины Нестерова «Юность преподобного Сергия», которая масштабно не была даже сопоставима с самой картиной, размеры которой составляют 232×251 см. Вера этой женщины, вера в святых споспешниках Христа, вера в Сергия Радонежского, которого и сейчас называют игуменом земли русской, была необычайно велика. У нее просто не было ни секунды сомнения в том, что преподобный обязательно ей поможет, спасет ее сына. Александра Владимировна прикладывает эту репродукцию к больному месту ребенка, и он идет на поправку. С подобным встречаюсь в первый и последний раз. Да и от своих коллег тоже не слышала ничего подобного.

Приводя этот случай, вовсе не хочу тем самым приравнять произведение религиозной живописи к иконе. Как мне кажется, природа этого чуда в глубочайшей вере и самого художника, и матери, спасающей своего сына, что соответствует словам Христа о горé, которую верой можно передвинуть с одного места на другое. «И все, чего не попросите в молитве с верою, — говорит Христос, — получите» (Мф. XXI:22).

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

ГУМАНИЗМ ИЛИ КОНСЕРВАТИЗМ?

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Как известно, гуманизм, как общепризнанное философское направление, зародился в конце XIII — начале XIV вв., когда в Западной Европе начинается процесс, связанный с изменениями во всех сферах жизни человека — в области философской мысли, в литературе, в области художественного творчества, в научном и религиозном аспектах, в социально-политических представлениях. И изначально гуманизм оказался противоположен традиционному христианскому миропониманию, более того, гуманизм и формировался как учение, отрицающее христианство, призванное заменить его.

Новое миропонимание заключалось прежде всего в том, что мыслители Эпохи Возрождения стали совершенно иначе, нежели христианские теологи, относиться к проблеме человека. С конца XIII — начала XIV вв. на смену христианскому теоцентризму приходит возрожденческий антропоцентризм, когда человек, проблемы личности становятся центром и целью всякого познания, мышления в целом. Уже Данте Алигьери (1265—1321) в своем трактате «Пир», а затем и в знаменитой «Божественной комедии» писал, что «из всех проявлений Божественной мудрости человек — величайшее чудо»¹. В дальнейшем отношение к человеку как к некому чуду, даже как к центру Вселенной вообще, сохраняется и становится определяющим. Поэтому своеобразным девизом, символом Эпохи Возрождения можно считать слова, почерпнутые мыслителями этого времени в оккультных произведениях поздней античности (в частности, в сочинениях,

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. С. 181.

приписываемых Гермесу Трисмегисту) и ставшие крайне популярными в XIV–XVI вв.: «Чудо великое есть человек»¹. В целом же, культура и философия гуманизма — это специфическое религиозно-философское учение, призванное заменить собой традиционную христианскую веру в Бога². В более широком смысле, гуманизм, как религиозная философия, — это, прежде всего, орудие разрушения традиционных обществ и традиционных религий и, во-вторых, методологическая (религиозно-философская) основа создания идеального общества всеобщей справедливости. Как известно, в XVI–XIX вв. религиозно-философские установки гуманизма стали методологической базой всех основных религиозных, философских, этических, политических, экономических, эстетических учений западноевропейской цивилизации. Гуманистические установки в этих учениях принимали разные формы — от самых радикальных (марксизм, анархизм) до либеральных и охранительных (гегельянство).

История гуманизма в России несколько иная. Еще многих советских исследователей господствующая тогда гуманистическая парадигма в исторической науке заставляла искать истоки русского гуманизма в XV–XVI вв., для чего гуманистическими объявлялись неясные еретические учения (например, ересь «жидовствующих») или какие-то оппозиционные настроения (напр. выраженные в сочинениях А.М. Курбского)³. Но в реальности ситуация была иной⁴. В XVI–XVII вв. традиционное российское общество, скрепленное православной верой, принимая те или иные западноевропейские технические и бытовые новшества, наотрез отказывалось принимать новшества религиозные. Даже в XVIII в., в жестокое по своей сути петровское реформистское время и в последующее при его наследниках столь же жестокое наступление на традиционные религиозные основы русского

---

¹ Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / сост., вступ. ст., комм. О.Ф. Кудрявцева. М.: Юрист, 1996; Антология философии Средних Веков и эпохи Возрождения / сост., вступ. ст., предисл. С.В. Перевезенцева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 293–331.

² В принципе, гуманизм можно характеризовать и как религию человекобожия (обожествление человека). См. об этом: *Перевезенцев С.В.* Крах гуманизма // Русский выбор: Очерки национального самосознания. М.: Русский мир, 2007. С. 311–329.

³ См.: напр.: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 411 с.; *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой России. М.: Аспект-пресс, 1996. 366 с.; *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Ленинград: Наука, 1988. 159 с.

⁴ См.: подробнее: *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т «Открытое о-во»: МИРОС, 1998. 447 с.; *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII веков. Основные идеи и тенденции развития. М.: Прометей, 1999. 432 с.; *Плигузов А.И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002. 415 с.; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI века. СПб.: Алетейя, 2002. 347 с.; *Филошкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 620 с.; *Талина Г.В.* Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М.: Русский мир, 2010. 448 с.; *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.; *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. 2-е изд., испр., доп. М.: Квадрига, 2023. 784 с.

народа, гуманистическим идеалам удалось в той или иной степени укрепиться только в сознании части господствующего сословия, практически не затронув широкие народные круги¹. XIX век — это вообще век-парадокс. С одной стороны, русские правящие круги стремятся к пусть постепенному, но просвещению народа, основанного в первую очередь на гуманистических принципах. Но, с другой стороны, те же правящие круги жестко противостоят победе этих принципов в политической, социальной, экономической жизни. Более того, российские императоры видели в распространении гуманистических увлечений главную причину роста революционных настроений и, в свою очередь, в распространении революционных движений они видели большую опасность для социальных, политических и государственных основ России, были уверены в том, что революционные идеи и организации могут разрушить установившийся миропорядок. Традиционно осознавая себя защитниками христианства, российские правители видели еще большую опасность в покушениях революционеров на основы христианской веры и Церковь. Поэтому российские императоры считали своей нравственной обязанностью вести борьбу с «европейской революцией»². Иначе говоря, не отрицая пользу гуманистических идей в культуре и образовании, в России XIX в. всячески «выжигали» те же гуманистические идеи в политике, социальных отношениях, в религиозных настроениях и др. Однако одно без другого, как выясняется, невозможно. И XIX век-парадокс в итоге породил еще более парадоксальное в своей трагичности XX столетие.

Что принес гуманизм России? Как известно, по убеждению сторонников гуманизма, гуманистические идеалы должны были заменить собой традиционные ценности российского общества, в первую очередь, православие, общинный характер бытия русского народа, традиционное понимание сути государства и др. Иначе говоря, гуманизм в России выполнял ту же функцию, что и в Западной Европе — разрушение традиционного общества. Но трудность состояла в том, что вторую свою функцию — созидание идеального общества всеобщей справедливости — гуманизм не выполнил, и, главное, не мог выполнить, ибо религия гуманизма не соответствовала базовым, архетипическим ценностям России. Для создания общества, основанного на идеалах гуманизма, нужно было полностью уничтожить традиционную Россию. И если российские императоры еще жалели собственный народ, пытались проводить реформы постепенно, может быть, даже излишне постепенно, то либералы, и уж тем более большевики, особо не церемонились, потому и призывали разрушить старый мир «до основанья», требовали полностью «переделать» в «коммунистическое человечество» доставшийся им в управление «человеческий материал» методом «пролетарского принуждения», «начиная от расстрелов и кончая трудовой по-

---

¹ См.: Хранители России. Антология. В поисках нового... консерватизма / под ред. С.В. Перевезенцева А.А. Шпринянца. М.: ООО «Паблиц», 2015. Т. 2. 936 с.; *Перевезенцев С.В.* Основные направления русской социально-политической мысли XVIII века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 3. С. 9–17.

² См., напр.: Император Николай Первый / сост. М.Д. Филлин. М.: Русский мир, 2002. 745 с.; *Высочков Л.В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 693 с.; *Боханов А.Н.* Александр III. С Россией на плечах. М.: Вече, 2013. 365 с.; *Боханов А.Н.* Император Николай II. М.: Русское слово, 2021. 565 с.; Николай II. Последний император России: сб. биографических и библиографических материалов / сост.: Е.В. Ярошенко, А.А. Ермак. М.: Пашков дом, 2008. 442 с.

винностью»¹. И в результате торжества радикальной гуманистической философии в России — уничтожение Православной Церкви, уничтожение «бывших» правящих классов (дворянство, буржуазия), уничтожение казачества, уничтожение русского крестьянства и т.д.

Интересно отметить еще одно, не всегда осознаваемое явление. Речь идет о результатах двух мировых войн, которые пришлось вести России в XX столетии. Подчеркнем только, что в данном случае необходимо отвлечься от конкретных политических интересов тех или иных деятелей или партий, а рассмотреть тенденцию, направленность развития.

Известно, что с началом Первой мировой войны только большевики (радикальные гуманисты) однозначно призвали к превращению «войны империалистической» в «войну гражданскую», то есть отказались от поддержки идеологии защиты Отечества и стремились использовать войну для ускорения решения своих (гуманистических в основе) целей — разрушения «царской России» и устройства на ее «обломках» нового идеального коммунистического общества². Другие более или менее влиятельные российские партии, стоящие на позициях либерального гуманизма, вначале заняли позицию «оборончества». Но уже в августе 1915 г. был создан «Прогрессивный блок», который повел скрытую борьбу за утверждение гуманистических идеалов в российской действительности — началась подготовка к государственному перевороту, который и свершился в феврале 1917 года³. Разрушив традиционную Россию, либеральные гуманисты не смогли удержать власть, и в России утвердились радикальные гуманисты — большевики. Победа большевиков в октябре 1917 г. привела фактически к поражению России в Первой мировой войне. Следовательно, торжество гуманистической идеологии одновременно привело Россию к поражению в войне и к разрушению традиционного социально-политического строя.

Вторая мировая война начиналась при господстве в СССР идей мировой революции и радикально понимаемых гуманистических ценностей (теория мировой революции), в системе которых традиционным российским ценностям места не находилось. Однако, как известно, уже в начале 30-х гг., когда перед СССР маячила угроза войны с Германией, руководство ВКП(б) постепенно пересматривает идеологические императивы. И в идеологию вернулись такие понятия как «защита Отечества», «великое наследие предков», рассуждение об исторической миссии русского народа. Начавшаяся война практически сразу же была названа «Великой Отечественной», а в начале октября 1941 г., когда гитлеровские орды рвались к Москве,

---

¹ Именно так писал Н.И. Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода»: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (См. *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М.: Госиздат, 1920. С. 146).

² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 32, 22.

³ *Вишневски Э.* Прогрессивный блок // История России в современной зарубежной науке. 1999. №2. С. 147–157; *Холяев С.В.* Влияние масонов на либеральный лагерь в 1917 году // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 173–184; *Куликов С.В.* Февральская революция спустя сто лет // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.

И.В. Сталин, по воспоминаниям У.А. Гарримана, представителя президента США Ф. Рузвельта в СССР, имея в виду русских людей, произнес знаменательные слова: «У нас нет сомнений в том, — сказал он, — что они сражаются не за нас (подразумевая компартию), они сражаются за матушку-Россию»¹. В 1942–1943 гг. «идеологический откат» продолжился — в жизни страны возродилась роль Православной Церкви и православной веры. Конечно, подобный «идеологический откат» носил временный и довольно ограниченный характер, ибо руководство ВКП (б) не собиралось отказываться от своих базовых гуманистических ценностей, что и подтвердила послевоенная история². Но даже столь неполное и фрагментарное возрождение традиционных российских ценностей стало одним из решающих факторов Победы в Великой Отечественной войне. И в этом отношении тенденция несомненна — даже столь осторожное утеснение гуманистических идеалов в области идеологии и возвращение в жизнь советского общества традиционных российских ценностей стало важнейшим фактором победы в войне.

Вывод, который может следовать из исторического опыта двух мировых войн, как представляется, таков — господство религиозно-философского гуманизма в России приводит ее к поражению в войне, и, наоборот, отказ от гуманистических идеалов, опора на традиционные ценности обеспечивают России победу. Иначе говоря, торжество гуманизма — это фактор поражения России в войнах.

Но проблема нашего времени, если рассуждать о гуманизме, совсем в другом. На самом-то деле, гуманизм, как религиозно-философский принцип цивилизационного бытия, уже давно умер, ушел в небытие. Это признается уже многими современными политологами, философами, социологами³. Вместо этого гуманизм, как идеология, превратился в современном мире в орудие ведущих, так называемых, «цивилизованных» государств, с помощью которого они разрушают неудобные для себя государственный режим и традиционные ценности народов, не вписывающихся во вновь создаваемый «мировой порядок». Иначе говоря, гуманизм является своеобразной дубиной в решении самого широкого круга вопросов в интересах определенных государств и еще более определенных узких финансово-экономических кру-

---

¹ «“We are under no illusions that they are fighting for us,” he said, meaning the Communist Party. “They are fighting for Mother Russia”» (*Harriman A. What One Tourist Found; PEACE WITH RUSSIA? NY: Simon & Schuster, 1959. 175 p.*).

² См. напр. *Кострюков А.А.* Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008): М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. С. 198–220.

³ См. подробнее, напр.: *Видоевич З.* Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49; *Чистов Г.А.* Кризис гуманизма и перспективы развития России // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 9 (142). С. 141–145; *Поломошнов П.А.* Гуманизм и кризис идентичности // KANT. 2018. № 2. С. 202–205; *Челлищев В.И.* Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. №4. С. 27–49; *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. 168 с.; *Ковалева С.В., Мастеров Д.В.* Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 12 (21). С. 73–77; *Гуторов В.А., Шириняц А.А.* О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406; *Гаджиев К.С.* Кризис или закат либерализма? // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 7–17; *Рормозер Г.* Кризис либерализма: пер. А.А. Френкин. М.: ИФРАН, 1996 289 с.; *Deneen P.J.* Why Liberalism Failed. New Haven, CT: Yale University Press, 2018.

гов, управляющих ныне миром. В частности, именно либеральные гуманистические идеалы стали идеологической базой разрушения сначала СССР, а затем и России в наше время — в конце XX века.

И парадокс XXI в. состоит в том, что главные защитники гуманистических «общечеловеческих ценностей» и непреклонные борцы за «права человека» во всем мире сами уже давно отказались от пропагандируемых ими идеалов. После терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. правительство США откровенно провозгласило языческий принцип «око за око», не собираясь останавливаться перед откровенным и даже пропагандируемым на весь мир возможным массовым убийством мирного населения, якобы с целью уничтожения горстки террористов, используя для этого совершенно ложные предлоги (как в свое время в Югославии, Ираке, Афганистане, сегодня — в Сирии, Йемене, на Украине). Так что гуманизм как «дубина», как «политический инструмент», как идеологическое прикрытие истинных интересов правящих миром международных элит — он существует и активно используется. Но как философия бытия человечества — гуманизм умер.

Но свято место пусто не бывает. И ныне человечество оказалось перед дилеммой: по какому пути двигаться дальше? В принципе, обобщая все возможные частности и варианты, таких путей два.

Первый, тот, который навязывается сегодня миру международными финансовыми и политическими элитами под прикрытием лозунгов гуманизма — это философия «избранного братства». Недаром, практически вся мировая элита тесно объединена масонскими узами, а международное масонство (во всех его разновидностях) выступает ныне как важнейший инструмент современной тайной политики.

В практике современной международной политики нет места ни «общечеловеческим ценностям», ни «правам человека». А есть только ценности и права «избранного братства». Ведь гуманизм, несмотря на его разрушительную функцию, в созидательной части подразумевал обеспечение достойного бытия всего человечества. А вот этого новейшему «избранному братству» как раз и не нужно, ибо природных запасов нашей планеты при господстве нынешних технологий и религиозно-политических идеалов не хватит на то, чтобы прокормить многомиллиардное человечество. Именно философия «избранного братства» является методологической базой новейших теорий «глобализации», «золотого миллиарда», «трансгуманизма», «отмены культуры» и многого другого.

Правда, за понятием «новейшие» стоит очень древняя традиция. Известно, что философия «избранного братства» своими корнями уходит в мистические учения, которые разрабатывались с древности многоразличными тайными обществами. Смыслом существования таких обществ во все времена было обладание тайными, сокровенными знаниями, недоступными простым смертным. Эти тайные знания участники тайных обществ обычно получали у неких потаенных сил, чаще всего, связанными с понятием зла. Поэтому и объектом поклонения тайных обществ являлись и являются до сих пор тайные божества, которые в христианской традиции принято нарицать собирательным именем — «сатана». Средством же освоения действительности в тайных обществах были и есть мистические и магические обряды.

Как это ни покажется странным, но мистикой и магией наполнена даже, казалось бы, абсолютно рациональная вещь — экономическая политика, пропагандируемая современным «избранным братством». Во-первых, совершенно мистические функции приписываются самой экономике, якобы обеспечивающей процветание народам. Во-вторых, таким понятиям как «рынок», «либеральная экономика» приписываются поистине магические свойства, ибо чудесным образом «рынок» и «либеральная экономика» должны спасти от гибели «нецивилизованные» общества. Международными элитами разработан и целый ритуал магической обрядности — те самые рецепты «экономического либерализма» для «нецивилизованных» государств. В итоге, в сегодняшнем мире царит истинный религиозный культ «рынка» и «либеральной экономики», из которых сотворены настоящие мистические божества-кумиры. А поклонение кумиру — «рынку» — считается обязательным для всех государств, стремящихся стать «цивилизованными».

Как известно, эти магические рецепты «либерализма» привели не к росту, а к разрушению экономических систем тех государств, которые стали поклоняться «рынку», как кумиру. Но ведь так и задумывалось творцами новой магической обрядности в экономике. Стоит напомнить, что истинные результаты магических обрядов могут быть известны немногим, а именно только тем, кто обладает тайными знаниями. Поэтому магия «либерализма» оказалась в полном смысле этого слова магией: прикрываясь гуманистическим словом «либерализм», совершив ряд магических обрядовых действий, современное «избранное братство» получило желаемый результат — почти полностью покорило мировое пространство, почти полностью подмяло под себя «нецивилизованный» мир. Хорошо, что «почти».

Кстати, в массовом порядке осуществляется и идеологическая обработка. Не случайно ведь на рубеже XX—XXI вв. во всем мире пышным цветом расцвели астрология, магия, гадания, многообразные секты, включая откровенно сатанинские, пропагандируется философия ЛГБТК+ и гендерная философия, насаждается поклонение эстрадным и спортивным кумирам, и так далее, и тому подобное. Как представляется, помимо объективных причин (а именно — разочарования в способностях человеческого разума), это массовое наступление мистики и магии, философии «избранничества» и религии «кумирства» на современный мир имеет спровоцированный и организованный характер — человечество приучают, что истинное знание, во-первых, может быть только тайным, и, во-вторых, может быть доступно только немногим.

В чем опасность этой философии? Методологически философия «избранного братства» (также, кстати, как и философия гуманизма) подразумевает упрощение, унификацию мира, ликвидацию его сложности. Недаром ныне человечеству навязываются общеупотребительная «массовая культура» и общеупотребительная «массовая либеральная экономика», которые ведут к уничтожению многоцветья национальных культур и экономических укладов. С философской точки зрения всякое упрощение есть движение к небытию, ибо самая простая система — это «ничто», «небытие», в котором ничего не существует. Следовательно, философия «избранного братства» ведет к уничтожению (физическому!) большинства человечества в интересах «братьев в сатане», а в итоге — к уничтожению

и самого «избранного братства». К сожалению, подобный сценарий не есть фантазия или пустая «страшилка». Он вытекает из всего хода развития человечества в последние триста-пятьсот лет и, особенно, из исторического опыта XX столетия.

II

Но есть и другой путь возможного будущего развития человечества — возрождение традиционных идеалов, традиционных ценностей, традиционных религий, опора на национально-государственные интересы народов мира. Этот путь нашел свое методологическое обоснование в философских учениях, собирательным наименованием которых является понятие «консерватизм» или «философия консерватизма». Консерватизм — это учение, которое стремится обеспечить устойчивость общества и государства во время социальных бурь, внутреннюю защиту государства и общества от разрушения. В области политики для консерватизма характерен призыв к укреплению церковного влияния в обществе и усилению верховной власти. Сторонники консерватизма считают, что прошедшее не исчезает без следа, но хранится («консервируется») для настоящего и для будущего в народных традициях. Поэтому консерваторы выступают критиками и противниками либеральных реформ. Философия консерватизма подразумевает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособливанию к новым жизненным условиям¹.

Философия консерватизма имеет очень давнюю традицию, в том числе и в России. Русская мыслительная традиция изначально была традиционалистской и консервативной, более того, русские религиозно-философские учения заметно отличались от учений западноевропейских.

Уже в первом русском духовно-политическом и литературно-художественном сочинении «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона, созданном в середине XI в., и повествуется о том, насколько велико значение принятия Русью христианской веры. В этом сочинении мы впервые встречаем христианское обоснование смысла земного бытия Русской земли, а значит — того смысла, который вкладывает в бытие Руси Сам Господь, ибо все на свете творится по Промыслу Божию. Здесь же представлена развернутая картина смысла, то есть цели земной жизни всякого человека: спасение после смерти, воскресение и вечная жизнь в Царстве

---

¹ См.: *Ширинянец А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87; *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм: русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 563 с.; *Ширинянец А.А.* «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // *Sensus Historiae*. 2015. Т. 20. № 3. С. 27–35; *Ширинянец А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124; *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 62–74; *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства: монография. М.: Издательство Московского университета, 2021. Ч. 1. 349 с.

Небесном¹. Затем эти идеи были развиты в сочинениях и подвижнических подвигах большой плеяды отечественных мыслителей².

В XV–XVI вв., когда Россия осталась единственной в мире независимой православной страной, впервые было заявлено о важнейшей миссии российской цивилизации в деле спасения человечества — сохранении истинного христианства. Эта идея нашла отражение в нескольких сочинениях, на страницах которых возникли значимые идеал-образы: «Москва — Новый град Константинополь», «Москва — Новый Рим», «Москва — Новый Иерусалим», «Россия — Новый Израиль», «Третий Рим»³. Своеобразным венцом духовного поиска русских мыслителей XVI в. стал идеал-образ «Святая Русь», который, судя по всему, впервые появился в одной из рукописей Максима Грека, позднее этот же образ использовал А.М. Курбский в «Истории о великом князе Московском»⁴. Впервые появившись в сочинениях русских книжников в XVI в., идеал-образ «Святая Русь» на протяжении всех последующих столетий оказался важнейшим символом, выражающим основные компоненты национального мировоззрения.

XVIII столетие в интеллектуальном отношении выдалось в России ученическим: мыслители этого времени стремились освоить новые для России, заимствованные из Западной Европы, историко-политические и религиозно-философские методы познания мира и человека⁵. Этот ученический этап закончился к середине XIX столетия, когда стало понятно, что западноевропейская ученость без традиционной русской духовности заводит Россию в какие-то сатанинские дебри. Именно поэтому начало XIX столетия по праву считается временем рождения русского консерватизма, как своеобразного духовно-политического учения⁶.

Основателем русского консерватизма по праву считается знаменитый писатель, поэт и историк Н.М. Карамзин, который в 1811 г. в своей записке

---

¹ «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61. (Далее — БЛДР).

² См. подробнее: *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. 2-е изд., испр., доп. М.: Квадрига, 2023. 784 с.

³ См.: Послание на Угру Вассиана Рыло // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 7. С. 386–399; Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9. С. 278–289; Послания старца Филофея // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9. С. 290–305; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. 1951. Т. VII. С. 295–296; *Тихонюк И.А.* «Изложение пасхалий» московского митрополита Зосимы // Исследование по источниковедению истории СССР XIII–XVIII веков. М.: Институт истории, 1986. С. 45–61.

⁴ См.: *Дмитриев М.В.* «Святая Русь» и Русь как «Новый Израиль», Москва — «Третий Рим»: конфессия, *patio* и протонациональные дискурсы в восточнославянских культурах X–XVII ввек // http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm; *Курбский А.М.* История великого князя Московского // БЛДР. СПб.: Наука, 2001. Т. 11. С. 358, 398, 402, 406.

⁵ См.: *Перевезенцев С.В.* Российские Вольтеры: Российское просветительство XVIII в. и национальная идея // *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания. М.: Русский мир, 2007. С. 175–194.

⁶ См. подробнее: *Ермашов Д.В., Ширинянц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 238 с.; *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.; Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 годах / под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Паблиц», 2016.

«О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» доказывал, что, учитывая природные, географические и исторические условия, наиболее целесообразной формой правления для России может быть только исторически сложившейся политический строй — самодержавие, которое всегда обеспечивало процветание и могущество Российского государства. При этом историк особенно подчеркивал глубочайшую внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа¹.

В годы правления Императора Николая I Павловича идея национального призвания государя и государства, врученного ему Богом, становится, по сути дела, смыслообразующей. Искреннее служение Императора Николая Павловича Господу и России побудила многих русских мыслителей к размышлениям о судьбе Отечества. Одним из таких мыслителей был С.С. Уваров, который в 1832 г. в записке на имя Императора всего в трех словах сформулировал «охранительные начала» Российской империи, «залог силы и величия Отечества». Так родилась одна из самых знаменитых в истории России формул: «Православие. Самодержавие. Народность», как идеал, к которому должна была стремиться Российская империя, ибо в этой формуле обозначено триединство веры, власти и народа, но это еще и как краеугольный принцип, на основе которого предполагалось строить всю российскую жизнь².

Традиционалистско-консервативное направление продолжали те мыслители, которых принято именовать славянофилами: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.В. Киреевский, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и другие. Одна из главных заслуг славянофилов состоит в том, что они возродили в русской общественной мысли идеалы православия и русской самобытной истории. Славянофилы открыто заявили о том, что Россия — это особая цивилизация, которая должна искать собственные пути в мировой истории. Славянофилы вовсе не призывали к возврату в прошлое. Наоборот, они смотрели в будущее. Они надеялись, что России, единственной в мире стране, в будущем предстоит воплотить в жизнь идеал общества, основанного на христианском братстве. Поэтому особое значение славянофилы придавали роли Церкви и православной веры в жизни России. Будучи сами европейски образованными людьми, славянофилы почитали православную веру намного более высоко, нежели всякое европейское знание. Они были уверены, что «учение Святой Православной Церкви» должно «господствовать» над европейским просвещением, придавать ему высший смысл³.

Учение славянофилов стало важным этапом в развитии русской консервативной мысли. Так, Ю.Ф. Самарин впервые использовал понятие «соборность», подразумевая под ним свободное духовное единение людей как

---

¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Избранные труды / сост., вст. ст. и коммент. А.А. Ширинянец; вст. ст. Д.В. Ермашов; коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–348.

² Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I / публ. М.М. Шевченко // Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак; Тов-во «Река времен», 1995. Кн. 1. С. 70–72.

³ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: (РОССПЭН), 2010. С. 441.

в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви¹. В свою очередь, А.С. Хомяков, развивая идею «соборности», одним из первых обосновал положение о том, что Европа и Россия изначально идут разными историческими путями, потому что в основе российской жизни всегда лежали две «соборные» традиции — православная вера и общинное устройство, а, значит, европейские принципы политического, экономического, культурного и духовного устройства, зараженные, по мнению Хомякова, стяжательством и индивидуализмом, оказываются губительными для развития России². К.С. Аксаков видел важнейшую черту политического устройства России в союзе царя-самодержца с народом, представленным широким земским самоуправлением, предложил созвать Земский собор³.

В среде национально мыслящих писателей, литературных критиков и философов немного позднее сложилось еще одно своеобразное литературно-философское и общественно-политическое направление, получившее затем именование «почвенничество», связанное с публицистикой Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова. В сочинениях Ф.М. Достоевского впервые появилось понятие «русская идея», которая, по убеждению мыслителя, носит «общечеловеческий» характер и «будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях»⁴.

В целом, славянофилов и «почвенников» можно по праву считать идейными предшественниками тех мыслителей, которых принято причислять к русским консерваторам⁵. Впрочем, сами русские консерваторы зачастую очень резко критиковали славянофилов и почвенников, в которых видели только разновидность русского патриотического либерализма. Яркими представителями русского консерватизма во второй половине XIX столетия были М.Н. Катков, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и др. Нужно сказать, что русский консерватизм во всех своих проявлениях был творческим учением. Но консервативное творчество основывалось на опыте прошлого и было глубоко связано с вековыми традициями⁶. Многие из русских

---

¹ См. об этом: *Лурье В.М.* «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2020. № 1. С. 72–88.

² *Хомяков А.С.* Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. 3-е изд. М.: Университетская типография, 1886. Т. 2. С. 319–328; *Хомяков А.С.* Еще несколько слов Православного Христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры // *Хомяков А.С., Куреевский И.В.* Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: (РОССПЭН), 2010. С. 180–228.

³ См.: Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 году // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянец, А.В. Мыркова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 227–252.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 35–40.

⁵ См. об этом: *Васильев А.А.* Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М.: Юрлитинформ, 2011. 255 с.

⁶ См. об этом: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Изд-во Academia, 2007. 519 с.; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги. М.: Русский мир, 2008. 704 с.; *Русский консерватизм середины XVIII –*

консерваторов внесли серьезный вклад в развитие мировой политической, исторической и философской мысли, как Н.Я. Данилевский, в своей книге «Россия и Европа» разработавший теорию культурно-исторических типов и, таким образом, фактически создавший целое направление в социально-гуманитарных науках, которое позднее получило именование «цивилизационный подход»¹. К.Н. Леонтьев был автором большого числа сочинений, самое знаменитое из которых — «Византизм и славянство». Леонтьев утверждал, что мир в целом является совокупностью разнообразных народов и культур, и для своего процветания мир обязан сохранять это разнообразие. Поэтому Леонтьев отстаивал необходимость сохранения своеобразия России, которая должна противопоставить Европе свою культуру, основанную на православии и византийских политических принципах². Верность православию Леонтьев хранил и в личной жизни. В 1891 г. он принял тайный монашеский постриг под именем Климента, а свои дни окончил в Троице-Сергиевой Лавре, где и был похоронен. Отдельное место в плеяде русских консерваторов занимает Л.А. Тихомиров, который, преодолев юношеские увлечения революционной борьбой с традиционным политическим строем России, стал одним из ведущих мыслителей и публицистов консервативного направления, создал выдающиеся сочинения: «Монархическая государственность» и «Религиозно-философские основы истории». Л.А. Тихомиров — это первый русский мыслитель, разработавший положительное учение о русской самодержавной государственности и о монархическом принципе власти. Ему же принадлежит и интереснейшая разработка проблем православной историософии — идея всемирной борьбы мировоззрений: дуалистического и монистического³. В XX в. русский консерватизм получил развитие в сочинениях мыслителей Русского Зарубежья, особенно ярко — в трудах И.А. Ильина и И.Л. Солоневича.

III

Идеи русского консерватизма, забытые, казалось бы, в советских социо-гуманитарных науках в XX столетии, вновь возвратились к жизни в 1990-е — начале 2000-х гг. в работах немало числа российских ученых. Сегодня консерватизм рассматривается как система взглядов, отстаивающая и охраняющая традиционный церковный, государственный и общественный порядок. Важен и тот факт, что современный консерватизм сближается с традиционализмом до такой степени, что можно говорить о существовании специфического традиционалистско-консервативного подхода.

В основе традиционалистско-консервативного подхода лежит принцип сохранения жизни во всем ее многообразии: не насаждение унифициро-

---

начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. 637 с.; *Смолин М.Б.* Идеология правого консерватизма. М.: Издательство М.Б. Смолина (ФИБ), 2023.

¹ См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Т-во «Обществ. Польза», 1871. 542 с.

² *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. 132 с.

³ *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Журнал «Москва», 1997. 587 с.; *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010. 752 с.

ванных правил существования и мысли, но сохранение мира, как, если несколько перефразировать К.Н. Леонтьева, «цветущей сложности»¹. Традиционалистско-консервативный подход не только обеспечивает гораздо более широкие возможности для сохранения этнического и национального многообразия и свободного выбора народами собственного пути развития, но и позволяет им осуществлять свободный интеллектуальный поиск. Традиционалистско-консервативный подход позволяет выработать комплексную, научно обоснованную методологию, которая ориентирована на поиск характерных для нашей страны особенностей без противопоставления ее другим цивилизациям. Понимание России как самобытной цивилизации позволяет не только подчеркнуть целостность российского исторического феномена, но и показать изменения, происходившие на разных этапах истории страны при сохранении ее цивилизационной сущности.

В работах современных отечественных ученых на основе этого подхода были сформулированы основные принципы традиционалистско-консервативной методологии в новых исторических условиях, в которых существует нынешнее человеческое сообщество. Для обозначения подобного рода методологии в современных отечественных социо-гуманитарных науках предложен термин «русское хранительство»², составляющими принципами которого являются: предпочтение традиционных форм общественно-политического развития абстрактным универсальным схемам; признание значимой роли государства в развитии общества; признание традиции важнейшим источником формального права; признание традиционных религий духовным фундаментом общества; признание приоритета общности над индивидом; отстаивание цивилизационной самобытности своего народа (группы народов, близких по своим традициям); признание права на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации; признание идеала свободной, нравственно ответственной перед обществом личности.

В рамках методологии «русского хранительства» интерпретация основ российской цивилизации и, в особенности, перспектив и целей развития России существенно отличается от исследований, построенных на либеральных моделях общественного развития. Новое понимание традиционалистско-консервативного подхода к анализу исторического развития человека и общества позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России, сложность, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили российскую государственность, а также предложить альтернативный, и, что самое важное, — перспективный взгляд на современное состояние и будущее нашего государства и народа.

---

¹ *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 131.

² Концепция «русского хранительства» была предложена заведующим кафедрой русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктором философских наук, профессором М.А. Маслиным, разрабатывается заведующим кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктором политических наук, профессором А.А. Шириняцем, доктором исторических наук, профессором кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова С.В. Перевезенцевым и их учениками. О «русском хранительстве» см. подробнее: *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Очерки истории русского хранительства: монография. М.: Издательство Московского университета, 2021. Ч. I. 352 с.

Владимир КАТАСОНОВ

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Владимир Николаевич Ката-сонов — доктор философских наук, доктор богословия, профессор ОЦАД, действительный член РАЕН. Член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. Член Экспертного совета ВАК по теологии. Профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. равноап. Кирилла и Мефодия. Член редколлегии нескольких журналов. Автор более 200 научных работ, 11 книг. **Живет в Москве.**

Говоря о религии и культуре, мы, естественно, вспоминаем православный храм. На своих лекциях я нередко спрашиваю студентов: «Вот мы пришли в храм, мы видим здесь иконы, слышим церковные песнопения, видим красивые церковные облачения, все это есть некоторые произведения искусства и культуры, включая сюда и само здание храма. А где же здесь, собственно, религия, где Бог?» Не всегда сразу удается услышать ясный ответ, что Бог открывается в живой связи молитвы, что Бог нисходит как Дух Святой в культе, и в литургии совершает чудо пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы. Именно здесь, в храме, мы можем, наверное, наиболее естественно понять и увидеть, что культура организуется вокруг культа, и не только чисто этимологически, — слово культура связано со словом культ (от лат. cultus — почитание, поклонение), — но и реально. Святитель Павел Флоренский так и определял культуру: культура есть концентрическая организация всего сущего, всех вещей вокруг культа. Вещи могут быть более близки к культу или менее, они могут находиться или рядом, или где-то на периферии культа, но во всех из них как бы присутствует некоторый вектор, направленный или к сердцевине культа, или по касательной к нему, или даже и против.

Действительно, всё в культуре организуется вокруг культа, и прежде всего фундаментальные категории нашего существования — **пространство и время**. Наше исчисление исторического времени совершенно сознательно отправляется от Рождества Христова. Независимо от споров историков о конкретной дате Рождества, тем не менее, сама интенция определения времени на-

правлена именно на это чудесное событие во времени — Рождество Богочеловека. Время оказывается религиозно проработанным, и это не может быть иначе. Время церковной жизни также организовано в соответствии с культом. Годовой круг церковной жизни подразделяется на круг неподвижных праздников, связанных с числом, и круг праздников подвижных, связанных с Пасхой. Существует недельный и суточный круг, также связанный с богослужением.

Аналогично, пространство в истории всегда было организовано в соответствии с культом. Так, еще в язычестве, в дохристианскую эпоху, понимание пространства было тесно связано с религиозными представлениями людей: существовал мир небесный, Эмпирей, мир земной жизни человека, и мир подземный Аид. В христианском Средневековье такое понимание пространства сохранилось, хотя и было переосмыслено. Пространство также было неоднородным: это был подземный Ад, наземный мир человека, и надлунный мир, где существовали ангелы и святые. Изменения в понимании пространства с началом нового времени были также тесно связаны с определенными религиозными представлениями, но об этом я скажу чуть позже.

Само возникновение науки нового времени, которое нередко представлялось как разрушение церковного мировоззрения и решительный разрыв с христианством, на самом деле было также во многом обусловлено христианским богословием. Так, ньютоновская механика мыслила пространство и время абсолютными, это означало, что пространство бесконечно и однородно, а время есть некая текущая сущность, тождественная во всех точках пространства. Так что в ньютоновской физике возможен был снимок всей бесконечной Вселенной в какой-то один момент времени. Мы знаем, что в теории относительности понимание времени и пространства существенно изменилось, время и пространство оказались тесно связанными; промежутки времени зависят от скорости движения той системы отсчета, в которой мы его измеряем. Ньютон же мыслил пространство и время как абсолютные сущности. Каково было обоснование этого понимания? Обоснование, конечно, было необходимо, потому что как же мы можем что-то утверждать о бесконечности, которая немислима нашим конечным умом. Обоснование абсолютности пространства и времени у Ньютона было связано с его теизмом, с его верой во всемогущего Бога Творца. Он пишет об этом в приложении к своей знаменитой книге «Математические начала натуральной философии». Пространство и время для него суть как бы органы самого Бога, *Sensorium Dei*. Всякая вещь существует в пространстве и времени, и тем самым, как бы в лоне вездесущего бесконечного Бога, который непосредственно примыкает к любой вещи.

Другим ярким примером влияния христианского богословия на становление новой европейской науки, а именно **классической механики**, были труды Декарта. Он, в частности, сформулировал знаменитый *закон инерции*, который стал первым законом классической механики: тело, на которое не действуют силы или действуют так, что они уравновешиваются, продолжают свое движение прямолинейно, равномерно и бесконечно. Этот закон пытался доказать уже старший современник Декарта Галилей, но это ему не удалось. Галилей был слишком связан с эмпирией, а где в жизни можно найти тело, на которое не действуют силы? ... Декарт же основывал

свой закон именно на богословских представлениях. Он говорил, что Бог неизменяем в себе, а отсюда следует, де, что Бог и неизменным образом действует в мире. Что значит последнее, нам трудно понять, но оставим это на богословской совести Декарта. А отсюда следует, — говорил он, — что Бог сохраняет существование вещи в том виде, в каком она была в какой-то момент, пока на нее не подействуют другие, то есть закон инерции.

Этот пример можно считать парадигмальным. То же касается, например, и закона сохранения энергии. Фундаментальные законы не доказываются, — какие бы эксперименты могли бы доказать их аподиктичность? — они просто принимаются сообществом. Но у них должна быть какая-то эвристическая поддержка, и нередко это некие метафизические или религиозные представления.

Немало слов о связи религии и науки можно было бы сказать в отношении **математической теории множеств**. И это не случайно, поскольку проблема бесконечности, а именно актуальной бесконечности Божества, всегда была одной из классических проблем богословской рефлексии. Создатель теории множеств Георг Кантор в своих работах, особенно ранних, настолько часто упоминал имена Августина, Дионисия, Ареопагита, Николая Кузанского, что его отказывались печатать в математических журналах: говорили, слишком много философии и богословия. В дальнейшем, любое углубление дискуссий о теории множеств традиционно приводило к обсуждению связи с метафизическими и религиозными проблемами, вплоть до претенциозных математических доказательств бытия Божия в опубликованных посмертно работах Курта Геделя. Но по недостатку времени мы не можем специально останавливаться на этих вопросах.

Далее мы переходим к **философии**. Философия занимается, собственно, уяснением смысла. Людям обычно все понятно, они уверенно рассуждают и спорят обо всех вещах, и все для них ясно. Философ же имеет особую добродетель — добродетель непонимания. Там, где все кажется ясным, он говорит: «Вот этот момент, пожалуйста, поподробней...». Да и вообще, задает вопрос: что это значит — «ясно», «наука доказала», что значит «доказать», «понимать»? Что значит *ясность*, *понимание*, *доказательство*? Эти вопросы были поставлены в европейской культуре еще в античной философии, и породили разные ответы. Античная философия выделила, во-первых, понимание доказательства как некоторую систему связанных утверждений. Аристотель построил свою знаменитую логику как некоторую систему формальных правил вывода одних положений из других. А во-вторых, осознала, что исходные положения, которые невозможно ни из чего вывести, должны пониматься особой способностью, непосредственным зрением, *интуицией*. Греки называли это $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$. Тем самым, в человеческом разуме было выделено два этажа: $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ и $\delta\acute{\iota}\alpha\nu\omicron\iota\alpha$, непосредственное интуитивное воззрение, теория, и способность логически рассуждать. Это разделение вошло в дальнейшем во все европейские языки. Мы говорим разум и рассудок, на немецком это будет *vernunft* и *verstand*, во французском *intelligence* и *raison*, в английском *intelligence* и *reason*.

Вопрос, что значит истинное познание, неотделим от науки. Любое серьезное фундаментальное продвижение научного знания связано, так или иначе, с обращением к философским основаниям науки. Так, например, в современной физике говорят иногда о *Теории всего*. Слово *теория*, как уже

было отмечено, происходит от греческого θεωρία, что значит видение, созерцание. Истинная теория есть истинное созерцание. Физика многое объяснила в материальном мире, существует разные теории всего, но можно ли построить теорию совсем всего, так чтобы наука объясняла вообще все? И вот философское размышление, связанное с этим, показывает, что такая теория невозможна. Дело в том, что все наше познание в естествознании осуществляется в ситуации *разделения на субъект и объект*. Субъект есть тот, кто имеет видение, а объект — то, на что смотрят, что изучают. Если бы была построена теория всего, то это значило бы, что мы имеем видение (понимание) вещей и процессов всего материального мира. Но вставал бы принципиальный вопрос: а кто есть тот, кто все это видит? Он ведь тоже принадлежит этому миру, но по самому определению видения он находится вне него, смотрит извне, то есть эта теория, объясняя все, не включает в свое понимание, в свое видение самого видящего. Другими словами, теория всего в научной методологии субъект-объектного разделения невозможна.

Эти соображения в своей исторической форме были найдены уже в древнегреческой философии. Не случайно одной из заповедей этой философии стало Сократовское Γνῶθι σεαυτόν, «Познай самого себя!» (Дельфийский оракул, Сократ и др.). Идеальное познание этого рода античная мысль приписывает именно Богу. Так, Бог у Аристотеля есть полнота познания, субъект и объект в нем совпадают, его деятельность сводится к тому, что он мыслит самого себя. Это философская конструкция Аристотеля была отражением религиозной культуры, где в религиозных посвящениях адептам открывалась божественная полнота самопознания (Елевсинские мистерии). Эти языческие прозрения в идею полноты истины были, конечно, только прообразами христианского понимания полноты ведения. Так, апостол Павел говорит об «уме Христовом», который должны иметь христиане. Что это такое, можно усмотреть из цитаты в Евангелия от Иоанна, где говорится, что Христос: «...не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо, Сам знал, что в человеке» (Ин. 2:25).

Но не только осмысляя наше познание в науке, сфере теоретического разума, мы приходим в философии к идее Бога. Попытка осознания наших действий в области права, морали, нравственности — в **области практического разума** — также ведет нас к идее Божества. Правовые и моральные нормы предполагают всегда некоторые общие представления о нравственности, о том, что такое добро, благо. Размышление ведет нас далее к вопросу о природе добра. Есть ли добро лишь некоторая совокупность условно и, следовательно, произвольно выбранных положений и ценностей, или же оно реально, то есть соответствует некоторому действительному порядку вещей в бытии? Если первое, если добро условно и номиналистично, то тогда трудно понять бросающуюся в глаза устойчивость моральных норм в истории. Несмотря на то, что нравы и обычаи людей разных эпох и обществ меняются, в главном они остаются тождественными. Кроме того, признание морали и добра чисто номиналистическими понятиями обесмыслило бы человеческую жизнь. Не было бы никакого смысла отстаивать справедливое и благое, высокое и святое, если бы они не имели никакого онтологического значения... Жизнь потеряла бы серьезность духовной составляющей и, по существу, свелась бы к чисто биологическим отправлениям. Однако опыт сердца, наша совесть, вся наша жизнь подсказывают нам, что это не так,

что разделение на добро и зло как-то укоренено в самом бытии. Что «царство ценностей», «царство добра» есть не просто слова, а обозначение некоторой реальности, опознаваемой в нравственной жизни личности. Что через нашу совесть говорит Самосущее Добро, Бог, являющийся Законодателем всей нашей нравственной жизни. Конечно, философия не может доказать это положительно и неопровержимо, но своим анализом, своим тщательным «прощупыванием» логических связей (Кант) она ясно показывает, что без предпосылки реальности Блага вся наша нравственная жизнь становится эфемерной, и вся наша жизнь вообще начинает тогда казаться какой-то бесконечно злой насмешкой над человеком (Достоевский)...

Еще одна важная сфера человеческой культуры должна быть обсуждена, когда мы говорим о соотношении культуры и религии. Эта сфера называется **техника, или сфера технологий**. Технология есть, собственно, методически организованное действие. Сегодня вся наша цивилизация существует на основе техники и на основе технологий. Священник Павел Флоренский справедливо подчеркивал, что человек для своей деятельности создает орудия, или материальные, или идеальные. Материальные — это лопаты, грабли, экскаваторы, научные приборы, микроскопы, телескопы, синхрофазотроны и т.д. В сфере идеального эти орудия суть *понятия*, с помощью которых человек осуществляет свою умственную деятельность. Сотворенный по образу Божьему человек также является творцом; он с помощью своего разума и с помощью техники изменяет природу так, чтобы она была более удобна для его существования. Он создает так называемую вторую природу: он создает дома, создает дороги для своих машин, создает аэродромы для своих самолетов и т.д. Бог дал человеку не очень много сил, но он дал ему разум, и с помощью этого разума человек изменяет природу как внешнюю, так и внутреннюю, то есть самого себя. Собственно, вся медицина и есть перестройка человеком самого себя, для победы над болезнями, для более комфортной жизни. Вся активность человека в медицине есть как бы подступы к принципиальной задаче победы над смертью. В отечественной философии, со свойственной нашей мысли стремлением к радикальным решениям, Н.Ф. Федоровым было выдвинуто учение о победе над смертью технологическими средствами, так называемая *философия общего дела*, или *воскрешение отцов*. Учение это было предельным выражением веры в науку и технологии. И оно, конечно, было утопией. Не говоря о возможностях развития технологий, Федоровский проект предполагает объединение всего человечества для решения этой сверхзадачи. Но грешное человечество не обладает такими моральными ресурсами, которые позволили бы ему объединиться в решении какой-то общей задачи. Задача объединения и оказывается камнем преткновения, людям не хватает чувства доброжелательности и любви для того, чтобы объединиться, и союзы их, создаваемые с самыми благородными и благими намерениями, все со временем распадаются. Только церковь Христова, поддерживаемая самим Богом, существует в истории и идет через века.

Претендуя конкурировать с Богом в творчестве, человек ставит и другую предельную задачу — *создание искусственного человека*. Согласно утопическим мечтаниям, создание искусственного человека могло бы также победить смерть, смерть естественно сотворенного Богом человека, и превратить человеческое общество в общество новых бессмертных существ —

киборгов. На пути решения этой сверхзадачи современным технологиям удалось справиться со множеством сложных задач: они научили машину шагать, была сконструирована искусственная рука, они научили машину распознавать образы и т.д. Но принципиальной задачей остается создание искусственного интеллекта — того центра, который будет управлять всей этой машиной. Говоря о создании искусственного человека, искусственного интеллекта, мы наталкиваемся на принципиальную проблему: а что такое человек? И что такое его интеллект, разум? Сводится ли человеческий разум к совокупности логических алгоритмов, которые можно смоделировать электронными устройствами? Мы говорили выше, что уже в мысли античной философии было осознано, что в человеческом уме, помимо рассудочной способности, налична более глубокая созерцательная способность, собственно, разум. Разум, интеллект, как способность формулировать принципы, и принимать решения есть нечто более глубокое, чем способность действовать по правилам. Как прекрасно говорил об этом Блез Паскаль: «Le coeur a ses raisons que la raison ne connoit pas» — «Сердце имеет свой разум, которого разум не знает». Так называемый искусственный интеллект, или, лучше сказать, искусственный рассудок, конечно, достаточно полезен в различных прикладных областях. Он быстрее считает, он может осуществлять некоторые человеческие функции, но быть действительно интеллектом он не может. Ключевым препятствием здесь является человеческая способность *свободы*, богоподобный дар Творца. Так называемый искусственный интеллект действует только по программе, он делает только то, что предсказывает ему программа, а смоделировать свободу, сколько ни будут сторонники искусственного интеллекта, им это никак не удастся и, конечно, никогда не удастся. А со свободой человека связаны все высшие его способности: творчество, любовь, вера, прозрения, — все это связано со свободой, и эти человеческие способности никогда не будут смоделированы информационными технологиями.

В человеческой культуре есть еще одна сфера, которая более интимно связана с религией, это **сфера искусства**. Здесь в искусстве человек тоже выступает как творец, но то, чего он ищет здесь своим творчеством, не есть просто реализация какой-то схемы, какой-то структуры, он хочет воплотить некий целостный образ действительности, он ищет здесь полноты и красоты. Что есть художественное произведение, что есть картина, что есть музыкальное произведение? Изображение дерева на картине есть не просто копия вот этого дерева, оно есть изображение дерева, преломленное через человеческое восприятие, оно есть изображение дерева, как бы растущего внутри человеческой души, оно всегда есть определенное *преображение* действительности. Это человеческое присутствие внутри изображаемого относится к любому произведению искусства. Казалось бы, если мы говорим о музыке, особенно непрограммной музыке, здесь трудно говорить о человеческом образе. Однако и здесь это справедливо. Когда мы слушаем, к примеру, пятую симфонию Бетховена, или первый концерт Чайковского, перед нами как бы встает некоторый образ человеческой души, переживающей все эти чувства, о которых говорит музыка. Тем самым, слушая музыку, мы творим некоторый *миф*, то есть определенное восприятие личности, как учил нас наш замечательный философ Алексей Федорович Лосев. Причем, как показывал Лосев, миф этот может быть разного уровня личностной актуальности. Все вещи, к которым

прикасается искусство, в определенной степени олицетворяются и преобразуются. И эта олицетворяющая природа искусства опять приводит нас к религии, к Богу. Естественное восприятие жизни верующего человека неотделимо от этого персоналистического тонуca. Все происходящее с ним он воспринимает как определенный диалог с Богом, все жизненные обстоятельства, в которые он оказывается поставлен, интерпретируются как определенная реплика Бога, на которую верующий должен так или иначе ответить. Жизнь в этом смысле есть разговор с Богом и одновременно испытание человеку. Вот и искусство, в определенной степени, реализует этот разговор с Богом, разговор через природу. Но природа здесь уже нагружена личностными характеристиками. Лес, небо, вода — все это суть определенные реплики в нашем разговоре с природой, и через нее с Богом.

Наука есть также разговор с природой. Но это есть разговор, в котором мы навязываем природе определенный язык, сегодня это язык математики. Мы испытываем природу на то, как она может говорить на этом языке, и она не всегда им владеет. Это есть большое ограничение в рамках большого диалога человека и природы. Искусство в этом смысле более свободно, оно допускает реплики самого разного характера, и отнюдь не предписывает какого-то заранее заданного языка. Как сказал русский поэт:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Ф.И. Тютчев

В религии человек находит свою истинную Родину, свой истинный Род, свой истинный образ. Принадлежит к природе, человек всегда чувствует, что он есть нечто большее, чем природа, что он есть личность, начало к природе не сводимое. Истинное чувство Родины, дома требует общения с личностями. Общение с ближними, себе подобными — отнюдь не простое дело. Засоренное грехом и страстями, оно нередко вызывает отталкивание от людей, вплоть до мизантропии. Человек хочет понимать, и хочет, чтобы понимали его. И на первом месте: «Γνῶθι σεαυτόν», «Познай самого себя...». Человек понимает, что он грешен, но он хочет не только истины, как констатации факта, он хочет и милосердия, любви. Он хочет благой Истины, спасающей Истины... И в христианстве он встречается этого Собеседника, который есть сама Истина, но и сама Любовь. Христос открывает человеку правду о нем самом, но он и помогает ему превосходить себя, соединиться с собой. И общаться с ближними в любви. Во Христе человек находит свой истинный образ, истинный круг общения, который он всегда предчувствовал, но не мог найти в природе. Но разве это возможно, соединиться со Христом, с Богом?... Церковь и ее святые показывают ему, что все это реально. Познав Христа-Истину, человек в дальнейшем этим светом Христовой истины оценивает и все остальное: и природу, и философию, и политику, и науку, искусство и все. И если культурное творчество его будет перед Лицом Христа, то он всегда разберется, что ему позволительно, а что бесполезно. «Не отвержи меня от Лица Твоего...»

Нам невозможно сегодня обойти **вопрос войны**. Война, смерть — это тоже часть культуры. Смерть — это не просто околевание (Хайдеггер), не просто похоронный обряд, это и очная ставка с Вечностью: зачем жил, как умер? Война это не просто «большая рыбка съела маленькую рыбку», это проверка: зачем живем, во что верим, за что готовы умереть? ... В истории всегда понимали, что воюют не только люди на Земле, но и боги на небе. А если Бог один, то как? ...А так, что есть воинство Божие, а есть воинство дьявольское. И каждое создает свою церковь. «По плодам узнаете их...». Мы видим, какую культуру несет нам сегодня так называемый «цивилизованный Запад». Несет и вообще отмену культуры: Чайковского, Пушкина, Достоевского, Гоголя и т.д. По этой культуре, и антикультуре расчеловечивания, уничтожения образа человеческого познаем мы и то, какое духовное воинство стоит за ней. Но Бог поругаем не бывает. Ярчайшим выразителем русского понимания ратного дела был не проигравший ни одного сражения генералиссимус Александр Васильевич Суворов, сказавший: «Молись Богу — от Него победа. Бог наш генерал, Он нас и водит». Решимость, мужество, готовность на подвиг всегда отличали русского солдата, вдохновляемого Евангельскими словами Христа: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13). Христианское воспитание, молитва давали русскому воинству духовную силу одолевать сопротивляющегося врага, а победив, относится к нему с милосердием. И если Бог с нами и мы с Богом, то и победа будет за нами.

Мы видим, что вся наша культура всегда связана с определенной **антропологической матрицей**. От того, как мы мыслим человека, зависит и то, что мы вкладывает в понятие разума, и как нам строить нашу науку, нравственность, технологии и т.д. Эта антропологическая матрица есть выражение фундаментальных свойств человека, того, что есть, и того, что должно быть в нем. Причем последнее определяет себя всегда в соотношении с Идеалом, с Трансцендентным, с Богом.

ПОЭЗИЯ

Ярослав КАУРОВ

МЫ УНИЧТОЖИМ ВАС! МЫ БОЛЬШЕ НЕ ПРОСТИМ!

Ярослав Валерьевич Кауров — родился в 1964 году. Окончил Горьковский медицинский институт им. С.М. Кирова. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, нескольких монографий и одного открытия. Имеет тринадцать поэтических сборников. Печатался во многих известных периодических изданиях. Член Союза писателей России. Автор-исполнитель песен. **Живет в Нижнем Новгороде.**

* * *

Россия — для русских духом!
Вот лозунг нам на века.
Прорвемся, не хнычь, братуха,
И помни: ты — сын полка!
У русских своя натура —
Все вспомнится в нужный час!
И наша литература
Всегда собирает нас!
Как пуншем полная чаша
В гусарских крепких руках
Кипит поэзия наша,
Внушая подонкам страх.
Мы — разные! В этом сила!
Границы России — Мир!
Врагов насадим на вилы,
С друзьями устроим пир!
И жертвы святой примером,
Неведомой торгашам,
Христианская наша вера
Дорогу осветит нам.

ЛЕПЕСТОК СМЕРТИ

Прилетает «Лепесток»
С запада да на восток,
Яда огненный глоток,
Ада пламенный росток!
Из весьма культурных стран —
Там, где лондонский туман,
Даже через океан
Их приносит «Ураган».
И теперь узнаешь ты,
Что у Смерти есть цветы
Из абстрактной красоты,
Пластиковой пустоты.
Как игрушки для детей...
Пряток, салочек, затей
С переломами костей
И посевами смертей!
Нежной розы лепестки,
Как принцессы алый рот, —
Из прозрений вот таких
И любовь сама цветет:
Для любимых лепестки
Устилают к счастью путь,
Ароматны и легки,
Рады к плоти их прильнуть.
Но безумия поток —
Мины легкой лепесток,

Словно масла кипяток,
Молний взрывчатых моток!
К дому, где с семьей живешь,
В школу, в детские сады
Их приносят летний дождь
Как предательства плоды!
С веток падают и с крыш
На асфальт и на траву,
Где гуляет ваш мальш,

Где родители живут.
Давит жизни, как коток,
Чьей-то подлости исток,
Чьей-то жадности итог —
Мины легкой лепесток!
Прилетает «Лепесток»
С запада да на восток,
Яда огненный глоток,
Ада пламенный росток!

ВОЙНА ИДЕТ СТЕНОЮ

Третий раз за столетье стервятникам пир,
Снова мы наступаем на ржавую мину,
Снова с «фрицами» делим разделенный мир
И разменной монетою вновь — Украина.
Где надменного кайзера дрались полки,
Где фашисты из лужи кровавой лакали,
Вновь вгрызаются в плоть ненасытно клыки
Из расплавленной, взрывом разорванной стали.
Сколько можно прикармливать кровью зверей?
Сколько нужно еще судьбоносных уроков?
Нет в Европу для нас ни окон, ни дверей,
А Европа — бедлам из ханжей и пороков!
Если в этом культура, — культурна она,
Воровством и враньем покорявшая страны?
Мы должны осознать: между нами — стена,
И уже никогда не закроются раны!
Огнестрельным оружием взявшая власть,
Навязавшая миру слепую Фемиду,
Над планетою силится властвовать всласть
Эта маленькая колыбель геноцида.
Хвалят тех, кто не хочет подняться с колен!
Европейцев предательство нам надоело!
Мы должны разорвать этот тягостный плен
И смотреть им в глаза через прорезь прицела!

ГЕРОЯМ ДОНБАССА

Который год идет Бессмертный полк,
Смеются, плачут люди год от года,
И не возьмут никак буржуи в толк —
Зачем все это русскому народу?
Как все смеялись: «Прошлогодний снег!
В далеком прошлом русские победы!
Не может современный человек
Так душу свою рвать за славу дедов!»
Нет, слава дедов вечна — на века!
Смотрите, вот и новые герои!
Они — ростки Бессмертного полка,
Из дедовского вышедшие строя.
Они идут и ускоряют шаг —
Уничтожать фашистскую заразу,

Находят, как злокачественный рак,
И вырезают эти метастазы!
Герой России Старостин Антон,
На танке защищая переправу,
Нанес врагу существенный урон,
Нетленную заслуживая славу!
Как в сорок первом, завязался бой —
Из-под обстрела выносила снова
И закрывала раненых собой
Сестра Екатерина Иванова!
Ну, кто б еще помыслить только мог,
Чтобы фашизм взошел на Украине?!
Как попустил такую мерзость Бог —
Дахау повторенье и Хатыни?
Мы справимся! Любой посилен труд.
Нам звездами великий путь начертан.
И в мире все почувствуют, поймут,
Что новым героизмом Полк бессмертен!

* * *

Весною ранней наряжаются березки
Моей России — неисхоженной страны.
Им очень нравятся неброские сережки,
Как юным девушкам недавней старины.
Потом черемуха засыплет землю снегом —
Прозрачной вьюгой белоснежных лепестков,
Нарциссы к небу устремят свои побеги,
Тюльпаны вспыхнут — вечный замысел таков.
Но, как весною оживляется проказа,
Так неизменно в нежной зелени видны
Цветы вороньего завистливого глаза
И волчьей ягоды, и черной бузины.
Весной мы празднуем Великую Победу —
По всей Вселенной от нее круги,
Но по кровавому оставленному следу,
Как волки в поле, рыскают враги.
И в дни такие ненависть Европы,
Из лицемерья явленная в свет,
Наотмашь режет толеранты-стропы —
И ясно, что врага подлее нет!
Как часто брали мы чванливые столицы.
За всю историю десятков раз могли
Не вспять в Московию с победой удалиться,
А вымести их плоть, как грязь, с лица Земли!
Они взрастили свастику всем миром —
В Европе не было антифашистских стран!
И вновь все те же черти и сатиры
Убийц-фашистов шлют к нам на таран!
Чертополохом став, вы прорастете в поле —
И вновь развеется фашизма черный дым.
Терпению конец. Всё в нашей воле:
Мы уничтожим вас! Мы больше не простим!

ШОЭЗИЯ

Валентина КУРИЦЫНА

АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ

Валентина Алексеевна Курицына — родилась в 1979 году в Москве. Кандидат филологических наук. Сотрудница аппарата Издательского совета Русской Православной Церкви (исполнительный редактор). Основной лектор передвижного культурно-просветительского проекта «Русские писатели: путь к Богу». Статьи, обзоры и рецензии в журналах «Православное книжное обозрение», «Православный христианин», «Батя» (интернет-издание). Награждена Патриаршим знаком «700-летие Преподобного Сергия Радонежского» и медалью преподобного Епифания Премудрого III степени. **Живет на два дома: в Москве и в Боровском районе Калужской области.**

* * *

Антоновские яблоки — везде,
Пахучие, налившиеся, спелые.
Плодами август ветки приодел,
И все сады сияющими сделались.

Антоновские яблоки — ковром,
В садах, в домах рассыпаны
и светятся.
Шкаф полнится вареньем и вином.
Корзины, банки вверх несут
по лестнице.

Антоновские яблоки — шатер
Ветвей, плодов и листьев,
сока капельки.
Всё падают в сады и за забор
Антоновские солнечные яблоки.

* * *

Коврами яблоки засыпали сады,
И мед везут янтарный
с разных пасек.
Ночами звезды смотрятся в пруды,
Их с каждым днем все позже
утро гасит.

Все та же вечерами тишина.
Кузнечики поют по всей деревне.
Белеют флоксы около окна,
Под колокольной
две сороки дремлют.

Темнеет в глубине домишко древний,
Лениво кот шагает по песку.
А я который день варю варенье
И забываю ухватить строку.

* * *

Ноябрь обнажает суть.
Деревья — только силуэты,
От солнца прячется планета,
И может лед звездой блеснуть.

Остался в прошлом листопад
И запах яблочный по селам.
Стоит усталый, тихий сад,
А был и шумным, и веселым.

Всем цвета пепла облака
На сером небе надоели,
И дышит холодом река
На омуты свои и мели.

До дрожи темная вода
С замерзшим водяным у ивы...

Века прошли или года
С того, апрельского, разлива?

И где снега, росинки нить?
Где солнце яркое, как летом?
Всё в срок. Сейчас же — не забыть:
Темней всего — перед рассветом.

* * *

Разлив реки. Где берег был — там остров.
В озера превратились вдруг луга.
Куст из воды торчит макушкой острой,
А солнце в воду сыплет жемчуга.

Река идет. Вода почти до леса.
Полней, слышней ручьи и родники.
И облака высокие, небесные
Плывут как будто тоже вдоль реки.

Глядятся в воду с островков деревья.
С холмов рекой любят сады.
И веет сказкой с древними поверьями
О силе мертвой и живой воды.

* * *

Листья лимонные, желтые, теплые
В лужах плескаются каплями солнца.
В вазах букеты из кленов за стеклами.
Ветер шалит и над лесом смеется.

Дуб всколыхнет, потревожит осину,
Тонким березкам сгибает верхушки,
С ветки куста унесет паутину,
Старый орешник качнет на опушке.

В город вернется, листву обрывая,
Астры пригнет, всколыхнет георгины.
Птиц в теплый край до весны провожая,
Машет им вслед тонкой веткой рябины.

* * *

Кто б объяснил, как слово входит в жизнь
И как неслышно в мир крадется осень,
Как лист лесной, не падая, кружит,
И сердце, затаясь, лишь ждет — не просит.

Год непростой уже который год,
И оптимизм соседствует с юродством.

А жизнь, как поезд, знай себе идет,
Мешая здравый смысл с сумасбродством

Всю осень в поездах: вперед, назад.
Вокзал привычный. Узкий подоконник.
Октябрь. Листопад. Глаза в глаза.
И клен смущенно красный, словно школьник.

* * *

Остоженка. Прабабушкина шаль.
«Братя Тонеть», тарелка Кузнецова.
Поскребышем зимы бредет февраль.
И льдинки — как обломки леденцовые.

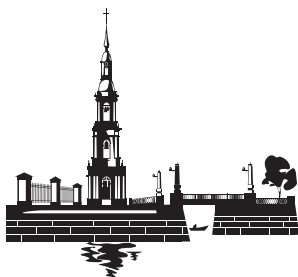
Илья Обыденский. Дом с рюмкой. Хоровод
Домов и переулочков с палатами.
Московский серо-синий небосвод
И облака привычные, лохматые.

А снег так щедро сыпался с небес,
И Кремль звал соборами и башнями.
И стол скрипел немного в РГБ
Под стопками — заказами вчерашними.

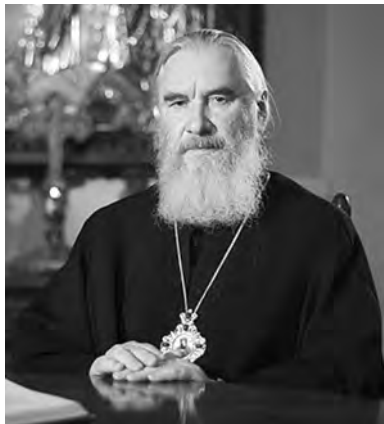
И второпях — опять скоро в метро —
По тротуарам, площадям и лестницам
Вновь в современность: дел невпроворот,
Мечты и сказки кажутся нелепицей.

Особенно когда так не попад
Они приходят в спешке стаяй снежной.
...Бредет старик куда-то через парк,
Бросает крошки воробьям неспешно.

Он, кажется, снежинке каждой рад.
Он видит свет, хоть скуп февраль на краски.
Старик (иль старец?), город, снегопад —
Чем не сюжет для новой зимней сказки?

Точка ЗРЕНИЯ

**Митрополит Калужский
и Боровский
КЛИМЕНТ (Капáлин)**

**ЦАРЬ, ВСЕЦЕЛО
ПРЕДАННЫЙ
БОЖЬЕМУ
ПРОМЫСЛУ**

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капáлин) — доктор исторических наук, профессор Калужского государственного университета, председатель Издательского совета Московского патриархата. В 2003–2009 гг. управляющий делами Московской патриархии и постоянный член Священного синода. Председатель комиссии Межсоборного присутствия РПЦ по вопросам организации церковной социальной деятельности и благотворительности. Автор многих книг и статей, имеет награды, в том числе государственные и РПЦ.

Недавно мы преодолели вековой рубеж событий, которые потрясли устои Российского государства, изменили направление общественно-политического, идейного культурного развития.

Наверное, по этой причине сегодня как никогда игнорируется постулат Карла Хампе, сказавшего, что «история не знает слов “если бы...”», и чаще обычного завязываются дискуссии о других возможных судьбах нашей страны. Как правило, рассуждения укладываются в герцинские темы, и ответы нередко звучат уж очень тривиально. Будто бы история России получила совсем иное — благополучное и мирное развитие, будь лишь последний Император более одаренным, решительным, властным государственным деятелем.

Но у многих зачастую отсутствует понимание глубины обсуждаемого вопроса. По каким критериям главу государства можно признать сильным, мудрым, харизматичным правителем? Он ведет свою страну от успеха к успеху во внешней и внутренней политике, при нем социальное благосостояние растет, культура переживает свой расцвет и т.д.? Но в реальности у всех без исключения правителей всех времен и народов были как достижения, так и провалы. Тот, кто вошел в историю как непобедимый, мог в реальности проиграть примерно треть битв.

Кроме того, если собрать воедино все существующие мнения об Императоре Николае II, то нетрудно заметить противоречивость обвинений в его адрес как главы государства. Одни упрекают его за политическую косность, вспоминая, что он не спешил даровать столь желаемые многими свободы в разных областях жизни, желая сохранить самодержавие, и в жестком отношении к «ина-

комыслящим». Другие, наоборот, ставят ему в вину излишнюю мягкость к революционерам и склонность прислушиваться к мнениям недобросовестных людей. А речь идет об одном и том же правителе. Нельзя упускать из виду субъективность наших оценок любой исторической личности.

Так, на вопрос о царе Федоре Иоанновиче, вероятнее всего, последуют негативные оценки. Многие считают, что он был человеком недалекого, совсем не государственного ума, довольно слабым государем, малоспособным к управлению страной. Но если так, то напрашивается вопрос: каким образом при нем государство наращивало свой потенциал, прирастало территориями, достигло и других ощутимых успехов, если оно управлялось слабым, неспособным монархом? Как правило, в таком случае указывают на окружение царя Федора, на мудрых и дальновидных государственных деятелей его эпохи, имея в виду в первую очередь Бориса Годунова.

А если спросить, был ли сильным, умным правителем царь Иван III, то без заминки последует положительный ответ, подтверждаемый многочисленными примерами его побед и успехов. Но я задам еще один, совершенно логичный вопрос. А разве в его случае окружение не играло никакой роли? Разве в одиночку добивался этот государь своих военных и политических побед? Я считаю, что во всех случаях окружение монарха нельзя списывать со счетов. Оценивать личность государя так, как будто все и везде зависело только от него одного, неправильно.

И не только окружение играет роль. Мне очень симпатичен как историческая личность князь Владимир Храбрый, герой Куликовской битвы. Это был талантливый военачальник, мудрый правитель и, полагаю, весьма достойный человек (исторические источники дают основания так думать). Он возводил крепостные сооружения и придавал большое значение строительству храмов. По его просьбе святитель Алексий и преподобный Сергей Радонежский основали монастыри в Серпухове.

Со своим двоюродным братом, Великим князем Дмитрием Донским, князь Владимир Храбрый старался жить в согласии. Случавшиеся иногда размолвки и споры в итоге решались миром, и до междоусобиц не доходило: оба князя и заповеди Божии помнили, и людей берегли, и мудрость имели. Казалось бы, все должно было получаться у такого князя. Но победа, одержанная на Куликовом поле, не принесла его земле желанного покоя. Еще долгие 100 лет среднерусские города, в том числе Серпухов и Малоярославец, страдали от разорительных набегов.

Так что далеко не всё зависит от одного человека, даже самого великого. Помимо экстраординарных личностей, на ход истории влияет вся совокупность реалий той или иной эпохи, среди которых можно выделить не только субъективные, но и объективные, в частности — климатические условия. Например, три подряд неурожайных года во многом настроили народ против царя во времена правления того же Бориса Годунова. Не все проблемы, тяготы, сложности, острые ситуации по силам разрешить даже самому лучшему правителю.

Не в качестве источника, а как иллюстрацию хочу привести одно из современных произведений художественной литературы, в котором автору удалось, на мой взгляд, точно передать исторические реалии более чем столетней давности через отражение в судьбах их участников. Юные герои книги «Жизнь как на ладони» Ирины Богдановой (номинанта Патриаршей

литературной премии прошлого года) много сил и времени отдали работе в госпитале, ухаживая за ранеными солдатами, и вместе со взрослыми были удостоены аудиенции у Императора.

Один из них — гимназист Тимофей Петров, попавший в столицу из глубинки, сначала принял невысокого, скромно одетого офицера за адъютанта. Но очень скоро по поведению взрослых он узнал в нем царя и «впились глазами в лицо Николая Второго, ища в нем черты человека с открытки из красного угла в родительской избе. Государь был похож и не похож. На открытке самодержец был значительно моложе и выглядел суровым и неприступным. Здесь же, стоя столь близко, что можно было слышать его дыхание, он казался простым и сердечным, таким, каким и должен быть настоящий родной отец для всех своих подданных».

Надо признать, что именно искусственный, «открыточный» образ Императора, преднамеренно искаженный, обогланный и ошельмованный идейными противниками самодержавия, долгие десятилетия закреплялся в сознании советских людей. И сегодня обнаруживаются носители штампов этой ментальности, которые стремятся всеми силами сохранить за последним Императором России дурную славу.

Но лично знавшие Николая II люди, даже бывшие скорее его противниками, чем сторонниками, засвидетельствовали положительные качества его личности. К числу таких людей принадлежит известный государственный деятель С.Ю. Витте (1849–1915), однажды признавший, что «у императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе». В общении со всеми людьми государь проявлял редкую для людей, облеченных неограниченной властью, чуткость и внимание к собеседнику. «Он очаровывает как своею сердечною манерою, обхождением, так и в особенности и своей удивительной воспитанностью», — писал граф Витте.

Сердечную деликатность царя дополняли интеллигентность и образованность. Личный врач Императорской семьи Е.С. Боткин (1865–1918), который добровольно сопровождал Царственных узников в ссылку и был убит вместе с ними, находил Николая II «самым интеллигентным и образованным человеком».

Есть немало положительных отзывов о последнем Императоре России и со стороны приближенных ко двору и высокопоставленных государственных деятелей, которые в силу своих обязанностей имели возможность близко наблюдать Николая II в официальной обстановке и в повседневной жизни. Эти люди, подобно графу В.Н. Коковцову (1853–1943), даже при допросе не страшились утверждать о царе: «Я хорошо знаю его характер и могу сказать по совести...». Если сравнивать степень субъективности их суждений и мнение тех, кто порочил самодержавие со стороны, опираясь более на свою принципиальную неприязнь к монархическому строю, чем на непосредственные наблюдения, то следует признать более достоверными слова первых, как прямых очевидцев.

Еще одним аргументом в пользу свидетельств о Николае II людей из круга его общения является запечатление ими не только достоинств, но и недостатков действий главы государства. Тот же Коковцов говорил о последнем монархе: «Как всякий, он мог ошибаться в средствах» или «он мог ошибаться в выборе людей, окружавших его». Надо заметить, что известный судебный деятель А.Ф. Кони (1844–1927) выразился по этому поводу,

быть может, и резко, но вполне определенно, говоря о трусости и предательстве, которыми был окружен Николай II. В малодушии подчиненных, «а не в недостатке ума или воли» самого царя, по мнению Кони, крылась главная причина лично царской и общегосударственной трагедии.

В этом контексте еще более убедительно звучит даваемая теми же людьми высокая оценка человеческих качеств Николая II. «Сознательно он никому не причинил зла, — свидетельствовал о нем В.Н. Коковцов, — а своему народу, своей стране он желал одного — величия, счастья, спокойствия и преуспевания», его «самым горячим убеждением» была вера в Россию, «в особенности русского человека, в его преданность себе». Эту оценку подтверждают слова военного министра генерала А.Ф. Редигера (1854—1920), написавшего, что Император считал себя оптимистом, «и действительно, он даже в трудные минуты сохранял веру в будущее, в мощь и величие России».

Кроме того, военный министр отмечал волевые качества последнего российского Императора. По воспоминаниям Редигера, «несмотря на выпадавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником». Человеком «с большой волей» называл Николая II еще один из его приближенных — полковник А.А. Мордвинов (1870 — не ранее 1921), чьи слова приведены в названии данной статьи. Как адъютант царя, Мордвинов характеризовал его, исходя из личного общения и наблюдения в разных жизненных ситуациях, подчеркивая, что Император обладал «волей не напоказ» и умел «сдерживать себя, не думать о себе, подчинять свои собственные убеждения чувству долга». Эти качества присущи только сильным натурам с внутренним самообладанием.

До нас дошло немало других свидетельств современников о выдержанности государя, поскольку при его жизни многие не понимали этой черты его характера. Одни ошибочно думали, что отсутствие у него «яркой» реакции на события свидетельствует о равнодушии, другие видели в этом признаки бесхарактерности. И те, кто знали об истинном отношении Николая II к происходящему, хотели опровергнуть неверные трактовки его поведения. Так, по мнению генерала В.И. Гурко (1864—1937), «внутренне он был, наоборот, до чрезвычайности упорен и непоколебим», что следовало именно из того, что государь не выказывал своих эмоций: «никогда его не видели ни бурно гневным, ни оживленно радостным, ни даже в состоянии повышенной возбужденности».

Исключительная выдержка Николая II коренилась в безграничной вере и полном доверии Богу. Он сам объяснял причину своего спокойствия всецелым преданием себя Божьему Промыслу. Он признавал, что им движет несокрушимая уверенность «в то, что судьба России, моя собственная и судьба моей семьи — в руках Господа. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей». Столь великодушно переносить тяжелейшие скорби способен не всякий признающий себя верующим в Бога, но лишь самоотверженно следующий за Христом и укрепляемый благодатью Святого Духа. Такой человек не может быть слабым и безвольным.

Подчеркну, глубокую самоотверженную веру самого государя разделяла вся его семья: и супруга, и дети. Немало ценных свидетельств о порядках и внутреннем строе жизни царственных страстотерпцев оставил камердинер государя Т.И. Чемадунов (1849—1919), проследовавший за Царственными

страстотерпцами в ссылке. По его свидетельству, в быту этой семьи (что касается питания, одежды, домашнего обихода) не было излишеств, роскоши. Между всеми ее членами существовали добросердечные и простые взаимоотношения. Да и вся жизнь Царской семьи характеризовалась простотой и скромностью. Ее отличием была искренняя религиозность. Никто не приступал к еде без молитвы, а присутствие за богослужением было для всех «не только христианским долгом, но и радостью».

Даже в последние месяцы жизни, когда их держали под арестом, Императрица продолжала воспитывать детей в православии, приучала находить в чтении Священного Писания

пищу для души, обнаруживать всякий раз новое и глубже понимать смысл Божественного Откровения. В одном из писем, написанных в Екатеринбурге, Александра Федоровна упоминала о таких занятиях и о своей подготовке к ним: «Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу».

Думаю, все более вдумчивое обсуждение в последнее время личности и царствования Николая II делает крайне актуальным научный подход в оценке различных аспектов данной темы. А пока вопрос, насколько сильной личностью и хорошим правителем он был, закрывать рано. Необходимо изучить больше достоверных фактов, оригинальных документов, первоисточников. Многие из них сохранились. Так что время аргументированного разговора на уровне научных исследований не так далеко. Но уже сегодня можно с уверенностью признать, что Царь страстотерпец был истинно верующим православным христианином, хорошим семьянином, внимательным отцом, весьма достойным, образованным, внимательным человеком, искренне любящим Россию, до конца стремившимся выполнить свой долг перед страной и ее народом.

*Художник И.С. Галкин.
Николай II. 1898 г.*

Точка ЗРЕНИЯ

Борис ГАЛЕНИН

О ФАНТОМЕ ФЕВРАЛЯ 1917

Борис Глебович Галенин — родился в 1947 г. в Москве. Окончил механико-математический факультет МГУ, кандидат техн. наук. Действительный член Общества изучения истории отечественных спецслужб. Специалист по российской и всемирной военной истории. Автор более полутора десятка книг и нескольких сотен статей по малоизученным вопросам истории Российской Империи, в т.ч. фундаментального труда «Цусима — знамение конца русской истории». Кавалер ордена Святого Стратотерпца Царя Николая (РПЦЗ) и других церковных и общественных наград. **Живет в Москве.**

Скоро минет почти век с тех пор, как флигель-адъютант Императора и контр-адмирал Императорского Флота Симеон Симеонович Фабрицкий в своих воспоминаниях о Мировой войне и февральской катастрофе 1917 г. выразил надежду, что «настанет время, когда безпристрастная история воздаст должное *Величайшему из Русских Царей Дома Романовых*, в царствование коего, *несмотря на полное отсутствие способных помощников* и на ведение двух кровопролитнейших войн, Россия шла колоссальными шагами по пути прогресса и обогащения.

Теперь ни для кого не секрет, что Россия была накануне полной победы и, не будь измены ближайших к Трону лиц, Европейская война была бы закончена блестяще, и Россия была бы первой Державой мира и народ ее самым богатым.

Доведением войны до конца Россия была бы обязана одному лишь Государю Императору...

Он единственный до последнего дня не терял присутствия духа, не знал усталости или упадка энергии. Все с той же неизменной улыбкой, всегда ласковый и бесконечно добрый, Государь, приняв на Себя всю ответственность, *окруженный сплошь недоброжелателями или зазнавшимися рабами*, спокойно делал свое дело, *как часовой на посту.*

Можно смело сказать, что Государь был **единственным человеком в России, который упорно желал довести войну до победного конца, что и было одной из причин Его гибели.**

Государь Император Николай II процарствовал двадцать два с половиной года, ведя страну к неизменному процветанию, и подданных своих к обогащению на зависть всем соседям.

С чувством искреннего восторга и гордости вспоминается колоссальный рост промышленности, такое

быстрое развитие техники, великолепные железные дороги, огромный вывоз за границу, широкие внутренние и внешние кредиты, высокое качество зерна и муки, легко конкурирующих на рынке, все улучшающийся административный аппарат, образцовая армия и прекрасно оборудованный флот.

Всем этим Россия обязана не бесталанным министрам или Государственной Думе, проводящей время в пустых разговорах, а исключительно Государю Императору, шедшему наравне с веком и вкладывавшему в Свое служение Родине всю Свою душу, все Свои помыслы и энергию.

Заканчиваю свои воспоминания с глубокой верой в то, что настанет, наконец, час возрождения многострадальной Родины нашей и образумившийся народ русский воздаст должное каждому по делам его, вознесет горячие молитвы к Всевышнему о злодейски убиенном Царе-Мученике и причислит Его к лику Святых»¹.

В словах адмирала нет ни малейшей неправды или преувеличения. Два десятилетия правления Царя Николая II, предшествовавшие Первой мировой войне, знаменовались крупнейшими достижениями Российской Империи во всех сферах ее государственного бытия.

Во время царствования Николая II Россия прочно вошла в пятерку наиболее развитых стран в отношении уровня развития науки, научно-технического образования и высокотехнологичных отраслей промышленности, *будучи первой среди них по темпам развития*, что сулило нам лидирующее место в мире к середине XX века².

За тридцать лет перед катастрофой 1917 г. промышленная продукция России выросла в пять раз, превысив темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира. Произошли качественные изменения в технике и технологии.

Качество русских промышленных товаров было таково, что, например, покупателей русского Дальнего Востока перед Первой мировой войной газеты предупреждали «остерегаться дешевых японских подделок, на которые ставятся русские клейма».

По уровню развития производительных сил Россия к 1914 г. стояла в одном ряду с Францией и Японией и отставала лишь от США, Англии и Германии. По степени концентрации производства Россия вышла на первое место в мире³.

В предвоенное пятилетие 1909–1913 гг. национальный доход России возрос более чем в 2 раза⁴, продукция всей промышленности по стоимости также возросла более чем вдвое, на четверть возросли обороты внешней

---

¹ *Фабрицкий С.С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин: Зинабург и К°, 1926. С. 160.

² См.: *Артоболевский И.И., Благодеров А.А.* Очерки истории техники в России (1861–1917). М.: Наука, 1973; *Виргинский В.С., Хотеев В.Ф.* Очерки истории науки и техники: учебное издание. М.: Просвещение, 1989; *Галенин Б.Г.* Царская школа. Государь Николай II и имперское русское образование. М.: РИЦ, 2014; *Борисюк А.А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. М.: ФИВ, 2017. 231 с.; *Мультатули П.В., Галенин Б.Г.* Россия в эпоху царствования Императора Николая II Благочестивого. Штрихи к портрету эпохи: в 2 т. М.: РИЦ, 2017.

³ Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1960–1974. Т. 12. С. 168.

⁴ Там же. Т. 10. С. 971; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Издание 1. СПб. 1890–1907. Т. 4/д. 472 с.

торговли. Продукция тяжелой промышленности увеличилась на 76%, то есть годовой прирост составил 17,1%¹.

Такой темп роста был отмечен в XX веке еще один раз — во время экономического взлета Японии в 1960-х годах.

Возросла товарность сельского хозяйства. Россия становилась мировым экспортером хлеба, готовилась потеснить Канаду и США. Причем отнюдь не по принципу: «не доедим, но вывезем», — никто насильно у производителей зерна хлеб не реквизирует.

Отметим, что к 1916 г. 90% посевных площадей были в крестьянских руках. Поэтому все столетние вздохи про крестьянское малоземелье являются злонамеренной клеветой.

Во время войны Россия оставалась единственной из воюющих стран, в которой к началу 1917 г. не ощущалось недостатка продовольствия. Напротив, в стране скопились излишки сельскохозяйственных продуктов в связи с некоторым сокращением хлебного экспорта².

Отметим также, что, вопреки широко распространенным представлениям, Россия уже между 1904 и 1914 гг. стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию.

Наконец, в демографии: население Империи увеличилось за двадцать лет в полтора раза. Причем рост его не прекратился даже во время Мировой войны.

Эти же годы навсегда остались в исторической памяти «Серебряным веком» русской культуры. При всей духовной неоднозначности этого «века», нельзя не признать, что Россия тогда была влиятельным центром мировой культуры.

И никогда, ни до, ни после, не увеличивалось так быстро, и не становилось на прочный фундамент социальных гарантий и льгот материальное благосостояние самых широких народных масс. Не говоря уж о так называемом «образованном обществе».

Достаточно сказать, что «согласно закону 1912 г. оклад учителя высших начальных училищ (тип учебного заведения наиболее точно соответствующего семиклассным советским школам) составлял 960 золотых рублей (около 1 млн. рублей в ценах 2008 г. и порядка 2,5 млн. сегодня) в год»³. Оклад профессора даже отнюдь не столичного университета был соответственно в 6–7 раз больше⁴.

При этом и зарплата квалифицированного рабочего в Российской Империи превысила в последние годы перед Мировой войной зарплату обер-офицера Императорских армии и флота.

Отдельной строкой скажем про военную промышленность Империи:

Флот: при Николае II строится более 400 военных кораблей, в том числе самые быстрые в мире эсминцы «Новик», линкоры и более 70 подводных лодок.

---

¹ Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. М.: Советская энциклопедия, 1949–1957. Т. 50. С. 135.

² Там же. Т. 50. С. 135, 202.

³ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 74.

⁴ Там же.

Авиация: построено 6,3 тыс. самолетов, в том числе первые в мире стратегические бомбардировщики, истребители и гидросамолеты.

Стрелковое оружие: налаживается массовое производство винтовок. Винтовка Мосина производится партиями до 1,3 млн. шт. в год, а патронов — до 1,5 млрд. шт. в год.

При Императоре Николае II шло активное импортозамещение в промышленности. Например, в машиностроении, где в начале века преобладал экспорт, к 1916 г. — во время войны! — происходит замена импортной техники на отечественную. Доля экспорта в машиностроении снижается с 70 до 30%. В 1913 г. более 40% всей тяжелой промышленности занимается производством средств производства, что и сделало возможным в годы войны собственными усилиями преодолеть снарядно-патронный голод, и создать к 1917 г. подавляющее огневое превосходство по всей линии фронта.

Ко всему прочему, техника Империи отличалась высочайшим качеством и служила десятки, а некоторые действующие образцы ее и более чем сотню лет. В частности, на Черноморском Флоте до сих пор в строю спасатель подводных лодок «Волхов» (с 1924 г. — «Коммуна»), служба которого началась в 1915 году. Корпус его сделан из специальной стали, которую сейчас невозможно создать. Секрет утерян.

Этому подъему, этим успехам и достижениям Россия обязана была в первую, если не единственную очередь, своему Державному вождю и Суверену. Что и естественно в условиях строя, именуемого Самодержавием.

Но если мы спросим, были ли счастливы современники этого царствования, осознавали ли они удачу, выпавшую волей провидения на их долю, и, тем более, понимали ли они, Кому обязана их Родина этим расцветом во всех буквально сторонах государственного и народного бытия, ответ будет негативным во всех трех случаях.

Во всяком случае, ответ, исходящий от представителей того самого образованного общества, задававшего тон всей общественной жизни России. Счастья своего русское общество конца XIX — начала XX в. не заметило, а если когда и обращало на светлые стороны жизни внимание, то уж с Государем Императором никак их не связывало. И уж тем паче в заслугу Ему не ставило. А между тем стоило бы, хотя бы ради простой справедливости.

Все русские государи заботились о своем народе. Но даже среди них Николай II выделяется исключительной добротой и безкорыстием. Мало кто знает, что Государь никогда не жалел личных денег для своих подданных. Первые свои четыре миллиона золотом, полученных Им от бабушки, Он потратил еще в 1891–1892 гг., когда как Наследник престола возглавил комиссию по помощи голодающим¹. А это порядка 150 млн. долл. США на 2017 год.

У всех предыдущих Царей все-таки оставался до конца некоторый личный капитал, что называется «на черный день».

У Государя к началу 1917 г. не оставалось практически ничего.

К Февралю 1917 г. последние царские миллионы были потрачены на военные госпитали и на новое вооружение для армии и флота. И деньги были не малые, по нынешним ценам на них можно было бы построить десять-пятнадцать атомных авианосцев, ликвидировав тем самым наше отставание от США.

---

¹ Кузнецов В.В. Русская Голгофа. СПб.: Нева, 2003. С. 86.

Если бы Царскую семью оставили в живых и на свободе, то существовать им практически было бы не на что. Между тем и в настоящее время в адрес Николая Александровича чаще всего звучит злобная малограмотная критика, густо сдобренная клеветой, выявляя собой очевидные причины наших прошлых и текущих бед.

И являя неотразимые признаки бед грядущих.

Были, конечно, у Государя и верные слуги, на не слишком заметных, в массе своей, ролях, понимавшие или чувствовавшие масштаб совершаемых деяний, и масштаб личности Того, кто за этими деяниями стоял.

Но уже тогда остро чувствующие люди ощущали витающее в самом воздухе на вид благополучной Империи предчувствие катастрофы.

Так, еще 16 февраля 1906 г., за двенадцать лет до Ипатьевского подвала, в письме к своему другу — отставному флотскому офицеру барону Максимилиану Рудольфовичу фон Энгельгардту, непонятый герой Цусимы адмирал Зиновий Петрович Рожественский написал буквально вещи строки: «Жаль мне Государя нашего, мученика, который лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их, который оклеветан... и их орудиями перед народом своим, который остается заслоненным от этого народа мелкой интригой, корыстью и злобой, который изверился во всех, имеющих доступ к Престолу Его и страдает больше, чем мог бы страдать заключенный в подземелье, лишенном света и воздуха»¹.

Непонятая трагедия русской истории состоит в том, что на протяжении более чем столетия перед национальной катастрофой 1917 г. войну с наступающим антихристианским интернационалом русское Православное Самодержавие в лице русских государей вело при острой нехватке верных кадров. Неудивительно, что доказанная смерть от руки врага среди

Валентин Серов. Портрет Николая II. 1900 г.

последних шести русских самодержцев составила 50%, что в несколько раз превышает процент гибели русских солдат первой линии не только в японскую, но и в Первую мировую войны.

А последний наш Царь при всем желании своем уже практически не имел шансов найти людей правды и совета и тем более ввести их на соответствующие должности в свое окружение. Исключения типа Петра Аркадьевича Столыпина, назначенного по личному настоянию Государя, от глаз которого не успели

¹ Нидермиллер А.Г. фон, вице-адмирал. От Севастополя до Цусимы: воспоминания. Русский флот за время с 1866 по 1906 гг. Рига: М. Дидковский, 1930. С. 53–54.

убрать подлинный текст донесения одного из губернаторов, только подтверждают общее правило. Да и судьба Столыпина достаточно характерна¹.

В этом году исполнилось 110 лет со дня начала Первой мировой войны. Известно, что для России она окончилась позорным большевизским Брестским миром, вычеркнувшим нашу страну из числа стран-победительниц. И мало кто отдает себе отчет, что к марту 1917 г. Российская Империя стояла на пороге победы, и победе этой она была обязана в первую очередь своему Императору и Верховному Главнокомандующему Николаю II².

В 1930 г. генерал-лейтенант Николай Александрович Лохвицкий, командующий Экспедиционным Русским корпусом во Франции в годы ПМВ, сказал, актуальные по сей день слова: «Оставшиеся верными историческим заветам — Вера, Царь и Отечество — могут с гордостью и радостью сказать, что они не боятся правды, а только о ней и просят, так как при свете правды все величественнее, все светлее делается образ борца за Русскую Землю, Царя-Мученика, Императора Николая II <...>

Девять лет понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей. Последний Верховный Главнокомандующий Императорской Русской Армией — Император Николай II сделал ту же великую работу в полтора года.

Но работа Его была оценена и врагами, и между Государем и Его Армией и победой — стала революция»³.

В словах верного генерала нет ни малейшего преувеличения. Российская Империя начала 1917 г. стояла на пороге скорой и неизбежной победы. «Согласно человеческому разумению Германия могла только отсрочить победу России, сама же окончательная победа этой последней казалась неизбежной», свидетельствует германский солдат Мировой войны Адольф Гитлер⁴.

Практически так же говорит об этом и лучший германский полководец Мировой войны, генерал Эрих Людендорф, оценивая положение сторон на конец 1916 г., и особенно подчеркивая возросший технический потенциал России, в частности обилие снарядов⁵.

Уинстон же Черчилль просто говорит об Императоре Николае II, что к марту 1917 г. «режим, который в Нем воплощался, которым Он руководил, которому своими личными свойствами Он придавал живительную искру — к этому моменту выиграл войну для России» (в оригинале это звучит так: «the regime he personified, over which he presided, to which his personal char-

---

¹ Подробный анализ этого феномена дан в трилогии: *Галенин Б.Г.* Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий в 2 т. М.: Крафт+, 2009, 2010. Т. I, II. 270 с., 261 с.

² См. подр. *Олейников А.* Император Николай II как военный деятель России в период Первой мировой войны. Части 1–6. // Военное обозрение от 17–24 апреля 2017.

³ Генерал-Лейтенант Н.А. Лохвицкий. Из Предисловия к книге *Хрусталева В.Н.* Пролог трагедии: к истории противодействия принятию государем императором Николаем II верховного главнокомандования. Париж, 1930. 47 с. Кавалер ордена св. Георгия и французского ордена Почетного легиона, генерал-лейтенант Николай Александрович Лохвицкий, Командующий Экспедиционного русского корпуса во Франции с апреля 1916 г., брат известной поэтессы Серебряного века Мирры Лохвицкой и писательницы Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой).

⁴ *Майн Кампф*. М., 2000. С. 164.

⁵ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1924. Т. 1. С. 244–246.

acter gave the vital spark, had at this moment won the war for Russia»)¹. «Еще 1-го марта 1917 г. Царь был на своем троне, Российская Империя и Русская Армия держались, фронт был тверд, и победа несомненна...».

Правда о последней войне Российской Империи — о Первой мировой, еще, к нашему несчастью, не дошла до массового сознания. И русский человек до сих пор не узнал, не понял и не осознал, плодов какой победы лишили его в 1917 году.

В феврале 1917 г. произошла катастрофа, погубившая самую могучую империю на земном шаре на ее взлете. Титаническая и до сих пор почти никому не известная работа Императора Николая II была высоко оценена врагами Его и России. Императора необходимо было убрать. И его убрали. Руками, прежде всего, русской военной верхушки, в верности которой не сомневался Государь.

Между Императором, Его армией и победой стала так называемая Февральская революция, которую вернее назвать призраком, Фантомом революции, **ФАНТОМОМ ФЕВРАЛЯ 1917 года**.

Не вдаваясь сейчас подробно в анализ причин этого Фантома, отметим только, что он стал результатом глубочайшей измены образованной части русского общества своим историческим и религиозным корням и основам.

Если бы генералы свободно выбрали верность Государю, то до победы Россия, во всяком бы случае, добралась. Как сказал один священник: Пилат вполне мог бы пожертвовать своей карьерой и спасти в тот раз Христа. Пророчества, в конечном счете, были бы выполнены, но в Символ Веры просто вошел бы другой человек.

А революционная гибель России пророками не была предречена. Могла бы дожить при Царе до того времени, когда наука согласилась бы с возможностью бытия Божия, а значит, и с предпочтительным наличием Божиего Помазанника во главе государства.

В Феврале 1917 — скажу, как военный историк, — чтобы подавить мятеж в Питере не то, что гвардейской дивизии — Преображенского полка бы хватило. Вот пострелять и повешать пришлось бы. С Думы начиная. Вопрос, таким образом, — не в «предопределенности», а просто в верности. Конкретно — верности присяге.

Крушение Российской Империи в феврале 1917 г., накануне Победы, ясно показывает нам, что крепость веры, верность и преданность отеческим традициям важнее для сохранения силы Державы и ее самой, чем даже армия и флот.

Вера — душа народа, и, разрушив ее, ты победишь его.

Первопричиной наших несчастий стало *неверие*. А первопричиной его была лень мысли, тяга к простым объяснениям, и конечно, *явное или скрытое желание освободить себя от голоса Бога в себе*, от «*химеры, именуемой совестью*». Невероятные зверства XX в., успешно переползшие в век XXI, не могли быть вызваны чем-либо иным.

И началось это именно в Феврале 1917 и в «предфевральские» дни.

Неверие породило неверность. Неверность — измену.

Вот так, друзья мои.

Честь имею.

---

¹ Churchill W.S. The World Crisis 1914–1918. 1927. Vol. 1. N-Y. P. 227–229.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Анатолий СТЕПАНОВ

КОНСЕРВАТИВНЫЙ НАРОДНИК

*Слово о Константине
Петровиче Победоносцеве*

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в 1961 г. в с. Нижняя Кубань Комаричского р-на Брянской обл. Окончил исторический факультет Дальневосточного госуниверситета (ДВГУ), служил офицером в Вооруженных силах. Окончил аспирантуру СПбГУ, занимался исследованием идеологии русского консерватизма. В это же время состоял сотрудником пресс-службы митрополита Иоанна (Снычева). В 1994–1996 гг. преподаватель, зам. декана факультета политологии ДВГУ. С 2004 г. главный редактор РНЛ. Действительный член ПАНИ. Составитель (совместно с О.А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа». **Живет в Санкт-Петербурге.**

2007 г. по справедливости должен бы быть в России годом Победоносцева. 23 марта исполнилось 100 лет со дня кончины одного из величайших государственных деятелей XIX столетия и выдающегося идеолога русского консерватизма, а 3 июня — 180 лет со дня его рождения. Увы, этого не случилось. Юбилей Победоносцева отмечен был более чем скромно. Несколько публикаций к 100-летию со дня смерти, в основном в церковных изданиях, и юбилейная научная конференция в Петербурге, прошедшая 1-3 июня, — вот все, чем страна почтила память этого замечательного человека. При этом конференцию, состоявшуюся благодаря стараниям дирекции воскресной школы Новодевичьего монастыря (на кладбище монастыря покоится прах К.П. Победоносцева и его супруги, много жертвовавших на нужды обители) наши церковные либералы попытались превратить в форум не по обсуждению наследия Победоносцева, а по осуждению его идей и государственных трудов. Оказывается, Победоносцев продолжает быть актуальным.

Известно, как ненавидела Константина Петровича современная ему либеральная общественность. Сколько грязных сплетен и слухов распространялось о нем, сколько желчных филиппик сочинили «золотые перья» либеральной журналистики! Самая мягкая филиппика принадлежит перу известного поэта Александра Блока, который в своей поэме «Возмездие» изобразил Победоносцева в виде злодея-колдуна, очаровавшего Россию. С тех пор «простерший совиные крыла над Россией» Победоносцев — единственное, что чаще всего вспоминают о великом сыне нашего Отечества.

В советское время труды Победоносцева попросту замалчивались,

а «марксистско-ленинская история» изображала его как одиозного и едва ли не ограниченного человека. Выходит, и в нынешнее время Победоносцев пришелся не ко двору. Игнорирование властью юбилея показывает, что его идеи и политическая практика оказываются не востребованными современной политической элитой. И если такое отношение к одному из столпов русского консерватизма со стороны дореволюционных либералов и советских коммунистов понять несложно, ибо они коренятся в ненависти к сильному противнику, своим словом и делом разрушавшему козни врагов Самодержавия, то недостаточное внимание к Константину Петровичу в наше время, когда консервативная идеология оказывается вновь востребованной, можно объяснить только незнанием его идей и непониманием его личности.

Вехи биографии

Константин Петрович Победоносцев — родился 21 мая 1827 года, когда Церковь празднует не только память Владимирской иконы Божией Матери (празднество, установленное в честь спасения Москвы от нашествия крымского хана Махмет-Гирея в 1521 г.), но и вспоминает святого равноапостольного царя Константина и мать его царицу Елену. В честь первого православного Государя он и был наречен. Будущий государственный деятель родился в многодетной (11 детей) семье профессора словесности Московского университета, который был сыном приходского священника, служившего в Звенигородском уезде, а потом в Москве.

В письме к своему ученику Императору Николаю II Победоносцев впоследствии писал, что он был «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой». Полученные в детстве и отрочестве уроки благочестия не пропали даром, он сохранил благоговейное отношение к вере и Церкви и на высотах служебной карьеры.

Константин Петрович Победоносцев

Победоносцев родился в Москве, и, хотя большую часть жизни он провел в столице, в Петербурге, где и похоронен, он всегда любил Первопрестольную, о чем неоднократно писал. Победоносцев даже предлагал Императору Александру III перенести столицу империи в Москву.

Победоносцев родился в Москве, и, хотя большую часть жизни он провел в столице, в Петербурге, где и похоронен, он всегда любил Первопрестольную, о чем неоднократно писал. Победоносцев даже предлагал Императору Александру III перенести столицу империи в Москву.

В 1846 г. он окончил элитное Императорское Училище правоведения, готовившее кадры для управления Империей, и начал государственную службу в одном из департаментов Сената в Москве. Одновременно Победоносцев занялся историей русского гражданского права, выступал с публикациями на эти темы и

вскоре был приглашен читать лекции в Московском университете, где в течение 5 лет занимал кафедру гражданского права. Результатом профессорства Победоносцева стал учебник по гражданскому праву, долгое время считавшийся лучшим и выдержавший несколько изданий.

В 1861 г. воспитатель царских детей граф С.Г. Строганов вызвал молодого профессора Победоносцева для преподавания юридических наук старшему сыну Императора Александра II Цесаревичу Николаю Александровичу. Как вспоминал сам Константин Петрович, он согласился только «из чувства патриотизма», то есть, судя по всему, неохотно переехал в Петербург. В 1863 г. Победоносцев сопровождал Цесаревича в длительной ознакомительной поездке по России, благодаря чему он стал известен Двору. Однако в 1865 г. Цесаревич Николай Александрович скончался в Ницце. Новый наследник престола Александр Александрович (будущий Государь Александр III), очень любивший своего старшего брата, пожелал, чтобы Победоносцев стал и его учителем. В 1866 г. Константин Петрович переехал в Петербург на постоянное жительство. Он преподавал юриспруденцию и другим представителям дома Романовых, в том числе братьям Цесаревича Великим князьям Владимиру и Сергею. В 1868 г. Победоносцев был назначен сенатором, в 1872 г. — членом Государственного Совета, а в 1880 г. стал обер-прокурором Святейшего Синода. Эту должность он занимал вплоть до 1905 года. Эти 25 лет управления Победоносцева церковным ведомством стали поистине целой эпохой.

Обличитель «великой лжи нашего времени»

Вскоре после кончины Константина Петровича в уважаемом издательстве «Шиповник» вышла гнусная книга «Победоносцев», составленная из очерков светил либеральной публицистики А. Амфитеатрова и Е. Аничкова. По сути, это был «либеральный некролог» Победоносцеву. Но каких только гадостей и гнусностей не собрано в этой книге! Авторы откровенно пишут: «Мы, люди позитивного знания и свободной мысли, презираем и ненавидим Победоносцева». Духовное состояние авторов передает такой пассаж из очерка Амфитеатрова: «Не могу больше писать, потому что руки трясутся, за горло судорога берет, и бешеный ужас встает в душе...».

В чем же причины такой открытой злобы и ненависти либералов к К.П. Победоносцеву?

Не ошибемся, если укажем на три главные причины.

Во-первых, именно К.П. Победоносцев предотвратил принятие конституции в 1881 году. Либеральной группировке влиятельных сановников (Лорис-Меликов, Милютин, Абаза, Набоков), которых поддерживали влиятельные Великие князья, удалось склонить Императора Александра II к идее установления в России конституционной монархии. Государь был готов подписать Манифест об учреждении парламента в России, то есть 1917 г. мог наступить в России тридцатью шестью годами раньше. Однако буквально накануне подписания документа Царь был убит террористами. Придворные либералы надеялись, что им удастся склонить к отказу от Самодержавия и нового Государя, тем паче, что противников парламентаризма в высших эшелонах власти было совсем немного. В марте-апреле в Петербурге и Гатчине, где жил Император Александр III, интенсивно шли совещания.

21 апреля состоялось решающее совещание, на котором либеральная партия оказалась в большинстве. Либералы праздновали победу. Но они просчитались, ибо недооценили фактор Победоносцева.

29 апреля был обнародован Манифест о незыблемости Самодержавия в России, текст которого был составлен Победоносцевым. Это был гром среди ясного либерального неба. На следующий день представители «либеральной партии» подали в отставку. Александр III начал формировать собственную команду, которая впоследствии осуществила знаменитые контрреформы. Этого постыдного поражения либеральные сановники не простили Константину Петровичу и мстили ему, как и где только могли.

Во-вторых, К.П. Победоносцев был автором книги «Московский сборник», в которой была предложена обществу блистательная критика всех догм либерального мировоззрения. Это был чувствительный удар по идеологии либерализма. Победоносцев писал о ложности и пагубности для общества идеи отделения Церкви от государства, показав, что это прямая дорога к тоталитаризму, поскольку «можно уклониться от Церкви, но нельзя от государства». Он доказывал, что демократия ведет к неравенству и несвободе. Священную корову либерального мировоззрения — идею парламентаризма — Победоносцев метко назвал **«великой ложью нашего времени»**, поскольку парламент служит только «для удовлетворения честолюбия, тщеславия и личных интересов». Он показал, что печать, претендующая на выражение общественного мнения, на деле извращает его. Причем, оставаясь бесконтрольной, в отличие от других властей, печать разрушает устои общества. Главное, что аргументацию Константина Петровича невозможно было логически опровергнуть. Оставалось только злобиться и распускать слухи и инсинуации об авторе.

Впоследствии в автобиографическом письме к Императору Николаю II он в сердцах написал: «Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый на своем деле!».

Наконец, *в-третьих*, К.П. Победоносцев не только писал, но и много сделал для противодействия либерализму. Он пытался активно влиять на умы нового поколения, создав сеть церковно-приходских школ, где давали не только образование, но и православное воспитание. Он активно боролся с сектантами, которые фактически были союзниками революционеров. Он пытался организовать общественные силы для борьбы с либеральной идеологией. При его активной поддержке в 1890 г. в Москве был учрежден журнал «Русское обозрение», который должен был объединить консервативные интеллектуальные силы русского общества.

Враги Победоносцева не только распускали слухи и писали всякого рода пасквилы, но и действовали. Известно, по крайней мере, о двух попытках покушения на Победоносцева. В 1901 г. статистик Самарского губернского земства Н. Лаговский стрелял в Победоносцева. Константин Петрович жил в казенном доме обер-прокурора Свт. Синода на углу Невского и Литейного. Его кабинет находился на первом этаже, и он обычно засиживался допоздна. 8 марта 1901 г. террорист Лаговский подошел к освещенным окнам кабинета и открыл стрельбу. Террорист промахнулся, был схвачен и на допросе показал, что стрелял в Победоносцева как в «душителя свободы».

Характерно, что попытка убийства произошла почти в день смерти Победоносцева, наступивший шестью годами позже.

В апреле 1902 г. 75-летнего Победоносцева должен был убить на похоронах убитого 2 апреля министра внутренних дел Д.С. Сипягина террорист Григорьев. Однако он стрелять не решился — то ли испугался, то ли устыдился.

Победоносцев и современники

Находясь на вершине власти, Победоносцев контактировал с большим числом людей. Сохранилась его обширная переписка, среди адресатов: государственные деятели, писатели, композиторы, ученые, публицисты. Он дружил с подвижником просвещения С.А. Рачинским, состоял в переписке с Императорами Александром III и Николаем II, Великими князьями Сергеем Александровичем, Константином Константиновичем и др., с композиторами П.И. Чайковским, М.А. Балакиревым, поэтом Я.П. Полонским, с философом Н.П. Гиляровым-Платоновым и др. Но о двух современниках Победоносцева стоит сказать особо.

«Близким приятелем», по слову самого Победоносцева, ему был великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. После кончины писателя он писал в письме к Цесаревичу Александру Александровичу: «Мне очень чувствительна потеря его; у меня для него был отведен тихий час, в субботу, после всенощной, и он нередко ходил ко мне, и мы разговаривали долго и много за полночь». Победоносцев подчеркивал, что смерть Достоевского — большая потеря для России, ибо он чуть ли не единственный среди литераторов проповедовал начала веры, народности и любви к Отечеству. Он просил Цесаревича поддержать его ходатайство к Государю о помощи семье Достоевского.

Немало инсинуаций существует насчет якобы преследования Победоносцевым святого праведного Иоанна Кронштадтского. Напротив, обер-прокурора Свт. Синода и отца Иоанна связывали возникшие по инициативе Победоносцева личные отношения, они нередко встречались. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо Константина Петровича к Всероссийскому Батюшке. «Достопочтенный Отец Иоанн, — писал Победоносцев 21 января 1899 года. — Жена моя говорила Вам сегодня о девице Бабаниной, которая приехала искать у Вас духовного утешения и умирения смятенной души своей. Она едет в Кронштадт завтра в пятницу. Поговорите с ней и помолитесь за нее. Это поистине одна из душ, скорбящих и озлобленных, помощи Божией и милости требующих. Она поражена великим горем и не в силах выйти из мрака, коим одета и проникнута душа ее. Благое дело — вернуть ее к жизни и показать ей свет. Душевно уважающий и преданный К. Победоносцев».

Загадка личности Победоносцева

О К.П. Победоносцеве писали многие — и современники, и историки. Однако немногим удалось приблизиться к пониманию феномена личности Константина Петровича. Ближе всего к пониманию Победоносцева подошли, пожалуй, три человека: В.В. Розанов, Н.А. Бердяев и прото-

иерей Г. Флоровский. Причем, все они были людьми иного образа мысли, нежели Константин Петрович, и это обстоятельство явно мешало им глубже проникнуть в тайники души Победоносцева. Так, Розанов в книге «Около церковных стен» тонко подмечает, что Победоносцев «в будущем ничего не видит, для будущего не имеет надежд». И тут же заявляет, что «Московский сборник» — «грешная книга», «она полна скептицизма и проистекающей из нее печали». Мог ли Розанов представить, что напишет куда более «печальную» книгу — «Апокалипсис нашего времени», но только, когда его самого «клюнет жареный петух».

Бердяев верно подмечает в статье «Нигилизм на религиозной почве», что Победоносцева отличало «неверие в силу добра», при этом верно констатирует, что «подозрительность и мнительность Победоносцева по отношению к миру и человеку» свойственны не только ему, но и в целом Православию. Увы, Бердяеву, Розанову и отцу Флоровскому скептицизм и подозрительность к человеку свойственны не были, поэтому дальше верных замечаний они не пошли.

Однако, чтобы понять феномен К.П. Победоносцева, нужно рассмотреть его идеи не только в контексте православного мировоззрения, но и в контексте развития идеологии русского консерватизма. Пессимизм и скептицизм Константина Петровича был результатом свойственного ему апокалиптического настроения. К примеру, в сентябре 1900 г. Победоносцев заявил видному деятелю постславянофильства генералу А.А. Кирееву, что «все молодое поколение становится враждебным правительству». Киреев ответил, что, мол, «на век государя хватит». На что Победоносцев скептически сказал: «Хватит ли?». В таких настроениях Победоносцев не был одинок. Достаточно вспомнить предсмертную работу философа Владимира Соловьева, посвященную грядущему антихристу.

Острые апокалиптические переживания свойственны были, помимо Победоносцева, двум другим классикам русского консерватизма той эпохи — Константину Николаевичу Леонтьеву и Льву Александровичу Тихомирову. Все они мучительно искали выход. Леонтьев уповал на «византийское православие», ратовал за укрепление церковной структуры. Тихомиров надеялся, что остановить разрушительные процессы сможет монархическая власть, которая должна быть приведена в соответствие своей идее. Обоснованию монархической власти посвящен фундаментальный труд Тихомирова «Монархическая государственность».

Победоносцев же уповал на силу народной инерции. Еще в «Московском сборнике» он писал: **«Есть в человечестве натуральная земная сила инерции, имеющая великое значение, <...> без нее поступательное движение вперед было бы невозможно... Разрушить ее — значило бы лишить общество той устойчивости, без которой негде найти точку опоры для дальнейшего движения».** Эти слова — гениальное прозрение великого ума! Катастрофа 1917 г. привела к падению Самодержавия. Подвергшаяся жесточайшим гонениям Русская Православная Церковь была загнана в подполье. И только народную силу инерции не смогли победить бесовские силы. Истина оказалась проста, ее выразил преп. Серафим Вырицкий: «Платочки спасли Русь!» Писатель Валентин Распутин как-то сказал, что русский народ перемолол коммунизм. И это все та же победоносцевская «великая сила народной

инерции». Выходит, прав оказался великий скептик Победоносцев в своем пророчестве!

Да и сегодня стало вдруг модно рассуждать о «глубинном народе», который никак не затронули перестройка и либеральные реформы и который стал базой современного консервативного поворота Владимира Путина.

А потому, если уж давать какое-то определение идейной позиции Константина Петровича Победоносцева, то лучше всего подходит именно **«консервативный народник»**. Однажды он проговорился о своей мечте — молиться в сельском храме, где его бы никто не узнавал, слиться с народной стихией, славить вместе с простым народом едиными усты и единым сердцем Бога Распятого и Воскресшего.

Вот что его манило, о чем он мечтал! А еще говорят, что он был чопорным чиновником. Это не так. ***У него была тонко чувствующая русская душа и сильный русский ум, прозревавший тенденции развития народа и человечества.***

* * *

После выхода в отставку Константин Петрович прожил на свете менее полутора лет. Показательно, что последние месяцы своей жизни он посвятил не сведению счетов со своими противниками путем разоблачительных мемуаров, как сделал С.Ю. Витте, а переводу на русский язык Нового Завета. Этот штрих как нельзя лучше характеризует Победоносцева, всю жизнь трудившегося в поте лица своего. В последнем письме к издателю журнала «Русский архив» П.И. Бартеневу от 26 декабря 1906 г. Победоносцев с радостью сообщал, что скоро выйдет его перевод Нового Завета, «который и есть мое завещание русскому читателю». И добавил: «Голова отказывается работать, и душа устала»...

Тот же Бартнев сообщает, что сразу после смерти Константина Петровича либеральные газеты распространяли небылицы о его многомиллионном наследстве. Однако после его кончины выяснилось, что все наследство этого высокопоставленного сановника свелось к маленькому деревянному домику в его родной Москве. Победоносцев жил и трудился во славу Божию, для процветания России.

Елена ЧАВЧАВАДЗЕ

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ ФОТОГРАФИЙ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ — «ВИСЕЛИЦЫ КОЛЧАКА» И «ЖЕРТВЫ КОЛЧАКОВЩИНЫ»

Интервью

Елена Николаевна Чавчавадзе — заслуженный деятель искусств РФ, российский журналист, сценарист и продюсер, лауреат премии Правительства России в области культуры. Она является автором таких известных документальных фильмов и сериалов, как «Русские без России» (2003), «Война и мир Александра I» (2012), «Романовы. Царское дело» (2013), «Романовы. Судьба русского Крыма» (2015), «Александр Третий. Сильный, державный...» (2017), «Цареубийство. Следствие длиною в век» (2019), «Адмирал Колчак. Жизнь и смерть за Россию» (2022) и др. **Живет в Москве.**

Елене Николаевне всегда была близка тема Белого движения, которой она посвятила не один фильм. В настоящей беседе она рассказала, как в ее исторических исследованиях появилась тема фальсификации фотографий времен Гражданской войны, в частности серии фотографий, которые традиционно приводят в качестве иллюстраций «зверств», учиненных колчаковцами над «красными» в Сибири. Елена Николаевна на основе исторических фактов развенчивает мифы, сложившиеся вокруг этих кадров (которые, к сожалению, до сих пор выдаются за достоверные во многих российских музеях и архивах), показывая, что сочинения о «колчаковских расстрелах» не выдерживают никакой критики и являются следствием советской пропаганды.

— *Елена Николаевна, как в Ваших исследованиях появилась тема фальсификаций?*

— Вплотную к теме фальсификаций мы приблизились тогда, когда я с коллегами работала над сериалом «Адмирал Колчак. Жизнь и смерть за Россию». Начали с одной серии, а сейчас уже закончили пятую, заключительную.

В 2000-х годах у нас был такой долгоиграющий сериал «Русские без России» (34 фильма), лицом которого стал Никита Сергеевич Михалков.

Так вот, у нас в том числе был фильм, посвященный Колчаку. Уже тогда я обратила внимание, что тема военной эмиграции в советское время была табуирована. Люди ничего не знали об этом.

Если имена такого ряда, как Шляпин, Рахманинов, Бунин, еще как-то могли фигурировать в поздние советские годы в работах историков и литературоведов, то по отношению к представителям военной эмиграции

со стороны власти велась политика непримиримой вражды. И внутренне я испытывала потребность как-то изменить эту ситуацию. И вдруг в 2014 г. Администрация Президента сама нам предложила сделать фильм о генерале Врангеле. И мы сделали: «Врангель. Путь русского генерала».

Вообще, тема Белого движения нам всегда была близка. В 2020 г. мы начали работать над фильмом «Золото Колчака» и взялись опровергнуть ложный советский тезис о том, что это золото было отнято у якобы «нехорошего» Колчака, который собирался передать его интервентам. У меня и моей команды тогда возникло горячее желание рассказать правду. А правда заключалась в том, что это золото и другое золото Российской империи было передано большевиками в разные западные банки. И все оно в конце концов оказалось в Федеральной резервной системе США.

Но вернемся к сериалу «Адмирал Колчак. Жизнь и смерть за Россию». Мы ставили перед собой масштабную задачу — показать путь русского офицера, верного России и в жизни, и в смерти. В процессе работы мы поняли, что в рамках одной серии с этой задачей не справиться.

Я поняла, что нужен работающий прием — что-то неожиданное. И мы взяли за основу два жизненных пути — А.В. Колчака и В.И. Ульянова. Мы проследили, кто из них что делал в ключевые периоды российской истории. Так, в начале 1900-х годов Александр Васильевич Колчак на шхуне «Заря» исследовал Северный Ледовитый океан, а в это же время Владимир Ульянов сбежал за границу, имея в кармане чужой паспорт на имя Николая Егоровича Ленина (кто в теме, тот знает: это был дворянин, дети которого дружили с Надеждой Крупской, они и передали Володе Ульянову паспорт умершего отца). И в Германии именно под этим именем — Н. Ленин — в газетенке «Заря» Ульянов начал печатать свои антиправительственные опусы.

Мы показываем, как реагировал Ленин на Русско-японскую войну и радовался поражению Российского флота. А в противовес этому Колчак в свое время добровольцем ушел на Русско-японскую войну, проявил себя бесстрашным офицером при обороне Порт-Артура.

Мы еще раз рассказали зрителям о том, как Ленин во время Первой мировой войны оказался в Швейцарии, как на него вышли представители германского генштаба, и как он оказался ими заслан в страну противника, то есть в Россию.

А Колчак в это время сначала на Балтийском море, а потом на Черном, ставил минные заграждения с целью потопления германских судов. Вот такой использовался в фильме прием сопоставления.

— Но сама тема фальсификаций появилась в середине сериала...

— Да. Подходя к подготовке 3–4 серий, мы стали сталкиваться с бесконечным количеством пробольшевистских материалов,

Пример фальсификации: из серии фотографий «Жертвы Колчака»

прежде всего — фотографий. Самая распространенная из них известна под обтекаемым и лживым названием — «Жертвы Колчака» или «Жертвы колчаковщины», а также «Зверства колчаковцев в Сибири». Поэтому правильное говорить о серии фотографий с таким названием.

Что мы видим? Ужас, страшные конвульсии, о которых мы можем догадаться, трупы в разных устрашающих видах. Трупы — «доказательство» зверской расправы «белых» над «красными». И написано: «Жертвы Колчака. Новосибирск».

Поначалу ни один известный эксперт не смог нам объяснить, что же там изображено на самом деле, кем являются эти жертвы, кто стрелял, при каких обстоятельствах и все подобное, хотя было очевидно, что трактовку событий можно подогнать как угодно.

Человек, с которым нам посчастливилось пересечься и работать, — это профессиональный историк из Новосибирска, кандидат наук Алексей Георгиевич Тепляков. А что такое Новосибирск? Всегда ли город носил такое название? Нет, до 1926 г. он был Новониколаевском. И в нашем контексте это важно. Алексей Георгиевич нашел в архиве Новосибирска документ, который сразу расставляет все по своим местам.

Этот документ — докладная записка некоего уполномоченного Ревкома Михаила Терлецкого. Мы, кстати, искали его данные, но в итоге ничего не нашли. Скорее всего, когда была борьба с троцкизмом, он был расстрелян. Такое предположение рождается, если вспоминаешь, что комендантом

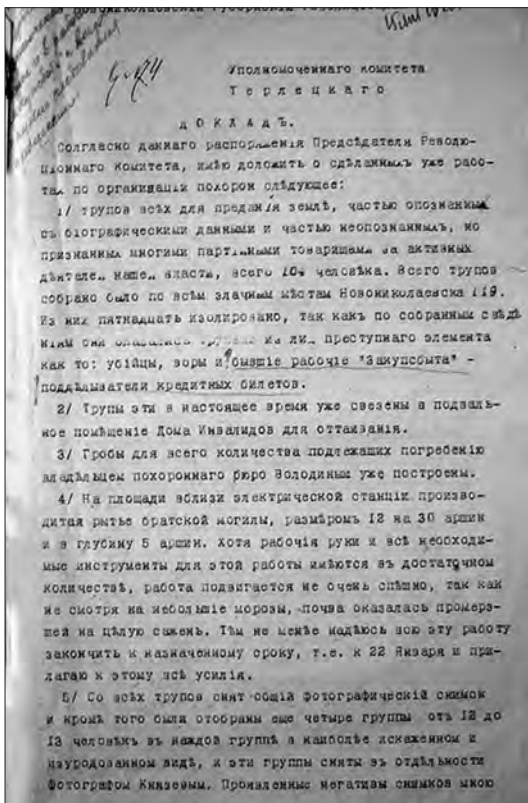
Новониколаевска в те годы был Василий Блюхер, а Блюхер благополучно оказался врагом народа, как мы знаем.

Так вот, этот уполномоченный Ревкома (а Ревком — это совершенно нелегитимный орган) в конце 1919 г. по распоряжению какого-то вышестоящего органа готовил показательную пропагандистскую акцию в Новониколаевске. А тогда, к слову сказать, в моде были такие революционные похороны.

Читаем в докладной Терлецкого:

«Всего трупов собрано было по всем значным местам Новониколаевска 119. Из них 15 изолировано, так как, по собранным сведениям, они оказались трупами из лиц преступного элемента, как-то: убийцы, воры и бывшие рабочие “Закупсбыта” — подделыватели кредитных билетов.

Со всех трупов снят общий фотографический снимок, и, кро-

Фрагмент докладной М. Терлецкого

ме того, были отобраны еще 4 группы от 12 до 13 человек в каждой группе в наиболее искаженном и изуродованном виде, и эти трупы сняты в отдельности фотографом Князевым», — говорится в докладе.

Вот такие бригады по всей стране занимались фальсификацией фото- и киноматериалов по указанию главного пропагандиста РККА товарища Ивара Смилги.

Далее подробно рассказывалось, в какой подвал их планировалось свести для оттаивания, какие плакаты следует подготовить к показательному действию, как нести гробы, какие должны быть лозунги, как организовать помост, где устроить трибуну для пропагандистских речей, каково музыкальное сопровождение и так далее. Речовки касательно мировой революции — это пожалуйста, а о России там ни слова!

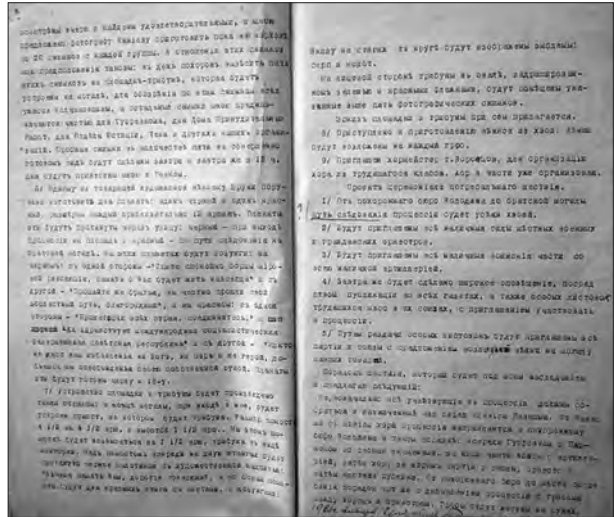
Все это для нас важно еще и в связи с тем, что примерно за месяц до данной пропагандистской акции в Новониколаевске вспыхнуло восстание под предводительством полковника Русской армии Ивакина, распропагандированного эсерами. Он вывел ряд воинских частей с оружием, обнюхав свою провокацию обманом: о том, что указ о выступлении отдан самим адмиралом Колчаком. Восстание было сразу же подавлено стоявшей в Новониколаевске 5-й польской дивизией под командованием полковника Румша, которая подчинялась представителю Антанты генералу Жанену.

Вот на фотографии те самые обманутые белые солдаты, расстрелянные польским отрядом полковника Румши. Но, к сожалению, в Государственном центральном музее современной истории России фотография фальшиво озаглавлена: «Жертвы колчаковских расстрелов в Ново-Николаевске. Декабрь 1919 г.»

Во время этих событий Верховный правитель Колчак давно миновал Новониколаевск и двигался на своем поезде в сторону Иркутска. Он не мог отдавать приказа ни о выводе войск, ни о расправе. Часть восставших солдат была расстреляна, а сам Ивакин застрелился. Соответственно, все дальнейшие «сочинения о колчаковских расстрелах» восставших не выдерживают никакой критики.

В это время Колчак давно миновал Новониколаевск и не мог отдавать приказа ни о выводе войск, ни о расправе.

К слову (позволю маленькое отступление), вся идеологическая работа в Рабоче-крестьянской Красной армии возглавлялась тогда Иваром Смилгой, которого, впрочем, рьяное служение новой системе не спасло от расстрела как врага народа. Клеветнические подписи под фото, показательные похороны и акции — все это прямо или косвенно делалось с его подачи.

Фрагмент докладной М. Терлецкого

*Захоронение умерших от тифа
в присутствии офицеров Русской армии*

умерших от тифа в присутствии офицеров Русской армии». Это же фото, но с затемненными фигурами белых офицеров, в интернете выдают за якобы свидетельство «жертв Колчака». Эта же фотография есть с подписью: «Жертвы колчаковцев при отступлении из Новониколаевска».

А кроме того, перед оставлением города теми же поляками была проведена еще и так называемая «зачистка» тюрем, где содержались и восставшие, и уголовники. Может, там были и отдельные большевики. Набирали тела отовсюду, и важно понять, что в итоге имело место смешение трупов, обстоятельства гибели у всех разные.

Еще одна фотография из серии сфальсифицированных фото, находящихся в хранилище Государственного центрального музея современной истории: «Жертвы колчаковщины в Новониколаевске. 28.12.1919 г.».

Тела расстрелянных были сброшены в овраг, и, поскольку дело происходило в январе в Сибири, трупы, конечно же, замерзли. Когда же они чуть-чуть оттаяли, их прислонили к стене и стали фотографировать. Был приглашен корреспондент газеты «Правда». Фотографу Князеву, упомянутому в докладе, предписывалось сделать разные ракурсы для того, чтобы потом выбрать самые жуткие снимки.

Это была чистой воды пропагандистская акция, средство воздействия на население России и мировое сообщество.

Как мы видим из записки, Терлецкому было важно организовать именно похороны жертв Колчака — все именно в такой подаче! Это была чистой воды пропагандистская акция, средство воздействия на население России и мировое сообщество; по сути, такая же постановка, как недавняя акция в городе Буча на Украине. Надо было показать: вот какой страшный этот Колчак — не то, что мы.

«Спите спокойно, борцы мировой революции» — такова была надпись на одном из плакатов, о чем тоже говорится в докладе Терлецкого. Хотя большая часть убитых, как теперь мы поняли, — это воины Белой армии (хотя при Колчаке она так еще не называлась, а именовалась просто Русской армией). И вот в центре Новониколаевска (Новосибирска) был создан жуткий бетонный пантеон якобы погибших борцов за мировую революцию. А по существу, это память о «белых» солдатах из полка Ивакина, обманутых своим распропагандированным командиром.

Как развивались события в Новониколаевске? Поскольку восставшие уже успели занять отдельные места в городе, то, конечно, их тела находились вперемешку с другими трупами. Тут еще нельзя забывать и про фактор тифа, который свирепствовал тогда в Сибири и косил всех без разбору.

На рисунке «Новониколаевск. Захоронение

Только пропагандисты не учли такой «маленький» факт: на некоторых трупах на фото были заметны погоны! А погоны и были отличительной особенностью Русской армии адмирала Колчака. У «красных» не было погон, это же общеизвестный факт. Советская власть, когда их вернула? Только перед завершением Сталинградской битвы.

Пример фальсификации: из серии фотографий «Жертвы Колчака»

«Прокололись» подтасовщики и с названием города. Откуда там в 1919 г. может значиться Новосибирск (как на всех таких подписях в самых разных музеях страны), если в то время город носил еще старое название, Новониколаевск?!

И вот представьте: эти фотографии уже в первые годы советской власти были разосланы во все центральные архивы того времени. И остались там на веки вечные. А правда все равно всплыла, хотя и поздно.

— *То есть фальшивки стали жить своей независимой жизнью?*

— Увы, именно так. Даже в арсенале очень серьезного московского музея, на его сайте были выставлены фото с вот этой лживой подписью. Я не поленилась и позвонила туда, спросив заведующую соответствующего отдела: «Скажите, вот вы готовы поставить свою подпись, подтверждая, что все так и было, что это расстрелы, организованные именно Колчаком?». Она совершенно резонно ответила: «Знаете, мы это получили в 20-х годах XX века, так это и внесено в картотеку. А проверять все мы физически не можем!». Самое страшное в том, что все архивы и музеи, не проверяя, передают эти материалы с большевистскими подписями в Госкаталог.

Понимаете, эта агитация поступала в газеты с размахом! Печаталась миллионными тиражами. И в интернете сейчас эти фото просто на каждом шагу.

— *О каких других фото с плохой репутацией времен Гражданской войны вы могли бы рассказать?*

— Вот есть фотография из очень серьезного зарубежного архива. Что на ней? Чехи — а у них, в отличие от армии Колчака, не было погон, им была свойственна фуражка с ленточкой, — стоят полукругом над трупами. И на нескольких таких фото прямо «въевшаяся» подпись о том, что это чехи стоят над расстрелянными русскими. На самом же деле это действительно стоят чехи, но только над телами убитых чехов же, которых расстреляли как раз какие-то большевистские силы (возможно еще в 1918 г., когда Колчака еще не было в Сибири). Красной армии еще тоже тогда там не было, поэтому корректно говорить об отдельных большевистских отрядах. Подлинная же фотография даже имеет подпись по-чешски, что лишний раз доказывает ее относимость только к чешским отрядам. И вновь возникает вопрос: при чем тут Колчак и его армия?! Чехи, кстати, Колчаку не подчинялись и сыграли главную роль в его аресте и выдаче эсеровскому

Пример фальсификации: из серии фотографий «Жертвы Колчака»

этого фото есть и другая подпись: «Убитые чехословаки на Николаевск-Уссурийском фронте». То есть фото одно, а подписи разные. И этот разнобой мало кого смущает, люди в большинстве своем не вникают и не хотят знать правду.

На самом деле изображение связано с хорошо известным событием, а именно — перезахоронением двадцати чешских легионеров на Ханиной Сопке после сражения под Никольском-Уссурийским 3–5 июля 1918 г., когда Колчака вообще не было в Сибири.

— Или «знаменитые» виселицы Колчака...

— Увы, это перманентная тема. Перед недавними президентскими выборами в ходе выступления по Первому каналу в полемике с В.А. Никоновым лидером КПРФ Геннадием Андреевичем Зюгановым было в числе прочего сказано: «А вот Колчак, утыкавший весь Транссиб виселицами...». Он, видимо, имел в виду вот эту фотографию в интернете.

А между тем любой непредвзято мыслящий человек, внимательно рассмотрев фото с виселицами (а эти фото тоже идут в ряду «жертв Колчака»), удостоверится, что там снята, очень вероятно, Австро-Венгрия, и что там множество военных в австрийской форме, этого нельзя не заметить... И при чем здесь, опять-таки, Колчак?! А ведь лидер думской фракции так напористо об этом говорил. Но пользоваться стряпней случайных левых сайтов недостойно для депутата Думы...

Я уже не говорю о том, что Транссибирская магистраль никогда не охранялась армией Колчака, а была в ведении союзников и подчинялась генералу Жанену. Ее охраняли, в частности, чехи, но они были, так сказать, себе на уме и с приходом к власти Колчака вообще отказались участвовать в Гражданской войне и только двигались неуклонно в сторону Владивостока, чтобы эвакуироваться...

— И, конечно, восстание в Куломзине. Фото, связанные с этой темой, тоже стоят в лидерах по лживым трактовкам и подписям. Попрошу Вас сказать и об этом.

— В распутывании истории с фотографиями по поводу Куломзино нам очень помог Николай Сенин из Омска. Не являясь профессиональным историком, он стал настоящим исследователем темы Гражданской войны в

Сибири и с определенных пор начал проявлять интерес к различным фальсификациям, специально изучал вопрос, связанный с ложью вокруг имени Верховного правителя Колчака.

В советское время, естественно, умалчивалось, сколько потерь было со стороны правительственных сил Колчака, а они были очень велики. Вот на этом фото убитые, перед которыми столпились офицеры и казаки. Мы достоверно установили, что у фото есть вполне конкретный автор — английский военный журналист. Это фотокорреспондент Королевских вооруженных сил лейтенант Тернер.

«Трупы убитых колчаковскими бандами на станции Байкал Сибирской железной дороги. 1919 г.» — еще одна фотография с ложной подписью из фондов Государственного центрального музея современной истории России.

Автор фото указывал, что это замерзшие трупы «белых» солдат, расстрелянных большевиками, впоследствии извлеченные из-под снега. Но в 1920-е годы эти же снимки получили такую подпись: «Расстрелянные чехами пленные красноармейцы на станции Омск в 1919 г.».

Хотя известно (а сейчас никто не станет это отрицать), что никаких красноармейцев в Омске в этот момент не было. А советская энциклопедия Гражданской войны 1983 г. издания пошла еще дальше: «Жертвы Колчаковщины. Сибирь. 1919 год». Вот так лаконично и совсем не оригинально. Старая песня. Увы, каждый советский человек был почти с рождения напичкан лозунгами об ужасах «белого террора», поэтому места для других версий в сознании людей просто не было.

— *Но существуют и не очень известные фото...*

— Есть и такие, например, фото, где запечатлен А.В. Колчак, еще стоят какие-то русские офицеры и кто-то из представителей союзников, наблюдающих с улыбкой за чем-то. Мы с коллегами установили, что это футбольный матч британского Мидлсекского батальона — союзников России по Первой мировой войне. Он состоял из профессиональных футболистов, которые прибыли в Омск еще ранее Колчака (а место съемки — именно Омск).

Эта фотография из Военного музея Великобритании. Кстати, на переднем плане стоит полковник Русской императорской армии Павел Родзянко, записавшийся после упразднения армии Троцким в английскую армию. И что вы думаете? Подпись к этой фотографии в Интернете такая: «Колчак с англичанами наблюдают, как расстреливают рабочих-подпольщиков» (или что-то очень похожее). То есть, как мы видим, это целая тенденция, которая была и есть, а не случайный абсурд с одной-двумя фотографиями.

— *Вопросом фальсификаций занимались и другие исследователи?*

— Конечно. В начале 2000-х наши замечательные историки Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков, В.Г. Хандорин (все они фигурируют в нашем фильме о Колчаке) опубликовали ряд сборников по Гражданской войне. Там тоже говорилось о лживых подписях, о неверных атрибуциях целого ряда фотографий. Например, труп женщины, ну и подпись характерная, что, мол, это очередная жертва «беляков». А что мы видим и на что можно обратить внимание? У нее пальцы сложены для крестного знамения. То есть ясно, что военнослужащие Русской армии Колчака не будут расстреливать человека, намеревающегося перекреститься.

Адмирал Александр Васильевич Колчак

Была дана команда, и Забайкальский военно-окружной суд в 1999 г. провел пару закрытых заседаний, в основу которых положил чисто большевистские и эсеровские материалы, составленные уже после расстрела Колчака. Было состряпано обоснование, чтобы в реабилитации отказать.

Что особо удручает — ознакомиться с этим делом никто не может до сегодняшнего дня, только с заключением. Видимо, поняли, что отказ в реабилитации выглядит недостаточно убедительно, и что в основе решения Забайкальского военного суда, а позже и Главной военной прокуратуры, — тенденциозная трактовка одного из самых трагических периодов русской истории, что это дело состряпано из кусочков лжи, а изменить пока никто ничего не может.

Мы с историками, лучшими специалистами по Гражданской войне, представляющими всю Россию (в основном это доктора и кандидаты наук), составили справку, и в том числе в этой справке указывается, что большая часть всех интернет-материалов, находящихся в свободном доступе и касающихся как Белого движения в целом, так и личности Колчака в частности, сфальсифицирована.

В частности, в справке говорится, что суда над Верховным правителем России не было, расстрелян он был незаконно, позднее имел место лишь Омский процесс над его министрами.

Вменялось Верховному правителю адмиралу Колчаку прежде всего то, что он разрабатывал в Первую мировую войну так называемую Босфорскую (Цареградскую) операцию. Это большевистский суд поставил ему в вину задним числом. А это, ни больше ни меньше, операция, которая могла бы переломить ход войны в пользу России. Но февральские события 1917 г. этому помешали.

— *Периодически поднимается вопрос о реабилитации адмирала Колчака. Истории с фотографиями-подделками, наверное, играют здесь свою негативную роль?*

— Еще какую! В конце 1990-х группа энтузиастов обратилась в Генеральную прокуратуру с просьбой о реабилитации Колчака, но тогдашнему генеральному прокурору показали, в частности, вот эти фотографии «жертв колчаковщины», что в конечном счете и стало причиной отказа.

Вообще запросы на реабилитацию пошли от общественности Санкт-Петербурга, от тогдашнего Дворянского собрания, Союза казаков, от многих. Это было массовое обращение. Но к делу как тогда относились? В лучших традициях советского времени.

И в этой справке, подписанной ведущими историками Гражданской войны в России, после детального изложения всех примеров фальсификаций и откровенного вранья содержится призыв к пересмотру всех заключений 1990-х и 2000-х годов (Забайкальского военно-окружного суда, Верховного суда РФ и Главной военной прокуратуры) в отношении действий адмирала Колчака во время Гражданской войны в России.

Как сказал мне в частной беседе один влиятельный человек, в прошлом сотрудник Генеральной прокуратуры (его фамилию я называть не буду), в вопросе Колчака нужно принять политическое решение.

И я верю, что фильмы, которые мы делаем с коллегами, и вся работа, которую мы проводим по восстановлению исторической памяти, в значительной мере будут способствовать этому и дадут свои плоды, надеюсь, еще при моей жизни. И пусть эта последняя прижизненная фотография русского офицера — адмирала Колчака, вставшего на защиту Отечества, будет неммым укором всем тем, кто до сих пор считает, что революция и Гражданская война закончились некоей победой, хотя на самом деле проиграли все, и прежде всего — сама Россия.

С Еленой Чавчавадзе беседовала Светлана Устименко

ВЫШЛА КНИГА

Лобанов С.

«Голос фронта». Книга фронтовых стихов. — М.: Вече, 2024.

Великая миссия России — спасти мир от скверны, возложена на простого русского солдата, который сейчас — вместе с другими такими же солдатами — плоть и кровь этого русского кулака. Великое мастерство поэта — сплести в одном стихотворении фэнтезийную Вселенную, символику России в СВО и — всеобъемлющую любовь к Родине. Поэтому публицистические стихотворения Сергея — это практически эталон духоподъемной лирики времени СВО.

Отдельной главой в военном творчестве Сергея идут лирические стихотворения. Посвящения жене, размышления о будущем — думы, которые тревожат любого солдата, ежедневно рискующего жизнью. И даже уверенность в Победе у Сергея приобретает трогательный лирический оттенок.

Отвага Сергея и его боевые заслуги были отмечены Президентом России: Сергей Лобанов — кавалер Ордена Мужества и Медали имени А.В. Суворова (государственная награда).

Простая истина о том, что Бога люди вспоминают в минуту, когда им плохо, — на войне воспринимается совсем иначе. Бог всегда был на войне рядом с русским солдатом, и сейчас Бог — в фронтовых стихах Сергея Лобанова. Такой поворот в русской военной литературе выводит ее, наконец, на верную дорогу — дорогу духовности и веры.

Игорь Витюк

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХАРБИН ВСТРЕЧАЕТ КРАСНУЮ АРМИЮ

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию окончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, Почетный председатель Литературно-театрального общества им. В. Соколоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). В 1957 г. вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию. **Живет в Мельбурне.**

Приступая к статье, я, вопреки своему первому решению писать об истории Харбина и развитии русской культуры там в первой половине XX века, решила написать о другом. О своих личных впечатлениях и переживаниях, вернувшись мысленно в то время — от 1940-го до конца пятидесятых годов. Таким образом, будучи живым свидетелем, очевидцем событий и настроений, которые царили в тот интереснейший период моей жизни в Китае, буду рассказывать об этом.

Я — Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова. Родилась я в приграничном городе Маньчжурия, где волею судьбы оказались мои родители. Отец мой, Игнатий Каллиникович Волегов, офицер Белой армии, монархист, патриот, воевавший против большевиков, перенесший Ледяной поход и уже в очень преклонном возрасте написавший книгу «Воспоминания о Ледяном походе». Я издала ее после смерти папы, в России она получила широкий резонанс и была переиздана в Воронеже, Иркутске и частично в Чите. Мама, Антонина Федоровна Антонова, родом из Миасса, из семьи зажиточного купца Федора Михайловича Антонова. С семьей, состоявшей из 9-ти человек, мама оставила г. Миасс, как им казалось, временно. Надежда была на возвращение домой позже, когда произойдут перемены. Однако этого не случилось. Мои родители встретились в г. Маньчжурия, нежно полюбили друг друга, поженились, и через год родилась я.

Пережив труднейший период эмиграции, выполняя униженные и тяжелые работы, папа выучился покраске кожи. Устроившись на кожевенный завод к богатому русскому владельцу, который тоже эмигрировал из г. Миасса, он продолжал работать, изучая все нюансы коже-

венного дела. Получив необходимый опыт в обработке кож, папа решил переехать в г. Хайлар, где открыл свой кожевенный и шубо-пимокатный завод и магазин. Мне было три года, и, как бы странно это ни звучало, но я ясно помню, что в помещении так называемого магазина висела всего одна или две пары сапог. Впоследствии дело развилось.

Время летело, мне исполнилось 6 лет, и я пошла в школу. Называлась она Хайларская Высшая Гимназия (десятилетка). В рядах эмиграции было очень много забайкальцев. Забайкальское казачество очень чтило атамана Семенова, поэтому все ученики гимназии носили маленький значок с буквами АС, приколотый к форме. Форма у мальчиков — гимнастерка, ремень и брюки, у девочек — коричневое платье, черный фартук повседневно, белый фартук в парадные дни. Всегда белый воротничок.

Начало занятий в школе начиналось с молитвы. Покровителем школы был Святитель Иннокентий Иркутский. Вся школа собиралась в зале на молитву, после которой учитель японского языка, одетый в парадную форму и белые перчатки, торжественно выносил деревянный ящик, из которого вынимал манифест. Мы должны были сосредоточенно слушать слова этого ненавистного нам манифеста императора Пуи. Потом начинались занятия. В школе большинство учеников были русскими, но были и татары, и евреи. Все дружили, учились, выступали в школьных спектаклях, спортивных соревнованиях, участвовали в рефератах. Дружили и ссорились, мальчики иногда дрались и, если кто-то решал пожаловаться преподавателю на зачинщика драки, наказывались оба. Ябедничество не только не поощрялось, но пресекалось напрочь. Рядом с русской школой была татарская школа, но, по-видимому, это была начальная школа, потому что в Русской гимназии училось много татар в старших классах.

Гимназию я окончила в Хайларе, и в 1945 г. уехала в Харбин для продолжения образования.

9 августа 1945 г. в Маньчжурию-Китай вошла победоносная Красная Армия. В считанные дни Китай был освобожден от японских захватчиков, подписан был акт о капитуляции. Наша жизнь кардинально изменилась. Красную Армию встречали ликованием и цветами, на Соборной площади стояло духовенство в торжественном облачении, члены правительства и народ. Все ликовали, радовались, русские песни звучали изо всех уголков города. Из каждого открытого окна русских домов слышались мелодии русских песен.

Русский язык царил в наших семьях, в школах, в храмах. Но с приходом армии я вдруг поняла, чего мы были лишены! На улицах-то мы слышали китайскую и японскую речь, а тут — целая армия! Я бегу домой и с восторгом кричу: «На улице говорят по-русски! Поют по-русски!».

В Маньчжурии сохранялись русская культура и русский образ жизни, но оказалось, что этого недостаточно. А когда моя жизнь началась в Харбине, то многие из нас поняли свою личную принадлежность к русской культуре. Русский быт мы сохранили благодаря нашим родителям. В Советском Союзе традиционный русский уклад был утрачен, в Париже и Нью-Йорке изменен до неузнаваемости, и только в Северо-Восточном Китае осталось все по-прежнему: сияли купола православных церквей, ставили рождественские елки, были славильщики, катанья на санках, колокольный звон в течение целого дня в первый день Пасхи, качели, со-

оруженные специально для детей для катанья в Пасхальную неделю, и прочее. Все было как в России.

Харбин был подлинным центром русской эмиграции в Китае, он своим возникновением обязан Китайской Восточной Железной Дороге (КВЖД), соединившей Забайкалье с Уссурийским краем. Дорога была построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали и проходила по территории Маньчжурии (Северо-Восточный Китай). Китайское правительство предоставило России землю вдоль всего полотна, так называемую «полосу отчуждения». В ее пределах действовали свои законы, была создана специальная полиция, суды и органы управления. Согласно договору с китайским правительством, для охраны строительства и дальнейшего обслуживания КВЖД из России был прислан квалифицированный персонал, строились храмы, больницы, школы, жилые дома для железнодорожников. Харбин был городом, где до середины XX в. сохранялись русская культура и русский образ жизни.

Как я сказала выше, я решила не описывать историю жизни русской эмиграции, войну, потому что это было описано во многих книгах, включая мои [1–4], а лучше постараюсь описать настроение того времени. Это был потрясающий период в нашей жизни, полный новых впечатлений, восторгов, эмоций и трагизма.

Но эта восторженная эйфория продолжалась недолго. Пришел СМЕРШ и начались массовые аресты. Арестовывали молодых людей, в основном мужчин разных специальностей. Среди них были и простые служащие каких-то предприятий, и представители интеллигенции, и искусства, и культуры. Например, увезли артистов харбинской оперетты. Одним из них был талантливейший премьер В. Турчанинов (Лавров). Его забрали сразу после премьеры, прямо в смокинге, как будто на банкет. Кстати, В. Турчанинов, обладавший прекрасным голосом, актерским талантом и потрясающей внешностью, после окончания срока заключения продолжал свою сценическую деятельность в Омске, вел свою музыкальную школу, получил звание Заслуженного артиста СССР. Арестовывали по указке «добрых» соседей. Свидетельницей такого ареста случилось быть и мне на станции Хаке, где застала меня война. Вечером, после того, как заканчивались хозяйственные работы, люди собирались в группы, чтобы узнать какие-то новости. Ведь в деревне не было ни телефонов, ни газет. Все новости узнавались от стоящей в селе армии, а потом обсуждались населением. В тот злосчастный вечер к группе людей, в числе которых находилась и я, подошел один мужик, указал пальцем на другого, того моментально посадили в грузовик и увезли. Сведений о нем жена уже не получала. Самым ходовым словом в тот период было: «Увезли!»

Позже в Харбине случилось ужасное происшествие. Речь пойдет о Лицее Святого Николая. Основан лицей был в 1929 г. для детей, пострадавших от советско-китайского конфликта. Открыт лицей был по указу Ватикана. Папа Римский Пий XI прислал несколько священников Восточного обряда, которые взяли опеку над немущими детьми, а ряды эмигрантов стремительно расширялись. Вскоре группа преподавателей, имевшая большой опыт работы в России, разработала учебную и воспитательную программу, и лицей был зарегистрирован в Отделе Народного Образования как закрытое учебное заведение для мальчиков и юношей. Лицей существовал

до 1949 г., выпустив в свет большое количество замечательных людей, рассеявшихся по всему свету и нашедших достойное применение полученным знаниям. Выпускники собирались на ежегодные встречи лицейстов, организуемые и финансируемые бывшим лицейстом доктором Евгением Аксеновым, проживающим в Токио. О нем много написано, имя его широко известно, он награжден медалями и грамотами как от японского правительства за его гуманитарную работу в области медицины, так и русским правительством — медали, грамоты, вплоть до личного приглашения на обед с президентом В.В. Путиным. Приглашение и меню обеда он мне прислал в Австралию, как и другие фотографии.

Человек он был очень богатый, но вел очень скромный образ жизни. В течение многих лет он финансировал встречи бывших лицейстов в России и оплачивал их билеты, приехавших из любых уголков Российской Федерации, и на две встречи я была приглашена с моей внучкой, как вдова его друга и моего мужа Владимира Михайловича Сухова. Он также оплачивал все расходы по гостинице.

Как я сказала выше, я была приглашена дважды на такие встречи, и помню трогательные слова бывших лицейстов о том, что людьми их сделал лицей. Как вдова бывшего лицейста, я не могу не согласиться с этим. Что ждало бы молодых людей, оказавшихся в труднейших условиях эмиграции? Нет работы, нет денег, и, надо заметить то, что в рядах эмигрантов было много военных, не приспособленных к жизни, они не умели ничего, кроме военного дела, и, потеряв Родину и оказавшись морально раздавленными, не смогли справиться с драмой тех дней. Некоторые спивались, некоторые терялись, а Лицей Святого Николая спас целую плеяду молодых, умных и талантливых людей, которые нашли достойное положение в жизни.

Так, в один печальный день мой муж прибегает домой с работы в необычное время, взволнованный, побледневший, и сообщает мне, что всех учителей-священников увезли куда-то ночью прямо в пижамах, не дав переодеться. Вот этих людей, которые спасали детей-сирот, а потом воспитывали уже молодых людей и давали им образование, вот так просто, в ночных пижамах, взяли и увезли! Справедливости ради должна сказать, что все ребята были православными, учились и содержались бесплатно. Это был интернат. Утро начиналось с литургии восточного обряда на славянском языке. В дни постные весь Лицей строем шел в Свято-Николаевский собор на говенье. Исповедовались и причащались у православных священников. Никакого нажима на переход в католицизм не было. Из всего лицея с первого и до последнего выпусков оказалось только два убежденных католика: отец Андрей (Катков), умер в сане епископа, и архимандрит Георгий (Брянчанинов). Они оба до самой смерти опекали своих соотечественников и новоприезжих в Австралию.

Мой рассказ был бы не законченным, если бы я не написала об очень трагическом явлении, которое произошло в Китае во время пребывания Красной армии. Я буду писать только о Хайларе, в котором я жила в тот период времени. Ужас происходившего заключался в том, что не все японцы капитулировали, некоторые оставались в Хайларе и жили, вероятно, работали. Мы, живя там, легко различали японцев от китайцев, а оставшиеся военные часто спрашивали, как узнавать японцев. Очень трудно, если японец надевает китайскую одежду. Лично я знала двух японцев, ко-

торые оставались в Харбине, это доктор Фунаиси, специалист по глазным болезням, и доктор Уки, уролог. То, что я хочу рассказать, это ужасающе страшно. Японцы, которые остались в Хайларе, думаю, что не только в Хайларе, а по всей линии железной дороги, решили мстить. Первое, что они сделали, то, что в первый день войны те, кто уходили, сжигали дома. Центр Хайлара горел. Город пострадал больше от пожаров, чем от бомбежки, но что мы не знали: они оставили отравленный спирт, и когда армия после победного конца обнаружила его, то, в силу хорошо известной нам любви русского человека к алкоголю, с каждым днем в городе обнаруживалось и увеличивалось количество отравленных солдат. Мне это было достоверно известно, потому что мой близкий друг был главным врачом больницы и ему приходилось констатировать смерть и вскрывать трупы погибших солдат от отравленного японцами спирта. Некоторые прошли тяжелейший путь войны, некоторые дошли до Берлина, и умереть на китайской земле, так близко от Родины, — это ужасно.

Но хочу рассказать противоположное отношение и поведение двух врачей, которых я упомянула ранее. Это уже Харбин. Я — студентка на практике в Железнодорожной больнице. Это огромная площадь, на которой разбросано много зданий и в каждом из них находится отделение: сердечно-сосудистых больных, детское отделение, глазное, кожно-венерическое и так далее. Так вот, мои коллеги ребята вдруг обратили внимание, что у меня очень расширены зрачки. Проявили такую заботу, а может быть, просто разыграли меня, что я мигом побежала в Глазное отделение к доктору Фунаиси. Я думаю, что он был профессором, если мне не изменяет память. С необыкновенной вежливостью он моментально принял меня, узнав причину моего беспокойства по поводу расширенных зрачков, проверив глаза каким-то аппаратом, он мне сказал на очень ломаном русском языке: «Вы не беспокойтесь, у Вас все нормально, Вы просто еще маленькая девочка, и зрачки будут нормально...» Я знала его мало, но он был всегда утонченно вежлив. О его дальнейшей судьбе я ничего не слышала.

Другой случай с оставшемся в Харбине японским профессором Уки был очень драматичен. Как мы все знаем, для японцев честь и достоинство превыше всего. Мы слышали об отдельных случаях харакири, но не знали этих людей, поэтому для нас это была статистика, а случай, который я хочу описать, уже не статистика, а драма. Я на практике в частной больнице. В операционной идет операция по удалению камней из мочевого пузыря. Пациент — русский мужчина лет семидесяти. Оперирует профессор Уки под местным наркозом новокаина. Больной лежит спокойно, как выяснилось позже, обладал незаурядным чувством юмора. Хирург вынимает один за другим ровные, гладкие, круглые камни. Их оказалось пять. Профессор показывает камни пациенту, тот очень доволен и говорит, что он может подарить их своему внуку и внук будет ими играть. Все смеемся, все довольны, операция закончилась. На следующий день обход больных. Входит в палату доктор Уки, за ним вереница студентов, обвешанных стетоскопами, включая меня, около кровати стоит улыбающийся пациент с поднятой рукой, говорит нам: «Доброе утро» и ...падает на кровать. Моментальная смерть. Тромб. Какой ужас. Что было дальше, не знаю. Нам пришлось освободить комнату, доктора я уже не видела. Через несколько дней прошел шепот по больнице: «Профессор Уки совершил харакири, убил пять своих

детей и жену. Я харакири не связываю со внезапной смертью его пациента. Для японца проиграть войну — позор. Вероятно, здесь вопрос чести и достоинства.

Еще расскажу об одном случае, мне кажется, интересном. У нас в Харбине было два миллионера, это братья Воронцовы и Михаил Ильич Лопато. Может быть, их было больше, но я знала только двух. У Воронцовых и лесные концессии, и кварталы домов, и городской рефрижератор, и бог знает что, а Михаил Ильич Лопато — владелец табачной фабрики. С Воронцовыми мы очень тесно дружили. С дочерью Татьяной я училась в Медтехникуме, а с сыном Димитрия Матвеевича Николаем учился мой муж, в ХПИ. Дружили мы всю жизнь до самой смерти, несмотря на то, что жизнь разбросала нас по всему свету. И вот после окончания войны Димитрий Матвеевич Воронцов привез сына на селекторное совещание, которое проходило в специально отведенном железнодорожным руководством поезде. Отец, видимо, старался развить у сына интерес к большим делам, но Коля, так же как и мой муж, стал выдающимся инженером. Кстати, выпускники ХПИ проявили себя в многих странах как талантливые и выдающиеся инженеры.

Итак, я на каникулах в Хайларе, мама приглашает на обед Воронцовых и М.И. Лопато. Обедаем, разговариваем... еще раннее время, и меня просят показать дзоты. Я говорю, что если вы меня поведете, то я вам покажу. Дзоты были уже открыты. Каждый мог входить и оказалось, что все стены были расписаны словами, которые я не знала, и некоторые пыталась прочесть вслух, а показать я стремилась моим гостям, как японцы мстили остаткам советской армии. Проходя по всем коридорам подземного города, я рассказывала им, что японцы оставляли манекен японки, одетой в очень красивое кимоно и обэ, и из обэ показывался кусочек кошелька с деньгами. Кто попадал в дзоты, увидев такую красоту, да еще с кошельком, стремились вынуть его, и манекен взрывался. Многие военные погибли в Хайларе, попавшись на такую ловушку.

Мне кажется, что я исполнила свое обещание. Я написала все, что видела и слышала в этот ужасно трагический период моей жизни. Живых свидетелей осталось мало, поэтому каждая крупинка прошлого может быть интересной.

И вот в этот Харбин я приехала для продолжения образования. Тут я столкнулась с проблемой. Я всегда мечтала быть врачом, но, к сожалению, преподавание на медицинском факультете в институте велось на японском языке, и после освобождения Китая от японского владычества институт был закрыт. К тому же, Христианский Союз Молодых Людей или ХСМЛ — прекрасное учебное заведение, которое мне очень нравилось, было тоже закрыто, потому что Христианский Союз не нравился новому политическому руководству в Харбине. Харбинский Политехнический Институт (ХПИ), известный и признанный во всем мире, был для меня недоступен, потому что я не дружила с математикой и меня очень тянуло к медицине. В то время в Харбине был Медицинский техникум, и я с радостью поступила туда.

Окунулась я в харбинскую жизнь быстро. Поступив в медтехникум, я оказалась в кругу новых знакомых, некоторые из которых стали моими друзьями. Так, моим верным другом стал мой соученик с первого отделе-

ния Русской Хайларской школы, где мы с ним проучились год. Потом его родители переехали в Харбин. Мы встретились с ним на улице Харбина в 1945 году, когда оба уже окончили гимназию. Дружили много лет, до самой его смерти, постигшей его в Челябинске, куда волею судьбы он уехал «на целину» по зову Хрущева.

После окончания Великой Отечественной войны, как мне кажется, политика в СССР резко изменилась. Стал развиваться интерес к истории, начали снимать исторические фильмы: «Александр Невский», «Иван Грозный», «Годунов», позже «Андрей Рублев» и многие другие художественные фильмы, популярной стала эстрада, концерты. Помимо нахлынувшей волны фильмов и пластинок советских исполнителей: Клавдии Шульженко, Марка Бернеса, Сергея Захарова, Руслановой, Кристалинской и других, особенно любимыми были песни военного времени. Знаменитые мелодии «Темная ночь», «Севастопольский вальс», песенки из кинофильма «Перелетные птицы» (список можно продолжить) были слышны всюду — и в коридорах университета, и на улице, и в домах. Плюс нельзя забывать о том, что наши доморожденные ансамбли продолжали работать в полную силу. Ведь опера, оперетта, балет, симфонический оркестр и три драматических театра готовили и ставили спектакли. Культурная жизнь в Харбине была ключом. Я помню, как со своим молодым человеком, ставшим вскоре моим мужем, Владимиром Суховым, в выходные дни уставали до изнеможения, посещая по три кинофильма в один день и концерт или театр вечером. Концерты или театральные постановки в Железнодорожном собрании пропустить вообще было невозможно. Здание Железнодорожного собрания было построено русскими, в нем находился зал на 1 500 мест и имелась вращающаяся сцена. А в кинотеатре «Модерн» в праздничные дни давались киноконцерты с дивертисментом. Здесь выступали талантливейшие артисты эстрады и балета.

Я помню, как я ждала понедельника, чтобы отдохнуть на лекциях. Все развлечения были платными, но доступными для большинства. Но для нас с мужем везде вход был свободным, потому что Вова Сухов принимал участие во всем: и в спорте, и в струнном оркестре, и в выступлениях музыкальной школы (у него был прекрасный баритон). Я им очень гордилась. Но сцену он не любил, очень волновался на сцене, и мне сказал раз и навсегда: «Я инженер, и сцена не для меня», но все-таки ему приходилось петь на сцене Железнодорожного собрания и Советского клуба (бывшего Коммерческого училища).

В этот период времени вся молодежь была объята желанием ехать в Советский Союз. Писали письма, подавали прошения, заявления в разные инстанции, но ответа не получали. Более того, отношения местных с советскими, оставшимися в Харбине и работавшими на государственной службе, изменились. Странные случаи повторялись постоянно. Они стали смотреть «сквозь нас», чтобы не встретиться глазами. Например, если советскому служащему в торгпредстве или еще в каком-то учреждении нужно было спросить название улицы или уточнить транспорт, а я в этот момент находилась рядом, то он спрашивал китайца, не говорящего по-русски, как бы не видя меня. Общение с нами было полностью прекращено, хотя раньше мы встречались на вечеринках или на концертах. С дочерью начальника КВЖД генерала Журавлева Люсей, которую всегда сопровождал сотрудник

консульства, общение совсем прекратилось. Дружеские и даже романтические настроения в среде молодежи заметно остывали, а потом рушились. Но даже несмотря на это, мы уже были заражены интересом и любовью к России.

Поступило сообщение от Хрущева о том, что мы прощены и приглашены в СССР на поднятие целины. После этого в Харбине произошло смятение. Многие захотели поехать по приглашению Хрущева поднимать целину, объявилось много патриотов, некоторые даже говорили: «Жаль, что мы не разделили трудное бремя войны, зато теперь поедem помогать». Все были объединены энтузиазмом, включая нас с мужем. Мы даже не подумали спросить мнение моих родителей и свекрови, вписали их в наш список на просьбу о выезде. Вдруг я получаю письмо от моего папы. Он писал очень неровным почерком: «Галочка и Вова, мы с Тонечкой (моей мамой) ехать в Союз не можем. Я присягал Императору и в Советском Союзе жить не смогу...». Я в ужасе и страхе бегу в контору к мужу, чтобы показать ему это письмо. Боже, что скажет он? По слухам, в городе уже происходят трагедии, семьи рушатся, муж хочет ехать, жена нет, или наоборот. Разводы, драмы, а что будет с нами? Дрожащей рукой я протягиваю конверт мужу, зная точно, что своих родителей я в Китае оставить не смогу. Он медленно читает и говорит: «Мы твоих родителей в Китае оставить не можем. Пути в Советский Союз нам нет». За это решение я благодарила и благодарю его всю жизнь, а своим отцом горжусь. Он был истинный патриот, офицер Белой армии, боролся с большевизмом, перенес тяготы Ледяного похода. Так, уже в советское время на банкете в Хайларе, когда он был назначен директором всех кожевенных заводов, отказался от тоста «За Сталина!», это был бесстрашный подвиг, а потом решил нашу судьбу тем, что остался верным своей присяге.

Невозможно охватить в одной статье жизнь русских в Китае, но я старалась передать в этой статье атмосферу радости, страха, неповторимых эмоций, восторгов и трагизма, которые я испытывала там в период моего бытия в то время. Не много осталось живых свидетелей, чтобы рассказать о виденном и пережитом. Надеюсь, что я приоткрыла небольшое окошечко в прошлое.

Литература

1. *Кучина Г.И.* Минувшее разворачивает свиток: рассказ о жизни русской австралийки из Китая. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 480.
2. *Кучина Г.И.* Люди и судьбы в письмах СПб.: Нестор-История, 2014. С. 208.
3. *Кучина Г.И.* Калейдоскоп времени судеб. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 328.
4. *Kuchina G.I.* Memoirs of Galina: The Story of a Russian Australian from China. Australia: Brolga Publishing Pty Ltd, 1988.

ПОЭЗИЯ

Александр АНАНИЧЕВ

«ТЕРПИ, РОДНОЙ, ДЕРЖИСЬ, СОЛДАТИК, МИР БЕЗ ТЕБЯ НЕ УСТОИТ»

Александр Сергеевич Ананичев — поэт, бард, секретарь правления Союза писателей России, руководитель Сергиево-Посадского отделения СП России. Окончил Гуманитарный институт телевидения и радио, Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Лауреат всероссийского конкурса «Золотое перо России» (2004), литературной премии им. Н.С. Гумилева (2024) и многих других литературных премий. Стихи переводились на польский, болгарский, английский языки. Сотрудник Паломнического Центра Троице-Сергиевой Лавры. **Живет в Сергиевом Посаде.**

* * *

Если мир невзначай изменился
И туман над землею сгустился,
Пой заветную песню, поэт —
Сквозь тебя преломляется свет.

На обломках времен не теряйся,
Долгожданным врагам улыбайся,
И у бездны глухой на краю
Пой веселую песню свою.

Пой то ярче, то звонче, то тише,
Не надеясь, что нынче услышат...
Даже если вокруг никого,
Пой тогда для себя одного.

Пой, пока не истрачены силы,
Пой до самой зимы, до могилы!
И у бездны глухой на краю
Пой бессмертную песню свою.

КРИТИКУ

Друг сердечный, начитанный, лучший,
Объясни, наконец, поскорей,
Отчего это Бродский и Кушнер
Овладели изнанкой твоей?

Литераторы, книжные черви,
Не едавшие мяса с ножа,
Пишут — словно чертежники чертят,
Хладнокровно, умно, не спеша.

Террористы, взрыватели речи,
Многословием лупят под дых,
И у каждого будто подсвечен
Электрической лампочкой стих.

Пусть от них нынче некуда деться,
Отпылит их пора, отгорит,
Потому что у русского сердца
Все иное — и отзвук, и ритм.

Разве им, трюкачам, полиглотам,
С нами быть и в бою, и в тоске...
Говорите с великим народом
На великом его языке!

За поэтов «хороших и разных»
Я хотел бы, мой друг, пригубить.
Но твоих мастеров первоклассных
Хорошо бы прочесть и забыть.

ПЕРСПЕКТИВА

Ну и ладно, что нет перспективы,
С неба звезд не ловлю на бегу,
Что другие сегодня на диво
На экране, в чести, на слуху.

Я спокойный, не громкий, не совкий,
Я в своей проживаю стране.
Инстаграммы, фейсбуки, тусовки
Пригодятся другим, но не мне.

Я мышиною возни не приемлю,
Суеты деловой не люблю.
Я просторы люблю и деревню —
Над рекою деревню мою.

Здесь не слышно столичной отравы,
Бьет родник под горою крутой,

Здесь мне в пояс склоняются травы,
Словно я знаменитый какой.

В планах нет ни Европ, ни Америк,
Но я с ветром и солнцем дружу,
Выхожу на обрывистый берег,
Как на сцену в Кремле выхожу.

У иных и почет, и активы.
Мне милее луга и залив.
Что желать для себя перспективы,
Если нет у земли перспектив!

Если мир опален и расколот,
Если снова стоит на краю...
Я еще к вам наведаюсь в город:
Подморозит — приду и спою.

ОСЕНЬ

Над землею сгущается вечер.
Мир во власти тоски роковой.
Даже ветер, мягущийся ветер, —
Поцелован проклятой чумой!

Опадают последние листья,
На кустах облегают цветы...
Лунный свет и холодный, и мгlistый,
Безнадежно течет с высоты.

Только смерть никогда не обманет.
Остальным — доверяться нельзя...
Опалит, озарит, затуманит
Ледяной поволокой глаза.

И откроются новые выси...
Но душа загрустит оттого,
Что прекрасней подаренной жизни
На земле не нашлось ничего.

В ЛЕСУ

Над лесом небо потемнело,
Гром недалекий ударял.
И я с корзинкой между делом
Дорогу к дому потерял.

Я шел впотьмах на юг, на реку —
Казалось мне, вот здесь река —
И вдруг увидел человека,
Как я такого ж грибника.

К нему я, радостью объятый,
Пошел в ложбину и — наверх...
Он обернулся — Боже Святый! —
В лесу стоял под елкой негр.

Ах, это Миша-темнокожий!
Я рад ему как брату был —

В деревне нашей задорожней
Избу недавно он купил.

Вдвоем мы выбрались на волю,
Ступаем тихо вдоль межи,
И вдруг, за овцами, по полю
Идет на нас пастух-таджик.

— Салам! — Салам! Почем барашки?
И друг за другом, хохоча,
Мы из моей походной фляжки
Хлебнули щедро первача.

Один припомнил дождь в Бейруте,
Другой — раскосых глаз вино...
И было весело до жути,
И страшно было мне смешно.

ОНИ

У них всегда глобальные задачи.
Они владеют банком мировым.
Они всегда становятся богаче,
Когда трудней становится другим.

Им черт — не брат. Усталости не зная,
Плодят вокруг то войны, то чуму...
Цветет и пахнет сотня золотая,
Не видная, к несчастью, никому.

У всех земных правителей на шее
Сидят они и дергают вожжу.
Мир изменить я, точно, не сумею,
В глухую даль от мира ухожу.

Гул буду слышать лиственниц и кленов,
Тянуть ладони к зыбкому огню,
Не помнить их губительных законов,
Не слышать их холопов болтовню.

Я буду петь для соек и кукушек,
Я буду жить свободным от оков —
Назойливых досмотров и прослушек,
Вакцин ковидных, кодовых штрихов.

Ах, как леса родные чудотворны!
Ах, как река встречает холодком!
Недолго только в детстве мы свободны,
Живем рабами вечными потом.

Но если вдруг единственной дорогой
Придут за мной в глухую сторону,
Я их с дубиной встречу у порога
И, как раскольник древний, прокляну.

СТРЕКОЗА

Я в детстве любил на стрекоз
Смотреть. Их движеньям дивился.
И вскоре, когда я подросток,
Отлично летать научился.

Меня приняла высота —
Мне звезды удачу пророчат.
Два сильных и быстрых винта
Теперь надо мною стрекочут.

Моя «стрекоза» голодна,
Летит на поля и болота.

Все яростней день ото дня
Ее роковая охота.

Врагу расслабляться нельзя —
В пылу чумового азарта
Накрыла моя «стрекоза»
Вчера сразу три «леопарда»!

Сбежались, как в стаю, они,
На небо уставились хмуро...
Так ярко и сочно вдали
Горели железные шкуры!

Напрасно нарушить полет
Желает мой братец свидомый.
Как муху, его пришибет
Идущий за мною ведомый.

Внизу — только черная пыль
И красные тени с востока...
Не сразу растает в степи
Широкий рассерженный стрекот.

РУССКОМУ СОЛДАТУ

Планета плавает в закате,
Кровавят все ее углы...
Терпи, родной, держись, солдатик,
От дыма черный и золы.

И снег горяч, и брат — предатель,
И воронья густой галдеж...
Терпи, родной, держись, солдатик,
Где правда видящий, где ложь.

В своей Твери иль Волгограде
Не ведал злобы мировой...

Терпи, родной, держись, солдатик,
Победа будет за тобой.

В огне, в окопе, в медсанбате,
За все грехи земли распят,
Терпи, родной, держись, солдатик,
Великий русский наш солдат!

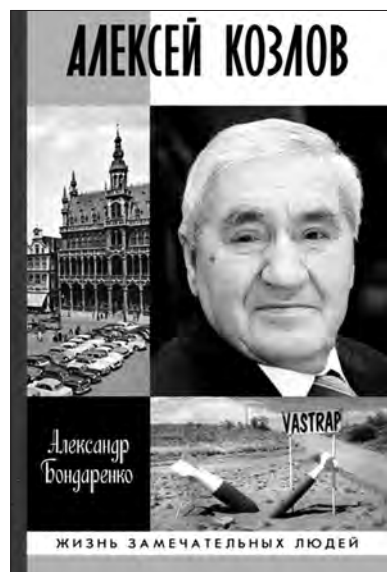
С дитем спасенным, Бога ради,
Не торопись вращать в гранит...
Терпи, родной, держись, солдатик,
Мир без тебя не устоит.

ВЫШЛА КНИГА

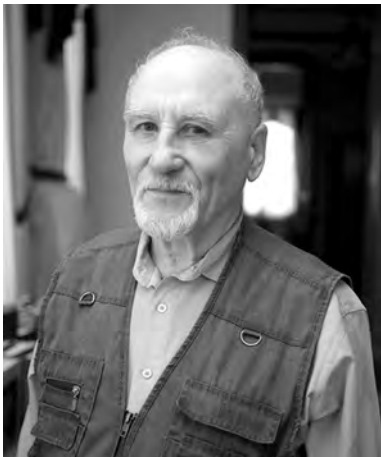
Бондаренко А.

Алексей Козлов. Преданный разведчик. — М.: Молодая гвардия, 2022.
(Серия: Жизнь замечательных людей).

Из всей ярчайшей биографии разведчика-нелегала Героя Российской Федерации Алексея Михайловича Козлова (1934–2015) раскрыт всего лишь один период: в конце 1970-х годов он сумел получить информацию о тайном создании в Южно-Африканской Республике ядерного оружия. В 1980 году, из-за предательства, разведчик оказался в юаровской тюрьме, где ему пришлось пройти через нечеловеческие испытания — но он не сломился, не сдался. Более того, возвратившись после обмена на Родину, Алексей Михайлович вскоре вновь был направлен на нелегальную работу за границу, что стало началом воистину уникальным: в любой разведке карьера «провалившегося» разведчика заканчивается. В книге впервые достаточно подробно рассказывается и о других страницах биографии легендарного разведчика, а также — о том человеке, который его предал, изменив воинской присяге и своему Отечеству.

Дороги ВОЙНЫ

Виктор ИВАНОВ

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК А.Г. ЕЛИЗАРОВА

Виктор Павлович Иванов (Иван Комлев) — родился в 1940 г. в Омске, прозаик, публицист, член СП России, окончил Омский сельхозинститут. Работал в геодезических экспедициях в районах от Урала до Амура, от Байкала до моря Лаптевых, строитель Сибирского Солнечного радиотелескопа в предгорьях Саян. Был зав. Бюро пропаганды художественной литературы Иркутской писательской организации. Темы его творчества — любовь и сострадание к человеку, к природе, восхищение прекрасным, воспоминания о трудном военном детстве. Лауреат конкурса «Золотое перо» по прозе. **Живет в Иркутске.**

Автор записей А.Г. Елизаров работал главным инженером Ленинградского Оптико-механического объединения в 1942–1943 годах.

Книжка за 1942 г. заполнена Елизаровым полностью, затем еще одна — за 1943 г. — до прорыва блокады Ленинграда. Елизаров, как и его жена, вероятно, остались живы; записные книжки были найдены у родственников в одном из районов Омской области студентами ОмСХИ имени С.М. Кирова (ныне университет имени П. Столыпина); к сожалению, они не оставили записи, в каком населенном пункте живут родственники. Записные книжки были переданы в музей института «бойцами ССО «Кировец», участниками поиска «Солдатские письма» 1981 г.». В музее есть и фотография А.Г. Елизарова. Записи сделаны черными чернилами.

Переписывал я их с сохранением пунктуации Елизарова и его сокращениями¹. По ним (по ошибкам) можно судить о том, как, слабея, человек постепенно утрачивает контроль над грамотностью. Но, удивительно, борется и не пропускает ни одного дня. Меня удивило вначале, что о том, что он делал на заводе, главный инженер не написал ничего, хотя видно по записям, что в начале января он еще ходил на работу.

Потом я понял: нельзя было писать об этом; Елизаров думал о том, кому попадет дневник в случае его смерти. Вот записи из дневника за 6 недель самых трудных дней блокады.

¹ Публикуется в орфографии и пунктуации автора дневников, А.Г. Елизарова.

Страница «День за днём». 1942 год

На первой странице:

В случае потери этой книжки — просьба сообщить по адресу Лесная, 21 к/о Дорога в Сосновку, д 1/9; кв. 168 Тел. № Г- 2—10—70 (подчеркнуто Елизаровым. — И.К.)

1. января. Сегодня 194-й день кровопролитнейшей в истории чел-ва войны. Пятый месяц — Ленинград в блокаде; 24/8 41 прошёл последний поезд. Новый год пока не принёс ничего нового. Все стоит. Нет ни электро- энергии, ни воды. Трамваи не ходят и, главное, нечего есть. Население мрет как мухи.

2.января. С 5/12 — части Кр. Армии наступают, опасность для Москвы миновала. Под Ленинградом 54я армия ген. майора Федюнинского успешно продолжает развивать наступление разрывая кольцо блокады.

3.января. Ничего нового. Кончается керосин. Состряпана лампа под масло из банки от какао. Светильник получился очень тусклый. Радио не работает, газет не приносят, ничего не знаем, что делается на фронтах. Есть почти совсем нечего.

4.января Сидим дома в темноте. Ничего не знаем. Положение с продовольствием не улучшается. Имеем только хлеб — 350 грамм на меня и 200 грамм — на Саню. Слабость, звон в ушах у обоих.

5 января. Вышел на суточное деж. На завод. Расстояние = 5 клм. Тяжелый подвиг. Слабость отчаянная, в 13 часов артиллерийский обстрел района. «Все в укрытие» — сидим и считаем разрывы. Насчитали — двенадцать — обстрел через 30 мин. прекратился.

6 января Утром возвращаюсь с з-да домой. Лесной просп; следы вчерашнего обстрела: порванные троллейные и световые провода, покосившиеся столбы, расщепленные заборы, следы осколков в стенах домов. Ходил в милицию на переучет, в который раз.

7 января 3 часа. Глухие и очень близкие разрывы снарядов. Снова германская тактика — стрельба по городу. Сегодня днем, идя на завод, встретил 12 гробов с умершими от голода. Гробы везут на санках люди, изможенные и похожие на тени от голода.

8.января. Сегодня очередная проблема: чего бы поесть? Истрачено на еду 255 р. Приобретено: 1 плитка шоколада за 170 р. и 200 грамм хлеба за 85 рублей с рук с дракой и скандалом. Масло, говорят, можно достать кусочками по цене: рубль — 1 грамм, — т.е. 1000 руб. кило!! Что будет дальше?

9 января Новое мытарство. Песок в хлебе. Почему песок в хлебе? Единственный пищевой продукт испорчен песком. По продуктовым карточкам в магазинах ничего не дают. Получаем только хлеб. Масла, мяса, крупы и сахару видимо совершенно не будет. Не достать даже жмыхов. Все съестное в городе исчезло окончательно.

10. января С начала войны (с 22/6 41 г) в Ленинграде было 337 воздушных тревог, последняя из них была еще 5/12 прошлого года. Прекращение налетов объясняется, видимо, неподготовленностью германской авиации к налетам в зимних условиях.

Голод мучает здорово. По-прежнему нет ничего съестного. Хлеб стал лучше, песок исчез. В городе из-за отсутствия эл. энергии не работают ни бани, ни парикмахерские. Сегодня Саня стригла и мыла меня дома.

11 янв. Физическая слабость от голода все увеличивается, шум в ушах и головокружение не проходят. Вчера мы с Саней ели: плитка шоколада за 170 рублей и кусок хлеба 200 грамм на двоих. Попытка Санечки сменить на съестное самовар, успехом не увенчалась. Мороз и ветер: Т-ра-22 — С.

12 янв Сегодня начался стихийный разгром забора на дрова вокруг нашего дома. Двор быстр превратился в широкую улицу. Никто из администрации не обратил внимания. Ночью в районе Лесного разграбили три булочных. Растащили весь хлеб. Сегодня вызвал врача на дом. Запретил ходить, беречь силы, дал больничный листок по 17/.

13 янв. Слабость усиливается. Санечка получила хлеб на 14/1 — съели, запивая черным кофе. Больше ничего нет. Мороз -32. Сегодня кончился последний кусочек сахара. В магазине выдали 400 гр. какой-то ужасной муки. Ходят слухи о крупной победе наших войск, ничего не знаю, хоть бы газету.

14 января. Снова ничего не знаю. Сижу дома безвыходно. Саня получила хлеб за 15/1 — съели. Говорят, что через пару дней будет выдача продуктов. Хорошо хоть бы дали какого-нибудь жиру или крупы.

15 января. Сильный мороз (-35). Сидел дома безвыходно. Слухи о прибавке хлеба с 15/1 не подтвердились. Снова 350 гр — мне и 200 гр жене. Продуктовый магазин закрыт совсем... Вчера расстреляли несколько человек за ограбление продмагов.

16 янв. Потеплело — идет снег Т-ра -10. Никуда не выходил из дому. Делаю новую коптилку с регулировкой фитиля. Сегодня в 12 часов дали эл. ток и не выключили до полуночи. Хороший признак. Ходят слухи, что наши войска заняли ст. Мга по Северной дороге проверить не могу: радио и мзеты нет сведи не имеем.

17 янв. Никаких изменений. Был в амбулатории на приеме у врача. Боли в спине усиливаются. Начинает заметно чувствоваться ухудшение деятельности сердца. Больничный листок продлен до 22/1. Саня всетаки сменяла самовар на, 3,6 кило льняной дуранды. Жаль хороший кованный медный никкилированный Тульский Баташева самовар, но нужно есть.

18 янв Хлеб съеден за 18/1 накануне. Продуктовый магазин по прежнему закрыт. С завода через товарища по работе прислали 0,5 кило технического сала. Перекипятили — в воздухе долго стоял запах конского пота и сальной свечки, но сало чудесное. Жарили на нем хлеб, который купили на улице 400 грамм за 180 рублей.

19 января С утра — радостная новость: заработала радио-трансляционная сеть. В 6 часов с наслаждением прослушали последние известия. Электроэнергия подается без перебоя с 16/1 — все это хорошо, но как с продуктами? Ходят слухи, что население Л-да уменьшилось на j миллиона, ввиду смертих (здесь неразборчиво. — И.К.) от голода. При этом 90% — умерших — мужчины. В течении дня питались только хлебом по кусочку и чаем без сахару.

20 января Начали регулярно доставлять газету хот и 3-х дневной давности, но всетаки приятно. Еды по прежнему никакой. Пекли лепешки из дуранды, запивали их жидким кофе и засорили желудки.

21 января. Ничего нового. Свет снова выключен. Радио не работает с утра. Вчера наши войска заняли Можайск. — Приятно. Теперь путь на Смоленск. Замерзли фановые трубы в доме. Нечистоты с верхних этажей

затопят квартиры через уборные. Ужас. Администрация никаких мер не принимает. Саня получила 200 гр. отвратит. конфет и 100 гр. сливочного масла.

22 января. Сегодня 18-ти летняя годовщина со дня смерти В.И. Ленина (21/1) день объявлен рабочим. Моя бедная, измученная голодом Санечка с 5и час утра стояла в очереди за мясом и не получила. Оказывается — не полагается, а получить-то надеялась всего 50 грамм. Упорно все твердят, что прибавят завтра хлеба. Посмотрим. Был в амбулатории у врача. Больничный лист продлён до 27/1 Мозжит сердце и слабость отчаянная; еле дошёл домой.

23 янв Хлеба не прибавили. Сегодня и я и жена почувствовали резкое усиление физической слабости. Я ходить почти не могу совсем. Санечка — тоже. Света, воды, радио по прежнему нет. Нечистоты с замерзшей канализации продолжают заливать коридор и лестницу. С трудом сделал у входной двери плотный барьер порог, чтобы не затопило квартиру.

24. января Ночью сломали замок на деревянном сарае и честно украли поленьев 20. Повесил новый замок, выхожу проверяю. Мороз жуткий — 35. Сегодня маленькая радость прибавили норму хлеба на 50 гр. всем категориям. Выдали 500 гр ржаной муки. Варим суп из воды с мукой «баланду» — как здесь прозвали. Навещал тов с з-да И.Г. Зайков предлагают лечь в больницу-стационар которая организуется при заводууправлении.

25 янв. Вчера на улице купили кусок хлеба за 110 руб — весом в 200 грамм!? Продолжаю сидеть дома, оторванный от всего. По прежнему нет ни газетки радио вдвоем с Санечкой мужественно переносим все страдания. Она бедняжка сильно мучается, слабая и чахнет с каждым днём. Мы с ней еле передвигаемся по комнате. Она больше лежит. Рано ложимся, т.к. нет света, но и рано поднимаемся, мучимые голодом. «Царь голод». Что-то будет дальше?

26. января. Ничего нового. Сегодня в хлебо-булочных нашего района не было хлеба. Обещали только назавтра к полудню. Причина: на хлебо-заводе из за отсутствия воды, топлива и электроэнергии не было выпечки. Интересно: возможно ли еще какое либо ухудшение положения?

27 янв. Хлеба в булочных нет 2й день. Люди лишены единственного средства питания. Сегодня был в амбулатории. Врач без осмотра и расспросов продлил больничный лист до 2/2. Внешность моя, видимо довольно убедительна. В ночь на сегодня снова сломали замок на сарае и украли много дров. Оставшиеся мы с Санечкой с большим трудом перетащили в квартиру, заложив их под стол под кровать в проходах словом забили все свободное пространство в комнате.

28 янв 25/1 — исполнилось ровно пять месяцев блокады Ленинграда. Интересно — когда все таки это кончится. Положение настолько безнадежное, что мы Санечкой начинаем временами впадать в отчаяние. Хоть чегонибудь съестного, чтобы поддержать остатки сил, которые с каждым днем все более оставляют нас. Сегодня получил от Мамаы письмо из Хвалынского от 21/X — прошлого года. За 92 дня письмо пожалуй могло бы дважды обогнуть вокруг света.

29 янв Сегодня на улице один прибывший из Москвы гражданин назвал Ленинград городом смерти, и не без основания. Ежедневно здесь умирают тысячи людей от голода и до 90% все мужчины, все время видишь трупы,

которые вывозят на салазках без гробов, просто завернутых во что попало и забинтованных как мумии.

30 января Три дня не выдавали хлеба. Задолженность выросла настолько, что у булочных сегодня колоссальные толпы людей. Стали выдавать мукой. Жена моя героически простояв на морозе всю ночь к полудню все таки получила хлеб. Сегодня выдавали по 150 гр сахару. Какая чудесна вещь — чай с сахаром.

31 января Ничего нового по прежнему все так же плохо и безнадежно. Вышел немного подышать воздухом. Метель через пять минут заоченели руки и ноги. Сильная слабость, не могу ходить. Вернулся домой, лег. На улице слышна была редкая артиллерийская стрельба со стороны города. Неужели опять обстрел

1 февраля Сегодня 224 день войны с немецкими захватчиками. Положение на фронте — неизвестно, продолжаю сидеть дома безвыходно, газет и радио нет, поэтому, ничего не знаю. Ходят слухи, что наши войска заняли Смоленск, Харьков, но я этому не верю, пока не узнаю сам. Света и воды по прежнему нет. Санечка возит воду на санках из колодца с просп. Раевского. С завода принес товарищ карточки на февраль.

2 февраля. Сегодня был в амбулатории физич состояние — тоже. Больничный лист продлен до 7/2. Бедная моя Санечка стоит в очереди с раннего утра, надеясь получить для меня кусочек мяса, которое сегодня обещали выдать. По городу идет опять арт обстрел.

3 февраля. Вчера моя жена, простояв в очереди 7 часов все таки получила мясо — 300 грамм. Сварили суп состоящий из мяса, воды и соли, приправ никаких — второй день сегодня питаемся этим супом. Принесли газету «Ленинградскую правду» — за 28/1 Ничего интересного в газете. Выйдя на улицу с удивлением обнаружил собаку, паршивую, дрожащую от холода собаченку, очень удивился: так странно, в городе где давным давно съели всех собак и кошек и, вдруг, собака. Вероятно её кончина не далека.

4 февраля Сегодня же кто нибудь её поймают и съест. Моя бедная Санечка также начинает слабеть. Появились отеки лица, особенно сильно по утрам. Сегодня в магазине выдавали масло 200 гр. мне и 100 гр. Санечке. Получить не удалось — грандиозные очереди.

5 февраля Масло опять не получили, очереди не уменьшаются, а стоять ни Саня, ни я не в силах. Слишком оба слабы. Сегодня с трудом дошел до Сосновки, сломал несколько веток с молодых сосен, дома настоял хвою горячей водой, надеясь по совету врача получить в настое витамин «С».

6 февраля. Слышали, что наши войска отдали обратно немцам Феодосию. В связи с этим подавленное настроение Санечка успокаивает, уверена, что наши возьмут обратно. Заходил тов. по работе, И.Г. Зайков — который тоже болен. На заводе по прежнему эл. энергии не обещают дать в феврале. ВУДЫ за исключением одного все как и я выбыли из строя.

7 февраля Сегодня снова был у врача на очередном приеме. Больничный лист продлен без осмотра до 12/2. Дошел до амбулатории с трудом, к ногам точно подвязаны пудовые гири. Днем отчаянный артилер. обстрел. Катает беглым огнем по городу с каким то бешенством и ожесточением. Ели ужасный суп из кислой травы (ботва от свеклы и картофеля). Вечером жарили на касторовом масле крохотные кусочки хлеба. Если не дадут в бли-

жайшие дни ток в квартиры, как обещали, то через пару дней будем сидеть в темноте: все горячее в наших коптилках кончилось совсем.

8 февр Ничего нового, «Царь голод» свирепствует по прежнему. Сегодня 8/2 купили на улице 500 грамм хлеба за 275 рублей сварили тюрю и съели. Ничего не знаем что и как на фронте. Очень мучает вопрос с блокадой города, полная неизвестность.

9 фев. По прежнему нет никакой пищи, кругом все умирают. Ели хлеб и воду, но хлеба очень мало. Норма старая 400 гр. получаю я и 250 грамм — Санечка, это выходит по 325 гр. на человека в день и больше абсолютно ничего. О ходе войны ничего не знаем оторваны от всего.

10 февр. Положение без перемен. Никакой связи с внешним миром, даже ничего не знаем, что делается в городе, совершенно отрезаны. Продуктов не выдали еще и за январь, масла, мяса и сахару. На февраль и говорить нечего. Голодаем ужасно. Сегодня из разных рук купили 1,35 кило хлеба на 750 рублей. Деньги все кончились. Зарплату не выдали еще за декабрь. Питаемся только хлебом и водой, да и то далеко не достаточно.

11 февр Сегодня радостный день: прибавили хлеба на 1-ю категорию — 100 гр (получаю теперь 0,5 кило) и на иждивенческую (жене) — 50 гр (получает теперь — 300 грамм). Сегодня начали выдавать крупу на 1-ю категорию по 500 гр и иждивенцам по 250 гр. на декаду. Третий месяц не выдают спичек из за этого круглые сутки горит моя коптилка. На улице коробку спичек продают за 25—30 руб.

12 февраля Снова был у врача, больничный лист продлен до 17/2. Сегодня ровно месяц как я на бюллетене. Не знаю сколько времени еще так протянется. Сегодня снова покупали хлеб на улице по цене: 550-600 руб за килограмм. Пачка папирос стоит 60 рублей. Табак кончается. Деньги уже все израсходовали свыше 4х тысяч на хлеб. Зарплату так и не платят еще за декабрь пр. года.

ПРОЗА

Павел АСТАХОВ

КРЫЖОВНИК

Рассказ

Павел Алексеевич Астахов — родился в Москве в 1966 г. Российский государственный деятель, адвокат, телеведущий, писатель. Действительный государственный советник РФ I класса. Занимал должность уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка (2009–2016 г.). Член Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. Член экспертного совета Агентства стратегических инициатив. Член Правления РСПП. Доктор юридических наук. Заслуженный юрист РФ. Профессор МГИМО, автор более 50 книг просветительско-правового характера, а также 28 художественных романов. **Живет в Москве.**

«Ответственность за доставку рабочей силы в Германию несут комиссии и бюро труда (отделы труда). Транспорты с рабочей силой из бывших русских областей охраняет полиция охраны порядка. Поэтому охранные команды следует затребовать в районных учреждениях полиции...»¹.

Среди множества даров Матушки Природы есть забавный малыш, угрожающе колючий и ершистый на вид и необыкновенно ароматный и чудесный на вкус. Похожий на крошечный полосатый арбузик, покрытый тонкими колючками и шипами, опасными на первый взгляд, но безобидными и мягкими при прикосновении. Этот огородный житель может украсить любое чаепитие, перевоплотившись с помощью заботливой хозяйки во вкуснейший десерт: варенье, джем, компот, мусс. Отведав его однажды, невозможно забыть этот прекрасный бодрящий кисло-сладкий вкус: яркий, как родившее его лето, и звонкий, как трель жаворонка жарким солнечным полднем. Его имя таит в себе имя Господа и сокровенную тайну Пришествия и Воскресения. По-немецки он зовется «Кхристобээрэ» или «Ягода Христова», а иногда переводится даже как «Христов тёрн». В русском же языке берет свои корни от древнеславянского названия «креста», хотя не каждый распознает его под именем «крыж», а потому больше всего похож он на свое поль-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 127, л. 147–148. Перевод с немецкого. Письмо № 106 Группы по использованию рабочей силы ведомства уполномоченного по четырехлетнему плану Рейхсминистру оккупированных восточных областей и хозяйственному штабу «Восток» об использовании в качестве рабочей силы военнопленных и гражданского населения. Берлин, 13 декабря 1941 года.

ское прозвище *krzyżownik*¹. Густо утыканный колючками куст этой ягоды есть в каждом огороде или палисаднике русского крестьянского двора. Основная задача хозяйки — успеть обобрать его до того момента, пока созревшие ягоды не осыплются на землю или не будут поклеваны налетевшими скворцами, дроздами, свиристелями, либо деревенскими мальчишками, которые все, что не смогут запахнуть в свои бездонные карманы или запазухи, могут использовать как снаряды для своих трубок-плевалок, смастеренных из пустотелых бузиновых веток или ствольника.

Первое, что увидел Лёнька, вступив на привокзальную брусчатку — несколько раздавленных и истекших сладким соком ягод крыжовника, сиротливо лежавших под ногами. Лопнувшие полосатые и когда-то пузатые кругляши беспомощно развалились и расплескали свое желеобразное содержимое на железнодорожную площадь, истоптанную башмаками, сапогами, туфлями и тапочками бесконечно спешащих пассажиров. Ранним утром их с матерью и остальными заключенными фильтрационного лагеря, сидевшими уже неделю в смрадной яме, выгнали на пыльную дорогу, ведущую к станции в сопровождении нескольких конвойных. Никто не думал о том, чтобы сопротивляться или бежать. Это было бессмысленно, и не было сил, поэтому женщины лишь успокаивали детей, друг друга и еще больше самих себя тем, что «скоро все закончится», «теперь нас освободят», «надо потерпеть». Эти слова и заунывные бормотания слышались со всех сторон, и Лёньке начинало казаться, что кошмарный сон, в котором они оказались случайно с матерью, будет длиться вечно. Он попытался потрясти головой и протереть давно невымытые, забитые пылью глаза, но виденье не проходило, а лишь становилось все отчетливее. Акулина ничего не объясняла сыну, лишь потрепала его по слипшимся волосам и потянула за собой, подгоняемая окриками и пинками лагерных охранников. Растянувшаяся колонна женщин и ребятишек втягивалась на привокзальную площадь, на которой вовсю хозяйничали разномастные и разношерстные части немецких войск. Подняв голову от завораживающих своим странным рисунком из клякс и брызг разбитых ягод, мальчишка увидел главного, как ему показалось, начальника над всем этим привокзальным хаосом. По крайней мере, так ему показалось, оценивая габариты, вид и фасон этого крупного, если не сказать огромного, толстого немца, расхаживающего вдоль платформы и отдававшего указания то и дело подбегавшим и козыряющим солдатам. Толстяк всем своим видом, фигурой и поведением внушал страх, трепет и уважение. Он был обряжен в полевую форму капитана, которая начиналась блестящими, несмотря на пыль и грязь сапогами, и плавно переходила в галифе и заправленный под ремень китель и завершалась малюсенькой пилоткой на его огромной голове. Но главное, что с точки зрения девятилетнего мальчишки было явным признаком власти и могущества, он прижимал, слегка обняв левой рукой, к своему необхватному животу металлическую каску, доверху наполненную крупным крыжовником. Между репликами и короткими ры-

¹ Крыжовник. Название появилось в России примерно в XVII в. произошло из польск. **krzyżownik*. Вероятно, это калька с немецкого *Kristólbeere* — «крыжовник» (буквально «ягода терна Христова»). В русском языке передано с помощью *крыж* — «крест» и суффикса, использованного в близких по смыслу словах — терновник, ольховник, шиповник. В немецких диалектах существуют названия *Krisdohre* (букв. «христов терн»), *Kristólbeere* («ягода терна христова»), балт.-нем. *Krisdore*, откуда лит. *krizdūlé* «крыжовник», лтш. *krizduōle*.

каньями, издаваемыми этим немецким начальником, он отправлял ловким броском себе в пасть несколько ягод и с хрустом разгрызал их, брызгая не то соком, не то слюной. Ловкость его была сомнительной, а потому траекторию его передвижений можно было определить по упавшим и раздавленным его начищенными *offizier stiefel*¹ ягодам. Капитан остановился и разглядывал столпившихся женщин с детьми. Они заполнили половину площади и пугливо сбились в темную дрожащую кучу, оцепленную с трех сторон вооруженными конвоирами, а с четвертой стороны — отсеченными железнодорожными путями, по которым медленно двигались маневровые локомотивы, то втягивая, то выталкивая составы. Очередной длинный состав с наглухо закрытыми деревянными вагонами подтягивался к вокзалу. Немец, обладавший огромной головой, компенсирующей полное отсутствие шеи, не в состоянии бросить взгляд назад, повернулся всей своей массивной тушей и гаркнул куда-то по направлению к темнеющему входу в вокзал:

— Ханс, ком цу мир!

На этот крик моментально выбежал худой прыщавый фельдфебель — полная противоположность своему начальнику, скачками и прыжками приблизившийся к начальнику. Тот ворчливо и нервно что-то втолковывал ему, после чего последний откашлялся и обратился к пригнанным людям:

— Ахтунг! Внимание! Все дамен и киндер сейчас будут ехать на этот вагон в великий Германия. Вам гарантируют жизнь, работа и еда. Через некоторый минутен начинается погрузка. Всем собраться и готовиться.

— Стойте! Стойте! — неожиданно со стороны маневрового локомотива показалась фигура, одетая в парадную летнюю форму с петлицами на кителе и красной звездой на белой фуражке. Пожилой усатый и седой железнодорожник с жезлом в руке двигался к жирному немцу, пытаясь объяснить что-то:

— Стойте! Нельзя в эти вагоны сажать женщин. Это же товарняк. Сейчас надо перегнать их на восьмой, а сюда поставим четыре плацкарата и два купейных. Женщины же, дети же...

— Вас ист дас? — грозно нахмурился боров и ткнул сардельковидным пальцем в грудь подошедшего служителя. Фельдфебель как мог перевел то, что тот выкрикивал и говорил. Капитан нахмурился еще сильнее и рыкнул что-то угрожающее. Помощник сделал шаг к русскому:

— Иван, отойти в сторона! Не мешать погрузка! Твой дело нет! Это специальный вагон. Не мешать! А то расстрелять!

Для полной убедительности фельдфебель сложил пальцы пистолетиком и два раза ткнул в седой висок железнодорожника. Тот отмахнулся от руки немца жезлом и снова закричал на капитана:

— Нельзя! Нельзя туда людей. Не пассажирский это. Ошибка! Отправлять надо эти вагоны. Состав пассажирский перегонять надо с запасных. Сейчас scomандую. Я ж здесь, почитай, пятьдесят годков служу. Царя-батюшку отправлял, совнаркомовцев встречал и провожал, бронепоезд товарища Ворошилова пропускал. Меня всяк знает на дороге. Нельзя, нельзя детишек в эти вагоны. В этих только что коров везли. Там грязно. Надо подать пассажирские.

---

¹ Офицерские сапоги (нем.).

Не дожидаясь ответа, он вдруг достал из нагрудного кармана блестящий металлический свисток и, что есть силы, дунул в него. От неожиданно вылетевшей пронзительной трели капитан-немец дернулся, махнул руками, пытаясь закрыть свои чувствительные розовые мясистые уши, и... выронил каску с крыжовником, который, словно живые мохнатые колючие шарики, запрыгал, заскакал в разные стороны. Потеряв свою добычу, оглушенный продолжавшим отчаянно свистеть ополоумевшим железнодорожником, немецкий начальник станции рассвирепел и, выдернув из поясной кобуры «Вальтер», дважды нажал на спусковой крючок, упершись в грудь железнодорожника, обтянутую белым парадным сукном. Два резких толчка откинули старика назад и, сделав по инерции еще три шага, он повалился прямо на раскаленные от жары и солнца рельсы. Вытекающая из разорванной раны на мундире кровь струйкой сбегала на блестящий металл и тут же запекалась в темную неровную корку.

Видевшие эту беспощадную и циничную расправу над очевидно помещавшимся, но совершенно безобидным стариком-железнодорожником, женщины принялись голосить. Дети, напуганные стрельбой, криками и воплями матерей, подняли плачь. Общий ор, слившийся в единый человеческий вой, внезапно был заглушен протяжным стоном паровоза, наконец, подтолкнувшего вагоны к платформе.

Под долгий пронзительный гудок локомотива из здания вокзала вольным строем вышел взвод эсэсовцев. Промаршировав вдоль путей, они заняли позиции, распределившись по четыре солдата возле каждого вагона. На каждую четверку пришелся также пулеметчик с длинной тяжелой «Эмгой»¹. К продолжавшему держать в руке пистолет и ругать всех подряд капитану подбежал командир взвода в форме гауптшарфюрера СС и, отдав честь, доложил, пытаясь перекричать гудок и людские крики:

— Господин капитан, мой взвод готов к обеспечению погрузки.

— Отлично, начинайте. Да поскорее, не то я сойду с ума от этих соплей и воплей. Приходится заниматься не знамо чем! Воевать с бабами и сопловыми русскими недоносками. Грузите их скорее. Даю вам пять, нет, четыре минуты на погрузку. Действуйте, гауптшарфюрер! — и, повернувшись к своему помощнику и переводчику, добавил:

— Фельдфебель, объявите этому сброду, что через минуту начнется посадка в вагоны. Прикажите, чтобы они быстро забирались и не создавали здесь лишнего шума! Моя голова раскалывается от жары и вони от этих невымытых грязных тварей. Прочь гоните их с моего вокзала! Грузите и отправляйте. Их заждались в лагере.

Он, наконец, запихнул еще дымящийся «Вальтер» в рыжую кожаную кобуру и с сожалением оглядел ягодное лакомство, рассыпанное вокруг лежавшего на путях трупа бывшего начальника станции в парадной путевой форме, надетой по случаю Всесоюзного Сталинского дня железнодорожника², но так и не снятую до самой своей гибели...

---

¹ Ручной пулемет MG-34, прозванный «Эмга», был принят на вооружение Вермахта в 1934 году. Позднее в 1942 г. был заменен более усовершенствованной моделью MG-42.

² Постановление СНК СССР от 9 июля 1940 г. празднование Всесоюзного дня железнодорожника было установлено в первый выходной августа месяца. В 1941 г. День железнодорожника пришелся на 3 августа.

— Старый идиот! Испортил мой второй завтрак. Давно надо было его пристрелить. Болтался здесь под ногами и вечно что-то ныл. Совсем сдурел. Не мог смириться, что его место заняли! Ха-ха! — он брезгливо сморщился, словно выпил уксуса, и, подняв обретенную каску, двинулся к вокзалу. Навстречу ему вышли два немца в форме полиции, держа перед собой планшеты и кипу каких-то бумаг. Поравнявшись с начальником, они одновременно вскинули руки и доложили:

— Господин капитан, отделение полиции готово к сопровождению состава рабочей силы. Списки проверены в лагере. Дальше их ждет медицинский осмотр в Барановичах и сортировка.

— Да-да. Хорошо. Отправляйте, сопровождайте, сортируйте... делайте все, что вам угодно с этим сбродом! Чем меньше их довезете, тем легче будет ими управлять! Ха-ха! — цинично пошутил капитан. Полицейские еще раз вскинули руки в гитлеровском приветствии и проводили взглядами начальника станции.

Солдаты, занявшие место у вагонов, по команде откинули тяжелые металлические засовы и раздвинули двери. Тут же приставили деревянные трапы и замерли по бокам от них. Действовали быстро и очень слаженно. Конвойные тут же тычками, криками и стволами винтовок стали направлять людей к составу. Фельдфебель-переводчик выкрикивал:

— Каждый вагон драйцих человек! Шнелль! Бистро!

— Фельдфебель, почему только по тридцать? — переспросил его командир взвода, обеспечивавшего посадку.

— Такая норма, господин гауптшарфюрер! Они теперь собственность рейха и их надо довезти живыми. Тридцать человек могут здесь разместиться и живыми доехать. Тем более там дети. Распорядитесь, чтобы в каждый вагон поставили по два ведра.

— Зачем еще ведра? И почему по два? — продолжал недоумевать командир охраны.

— Это тоже норма. Одно ведро с водой для питья, второе — наоборот. Для отходов и туалета. Таков порядок, господин гауптшарфюрер. Прошу вас, соблюдайте правила. Помощник нового начальника вокзала старался всегда следовать приказам и предписаниям, поэтому считался прилежным исполнителем, который к тому же достаточно быстро освоил мудреный язык оккупированных территорий и выполнял функции толмача.

— Слушайте, фельдфебель! Не слишком ли много правил? Хватит им одного ведра. Мои солдаты научены охранять, ловить, убивать, а не таскать парашу для баб. Воду мы раздадим, а когда выпьют ее, пусть туда и гадят. Этим скотам все равно куда опорожняться. Достаточно им одного ведра, — раздраженно ответил эсэсовец и, резко развернувшись, двинулся к открытым вагонам. Он снял с пояса флягу и жадно отпил почти половину. Вернул металлическую емкость обратно на пояс и отдал распоряжение об ускорении погрузки и раздаче ведер с водой.

Ведро воды, предназначенное для вагона, в который попали Акулина с сыном, досталось нести ей. Часовой у трапа просто ткнул в нее пальцем и указал на стоящую возле колес емкость. Сын Лёнька попытался помочь ей и придерживал с другой стороны его за ручку и облезлый металлический бок, чтобы не пролить ни одной драгоценной капли. Неделя, прожитая в яме, где вода подавалась дважды в день из шланга, научила их быть береж-

ливыми. Лёнька вцепился в железную дужку и тащил ведро с живительной влагой, как вдруг вновь увидел под ногами раздавленные ягоды крыжовника, а рядом запекущую темную кровь и разбитую седую голову лежащего под колесами вагона человека в красивой белой форме... Он закусил губу и аккуратно обошел труп железнодорожника. Слезы брызнули из глаз...

Солдаты, стоявшие возле вагонов, подгоняли, подсаживали, подталкивали женщин и детей, пересчитывая их по мере погрузки. Как только тридцатый человек взбирался по деревянному трапу в вагон, двери задвигались, засов вставлялся в пазы, и подошедший фельдфебель пломбировал его. Немецкая пунктуальность требовала строго учета и соблюдения всех приказов. Как и заявил он в разговоре с гауптшарфюрером, теперь эти бабы и ребятишки были вовсе не свободными советскими гражданами, а собственностью германского фюрера, превратившего их в безмолвных и бесправных рабов...

ВЫШЛА КНИГА

Широкоград А.Б.

Украина на тропе войны. — М.: Вече, 2023 г. (Серия: Европа против России).

На протяжении столетий исторические судьбы России и Украины были тесно связаны между собой. На момент распада Советского Союза большинство населения СССР говорило по-русски и имело родственников в России. А в 2022 г. случилось невероятное — начались военные действия между Украиной и Россией. Как и почему это стало возможным? Кто и каким образом превратил Украину в анти-Россию? Существовала ли альтернатива такому развитию событий? Об этом и многом другом рассказывается в новой книге Александра Широграда.

Точка ЗРЕНИЯ

Андрей ИЛЬНИЦКИЙ

ГЛУБИННАЯ ВОЙНА ЗА МИР

Война за переустройство мира — за человеческие, интеллектуальные, материальные, природные активы и ресурсы — уже идет.

Она ведется гибридными методами в «серой зоне».

К власти над миром стремится мировая олигархия — транснациональная элитная «горизонталь», что в политическом обиходе получила маркер «*глубинное государство*» (*Deep State*).

Оруэлл — «Война — это мир» — провидец.

Война ныне — сущность мировой политики.

Из этого экзистенциального столкновения мир должен выйти иным.

Но при определенном — трагическом стечении обстоятельств — итогом может стать прекращение существования человечества.

Андрей Михайлович Ильницкий — член президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, кандидат технических наук (1989), ст. научный сотрудник ВАК. Окончил МФТИ (Физтех), ВАГШ ВС РФ. Занимал должности: 1982–1992 — научный сотрудник ЦНИИ-26 МО СССР; 1992–2003 — один из руководителей издательств «АСТ», «Аст-пресс», «Аграф», «Вагриус»; 2006–2012 — заместитель руководителя Центрального исполнительного комитета партии «Единая Россия»; 2012–2014 — заместитель председателя Правительства Московской области по социальным коммуникациям (работе с общественностью) в составе политического блока; 2015–2024 — советник Министра обороны РФ, действительный государственный советник 3 класса, член Президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, старший научный сотрудник Военного Университета МО РФ. Ввел в военно-политический дискурс термин «ментальная война». Автор научных трудов и публицистических статей по гуманитарным и физико-математическим проблемам.

В статье изложена сугубо личная точка зрения автора.

Гибридная война — расхожий термин, используемый для описания состояния «мира — как войны». В этой гибридизации — смешении — лишь одна из граней картины «мира войны».

Гибридность не описывает весь драматический накал современности, ибо «логика войны» тотально, на всю глубину пронизала мировую геополитику.

Именно глубинный профиль войны дополняет гибридный характер современного экзистенциального противостояния.

Гуманитарная сфера технологизируется, становясь полем войны.

Военные цели — не только ключи от кодов наведения ракет и закрытых мессенджеров, но коды цивилизационные и ментальные.

В основе технологии глубинной войны — сети, опутывавшие мир: от кибер- до информационных, от энерго-логистических до сетей спецслужб и ЧВК, от этно-финансовых сетевых групп и крипто-теневых корпораций до наползающего из DarkNet-мрака Deep Web.

Узлы и коммуникации этих сетей контролируют демиурги серой зоны — представители того самого Deep State, что дергают за нитки сотканной ими глобальной паутины.

Все это — составляющие ощутимой для многих, но скрытой и понятной лишь для реальных акторов тотальной и «ползучей» глубинной войны — Deep War, ведущейся не за территории и даже не за ресурсные активы, но за контроль над миром.

Бои и сражения этой войны — разномасштабные инфо-когнитивные дестабилизирующие операции, диверсии и прокси-воздействия, санкции и разного рода рестрикции с целью «накопления ущерба» в целевых объектах.

Это война за качество, в которой отсутствуют «переломные сражения и битвы». В этой войне поражения и победы не фиксируются «Актом о капитуляции», они неочевидны, поли-доменны, гибридные, но окончательны.

Итогом — тектонические изменения на самых глубинных уровнях функционирования мировой системы. Качественные сдвиги, достигаемые в результате этой войны, имеют необратимый и разрушительный характер.

Принципиальным является то, что технологиями Deep War решаются именно вопросы войны — лишение противника субъектности, воли и способности к суверенному развитию, а в итоге — уничтожение его.

Согласно Стратегии национальной безопасности США и Стратегии внешней политики Великобритании — Россия определяется как ключевой, принципиальный противник и главная угроза на ближайшее десятилетие.

Запад — точнее элиты Deep State — взялись за нас всерьез. Мы для них враг цивилизационный, враг принципиальный.

Нанесение России стратегического поражения является заглавным приоритетом «коллективного Запада». Под стратегическим поражением России подразумевается «отмена России», экзистенциальный слом российской цивилизации не только в ее суверенных устремлениях, но в самой ее исторической состоятельности.

Почему так? — потому что мы отобрали у них способность безнаказанно грабить мир, подорвав военное превосходство Запада, которое было фундаментом их глобального экономического, политического и культурного доминирования на протяжении пяти веков.

Мы — Россия — смертельная угроза их гегемонии.

Мы те, кто своим существованием и самостоянием препятствует реализации их стратегических планов.

Они активно атакуют, пытаясь ослабить и разрушить Россию, перенапрягая нас извне и, что особенно опасно, — дестабилизировать и расколоть изнутри.

Основное мерило нашей Победы в этой войне — сохранить единство народа и государства, обеспечив суверенитет России. В своих доктринах Запад не предусматривает для нас таких возможностей. Мы должны поменять их мнение о наших возможностях, сломить волю Запада к нанесению России «стратегического поражения».

В войне побеждают сплоченные общества и сильные духом люди — вступление в войну без воли к победе фатально.

Мобилизация, понимаемая лишь как призыв в армию, — это когнитивная операция подмены понятий, запущенная врагами. Но мобилизация как собиранье людей ради общего дела, ради нашей общей Победы, — нам, действительно, необходима.

Сосредоточение и внутренняя мобилизация, единение судьбы личной с народом и государством и служение им — необходимое условие принадлежности к российской элите сегодня.

Русский тот, кто служит Отечеству.

Чеченцы и белорусы, аварцы и буряты, ингуши и калмыки, осетины и якуты, чувашаи и удмурты, тувинцы и даргинцы, русские, татары и украинцы — один народ, что столетия созидал Россию, чьи сыны бьются сегодня на СВО за будущее России.

Герои СВО, бойцы, пришедшие «с ленточки», — кадровый ресурс новых элит России. Люди, прошедшие через беду, через войну — вовсе не ангелы, а достаточно колючие, неудобные, самостоятельные в суждениях и действиях люди с израненной душой.

Но именно они блюстители государства и совесть наша.

И да! — с ними надо работать, их надо готовить, интегрируя во власть не кампанейским образом, а бережно и деликатно, тщательно, адресно, строго индивидуально, но системно, отбирая и расставляя ветеранов СВО на государственно образующих направлениях — от образования и воспитания молодежи до контрольно-силовых органов и производства.

Очевидно то, что горнило СВО — важнейший, но далеко не единственный ресурс кадровой перезагрузки российских элит.

Суть подхода здесь в том, что поскольку война становится глубинной сущностью политики, а границы войны и мира растворены в серой зоне — деление на гражданскую и военную сферу становится условными.

Гражданская профессиональная сфера неизбежно сливается и переплетается с военной и силовой.

Отсюда насущный стратегический приоритет государства — создание системы, обеспечивающей КАДРОВУЮ СИНЕРГИЮ военной и гражданской сфер.

Отбор людей, не стремящихся «во власть ради принадлежности к власти», но профессионалов ратного и гражданского дела, идущих во власть не на кормление и правление, но на служение Отечеству — базовый критерий рекрутинга российской элиты на нынешнем этапе.

И в заключение — если раньше война за передел мира по меткой метафоре Бжезинского велась за «Великой шахматной доской» в игре, где ничьи практикуются, то ныне глубинная война / Deep War — это игра Го, где возможности ничейного исхода почти нулевые. Большая геополитическая игра идет сегодня на выбывание.

Задача руководства нашей страны, ее политэкономической, силовой и армейской составляющих собравших воедино, с терпением и мужеством, правильно разложить ресурсы и людей по пространству и времени, сломать волю Запада к уничтожению России, обеспечив нашу победу.

ВЫШЛА КНИГА

Казаков А.

Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина. — СПб: Питер, 2020.

«Северным лисом» назвал Наполеон, лидер объединенного Запада, Кутузова, прежде чем был на голову им разбит... Владимира Путина двадцать лет обвиняют в том, что у него нет стратегии и уж тем более нет идеологии. Но так ли это? Александр Казаков доказывает, что это нет так: есть стратегия, причем изысканная, и есть идеология, причем исторически обусловленная, обращенная в будущее и сама являющаяся стратегическим оружием в мировом противостоянии.

Не раз уже замечено, что Путин с годами становится все более нечитаем, в каком-то смысле неуловим. Александр Казаков предпринял попытку расшифровать Путина едва ли не в самом сокровенном — в большой стратегии. Не знаю, что сам Путин сказал бы по этому поводу, но если Казаков прав, замысел Путина о России стал здесь все-таки прозрачней и яснее.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАМКИН

РОДОВЫЕ ЧЕРТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ФАШИЗМА — ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Константинович Камкин — канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Родился в 1978 г. в Москве. Окончил Московский государственный лингвистический университет по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Международная экономика». Политолог, историк, переводчик, преподаватель. Постоянный участник политических ток-шоу, а также различных аналитических программ на федеральных каналах. **Живет в Москве.**

Когда мы слышим слова фашизм, нацизм, расизм, у нас перед глазами сразу предстают колонны штурмовиков из фильмов «Триумф воли» Лени Рифеншталь или «Обыкновенный фашизм» Ромма, советские фильмы про Великую Отечественную войну, реже образы современных бритоголовых молодчиков или облакообразные фигуры в белых балахонах из Ку-клукс-клана. Конвейеры по уничтожению людей, газовые камеры, концлагеря, где люди умирали сотнями в день, появились только в XX в., также как и теоретическое обоснование геноцида, предложенное идеологами Третьего Рейха. В свою очередь, свою расовую теорию они целиком позаимствовали у английских расологов конца XIX в. и частично у французского ученого Гобино. Вспомним знаменитое «Бремя белого человека» Редьярда Киплинга, геноцид коренных народов Африки, проводимый ЧВК Сесила Родза под патронажем английской короны, первые в мире лагеря смерти для буров в Южной Африке. Все это дело рук вовсе не СС, а их предшественников. Именно Хьюстон Чемберлен, а до него француз граф Жозеф Артюр де Гобино дали теоретическое обоснование разделения человечества на высшие и низшие расы. Что характерно для расистов XIX в., свои идеи они «зашивали» в художественные произведения, что давало им, в свою очередь, широкий охват читающей аудитории. Так, Гобино изложил основы своей элитарной расовой теории в своей поэме «Амандина». Его трагедия «Амадис», изданная в 1887 г., была посвящена конфликту «белой» и «желтой» рас. Следует отметить, что Гобино, как и Ницше, отрицал цивилизующую роль мировых религий, например, христианства. Это обожествление нации и государ-

ства и одновременно отрицание христианского наследия также было одним из родовых признаков фашизма и нацизма. И хотя его основной труд — четырехтомный «Опыт о неравенстве человеческих рас» не пользовался большой популярностью, пытливые умы стремящихся поделить людей на высших и низших находили в нем точку опоры.

Затем начался кошмар Первой мировой войны, в которой пропаганда центральных держав активно эксплуатировала тему «славянских недочеловеков». Именно окончание Первой мировой войны дало миру самые известные тоталитарные режимы — нацистскую Германию, фашистскую Италию, авторитарные режимы Хорти, Франко, Салазара.

Огромное количество пассионариев, выброшенных из ада войны, оказались не у дел в разоренных войной странах в условиях тотального слома старых парадигм. В эпоху политического модернизма звучали новые идеи, очень активно продвигаемые определенными силами. Так получилось, что финансовый капитал, который на тот момент уже был сосредоточен в основном в Лондоне и Вашингтоне, увидел выгоду в переустройстве мира. Видя опасность для себя в социалистической альтернативе, финансовая аристократия сделала ставку на войну чужими руками.

Про Первую мировую войну гросс-адмирал фон Тирпитц говорил так: «Войну не хотел ни кайзер Вильгельм, ни царь Николай. Войну хотели их министры иностранных дел». Хочется добавить, что за Сазоновым и фон Быловым стояли как раз международные финансово-промышленные круги с их стремлением сверхприбылей и передела мира. Произошло величайшее безумие, из которого произошло безумие еще больших масштабов. Только что пережившие ужасы мировой войны, европейцы начали искать врагов и быстро нашли их в лице социал-демократов, евреев, славян и пр.

Георгий Димитров дал классическое определение европейского фашизма, которое звучит так: «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это власть самого финансового капитала»¹.

В 1960-х гг. немецкий историк Эрнст Нольте («Фашизм в его эпохе», издана в 1963 г.) характеризовал фашизм следующим образом: фашизм — это «общеευропейское явление, для которого характерны сопротивление трансцендентальности, антимодернизм, антимарксизм, антитрадиционализм, вызванные страхом перед угрозами существованию буржуазного общества»². Можно не согласиться с тем, что фашизм именно антимодернистичен, вспомнить целую когорту футуристов в окружении Муссолини — Маринетти, д'Аннунцио, Бомбачча и пр., но это будут уже частные моменты.

Современный исследователь Кевин Пассмор дает в чем-то схожее, но более широкое определение. По его трактовке, фашизм — это набор идеологием и политических практик, которые стремятся поставить нацию, определяемую исключительно в биологических, культурных и (реже) исторических терминах, над всеми остальными конструктами. Тем самым создается своего рода общество гражданского милитаризма.

¹ <https://mixail-shagurin.livejournal.com/776212.html>

² Сергеевкова А. Ф. Понятие «фашизм» в справочно-энциклопедической литературе США и Великобритании // Вестник Удмуртского университета, 2019. Т. 3. (1). С. 73.

У Стенли Пейна (его книге *A History of Fascism, 1914–1945*) есть следующие характеристики целей и методик фашизма:

- Опора на идеалистическую, виталистическую философию, с помощью которой делается попытка создать альтернативу господствующей культуре и сводам этических нормативов.
- Стремление создать государство нового типа — либо этатистское (Салазар, Хорти, Антонеску), либо ультранационалистическое (Гитлер, Муссолини). Такое государство будет глубоко авторитарным, при этом не основанным на традиционных принципах или моделях, даже если на словах будет апеллировать к ним (Италия времен Муссолини).
- Организация новой регулируемой государством, национальной экономической структуры, которая будет апеллировать к прекращению классовой борьбы и к консолидации общества против внешнего врага. В истории авторитарных государств такие структуры были национал-корпоративистской (фашистская Италия), национал-социалистической (нацистская Германия) или национал-синдикалистской (франкистская Испания).
- Героизация и готовность к применению насилия внутри общества и войны.
- Теоретическое обоснование территориальной экспансии, радикального изменения отношений государства с другими державами.

В этом свете интересен вопрос: а каковы истоки европейского фашизма? Ведь он не мог зародиться на пустом месте. Если проанализировать историю взаимоотношений России и Европы в течение последних трех веков, то мы приходим к выводу, что как минимум один раз в сто лет объединенные коалиции европейских держав пытались или вторгнутся в Россию, или как минимум добиться ее существенного ослабления.

Так, Наполеон пошел со своей «Великой армией», набранной практически со всех покоренных им государств, главным образом, чтобы уничтожить русских. Ситуативный союз Франции и России при Павле Первом был крайне хрупким, а 1812 г. стал поистине кульминацией противостояния насильно объединенной Наполеоном Европы и России. Примечательно, что французы очень явственно видели глубинное разделение русского общества на два слоя — Русь Народную и Россию «европейничавшую». Если представителей высшего света оккупанты принимали почти за своих, то с народной Русью они расправлялись самым жестоким образом. Достаточно посмотреть на картины художника Верещагина, на которых изображены расстрелы русских крестьян в соборах московского Кремля. Для европейских оккупантов русский мужик не был человеком, они так и называли — «щьян», что по-французски «собака». Кстати, с тех пор в русском языке появилось слово щенок. Также как и «шарамыжник» — исковерканное «мон шер ами». С этими словами изголодавшиеся и обмерзшие французы просили хлеба у русских крестьян. Совсем как солдаты Паулюса под Сталинградом. Существует исторический анекдот про Наполеона. Когда он на Поклонной горе ждал ключи от Москвы, в подзорную трубу он наблюдал, как москвичи сжигают свое имущество, чтобы оно не досталось врагу и покидают свои дома. В ответ Наполеон вскочил и закричал: «Скифы, скифы! Я вас узнал!»

В.В. Верещагин. Расстрел в Кремле. 1897–1898

Такое сравнение русских с древним народом, считавшимся варварским по сравнению с древней Элладой, не случайно. Европейцы еще со времен Возрождения (которое во многих аспектах можно считать вырождением господства Духа и заменой культом Маммоны и золотого тельца) мнили себя наследниками древних греков и римлян. Вольтер называл их учителями и законодателями европейцев. В конце XIX в. в Германии вышла многотомное исследование профессора Моммзена «История Древнего Рима», которое стало необычайно популярным. Немцы восхищались блеском Римской империи, восклицая: «Вот так делали римляне, и мы так будем! Хайль Гитлер!». Конечно, во времена Моммзена никакого Гитлера не было, но сама идея насильственности и властолюбия красной нитью проходит через историю Рима и Эллады, в особенности Спарты. По сути дела, спартанцы были античными нацистами, которые выделили покоренные ими народы в особую группу илотов, которая была совершенно бесправной, илота можно было убить, им насильно навязывали виктимность, послушание. В этом отношении их положение в Спарте полностью напоминало положение евреев, славян в Третьем Рейхе.

Рим, Спарта и пр. ушли в небытие, но идея насильственности и властолюбия, объединенная с материальным мессианизмом и мыслью о расовом превосходстве, прошла через века.

Именно эти идеи двигали Карла XII, польскую шляхту, которая чуть было не завоевала Московию в начале XVII века. Обуреваемые этим же идейным кодом, плыли в сторону нового света конкистадоры и отцы-основатели США. Именно такая парадигма выстрелила, когда на основе протестантской этики возник капитализм. К идее биологического превосходства добавилась максима сверхприбыли, и идея фашизма быстро начала воплощаться в жизнь.

Не стоит обвинять в фашизме только Германию или Италию. Подобный идеологический код легко читается и в американском империализме. Так, Ромен Роллан в своем эссе «Предостережение Америке» критиковал американский национальный характер именно за подобные свойства. И, пожалуй, в реализации идей фашизма сегодняшние США подошли наиболее системно и полно. Соединенные Штаты можно даже назвать «немцами, у которых получилось». Тотальное мировое экономическое господство, тотальный диктат американского образа жизни, подчинение мировой экономики интересам американских транснациональных компаний — обитатели Рейхсканцелярии могли об этом только мечтать.

Современный коллективный Запад, который в своем морально-нравственном разложении и деградации политических элит все больше напоминает «евродурку», где главам европейского политикума больше подходят белые халаты, а не лощеные смокинги, в очередной раз скатывается в нацизм. Причем в нацизм самый примитивный, животный и бескомпромиссный. Хотя какие могут быть компромиссы в нацизме? Убить всех расово неполноценных не сегодня, а завтра?

Особенно заметна фашизация политических элит Запада в контексте отношения к России и русскому миру. Безграмотность и провокационные заявления таких представителей западной дипломатии, как Ж. Боррель, А. Бербок, Э. Блинкен, дают повод усомниться в их профессионализме, как минимум, и в их душевном здоровье, как максимум. Однако, при всем разнообразии и кажущемся хаосе — все они имеют одну точку приложения: многоуровневую русофобию и ползучее сползание к риторике тотальной войны Запада против России. Кстати, западные политические лидеры испытывают ненависть не только к России, но и ко всем представителям иных цивилизационных парадигм. Яркий пример того — реакция лидеров Запада на происходящий на наших глазах геноцид палестинцев и ливанцев. Двойные стандарты и перевираание фактов — это еще одно родимое пятно фашизма.

Другой пример торжества фашизма и одновременно с ним двойных стандартов в оценке тех или иных событий — события в Югославии в 1990—1999 гг. Когда хорватские неонацисты, идейные наследники гитлеровского коллаборациониста Анте Павелича, начали откровенный геноцид сербского населения Хорватии, не последовало ни одного осуждения или тем более вмешательства со стороны европейских государств. Напротив, только что объединившаяся Германия одной из первых признала независимость Хорватии и Словении. В знак благодарности в Загребе даже написали песенку «Данке, Дойчланд». А так называемые независимые СМИ, например, немецкий «Der Spiegel», как ни в чем не бывало публиковали интервью с полевыми командирами хорватской армии, в которых они спокойно заявляли, что сначала вырежут всех сербов, а затем коммунистов. Такое же отношение западных СМИ было и по поводу событий в Косово в 1998—1999 годах. Сербов выставлялись как кровожадные злодеи, а террористы, наркоторговцы, черные трансплантологи из «Армии освобождения Косово» — как борцы за свободу, рыцари без страха и упрека.

Если говорить о сегодняшних событиях в «цветущем (с)аду» Борреля и пр., то отмена России, поддержка симулякров Третьего Рейха на Украине и в Прибалтике, готовность принести в жертву благополучие собственных

граждан — все это очень напоминает последние недели Третьего Рейха, когда Гитлер заявлял, что немецкий народ недостойн жить, если проиграл войну.

Европейский нацизм — это, по сути, попытка утвердить монополию одной европейской цивилизации над всем миром, и сегодня этой монополии брошен решительный вызов. Многополярный мир, который провозглашает в наши дни Россия, — это справедливое мироустройство без высших и низших рас, без разделения на достойных жить и недостойных этого. Это путь мирного сосуществования различных экономических и политических укладов. Это путь цивилизационной идентичности. Такая идентичность подвергается резким нападкам в риторике представителей коллективного Запада, которые пытаются утверждать тезис об универсализме западных ценностей. В противовес глобальному мессианизму Запада с его насильственностью и властолюбием, а также теорией расового превосходства и богоизбранности как основными атрибутами, все больше становится популярной идея множественности цивилизаций, полицентричности мира, где существуют несколько параллельно существующих цивилизаций или культурно-исторических типов. Страна-цивилизация, как называют нынешнюю Россию, — это именно носительница не просто национальной идентичности, но идентичности более обширного характера, как минимум национально-цивилизационного характера.

Таким образом, именно мир как многообразие цивилизаций, как мироустройство, построенное на взаимном уважении и умении увидеть в представителях других культур равноценных индивидов, а не низшие расы, может быть реальной антитезой фашиствующему глобализму с его насильственностью, властолюбием и фальшивым мессианизмом. Планы глобалистов по превращению планеты в глобальный цифровой концлагерь с последующим уничтожением «лишнего населения» и тотальным расчеловечиванием оставшихся должны потерпеть крах, точно так же, как потерпела крах стратегия германского национал-социализма в 1945 году. Русский солдат снова, как и 80 лет спустя, стоит в авангарде человечества. И складывается ощущение, что это не просто локальное противостояние, но общемировое столкновение, которое определит будущее человечества.

Точка ЗРЕНИЯ

Сергей КАРАГАНОВ

ПРИМЕНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ МОЖЕТ УБЕРЕЧЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ ГЛОБАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ?

Поделюсь несколькими мыслями, которые вынашивал долго, и оформились они после недавней Ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике — одной из самых ярких за его 31-летнюю историю.

Растущая угроза

Наша страна, ее руководство стоят, как мне представляется, перед тяжелым выбором. Все более очевидно, что столкновение с Западом не завершится, если мы одержим частичную или даже сокрушительную победу на Украине.

Если мы полностью освободим Донецкую, Луганскую, Запорожскую и Херсонскую области — это будет минимальная победа. Немного бóльшим успехом станет освобождение в течение года-двух всего востока и юга нынешней Украины. Но все равно останется ее кусок с еще более озлобленным ультранационалистическим населением, накачиваемым оружием, — кровоточащая рана, угрожающая неизбежными осложнениями, снова войной. Едва ли не худшая ситуация может сложиться, если ценой чудовищных жертв мы освобо-

---

Сергей Александрович Караганов — родился в Москве в 1952 г., политолог и экономист. Доктор исторических наук. Научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. За поддержку российского вторжения на Украину и распространение российской пропаганды находится под международными санкциями. Автор и редактор 17 книг и брошюр, опубликовал более 250 статей по проблемам экономики, внешней политики, контроля над вооружениями, стратегии национальной безопасности и др. Награжден Орденом Александра Невского, Орденом Дружбы и другими наградами. **Живет в Москве.**

Публикуется по оригиналу «Профиль». В статье изложена сугубо личная точка зрения автора.

дим всю Украину и останемся на развалинах с по большей части ненавидящим нас населением. На его «перевоспитание» уйдет не одно десятилетие.

Любой из перечисленных вариантов, особенно последний, будет отвлекать Россию от остро необходимого сдвига ее духовного, экономического, военно-политического центра к востоку Евразии. Мы застрянем на бесперспективном западном направлении. А территории нынешней Украины, в первую очередь центральные и западные, будут оттягивать на себя ресурсы — управленческие, человеческие, финансовые. Эти регионы были глубоко дотационными и в советские времена. А вражда с Западом продолжится, он будет поддерживать вялотекущую партизанскую гражданскую войну.

Более привлекательный вариант — освобождение и воссоединение востока и юга и навязывание остаткам Украины капитуляции с полной демилитаризацией, созданием буферного, дружественного государства. Но такой исход возможен, только если и когда мы сможем сломить волю Запада к поддержке киевской хунты и натравливанию ее на нас, заставим его стратегически отступить.

И тут я подхожу к важнейшему, но почти не обсуждаемому вопросу. Глубинная, даже основная причина украинского кризиса, как и многих других конфликтов в мире — общего повышения военной угрозы — ускоряющийся провал современных правящих западных элит, созданных туром глобализации последних десятилетий — по большей части компрадорских в Европе (компрадорами португальские колонизаторы называли обслуживавших их местных торговцев. — «Профиль»). Этот провал сопровождается беспрецедентно стремительным изменением соотношения сил в мире в пользу глобального большинства, экономическим локомотивом которого выступают Китай и частично Индия, а на роль военно-стратегической опоры история выдвинула Россию. Это ослабление приводит в ярость не только имперско-космополитические элиты (Байден и К^о), но пугает и имперско-национальные (Трамп). Запад теряет имевшуюся у него на протяжении пяти веков возможность высасывать богатство из всего мира, навязывая, в первую очередь грубой силой, политические, экономические порядки и устанавливая свое культурное доминирование. Так что быстрого окончания развертываемой Западом оборонительной, но при этом агрессивной конфронтации ждать не приходится. Этот обвал моральных, политических и экономических позиций назревал с середины 1960-х, был прерван крахом СССР, но с новой силой возобновился в 2000-х (вехами стали поражения американцев и их союзников в Ираке, Афганистане, а также 2008 г. — начало кризиса западной экономической модели).

Чтобы остановить это лавинообразное скольжение вниз, Запад временно консолидировался. США превратили Украину в ударный кулак, чтобы, используя ее, связать руки России — военно-политическому стержню освобождающегося от оков неокolonизма незападного мира. В идеале американцы хотели бы, конечно, просто взорвать нашу страну, кардинально ослабив, таким образом, и поднимающуюся альтернативную сверхдержаву — Китай. Мы, то ли не понимая неизбежности столкновения, то ли копя силы, замешкались с упреждающим ударом. Да к тому же, следуя в русле современной, в основном западной военно-политической мысли, неосмотрительно завысили порог применения ядерного оружия, неточно оценили ситуацию на Украине и не совсем удачно начали спецоперацию.

Проваливаясь внутри, западные элиты стали активно подкармливать сорняки, пробившиеся на почве семидесятилетнего благополучия, сытости и мира, — все эти античеловеческие идеологии: отрицание семьи, родины, истории, любви между мужчиной и женщиной, веры, служения высшим идеалам — всего того, что составляет сущность человека. Пропадают тех, кто сопротивляется. Цель — манкуртизировать людей, чтобы уменьшить их способность сопротивляться современному «глобалистскому» капитализму, чья несправедливость и вредность для человека и человечества становятся все более очевидны.

Попутно ослабевшие США добивают Европу, другие зависимые от них страны, пытаясь бросить их в топку конфронтации вслед за Украиной. Элиты в большинстве этих государств потеряли ориентиры и, паникуя из-за провала собственных позиций внутри и вовне, послушно ведут свои страны на заклание. При этом из-за большего провала, ощущения бессилия, многовековой русофобии, деградации интеллектуального уровня и утраты стратегической культуры их ненависть едва ли не яростнее, чем в США.

Вектор развития большинства стран Запада однозначен: они движутся к новому фашизму и (пока) «либеральному» тоталитаризму.

Дальше, и это самое главное, там будет только хуже. Перемирия возможны, но замирение — нет. Злоба и отчаяние продолжают волнообразно и с маневрами нарастать. Этот вектор движения Запада служит однозначным признаком дрейфа в сторону развязывания Третьей мировой. Она уже начинается и может разгореться в полноценный пожар из-за случайности или растущей некомпетентности и безответственности правящих кругов Запада.

Внедрение искусственного интеллекта, роботизации войны увеличивает угрозу непреднамеренной эскалации. Машины могут выйти из-под контроля растерянных элит.

Ситуация усугубляется «стратегическим паразитизмом» — за 75 лет относительного мира люди забыли ужасы большой войны, перестали бояться даже ядерного оружия. Повсеместно, но особенно на Западе, ослаб инстинкт самосохранения.

Я многие годы занимался историей ядерной стратегии и пришел для себя к однозначному, пусть и звучащему не совсем научно, выводу. Появление ядерного оружия — результат вмешательства Всевышнего, который ужаснулся, увидев, что люди (европейцы и примкнувшие к ним японцы) развязали на протяжении одного поколения две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней, и вручил человечеству оружие Армагеддона, показал потерявшим страх перед адом, что он существует. На этом страхе покоился относительный мир последних трех четвертей века. Теперь этот страх пропал. Происходит немыслимое с точки зрения прежних представлений о ядерном сдерживании — правящие круги группы стран в припадке отчаянной ярости развязали полномасштабную войну в подбрюшье ядерной сверхдержавы.

Страх ядерной эскалации нужно восстанавливать. Иначе человечество обречено.

Сейчас на полях Украины решается не только и даже не столько, какими будут Россия, будущий миропорядок. Но и то, сохранится ли привычный нам мир вообще или на планете останутся одни радиоактивные руины.

Сломав волю Запада к агрессии, мы не только спасем себя, окончательно освободим мир от длившегося пять веков западного ига, но и спасем все человечество. Подтолкнув Запад к катарсису и отказу его элит от гегемонии, мы заставим его отступить раньше, чем случится всемирная катастрофа. Человечество получит новый шанс на развитие.

Предлагаемое решение

Естественно, впереди тяжелая борьба. Нужно решать и внутренние проблемы — избавиться, наконец, от западноцентризма в умах и от западников в управленческом слое, от компрадоров и свойственного им мышления. (Впрочем, тут Запад, сам того не желая, нам всюю помогает.) Трехсотлетний вояж по Европам дал нам немало полезного, помог сформировать нашу великую культуру. Будем, разумеется, бережно хранить европейское наследие в ней. Но пора возвращаться домой, к самим себе. Начать, пользуясь накопленным багажом, жить своим умом. Наши друзья мидовцы недавно совершили настоящий прорыв, назвав Россию в Концепции внешней политики государством-цивилизацией. Добавил бы — цивилизацией цивилизаций, открытой и Северу, и Югу, Западу и Востоку. Сейчас главное направление развития — Юг, Север, в первую очередь — Восток.

Конфронтация с Западом на Украине, как бы она ни завершилась, не должна отвлекать нас от стратегического внутреннего движения — духовного, культурного, экономического, политического, военно-политического — к Уралу, Сибири, Великому океану. Нужна новая урало-сибирская стратегия, включающая в себя несколько мощных духоподъемных проектов, в том числе, безусловно, создание третьей, расположенной в Сибири столицы. Это движение должно стать частью «русской мечты» — образа той России и того мира, к которым хочется стремиться.

Много раз писал, и не я один, — великие государства без большой идеи перестают быть таковыми или просто уходят в никуда. История усыпана теньями и могилами держав, ее потерявших. Эту идею нужно создавать сверху, не полагаясь, как делают глупцы или лентяи, на то, что она придет снизу. Она должна отвечать глубинным ценностям и стремлениям народа и, главное, вести всех нас вперед. Но формулировать ее — обязанность элиты и руководства страны. Затягивание с формулированием и выдвиганием такой идеи-мечты недопустимо затянулось.

Но для того, чтобы будущее состоялось, нужно превозмочь сопротивление сил прошлого — Запада. Если этого не сделать, почти наверняка начнется полномасштабная и, наверное, последняя для человечества Мировая война.

И тут я подхожу к самой трудной части этой статьи. Мы еще год-два-три можем воевать, жертвуя тысячами и тысячами лучших наших мужчин и перемалывая десятки и сотни тысяч попавших в трагическую историческую ловушку жителей той территории, что сейчас называется Украиной. Но эту военную операцию нельзя закончить решительной победой, без навязывания Западу стратегического отступления или даже капитуляции. Мы должны заставить Запад отказаться от попыток повернуть историю вспять, отказаться от потуг на глобальное доминирование и принудить его заняться собой, перевариванием своего нынешнего многоуровневого кризиса. Грубо

выражаясь, нужно, чтобы Запад просто «отвалил» и не мешал России и миру идти вперед.

А для этого необходимо восстановить в нем утраченное чувство самосохранения, убедив, что попытки измотать Россию натравливанием на нее украинцев контрпродуктивны для самого Запада. Придется восстанавливать убедительность ядерного сдерживания, понижая недопустимо задранный порог применения ядерного оружия, расчетливо, но быстро идя вверх по лестнице сдерживания-эскалации. Первые шаги уже сделаны. Это и соответствующие заявления Президента Путина и других руководителей, и начало развертывания в Белоруссии ядерного оружия и его носителей, и повышение боеспособности сил стратегического сдерживания. Ступеней на этой лестнице немало. Я насчитал десятка два. Дело может даже дойти до предупреждения соотечественников и всех людей доброй воли о необходимости покинуть места проживания вблизи объектов, которые могут стать целями ядерных ударов в странах, оказывающих непосредственную поддержку киевскому режиму. Противник должен знать: мы готовы нанести упреждающий удар возмездия за все его нынешние и прошлые агрессии, чтобы предотвратить сползание к глобальной термоядерной войне.

Много раз я говорил и писал, что, если правильно построить стратегию устрашения и даже применения, риск «ответного» ядерного, да и любого другого удара по нашей территории можно свести к минимуму. Только если в Белом доме будет сидеть безумец, да к тому же ненавидящий свою страну, Америка решится на удар в «защиту» европейцев, навлекая на себя ответ, жертвуя условным Бостоном ради условной Познани. И в США, и в Европе это прекрасно понимают, но предпочитают не думать об этом. Да и мы содействовали этому бездумию своими миролюбивыми заявлениями. Изучив историю американской ядерной стратегии, я знаю, что после обретения СССР убедительной способности к ответному ядерному удару Вашингтон не рассматривал всерьез возможность применения ядерного оружия по советской территории, хотя на публике и блефовал. Если возможность применения ядерного оружия и рассматривалась, то только по «наступающим» советским войскам на территории Западной Европы. Знаю, что канцлеры Коль и Шмидт бежали из бункеров, как только на учениях вставал вопрос о таком применении.

Идти по лестнице сдерживания-эскалации нужно достаточно быстро. Учитывая вектор развития Запада — деградацию большинства его элит, — каждый следующий их призыв некомпетентнее и более идеологически зашорен, чем предыдущие. И пока не приходится ожидать, что на смену этим элитам придут более ответственные и разумные. Это произойдет только после катарсиса — отказа от амбиций.

Нельзя повторить «украинский сценарий». Мы не слушали четверть века тех, кто предупреждал, что расширение НАТО приведет к войне, пытались оттянуть, «договориться». И в результате получили тяжелый вооруженный конфликт. Сейчас цена нерешительности на порядок выше.

Но что если не отступят? Уже окончательно потеряли чувство самосохранения? Тогда придется бить по группе целей в ряде стран, чтобы привести в чувство потерявших разум. Это морально страшный выбор — мы применяем оружие Бога, обрекая себя на тяжкие духовные потери. Но если

этого не сделать, не только Россия может погибнуть, но, скорее всего, закончится вся человеческая цивилизация.

Придется делать этот выбор самим. Даже друзья и сочувствующие поначалу не поддержат. Если бы я был китайцем, я бы не хотел слишком скорого и решительного прекращения конфликта, поскольку он оттягивает силы США и позволяет КНР накапливать силы для решающей схватки — прямой или, в соответствии с лучшими заветами Сунь-цзы, такой, когда противник вынужден отступить без боя. Выступил бы и против применения ядерного оружия, потому что подъем противостояния на ядерный уровень означает сдвиг в сферу, где моя страна (Китай) еще слаба. Кроме того, решительные действия не в русле китайской внешнеполитической философии, делающей упор на экономические факторы (при накоплении военной мощи), избегающей прямой конфронтации. Я бы поддерживал союзника, обеспечивая ему тыл, но укрывался бы за его спиной, не вмешиваясь в схватку. (Впрочем, возможно, я недостаточно понимаю эту философию и приписываю китайским друзьям мотивы, им несвойственные.) Если бы Россия применила ядерное оружие, китаец осудил бы ее. Но и порадовался бы в душе, что по репутации и позициям США нанесен мощный удар.

А какова была бы наша реакция, если бы (не дай Бог!) Пакистан нанес удар по Индии или наоборот? Ужаснемся. Огорчимся, что ядерное табу нарушено. А потом займемся помощью пострадавшим и соответствующим изменением своей ядерной доктрины.

Для Индии, других стран мирового большинства, в том числе ядерных (Пакистан, Израиль), применение ядерного оружия мало приемлемо как по моральным соображениям, так и по геостратегическим. Если оно будет пущено в ход и «успешно», обесценится ядерное табу — представление о том, что такое оружие нельзя применять ни в коем случае и что его использование — прямая дорога к ядерному Армагеддону. Мы вряд ли можем рассчитывать на быструю поддержку, даже если на «глобальном Юге» многие почувствуют удовлетворение от разгрома их бывших угнетателей, грабивших, творивших геноциды, навязывавших чуждую культуру.

Но в конечном итоге победителей не судят. А спасителей благодарят. Европейская политическая культура добра не помнит. Но в остальном мире с благодарностью вспоминают, как мы помогали китайцам освободиться от зверской японской оккупации, колониям — сбросить колониальное иго. Если нас не поймут поначалу, появится еще больше стимулов заняться самосовершенствованием. Но все-таки велика вероятность, что удастся победить, образумить противника без крайних мер, заставить его отступить. А через несколько лет занять позицию за спиной Китая, как он сейчас стоит за нашей, поддерживая его в схватке с США. Тогда эта схватка может обойтись без большой войны. И мы вместе победим на благо всем, в том числе жителям западных стран.

И тогда Россия и человечество через все тернии и травмы пойдут к будущему, которое мне видится светлым — многополярным, многокультурным, многокрасочным, дающим возможность странам и народам строить свою собственную и общую судьбу.

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ
**РЕКИ ПОМНЯТ
СВОИ БЕРЕГА**

Отрывок из романа

Николай Федорович Иванов — родился в 1956 г., с. Страчево Брянской обл. Российский писатель и публицист, Председатель правления СП России. Автор более 30 книг прозы и драматургии. В качестве военного журналиста и писателя побывал в разные годы в Чечне, в Цхинвале, в Крыму, на Донбассе, в Сирии. Был гл. ред. журнала «Советский воин». Полковник запаса, военный журналист, офицер-десантник. Лауреат лит. премий им. «Н. Островского», «Сталинград», ФСБ России и других, награжден медалями «За отвагу», «За возвращение Крыма» и другими орденами, в том числе Орденом Дружбы и Орденом Дружбы ДНР. **Живет в Москве.**

Евгения Андреевна Потейчук примеряла к будущему праздничному столу скатерть, когда в сенцах завопили с дверной ручкой. Не справившись с ней, постучали.

— Андреевна, ты дома? — узнала голос главного лесничего заповедника. — Здравствуйте вам в хату!

— Заходи быстрее, не студи дом, — впустила внутрь хозяйка неожиданного утреннего визитера. Муж хотя и не работает в дирекции, а вот начальство приехало поздравить. Приятно...

— Павел Григорьевич, с юбилеем! — протянул гость в знак особого расположения к хозяину обе руки для пожатия. — Извини, что без подарка — всю ночь на работе. И супружницу твою на часок-другой велено привезти.

— Кому там нейдется в выходной, что за срочность? — удивилась Евгения Андреевна.

— Да директору позарез потребовалось отпечатать какой-то документ. Думаю, ненадолго. Назад, не волнуйся, привезем.

Хозяйка обернулась на невестку, протиравшую фужеры. Та махнула краем переброшенного через плечо полотенца: езжайте, справимся, до прихода гостей еще половина дня.

Евгения Андреевна набросила шубу, надела шапку и теперь уже сама подтолкнула бусурманина к двери — только быстрее. По привычке намерилась сесть впереди, но рядом с водителем располагался сумрачный незнакомый парень, она поздоровалась с ним и поглядела на коллегу: кто? Лесничий махнул рукой — все потом.

В дирекции их никто не ждал, и хотя сопровождающий остался в машине, Константиныч продолжал играть роль простачка:

— Нам тут взять лишь машинку и листы с копиркой. Балук в Вискулях.

— Так что сразу не сказал! Это же не ближний свет, — расстроилась Евгения Андреевна. Что за полуправда? Вроде и не обманули, а рассчитать время возвращения к гостям не можешь.

Лесничий взял со стола синюю «Оптиму». Вилка в разболтанной розетке подгорела, и шнур не желал выдергиваться, отпускать машинку с исконно рабочего места. Уметь бы кому-то из них расшифровывать тайные знаки...

— Темнишь что-то, Константиныч, — собрав папку с бумагами, пожурла коллегу секретарша. Помогла справиться с розеткой.

— Сама все увидишь, — не стал отрицать тот важности вызова, но и язык проглотил еще глубже. История научила: его не вырывали только немим.

А увидела Евгения Андреевна в Вискулях скопом всех тех, кто не сходил с экрана телевизора. Слушок по дирекции ходил, что могут приехать высокие гости, но их перевидали в Беловежье столько, что если всех держать в памяти, места для таблицы умножения не останется. Но тут оказались такие чины и такие персоны, что щипать себя за руку — синяки останутся. Потому что не во сне...

— Машинистка? — подошел к ней незнакомый полный мужчина. — Сюда.

Провел в небольшую комнатку под центральной маршевой лестницей. За ними боком, боясь наступить на волочившийся по полу шнур, внес «Оптиму» Константиныч. Не успели разложиться, влетел с исписанными листами в длинных пальцах Бурбулис — уж его-то острое лицо с коротко посаженными глазами нельзя было спутать ни с каким другим. Как и тонкий, нудный с первой фразы голосок.

— Вам как лучше — диктовать или сами разберетесь? — шныряя глазами по листочкам и всем углам комнаты, спросил он.

С сомнением, но дал Евгении Андреевне возможность заглянуть в бумаги. На листках почерк оказался разный, но одинаково неряшливый, с множеством вставок и зачеркиваний, и она осмелилась:

— Лучше диктовать.

Бурбулис намерился сразу начать работу, но вошел молчаливый парень, который сопровождал ее в машине. Помог снять шубу. Протянул руку и за шапкой, но Евгения Андреевна вспомнила, что не успела причесться, и трогать головной убор не осмелилась. Подвигала машинку, устраивая поудобнее. Вот теперь готова. Однако Бурбулиса позвали со второго этажа, он взглядом настоятельно попросил охранника выйти, и Евгения Андреевна, оставшись в одиночестве, уже спокойно заглянула в оставленные листки. Сначала выхватила несколько фраз, но потом они сложились в текст, и руки, зависшие над клавиатурой, задрожали. Испуганно оглянулась: знают ли другие, какие бумаги ей дали печатать? А Союз ССР — это СССР? «Союз ССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает свое существование...».

Как прекращает? Когда? В честь чего? Глупость какая-то.

Рядом вырос очередной незнакомец в строгом темном костюме. А раз в пиджаке и при галстукe, то либо высоко партийный, либо из КГБ.

— Ну что, теперь по всем Каменюкам будешь рассказывать, что печатаешь?

Она еще ничего не печатала. Но потому, что назвали пренебрежительно на «ты», что испортили юбилей мужа, что ничего не сказали заранее, что

в шапке становилось жарко, что документы государственные, а не для заповедника, а подошедший даже по телевизору незнаком, — огрызнулась:

— Будь слишком разговорчивая, не работала бы тут.

— Извините... — понял свою ошибку надсмотрщик и сам огляделся по сторонам: не заметил ли кто из начальства нервозность машинистки? Нервничают нынче все, но при каком-либо срыве мероприятия нагоняй получит крайний...

Вместо Бурбулиса в комнатку бочком протиснулся министр иностранных дел России Козырев. Бочком же, как сова, посмотрел на бумаги. Она отметила его крючковатый и словно бы прищемленный нос — будто однажды просунул его, куда не надо, а дверь взяли и прихлопнули.

Но то были личные проблемы министра, а ей требовалось печатать. Только вот руки продолжали дрожать.

— Соглашение... — немного гнусаво начал диктовать Козырев.

Терпеливо дождал, пока Евгения Андреевна сменит листы — в первом же слове от волнения сделала ошибку. Чувствовала, что российский министр торопится, но подгонять, слава Богу, не стал, и она осталась ему благодарна.

— Соглашение... — повторил Козырев, хотя увидел, что Евгения Андреевна уже перепечатала заглавие. Тоже волнуется? — Принимая во внимание...

Заглянул мимоходом знакомый охранник. Его лицо с красными воспаленными глазами выражало озабоченность, словно по обстановке в комнатке он хотел понять, какой важности документ печатает попутчица, но Евгения Андреевна уткнулась в машинку со стертыми до металлического блеска краями рядом с клавиатурой. Кто тут чего удумал — ее дело маленькое, она из Каменюк, ей не тягаться с верхушкой из Москвы, Минска и Киева. Чай, не дурнее ее. А охранничка жалко — похоже, заболевает. Чаю бы с медом ему и пропотеть...

Пожалела и своих, домашних — как там без нее соберут стол? И сколько времени ей придется здесь пробить? Надо выкроить минутку позвонить домой, предупредить о задержке...

Козырева вновь сменил Бурбулис. Не успев начать диктовку, вернулся на чей-то возглас обратно. Нервозность гостей передалась и ей, стало доходить, что документ, который она печатает — это серьезно, очень серьезно, то есть по-настоящему. Но нет, не может быть! Прямо вот не нашлось во всем Советском Союзе на такой документ машинистки, кроме как в Каменюках?! Скорее всего, она распарилась в тепле и недопонимает мудреных фраз...

— Печатаем дальше, — раздалось за спиной, и Евгения Андреевна вздрогнула: в комнатке незаметно обосновался небольшой человечек с черными усами. По телевизору тоже не раз его видела, но фамилия сразу не вспомнилась, потому что даром была не нужна.

Незнакомец прочел из-за ее плеча уже отпечатанное и безошибочно продолжил текст, который она ждала с наибольшим страхом:

— «...констатируем, что Союз ССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает свое существование...».

Далее перечислялись многозначительные и непонятные пункты, статьи, ссылки и уверения всех в вечной дружбе. После последнего, четырнадца-

того пункта, в котором столицу нового государства переносили в Минск, диктовщик крикнул в дверной проем:

— Ну что, оставлять подпись под Назарбаева?

— Оставляй. Он уже в Москве.

— Надо заканчивать, — скорее для себя, чем невидимого собеседника, проговорил усач и так резко вырвал отпечатанные листки из каретки, что валик взвизгнул.

Наэлектризованная копирка не хотела отлипнуть от бумаги, и Шахрай — да-да, точно Шахрай, она вспомнила, по-украински это еще означает «мошенник», смеялись над фамилией, — нетерпеливо стал сдирать ее с документа ногтями. Копирка взамен притянулась к его волосатой руке, и «мошенник» принялся отмахиваться от черных листков, как от дьявольских меток.

— Вам принести кофе? — на этот раз в комнатку заглянула официантка с подносом, и Евгения Андреевна торопливо кивнула — да-да, дайте попить. А еще лучше — отпустили бы домой. Там гости, там семья, там все понятное и родное и соседи по ночам топоры и косы друг на друга не точат...

— Машинистку отпускать? — вновь кто-то «позаботился» о ней.

— Пусть посидит. Ждем до последнего, вдруг Назарбаев все же решится...

До последнего ничего не сообщали и журналистам, которых захватил по личной инициативе в Вискули премьер Белоруссии Вячеслав Кебич. Из гостиницы, в отличие от охранников, их не привозили до тех пор, пока не расставили последние запятые в тексте Соглашения: чтобы не путались под ногами, не задавали лишних вопросов и раньше времени не проговорились. Хотя кому проговариваться? Связь в резиденции оставили только внутреннюю, из посторонних — директор заповедника, лесничий да машинистка.

Вообще-то подписывать на встрече ничего не планировалось. Поговорить узким кругом о том, как урезать права доставшего всех Горбачева — да, тут желание у всех совпало, в первую очередь у Ельцина, который не мог простить президенту СССР свои предыдущие унижения.

Вовремя подсутелились и те, кто ходил под Борисом Николаевичем. Шахрай выдвинул саму идею — Советский Союз как бы легально существует, но уже ничем не управляет. У министра иностранных дел России Козырева от одного этого возбужденно заблестели глазки. Бурбулис пошел дальше и остороженько, по-лисьи выглядывая реакцию окружающих, выстроил фразу про то, что СССР как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекращает свое существование.

Едва это прозвучало вслух, в делегациях онемели. Даже Кравчук, ратовавший за наибольшую самостоятельность, посмотрел на Ельцина, ожидая грома и молнии на голову зарвавшегося госсекретаря. Но президент России или вообще не слушал выступавших, или после ночной бани до него просто не дошел смысл произнесенного. Тут даже белорусы хмыкнули: раз русским ничего не надо, то им — тем более. Заварили москали кашу, пусть и готвят ее до конца. Соглашение — так соглашение!

Замешкались на другом — очень хотелось подтянуть на подпись хотя бы еще одного президента из союзных республик. Более всего подходил Назарбаев, авторитету которого в стране отдавал должное даже Ельцин. Ради этого пошли на изменение заглавной формулировки документа: вместо

первоначально одобренной фразы «Союз славянских государств» записали — «независимых».

Однако время шло, а вестей от казахстанского президента, которого попросили срочно прилететь в Беларусь, не поступало. Приходилось признавать очевидный факт: Нурсултан Абишевич или по-восточному хитро решил выждать на стороне, или его самолет просто не выпускают из Москвы, где он приземлился на дозаправку. Так что машинистку можно было отпускать: под документом, к сожалению, останутся лишь три подписи. Точнее, шесть — для большей его легитимности решили присовокупить к главам государств и премьеров.

Где-то к четырнадцати часам в фойе стали заносить столы. В центре установили бело-красно-белый флажок Белоруссии, по правую руку — российский триколор, по левую — жовто-блакитный Украины.

— Авторучки... надо положить на стол авторучки. Вдруг у них не окажется.

— Попросите у журналистов.

— Куда подевали папки?

— Кто отвечает за журналистов? Никаких вопросов Ельцину! Никаких! Милая бестолковщина, если не знать уровень встречи.

Ельцин как раз спускался по лестнице с левого крыла анфилады, нависавшей над фойе. Как ни хорохорились, ни старались держать независимый вид Кравчук и Шушкевич, главным действующим лицом оставался Борис Николаевич. Подними он сейчас на смех ночное эпистолярное наследие своих помощников, выгони их взащей на мороз прочистить мозги, все дружно закивали бы — возможно, даже с облегчением, что затея сорвалась. Для того и наступает утро, чтобы стать мудрее себя вчерашних...

Но Борис Николаевич молча направился к своему флажку. К столам торопливо шагнули и Кравчук с Шушкевичем: у Ельцина что с правилами протокола, что с нормами приличия всегда было туговато. Плукнется хозяином на стул первым, а ты потом мельтеши, изображай равноправность...

Успели, порадовав телевизионщиков синхронностью. Шефы протоколов подсунули папки с документами. Ни речей, ни гимнов, ни благодарности, ни сожаления. Шесть размашистых подписей в гробовой тишине — и всё! Оказалось, чтобы прекратить существование империи, не нужны ни войны, ни миллиарды — надо просто вырастить амбициозных политиков, столкнуть их лбами, заставить их грызть друг друга. Стареющее Политбюро не захотело делиться властью с выросшим подростком, и молодая поросль сама рванула вверх так, что затрещали суставы-сучья у вековых дубов. Хотя какая молодая! И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич десятилетиями подвизались на ниве политпросвещения и пропаганды КПСС. Амбиции, все же неумные амбиции и месть двигали ими в этот день...

Заместитель главного редактора белорусской «Народной газеты» Валерий Дроздов по журналистской привычке зафиксировал время подписания документов, а по сути, распада СССР — 14 часов 17 минут. По иронии судьбы на циферблате его часов были прорисованы контуры Советского Союза...

— Ну, а что же никто ничего не спрашивает? — удивился, явно красуясь перед журналистами, Ельцин.

Зная непредсказуемость российского президента, Кравчук и Шушкевич тоже вышли вперед. Вопросов, согласно предварительной установке, не

возникло, и тогда Ельцин сграбастал врагов-единомышленников, подтянул к себе: вот так мы всегда будем вместе.

Из столовой выплыли официантки с подносами, на которых стояли фужеры с шампанским. Раздался хрустальный звон, приглушенные здравицы. Веселья, тем не менее, не получалось, не говоря уже о торжественности. Вольно или невольно, но делегации стали группироваться вокруг своих лидеров одинаковыми полюсами магнитов, отталкивающих друг от друга. Премьер Беларуси даже вышел на улицу, несмотря на тридцатиградусный мороз. Вгляделся в сумрачное небо.

— Не летят? — поинтересовался у возникшего рядом фотокорреспондента АПН Юрия Иванова, не доверяя своему слуху и зрению.

— Кто?

— Бомбить.

Удивиться или уточнить слова премьера Иванов не успел — из здания вышли директор заповедника Сергей Сергеевич Балюк и наконец-то освободившаяся машинистка.

Медленно, боясь поскользнуться, они сошли на вычищенный к приезду гостей тротуар, направились к воротам, за которыми их ждал заиндевевший узик. Осознание того, что они оказались первыми, кто узнал о ликвидации Советского Союза, что своими глазами и ушами все видели и слышали, а более того, и печатали документ, повергло их в глубокое смятение. Но молчать оказалось еще тягостнее, и Евгения Андреевна по-бабьи взяла вину на себя:

— Развалили мы с вами Советский Союз, Сергей Сергеевич.

Оглянулись назад, на светящийся огнями домик, где продолжалось настороженное веселье. Балюк развел руками: а что мы могли сделать?

— Если бы знала, оделась бы в траурное, — хоть так попыталась оправдаться Евгения Андреевна.

Похоже, они оказались единственными, кто пожалел в тот вечер о случившемся.

А у противоположных ворот, которые вели к аэродрому, заходясь в кашле, мерз Егор Буерашин. Едва поняв суть беловежской встречи, он выскользнул из резиденции и перекрыл отход заговорщиков к самолетам. Не сомневался: раз о встрече знали в Москве и, скорее всего, догадывались о возможных решениях, то с минуты на минуту в Вискулях должны появиться десантники или обыкновенная зековозка.

Но время шло, гул в доме нарастал, а никто не летел и не ехал. Горбачев надеется, что все рассосется само собой? Тогда где КГБ? Под каким кустом, на какой ветке сидят и прячутся? В крайнем случае, почему молчит «капраз» со спецназом ГРУ? А если изначально был политически бессилён, зачем послал его сюда? Констатировать факт? Завтра в газетах обо всем можно прочесть, не влезая в тапочки. Или заговорщиков будут брать на аэродроме? Или каждого в отдельности по прибытии в Москву, Минск и Киев? И неужели еще кто-то будет носить им сухари в Лефортово? А уж памятника, как советским солдатам из 1941-го года у въезда в заповедник, им точно никогда не поставят...

Ельцина, Кравчука и Шушкевича занимало иное: кому и как сообщить о свершившемся? Без огласки Соглашение как бы не фиксировалось, не обретало силу. Ельцин показал рукой на второй этаж, и Кравчук с Шуш-

кевичем пошли, как на Голгофу, вверх по ступенькам в номер российского президента.

Дождавшись, когда закроется дверь, Ельцин не без удовлетворения назвал первого адресата:

— Я думаю, теперь надо и Михаилу Сергеевичу сообщить.

При этом усмешкой дал понять, что лично он этого делать не станет. Кравчук стоял с каменным выражением лица: основное для меня сделано, больше я ни в чем не участвую. Ельцин, прекрасно поняв Леонида Макаровича, запустил бильярдный шар в белорусскую сторону:

— Станислав Станиславович, ты с ним больше всех разговариваешь, позвони. Ну, и мировую общественность, наверное, надо проинформировать. Кому сообщим первому?

— Ты его лучший друг, — не называя имени и страны, вернул шар российскому президенту Шушкевич.

Так и стали созваниваться: о неприятном — Шушкевич в Москву, Ельцин о радостном — американскому президенту Бушу. Козырев, владевший английским в совершенстве, подсел рядом за переводчика. Первыми зацепились они и за абонента.

— Джордж, привет!

Ельцин мог себе позволить подобную фамильярность в общении с Бушем хотя бы потому, что в российских структурах власти к этому времени работало около двухсот американских советников, перелопачивавших законы, политику и экономику страны на американский лад.

В это время отозвался и Горбачев. Узнав голос белорусского председателя Верховного Совета, вдруг неожиданно и заискивающе обратился к нему на «вы», чего никогда не делал:

— Что там у вас?

Ельцин отвернулся, чтобы разговор Шушкевича с Кремлем не перебивал его беседу с Вашингтоном. Собственно, Горбачев улетал, как олимпийский мишка, в небытие и уже ни на что не влиял, ничего не озарял и ни к чему не вел. У него уже отобрали судейский свисток и отстранили от игры, но он, не желая верить в случившееся и свою нынешнюю никчемность, начал кричать Шушкевичу от кромки поля:

— Да вы понимаете, что вы сделали?! Вы понимаете, что мировая общественность вас осудит? Гневно!

Шушкевич отстранил от уха трубку, давая и остальным послушать разговор и оберегая собственный слух.

— Что будет, когда об этом узнает Буш? — не унимался Горбачев.

Ельцин уже прощался с американским президентом, и Шушкевич пожал плечами:

— Да Борис Николаевич уже сказал ему обо всем. Нормально он воспринял.

В трубке, наконец, установилась тишина, и Шушкевич, используя момент, отключил аппарат. Не глядя в глаза друг другу, а еще больше боясь, что телефоны зазвонят и придется вновь объясняться, заговорщики поспешили выйти из апартаментов Ельцина. Когда-то именно в них провел свою единственную бессонную ночь Хрущев. Потом уверял всех, что находиться в таком номере можно лишь беспамятно пьяным...

Первыми Вискули покинула украинская делегация — едва начало темнеть. Под покровом уже сплошной темноты увез на аэродром Ельцина его

персональный «ЗИЛ». Проводив гостей, дал команду на отлет и Шушкевич. Все трое клятвенно договорились лететь в Минск и дать в новой столице СНГ совместную пресс-конференцию, но в небе самолеты взяли курсы в разные стороны. Лидеры трех государств разлетелись, чтобы больше никогда за свою политическую карьеру не встречаться вместе. И ни разу не посетить Беловежскую Пущу.

Только через пять дней после прибытия из Вискулей Ельцин испугается по-настоящему. 13 декабря в Ашхабаде соберутся лидеры бывших Республик Средней Азии и в противовес славянскому Союзу предложат создать тюркский — Центральноазиатскую конфедерацию, которая бы раскалывала бывший СССР по оси Европа — Азия. Ельцин в лучшем случае мог остаться губернатором Московского края, и потому каждые полчаса звонил Назарбаеву, умоляя вразумить собравшихся. Чаша Горбачева не была испита им до дна, только благодаря Нурсултану Абишевичу, уговорившему ашхабадских гостей повременить с созданием Конфедерации: мы же все из Советского Союза, были партийными руководителями...

Не лукавил. Борис Николаевич Ельцин — секретарь ЦК КПСС. Шушкевич Станислав Станиславович более двадцати лет состоял в рядах партии. Кравчук Леонид Макарович партийной работой занялся едва ли не раньше всех — в 1960 г., и не простым клерком, а на самых острых направлениях: возглавлял отдел пропаганды и агитации, заведовал идеологическим отделом ЦК Компартии Украины. Бурбулис Геннадий Эдуардович преподавал в Уральском политехническом институте марксистско-ленинскую философию. Кебич Вячеслав Францевич — заканчивал Высшую партийную школу. Премьер Украины Фокин Витольд Павлович являлся членом КПСС с 1957 года...

Во времена, когда на охоту в Беловежье ездил царь Александр II, самым зрелищным моментом считался так называемый царский штрек, когда добытые туши свозились ко дворцу и укладывались перед парадным входом. В первом ряду располагали по видам дичь, подстреленную государем Императором, за ней — добычу других участников охоты. Трофеи любовно украшались гирляндами дубовых веток. Здесь же выстраивалась вся охотничья команда. По краям стояли дворцовые работники в красных рубашках и с факелами в руках, освещающая счастливые лица участников праздника. Начинались подсчет туш и их взвешивание, после чего устраивался грандиозный ужин. Собирали на площади и жителей Беловежи, чтобы раздать им часть добычи.

Как, в какой последовательности выстроится в истории участники охоты на СССР? Захотят ли они, чтобы ярко горели факелы, освещающая их лица? Кто будет взвешивать и оценивать трофеи?

Эти мысли не давали покоя Егору Буерашину, пока летел до Москвы и добирался до дома. Кого обманывала всю жизнь беловежская троица — себя или других? Зачем десятилетиями призывали и вели за собой коллег, подчиненных, студентов, целые народы, если ни во что не верили? Или это и составляло их истинную натуру — ломать жизнь другим, мешать другим, надзирать над другими и поучать их? Предавать и бросать! И вновь тащить, звать и увлекать за собой. Кто же они?

Милые Августины. По оперативной терминологии — «кроты», выгрызающие все изнутри. И неужели он им будет служить дальше?

Александр ДУГИН

МОЛДОВА И ЕЕ ИСТОРИАЛ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве, советский и российский философ, политолог, социолог, переводчик и общественный деятель. Кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук. Профессор, в 2009–2014 гг. — и.о. заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Директор Высшей политической школы им. Ивана Ильина при РГГУ. **Живет в Москве.**

Публикуется по согласованию с автором по оригиналу izborsk-club.ru

Историал Молдовы является органической частью гето-дакского (румынского) историала, но имеет ряд особенностей. Изначально территории Молдовы были населены гетами — фракийским народом, близким к дакам, но, тем не менее, отличным от него. Территория расселения гетов примыкала непосредственно к Великой Степи и была самым восточным звеном фракийского мира. Вероятно, в более поздние времена фракийцы расселялись и еще восточнее, но именно в Молдове постепенно сложился их *восточный* рубеж, с которого они не сходили, несмотря на постоянные волны туранских вторжений — скифов, сарматов, позднее германцев, готов и вплоть до гуннов, авар, мадьяр, тюрок и монголов; геты оставались на территории Молдавии несмотря ни на что.

В эпоху становления Великой Дакии геты сблизились с даками, и показательно, что во главе Дакии стоял именно гет — царь Буребиста; согласно Страбону, объединение даков при Буребисте проходило *под началом гетов*.

Территория Молдавии не вошла в римскую провинцию Дакия, хотя Траян совершил успешный поход и против гетов, захватив южные области Бессарабии. Во II–IV вв. по Р.Х. здесь была распространена Черняховская культура, которая пришла в упадок после вторжения гуннов. Очевидно, что носители Черняховской культуры не были исключительно фракийцами, но к ней относились и германцы (готы и гепиды), и праславяне (анты), и сарматы, и, возможно, балты¹. По мере

¹ В исторической литературе чаще всего Черняховская культура считается германской, хотя некоторые авторы (в частности, академик Б.А. Рыбаков) настаивают на преобладании в ней славян.

продвижения гуннов в сторону Европы эти территории вошли в зону гуннского влияния и стали частью их Империи.

В V–VI вв. на территории Молдавии начинают активно распространяться древнеславянские племена — склавенев и антов (анты, возможно, были смешанным славяно-сарматским народом). Они постепенно ассимилируют носителей Черняховской культуры. Так эти земли становятся частью Великой Славянии, распространяющейся на территории Восточной Европы и накрывая собой на востоке Балкан и в Придунавье предшествующий фракийский горизонт¹. В VI в. упоминался вождь склавинов, расселившихся в низовье Дуная, Радогост (или Ардагаст), совершавший набеги на Византию. Он был союзником другого вождя склавинов — Мусокия, правившего в области между Карпатами и притоком Днестра Серетом. В то же время в этих областях упоминается некий «экзарх славян» Парагаст (?—ок. 597). С IX в. эти земли населяет восточно-славянское племя тиверцев («Тивер», *Tiv(e)ǵь было старославянским названием Днестра, у греков Τύρας — от индоевропейского корня *tur- — «вращаться», «быстро течь»). К востоку от них расселилось другое восточнославянское племя — уличи. Тиверцы были оседлыми земледельцами, на западе их территории граничили с валахами, которые были преимущественно скотоводами. К середине X в. они вошли в состав Киевской Руси. Тиверцы ассимилировали остатки гетов и других фракийских племен, включив их в свои структуры, где преобладал земледельческий архетип.

Вероятно, под ударами степных кочевников тюрков с востока (печенегов в X в. и половцев в XI–XII вв.) тиверцы позднее переместились к северу.

Вместе с тем в X в. на Балканах резко возросло болгарское влияние, и территории нижнего Дуная и прилегающие к ним области входили в Болгарское царство. Поэтому к восточнославянскому добавлялось и южнославянское влияние, создавая область славянского континуума. В XII и XIII вв. северные области Молдавии, а подчас и вся ее территория, оказывалась также под властью Галицкого княжества. Тогда же в низовьях Днестра, к югу от славян и валахов, обосновались бродники², особый этнос смешанного происхождения, населявший пограничные зоны Киевской Руси на юге — от Азовского моря до Днепра и Молдавии.

Во время монгольских завоеваний территории бродников и юго-восточные области между Карпатами и Днестром были включены в состав Золотой Орды.

Когда с XII в. из Центральной Румынии (из района Карпат) начинается волна вторичного распространения романо-язычных валахов, остатки тиверцев, а также других славян и отчасти тюрков³, были, в свою очередь, романизированы, составив основу молдавского этноса. Таким образом, фракийцы геты вначале подверглись интенсивной славянизации (при которой утратили свой гетский язык), а позднее сами славяне-тиверцы были «рома-

¹ Дугин А.Г. Ноомахия: война ума. Восточная Европа. Славянский Логос: балканская Навь и сарматский стиль. М.: Академический проект, 2018. 668 с.

² Бродниковов считают потомками тавроскифов, славян, валахов, готов, алан или тюркских народов (огузов, хазар и булгар). Возможно, они стали одной из этнических групп, на основе которой позднее сформировалось русское казачество.

³ Прямыми потомками тюрков (огузов, печенегов и куман) являются молдавские гагаузы.

низированы» потомками даков, сохранившими восточную латынь с эпохи римских завоеваний в области Карпат и продвинувшимися к востоку. Этот процесс облегчался общностью религии (православие) и распределением основных занятий населения — пришедшие валахи были преимущественно скотоводами, а местные славяне — земледельцами.

В XIV в. культурным и политическим центром Молдавии становится область восточного Прикарпатья и правобережья Днестра, где преобладает валашское население. Там и происходит формирование третьей румынской политики — Молдавского княжества.

Рождение Молдовы: от Драгоша до Мушат

Начало княжеству Молдова было положено в XIV в., когда из-за ослабления могущества Золотой Орды после победы венгров над монголами в 1345 г. ряд территорий к западу от реки Прут оказываются под венгерским влиянием и получают некоторую долю самостоятельности в статусе «венгерской марки». Первым правителем этой новой политики становится воевода Драгош¹, *Dragoș Vodă*, сын Богдана, выходец из населенной валахами высокогорной области Карпат — Марамуреш, которая с XI в. стала вассальной территорией Венгрии, а затем и напрямую интегрировалась в нее. Согласно венгерским и молдавским источникам, в 1352 г. (по другой версии, в 1345 или в 1359) венгерский король Лайош Великий (1326–1382) послал воеводу Драгоша в эти земли, чтобы основать там новую политику. Воевода Драгош собрал войско и, вытеснив монголов за Днестр, существенно увеличил прежние территории, подвластные венграм. Завоеванные им южные земли Молдавии позднее получили название Бессарабия (или Басарабия от имени основателя валашского государства Басараба I). Начиная с этого периода, они стали интенсивно заселяться валахами.

Легенда об основании Молдовы связывает ее с охотой Драгоша на дикого быка — зубра (*zimbru*)². По легенде, Драгош со своей верной собакой Молда преследовал раненого зубра, который бросился в реку, куда вслед за ним прыгнула и бесстрашная собака, тут же поглощенная пучиной. В честь верной собаки Драгош назвал реку и всю страну Молдавией, а гербом Молдовы отныне стала голова зубра. Страна, куда Драгош со своими спутниками зашел, преследуя зубра, так им понравилась, что они решили там обосноваться. Само место, где проходила охота, получило название Байя и стало первой столицей Молдавии.

Согласно Ловинеску, в молдавских легендах Белый Зубр считается первопродком молдаван. Он обитал на священной горе Чахлэу. Другим местопребыванием священного Белого Зубра иногда называется другая священная гора — Кэлиман в Восточных Карпатах, где его охраняет с начала времен по приказу Бога особый род — Хуцянов, глава которого носит имя Иле. Позднее священный род Хуцянов по мере деградации человечества был вынужден скрыться под горой Кэлиман. Ловинеску сближает образ

¹ Молдавские хроники утверждают, что Драгош умер в 1361 г., но современные историки полагают, что это произошло несколькими годами раньше.

² Элиаде указывает на связь этого сюжета об основании Молдавии с легендой о происхождении гунов и мадяр от двух предков братьев Гунора и Магора, которые охотились в Меотийских болотах и там стали основателями 108 скифских племен.

Хуцянов, стерегущих Белого Зубра, с «рахманами» — духами предков, живущими в подземном мире¹.

Воевода Драгош передал власть своему сыну Сасу, а тот — сыну Балку. На этом династия Драгоша оборвалась, и власть в Молдове перешла к Богдану I (ок. 1307—1367).

При Богдане I Молдавия становится независимым княжеством, поэтому именно он считается основателем молдавской государственности — в политическом смысле, тогда как Драгош Воевода (как и Черный Воевода Валахии) выступает как мифологическая фигура, архетип молдавского правителя. В 1365 г. независимость Молдавии от Венгрии признает венгерский король Лаойш I. Богдану I удается отстоять суверенитет Молдовы не только перед лицом Венгрии, но и под напором Золотой Орды, не смирившейся с потерей Приднестровских территорий, а также от усиливавшегося в то время Польского королевства. Богдан I передал трон своему сыну Лацко (ок. 1345—1375), который сделал попытку обратиться в католицизм, но под давлением народа вернулся в православие.

На смену Лацко приходит господарь Костя (ок. 1328—1387), женатый на дочери Богдана I Мушате, от чего этот род получил название Мушаты.

После Лацко правили его сыновья.

При первом сыне, Петре I Мушате (?—1391), Молдова становится важной политической силой региона. С одной стороны, Петр I Мушат признает сюзеренитет польского короля Ягайло, что включает Молдову в зону влияния Польско-Литовского государства. С родом Ягайло Петр I Мушат устанавливает матримониальные отношения. Но в то же время он подчеркнуто усиливает православную составляющую своего княжества, назначив в обход Константинопольского патриарха через митрополита Галича главу Молдавской Православной Церкви. Сближается в этот период Молдова и с Московским княжеством. При этом правителе территории Молдавии растут, появляются новые города и крепости, строятся православные церкви и соборы. Столицей Молдовы становится город Сучава. Начинается чеканка собственной монеты.

Петра I Мушата сменил на троне его брат Роман I Мушат (?—1400). Он также начал править как вассал польско-литовского королевства, но позднее втянулся во внутривосточные интриги, поддержав князя Подолья, что привело к вторжению в Молдову польских войск и его пленению. Он был вынужден передать трон своему сыну Штефану I Мушату (ок. 1364—1399), который возобновил клятву полякам в верности и вернулся к прежней политике лояльности Ягайло. Он прямо провозглашал полное следование интересам Польши, включая обещание противостоять ее врагам — в том числе Венгрии и Валахии. Это повлекло за собой вторжение венгерской армии, которая разбила войска молдаван у крепости Нямц.

Следующим правителем Молдовы был сын Романа I Мушата Александр Добрый (?—1432). По одной из версий, взойти на трон Александру Доброму помог валахский господарь Мирча Старый, что сделало две румынские политики союзниками. Вместе с тем он продолжает ориентироваться на Польшу (особенно на Литву и великого князя Витовта, а позднее Свидригайло), принимает участие в польско-литовских военных компаниях против Тевтонского ордена, в том числе в Грюнвальдской битве.

¹ *Lovinecsu V. Dacia Hiperboreană. P. 57.*

При Александре Добром Молдова еще более укрепляется. В 1401 г. ему удается добиться признания независимости Молдавской Православной Церкви Константинопольским патриархатом.

Когда Александр Добрый умирает, в стране начинается династический раскол между его сыновьями, вступившими в борьбу за власть. В результате Молдова оказывается разделенной на две половины — северная часть (Цара-де-Сус со столицей Сучава) признает господарем Илью I (?–1447), а южная (Цара-де-Жос со столицей Васлуй) — Штефана II (1409–1448). Усобища привела к резкому ослаблению Молдовы и ее временной неспособности играть самостоятельную роль в Восточной Европе.

Молдавская история упоминает еще об одном загадочном воеводе, правившем всего несколько месяцев — Чубэр Воде, которого, согласно преданию, «съели крысы». Здесь можно вспомнить правителя польской династии Поппелей, также «съеденного крысами»¹. Василе Ловинеску считает, что это популярный в молдавской народной традиции и литературе персонаж, являющийся прообразом шута, олицетворяет не венгерского военачальника из Трансильвании, но метафизический гештальт «царя мира»², воплощающим в себе идею священного монарха³. С точки зрения Ловинеску, упоминание Чубэр Водэ в череде молдавских правителей до Штефана III указывает на передачу ему особой сакральной миссии.

Штефан чель Маре: Сучава — Третий Рим

Конец разделению Молдовы кладет Штефан III Великий (1429–1504), на румынском Ștefan cel Mare, который считается самым могущественным и знаменитым правителем этой страны. Штефан III восстанавливает единство государства и превращает Молдову в независимую восточно-европейскую державу, сумевшую отстоять свой суверенитет перед другими региональными гегемонами — прежде всего перед Османской Империей, а также Венгрией и Польшей. Штефан III заключил союз с Московским Великим княжеством, а в соседней Валахии поддерживал Влада III Цепеша, которому помог вернуться на трон. С Владом III Дракулой его объединяло стремление отстоять независимость одновременно и от венгров, и от турок. Вместе с тем Штефан III успешно противостоял проосманской политике Раду III и Басараба Старого.

Штефан III был прекрасным военным стратегом и выиграл почти все сражения, в которых участвовал. Так, он нанес поражение венграм Матвея Корвина в битве при Баи, что сделало Молдову полностью независимой. Он также выиграл ряд стратегически важных сражений против османских армий, предотвратив захват турками Молдовы — в частности, разбив у города Васлуй огромную армию Сулейман Паши (1467–1547), превосходившую в несколько раз молдавское войско, что вызвало восхищение у всего христианского мира, в том числе и у Римского Папы. Но при этом он, в конце

¹ Дугин А.Г. Ноомахия: война ума. Восточная Европа. Славянский Логос: балканская Навь и сарматский стиль. М.: Академический проект, 2018. 668 с.

² Guénon R. Le Roi du Monde. P.: Éditions traditionnelles, 1950. 95 p.

³ Lovinescu V. Monarhul ascuns: permanentă și ocultare. Institutul European, 1992. P. 76–172.

концов, был вынужден признать вассальную зависимость от турок, которая была на практике, довольно относительной и формальной.

В конце своего правления Штефан III столкнулся с попытками польско-литовского государства укрепить свое влияние в Молдове, как это было при ранних Мушатах. В 1497 г. молдавская армия нанесла поражение польским войскам в битве у Козминского леса.

Штефан III ввел ряд важных политических уложений, которые укрепляли централизованный характер государства, давали определенные права и свободы крестьянам (право служить в армии), ограничивали полномочия вотчинников. При Штефане III были построены многочисленные крепости и порт Четатя Альбэ.

Штефан III Великий активно способствовал укреплению в Молдавии православия, строил церкви и монастыри. На время правления Штефана III приходится падение Византии, что остро ставит проблему передачи византийской миссии катехона. Наряду с Валахией Влада III Дракулы, Молдавия становится еще одним претендентом на преемственность этой миссии. В этом контексте и следует рассматривать личность и политику Штефана III Великого, называемого также Штефаном Святым. После взятия Византии турками, странами, сохранившими одновременно и православие, и независимость, были Валахия, Молдова и Московская Русь, освобождавшаяся от распадающейся Золотой Орды. Еще одно государство — православная Грузия, также имевшая основания для провозглашения катехонической функции, в период царствования Григория VIII (1417–1476) переживала внутренний кризис и начало необратимого распада. Хотя ярче всего передачу катехонического наследия озвучила Москва (учение Москва — Третий Рим), и в Валахии Влада III Дракулы, и в Молдавии Штефана III Великого вполне можно увидеть отголоски византийского наследия. Это становилось особенно отчетливо в моменты военных побед Штефана III Великого, каждая из которых воспринималась в сознании православных молдаван как доказательство исторической и эсхатологической миссии молдавской державы. Поэтому, как и в случае валашского Тырговиште, мы можем с определенной долей условности говорить о теории «Сучава — Третий Рим», так как наличие сильного православного княжества, способного отстоять свою независимость от турок, утвердить суверенитет, а также сохранить в неприкосновенности православную веру (перед лицом католиков — как венгров, так и поляков) ставило Молдову в уникальное положение наследника имперской функции в ее православном истолковании.

После Штефана чель Маре

В целом в XVI в. влияние турок усиливается, хотя Молдова, как и соседняя Валахия, в отличие от южно-славянских народов (болгар и сербов) так до конца и не были подчинена Османской Империи, отстояв значительную долю независимости в вопросах внутренней политики. Молдаване также полностью сохранили православную идентичность, монашескую традицию и церковно-славянскую литургию.

После смерти Штефана III господарем Молдавии становится его сын Богдан III (1479–1517), который в целом продолжил политику отца. Он унаследовал напряженные отношения с Польшей, что привело к ряду воен-

ных столкновений, а также зависимость от Османской Империи, которая, однако, ограничивалась регулярной выплатой дани. Продолжались конфликты и с Валахией, правители которой не оставляли надежд подчинить Молдову себе, поддерживая выгодных для себя претендентов на молдавский престол.

Приблизительно в этом ключе правил и сын Богдана III — Штефан IV Молодой (Штефэницэ) (1506—1527), жестокий правитель, во время царствования которого между Молдовой и Валахией произошло несколько военных столкновений. После этого на трон Молдавии дважды восходил незаконнорожденный сын Штефана III Петр Рареш (ок. 1487—1546). При нем османские армии Сулеймана Великолепного (1494—1566) вторглись в Молдову, захватили столицу Сучаву и значительно усилили свою власть над ее территориями. Вначале турки поставили над Молдавией своего ставленника, но Петру Рарешу удалось вернуть себе трон и несколько смягчить давление Порты.

Петр Рареш был вынужден отправить в Стамбул заложником своего сына Илиаша Рареша (1531—1562), который стал следующим правителем Молдовы. Воспитанный в мусульманской среде, Илиаш был послушным инструментом в руках османов и в конце жизни принял ислам, отказавшись от власти в Молдове в пользу своего брата Штефана IV Рареша (?—1552). После того как Штефан IV Рареш был убит в результате заговора бояр, недовольных его политикой, к власти в Молдове пришел представитель боярского рода — Александр III Лэпушняну (?—1568). Его власть была не твердой, и после свержения, он смог вернуть себе трон лишь с помощью османов, к которым он оставался полностью лоялен. При Александре III Лэпушняну в 1564 г. столица Молдовы переносится из Сучавы в Яссы. Отныне молдавские господа венчались на царство в Яссах, в церкви Святого Николая.

Вместе с тем в этот период снова возрастает влияние Польши, что особенно ярко проявляется во время правления сына Александра III Лэпушняну Богдана IV (1555—1574).

Однако молдаване, равно как и валахи, и трансильванцы, не оставляли попыток восстать против турок. Так, во время правления Арона Тирана (?—1597), незаконнорожденного сына Александра III Лэпушняну, Молдова вступила в антиосманский союз с Валахией, что привело в 1594 году к восстанию в Яссах, новой столице Молдавии, и в Бухаресте. При этом сам Арон Тиран пришел к власти с помощью огромной суммы, выплаченной османам, и при поддержке английского посла. Несмотря на участие в антиосманской коалиции, трансильванцы и венгры не доверяли Арону Тирану, подозревая в тайных сношениях с Портой, и, в конце концов, свергли его.

Правитель Валахии Михай Храбрый из династии Басарабов, как мы видели, на короткое время объединил под своей короной все три румынских княжества — Трансильванию, Валахию и Молдавию. В это время Молдавией правил польский ставленник Иеремей Могила (1555—1606), мешавший антитурецкой политике Михая. Михай сверг его с престола, но оставленные им в Молдавии гарнизоны не смогли сопротивляться вторжению поляков, которые снова восстановили власть Иеремея Могилы.

В начале XVII в. трон Молдовы дважды занимал правитель Валахии Раду Михня (1586—1626), который начал вводить в Молдове некоторые

элементы греческого общества. При внуке Александра III Лэпушняну Александре Ильяше (1635—1675), последнем представителе мужской линии Мушатов, влияние греков в Молдове еще более усиливается. Этот правитель начал жесткие репрессии против влиятельных молдавских аристократов, что привело к его свержению. В результате господарем Молдавии стал аромун из Албании Василе Лупу (1595—1661), который ввел грекофильский стиль и византийские элементы в молдавское общество. В частности, он поощрял развитие православных церквей и учебных заведений. Он жертвовал большие суммы Константинопольскому, Иерусалимскому и Александрийскому патриархатам, а также Святой горе. При нем в 1642 г. в Яссах состоялся Православный собор, принявший документ, составленный Киевским митрополитом Петром Могилей (1596—1647), потомком молдавского господара Иеремии Могилы, добившегося у польского короля права православной церкви оставаться отдельной конфессией, отличной от униатов. Тогда же в Молдове было начато книгопечатание и изданы первые молдавские книги — исторические хроники и православные литургические, и вероучительные тексты.

Василе Лупу заключил союз с Гетманщиной и строил свою политику на дружбе с казаками, включая замужество своей дочери за сына Богдана Хмельницкого.

В отношении Валахии политика Молдовы при Василе Лупу была достаточно агрессивной — при поддержке правителя Трансильвании Дьердя I Ракоци Василе Лупу пытался свергнуть с престола валашского правителя Матея Басараба, что, однако, ему совершить не удалось. В конце концов, сам Василе Лупу был свергнут боярами, а попытки вернуть трон с опорой на казаков и османские власти ни к чему не привели.

В эпоху правления Лупу создавал свои философские и исторические произведения выдающийся молдавский историк и летописец Мирон Костин (1633—691). Костин был сторонником борьбы с Османской Империей, но в качестве главного союзника в этом видел католическую Польшу. Позднее его дело продолжил его сын Николай Костин (ок. 1660—1712).

Миссия Кантемиров: у истоков русской философии

В конце XVII в. господарем Молдовы становится Константин Кантемир (1612—1693), имевший, возможно, тюркские корни, уходящие к аристократическому роду Крымского ханства (Кантемир — «Хан Темир»). Кантемир традиционно для господарей Молдовы посылает своего сына заложником в Стамбул, а сам проводит двойственную политику, играя на противоречиях между христианскими державами и турками, поддерживая то одну, то другую сторону, но оставаясь формально в вассальной зависимости от Порты.

Крупнейшей фигурой молдавской истории является сын Константина Кантемира — Димитрий Кантемир¹ (1673—1723). Будучи заложником в Стамбуле, Димитрий Кантемир получил блестящее философское образование в греческой среде фанариотов. Ему принадлежали первые философские труды, написанные молдаванами — «Метафизика»², «Иероглифическая

¹ *Бабий А.И.* Димитрий Кантемир. М.: Мысль, 1983. 173 с.

² *Cantemir D.* Metafizica. București: Editura Ancora, 1928. 348 p.

история»¹, «Диван»², «О сознании», а также систематизированные реконструкции молдавского историала³. Отдельные труды⁴ он посвятил идеям голландского алхимика Ван Гельмонта⁵ (1580–1644). Перевод трудов Ван Гельмонта и комментарии Кантемира к ним считаются первыми философскими текстами в румынской истории⁶. Димитрий Кантемир был восхищен космологией Ван Гельмонта, основанной на герметической теории «газа» (голландское произношение греческого термина «хаос»). Согласно этой теории, между духовным (нетварным) миром и физическим космосом, состоящим из плотских стихий, существует особое *промежуточное измерение*, являющееся одновременно и нетварным, и тварным. Тем самым отношения между вещами и явлениями мира и божественным Умом основываются на постоянно присутствующем опосредующем элементе, выступающим как «начало» («архей» у учителя Ван Гельмонта Парацельса), где духовная причина *переходит* в телесное следствие⁷. Эта теория наличия среди тварного мира особого нетварного измерения (хаоса-газа Ван Гельмонта) созвучна православной исихастской традиции о нетварном Фаворском Свете. Показательно, что позднее русская религиозная философия поставит в центре внимания именно эту проблематику, предопределяющую всю структуру русской *софиологии*. Тем самым молдаванин Димитрий Кантемир может рассматриваться как один из первых русских философов, предвосхитивший центральную линию становления русского Логоса. Если учесть, что русско-украинский мыслитель Григорий Сковорода (1722–1794), считающийся первым русским философом, был младшим современником Кантемира, это обстоятельство приобретает особое значение.

Вместе с тем Димитрий Кантемир одним из первых христианских авторов предложил обобщающую реконструкцию истории Османской Империи и описание исламской религии, с которой он близко познакомился в Стамбуле. Его труд об исламе⁸ содержит важные сведения о суфизме и исламской эсхатологии, которые стали известны в Западной Европе лишь спустя столетие.

В политике Димитрий Кантемир сделал ставку на Россию и на личную верность Петру Первому (1672–1725), подписав в 1711 г. договор о совместной борьбе против Османской Империи, присягнув на верность России. Это предопределило русско-турецкий конфликт, который завершился битвой на

¹ *Cantemir D. Istoria Ieroglifică. București: Gramar, 2008.*

² *Cantemir D. Divanul: integrala manuscriselor. Craiova: Editura Revers, 2013. Vol. XXXIX–XL.*

³ *Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1973. 222 с.*

⁴ *Cantemir D. Ioannis Baptistae Van Helmont Phisices universalis doctrina et christianaе fidei congrua et necessaria philosophia. Craiova: Editura Revers. 2013. Vol. X–XI.*

⁵ *Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Германский Логос. Человек Апофатический. М.: Академический проект, 2015. 639 с.*

⁶ *Bădărău D. Filozofia lui Dimitrie Cantemir. București: Editura Academiei Republicii Populare Romvne, 1964.*

⁷ *Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Германский Логос. Человек Апофатический. М.: Академический проект, 2015. 639 с.*

⁸ *Cantemir D. Sistemul sau intocmirea religiei muhammedane. București: Editura Minerva, 1977. Русский перевод: Кантемир Д.К. Книга система или Состояние мухаммеданския религии. СПб.: Типография царствующаго Санктъ-Питербурха, 1722. 379 с.*

Пруте, которую русские проиграли. Сам Димитрий Кантемир был вынужден бежать в Россию, где он занял высокое положение при дворе, получил титул князя и члена правительства и до конца жизни пользовался большим влиянием и известностью.

В личности Димитрия Кантемира сочетаются первый молдавский философ, активный политический деятель и основатель пророссийской линии молдавской геополитики. Ряд характерных черт в личности Димитрия Кантемира позволяют сопоставить его с Петром II Негошем (1813–1851) — правителем Черногории, также бывшим одновременно метафизиком, борцом за православие и русофилом¹. Его сын Антиох Кантемир² (1708–1744) стал известен как крупный русско-молдавский поэт и дипломат, также бывший в течение двух лет (1705–1707) господарем Молдовы. Антиох Кантемир основал в 1707 г. в Яссах первую молдавскую Академию. Именно Антиох Кантемир ввел в русский язык ряд фундаментальных философских терминов классической традиции — идея, начало, понятие, вещество, естество, средоточие, вихрь и т.д.³. И снова — на сей раз в лице сына Димитрия Кантемира — мы видим, насколько велик вклад молдаван в становление русской философии.

Антиох Кантемир был убежденным сторонником самодержавия и противником дворянских вольностей. Именно он озвучил челобитную русских дворян царице Анне Иоанновне (1693–1740), в которой содержалось опровержение ранних требований («кондиций») Тайного Совета, закреплявших олигархический характер правления.

Важную роль в этот период молдавского историала играет молдавский летописец и военный деятель Ион Некульче (1672–1745), продолживший дело Мирона и Николая Костинов. Некульче был сподвижником Димитрия Кантемира и сторонником сближения с Россией. При этом Никульче, как и Кантемиры, разрабатывал последовательную структуру молдавской идентичности, основанную на православии и борьбе за независимость и суверенитет. Именно в таком ключе и были составлены Никульче хроники молдавских господарей⁴, воспевающие героизм тех, кто сражался за молдавскую идентичность, и порицающие тех, кто отказывался от нее по прагматическим соображениям. Призыв к союзу с Россией был не просто тактическим ходом, но мыслился как залог исполнения Молдовой своей исторической миссии, понимаемой как сочетание функции катехона с сохранением молдавской народной традиции и культуры. В консервативной России Никульче и Кантемиры видели как раз близкую во всех отношениях державу — также наделенную ка-

---

¹ Дугин А.Г. Ноомахия: война ума. Восточная Европа. Славянский Логос: балканская Навь и сарматский стиль. М.: Академический проект, 2018. 668 с.

² Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб.: И.И. Глазунов, 1867–1868. Т. 1–2. 462 с.

³ Большинство этих терминов Антиох Кантемир ввел при переводе на русский язык книги французского астронома Бернара де Фонтенелля (1657–1757) «Разговоры о множественности миров» — *Fontenelle B. de. Entretiens sur la pluralité des mondes*. Tour-d'Aigues: Aube, 2005.

⁴ Neculcae I. Letopisețul Țării Moldovei. București: Minerva, 1986; Idem. O samă de cuvinte. Letopisețul Țării Moldovei de la Dabija Vodă pvnă la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat. București: 100+1 Gramar, 1996; Idem. Cronica copiată de Ioasaf Luca. Chișinău: Știința, 1993.

техонической миссией и также отстаивающую свою идентичность перед лицом католического, протестантского и модернистского Запада, с одной стороны, и исламской Порты — с другой.

Фанариоты и модернизация

На молдавском троне Димитрия Кантемира сменил Николай Маврокардат (1670—1730), принадлежащий к знатному и влиятельному фанариотскому роду. Он находился в отдаленном родстве и с молдавской династией. При Маврокардате начинается период правления в Молдавии фанариотов. Вместе с ним из Стамбула в Яссы переехали многие греческие аристократы, что способствовало еще большему усилению в Молдове греческого влияния. Маврокардат восхищался авторами европейского Просвещения, что способствовало распространению в молдавском обществе западноевропейских научных представлений. Поэтому в данном случае наряду с чисто греческими в Молдавию приходят и влияния Нового времени.

Греком был и другой господарь Молдовы — Григоре II Гика (1690—1752), занимавший молдавский трон четыре раза с перерывами. Он проводил традиционную политику балансирования между Портой и христианскими странами, но, в отличие от Димитрия Кантемира, однозначно на сторону России не становился. Он также отразил Габсбургские войска, вторгшиеся на территорию Молдовы.

Тем не менее, влияние России на Молдову постепенно все более возрастает. Так, в 1774 г. согласно положениям Кючук-Кайнарджийского мира, Молдавия оказывается под протекторатом Российской Империи. Позднее, в ходе Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Россия захватила территории восточной части Молдавского княжества между Днестром и Прутом. Эта область, называвшаяся Бессарабией, была напрямую присоединена к Российской Империи, а тюркское и, шире, исламское, население частично бежало на территорию Порты, а частично было выселено в Крым. Главным городом Бессарабии становится Кишинев. Бессарабия оставалась в составе Российской Империи до ее развала в 1917 году.

В XIX в. в Молдову, как и в Валахию, начинают проникать революционные республиканские идеи и настроения. Расширяется сеть масонских лож и демократических движений.

В 1821 г. восстание под началом Тудора Владимиреску захватывает территорию Молдовы, так же, как и Валахии. После смерти Владимиреску на некоторое время устанавливается власть «Этерии» Александра Ипсиланти. За этим следует турецкая оккупация 1821—1822 годов. Однако и после этого демократические идеи и философские системы западноевропейского Модерна активно распространяются в Молдове. При этом молдавское общество было более традиционным и консервативным по сравнению с Валахией и Трансильванией; православие сохраняло свои древние формы, а народные традиции оставались неизменными. Во многом в этом сказывалось влияние консервативной, монархической и православной России.

Одним из ярких правителей Молдовы того периода был Ионицэ Санду Стурдза (1761—1842), выходец из среднего боярского рода, ставший господарем Молдовы после того, как прямая турецкая оккупация, завершилась. В его случае мы видим правителя новой эпохи, когда завершается эпоха

фанариотов. Его поддерживают представители радикальных кругов, находившихся под влиянием идей Французской революции, у которых национализм сочетается с либеральными идеями западноевропейского Просвещения. Ионицэ Стурдза делает попытки реформировать политику Молдовы в просвещенческом ключе, упраздняет монастырскую собственность, благосклонно относится к разработке Конституции, где были бы отражены республиканские (олигархические и демократические) принципы. Однако в полной мере Ионицэ Стурдза этот республиканский проект реализовать не смог.

Ионицэ Санда Стурдзе наследует Михаил Стурдза (1794–1884), правивший в период с 1834 по 1849 гг. и проводивший аналогичную политику.

Во время правления Григория Александра Гики (1804–1857) секуляризация Молдовы продолжается. Так, равные права предоставляются представителям других христианских конфессий — католикам и протестантам. Григорий Гика строил политику Молдовы на сближении с западноевропейскими державами — Австрией и Францией. В результате он был отстранен от власти, уехал в Париж, где и застрелился.

Последним правителем Молдовы как вассальной политики в структуре Османской Империи был Александру Иоан Куза. Куза был избран господарем Молдовы в ходе политических трансформаций молдавского общества, которые в целом повторяли процессы, развертывавшиеся в Валахии. Более того, оба государства, стоящие на пороге полной независимости от стремительно распадающейся Османской Империи, шли к окончательному объединению. В 1859 г. Александр Иоан Куза избирается также и господарем Валахии, что закрепляет единство двух государств. В структуре молдавского и валахского (шире румынского) историала, таким образом, происходит важнейшее событие: *через два тысячелетия восстанавливается единство Дакии под началом единого правителя — домнитора Молдавии и Валахии*. Это объединение — правда, с оговоркой, что речь идет о периоде правления конкретного государя Александра Иоанна Кузы — был вынужден в 1861 г. признать и турецкий султан.

Таким образом, на Александре Иоане Кузе заканчивается вся цепь господарей Молдовы, начатая воеводой Драгошем.

Следующим правителем уже объединенного государства становится Карол I Гогенцоллерн.

В 1918 г. Молдавия была провозглашена Республикой, и тогда же было принято решение о воссоединении с Румынией.

Молдова в XX и XXI веках

После распада традиционных Империй — Российской, Османской и Австро-Венгерской — после Первой мировой войны, Молдова оказалась разделенной на две части: западные области (в том числе и обе древние столицы — Сучава и Яссы) и Бессарабия вошли в состав Румынии, а области Приднестровья и левобережья Днестра были провозглашены Молдавской Автономной Советской Республикой в составе Украины.

В 1940 г. СССР ввели войска в Бессарабию (восточную часть Молдовы) и объединили захваченные территории с левобережьем Днестра, ранее относившимся к Украине, в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику. Кроме того, Москва обязала передать Украине территории Се-

верной Буковины. Столицей Молдавской ССР становится главный город Бессарабии — Кишинев.

Во время Второй мировой войны Румыния стала союзником Гитлера, а территории Молдовы были оккупированы немцами. В 1944 г. они были освобождены советскими войсками.

После окончания Второй мировой войны довоенные территории Молдавской ССР были возвращены СССР, а в Румынии установился дружественный СССР коммунистический режим.

Молдова оставалась в составе СССР вплоть до его распада. В 1991 г. Молдова принимает решение о полной независимости, а ее первым президентом в новом качестве становится Мирча Снегур — политик умеренно либеральной ориентации. В этот же период разгорелся конфликт между официальным правительством Кишинева и территорией Приднестровья. Власти Приднестровья объявили в ходе вооруженного конфликта о создании независимого государства — Приднестровской Молдавской Социалистической Республики, первым президентом которой становится Игорь Смирнов. Население Приднестровья является смешанным, кроме молдаван, значительный процент составляют русские и украинцы. Причиной конфликта стала националистическая и прорумынская политика Кишинева, тогда как население Приднестровья придерживалось пророссийской ориентации. Политически Приднестровье настаивает на том, что является наследником Молдавской Автономной Советской Республики, существовавшей до присоединения Бессарабии к СССР в 1940 году. Приднестровье поддержала Россия, что создало политическую проблему — современное руководство Молдовы не контролирует территорию Приднестровья, а само Приднестровье остается непризнанным — несмотря на неоднократные референдумы, на которых население единодушно высказывалось за присоединение к России.

В ходе вооруженного конфликта между Молдовой и Приднестровьем установился паритет; статус-кво сохраняется вплоть до настоящего времени.

Мирчу Снегура на посту Президента Молдовы сменил в 1997 г. либерал Петр Лучинский, сторонник сближения Молдовы с Западной Европой и дальнейшего удаления от России. Его правление привело к падению жизни населения, и в 2001 г. его сменил лидер молдавских коммунистов Владимир Воронин, провозглашавший, напротив, необходимость сближения Кишинева с Москвой. Однако и правление Воронина не изменило в целом ситуацию в Молдове, где общество разделилось на две относительно равные половины: пророссийскую и прозападную (прорумынскую). Хотя Воронин номинально представлял именно пророссийскую партию, серьезных успехов в отношениях с Россией также не было достигнуто. Это привело к политическому кризису 2009–2010 гг., в ходе которого сменилось несколько исполняющих обязанности Президента Молдовы, пока этот пост не занял в 2012 г. Николай Тимофти с неопределенными политическими и геополитическими взглядами.

Далее Молдова фактически погрузилась в кризисный режим. При президентстве Игоря Додона (2016–2020) он несколько раз отстранялся от должности по решению Конституционного суда Республики Молдова, полномочия передавались Председателю Парламента Республики Молдова Андриану Канду. А с приходом Майи Санду на пост Президента Молдовы в декабре 2020 г. был заявлен курс на евроатлантическую интеграцию.

Страна перестала участвовать в работе СНГ и начала активнее сближаться с Бухарестом и Брюсселем. Новые выборы, которые пройдут вместе с референдумом по теме ЕС, состоялись 20 октября 2024 года. Наиболее адекватным кандидатом на пост главы республики являлся Илан Шор, который инициировал предвыборный блок «Победа», отвечающий интересам России и ЕАЭС. Админресурс Санду при помощи Запада пытается всячески дискредитировать блок «Победа». Результаты выборов и референдума показали, чью сторону занимает народ Молдовы и какое начало победило в этом противостоянии.

Во втором туре выборов, состоявшихся 3 ноября 2024 г., во второй раз победила Майя Санду, действующий президент Молдовы.

ВЫШЛА КНИГА

Бабич М.

Сербский вопрос на переломе эпох. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2023.

Издание книги стало возможным в рамках совместного проекта Российско-Балканского центра делового сотрудничества и Центра международного сотрудничества «Российско-Балканский Диалог», возглавляемого членом Национальной палаты при губернаторе Воронежской области Евгением Осенковым.

На русском языке книга прежде не выходила. В ней собраны интервью и публикации о современном состоянии балканского общества. Книга задумана как ответ на вопросы о сербском народе и российско-балканских взаимоотношениях. На страницах издания делятся своими размышлениями кинорежиссер Эмир Кустурица, доктор юридических наук Зоран Чворович, антрополог Олег Солдат, аналитик Ненад Кецманович, философ Часлав Копривица, историк Мило Ломпар, профессор Ранко Попович и другие.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КУГАЙ

ПРОЕКТ «УКРАИНА»: ФИЛОСОФИЯ ЗАВОДНОЙ ИГРУШКИ

Александр Иванович Кугай — родился в Запорожье, окончил Военно-политическую академию им. Ленина, аспирантуру Института философии РАН, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, член Всемирного Русского Народного Собора. Полковник. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Авторам проекта Украина пора догадаться, что они оказались рабами сконструированной ими, набравшей крейсерскую скорость укра-руссофобской заводной игрушки, превратившейся в неуправляемую адскую машину, готовую в порыве безумной ненависти к России отправить в преисподнюю и тех, кто ее породил.

В истории человеческой мысли особое место занимает философия Платона. Отец отцов мировой философии описал все возможные миры — субъективную, объективную (материальную и идеальную) и трансцендентную (как единство объективного и субъективного) реальности. Мы и сегодня живем в мире Платона, в мире, который осваивают наука, искусство и теология. Особый интерес для понимания современных геополитических процессов, связанных с межнациональными отношениями, представляют идеи Платона, позволяющие осмыслить игру в контексте нешуточной игрушечности мира и человека. «Я утверждаю, что в серьезных делах надо быть серьезным, а в не серьезных — не надо. Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением»¹. И дальше: «Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя! Что же это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать себе милость богов»².

¹ Платон. Законы VII. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990–1994. Т. 4. С. 255.

² Там же. С. 256.

Платон исходит из того, что человек беспочвенен и бездомен, поскольку кукольная коробка для куклы не дом; он — лишь игрушка, предельные основания его существования не в нем, но в другой, неосознаваемой им воле, он — игрушка богов, и в этом залог и праведность его существования.

Если под языческими богами иметь в виду политические институты, СМИ, систему образования, общественную науку, искусство, то можно заметить, что в представленной Платоном космологической игре высвечены элементы конструирования человеческого бытия. Отсюда: «Жить в обществе и быть независимым от общества нельзя» (Карл Маркс). «Моему Я — грош цена, поскольку меня сформировала власть» (Мишель Фуко).

Очевидно, социальная реальность, рассмотренная Платоном по модели заводной игрушки, — не только реликт прошлого, но может служить инструментом в понимании того, каким образом конструируются и разворачиваются масштабные межнациональные конфликты. В особенности, философия «заводной игрушки» продуктивна в объяснении прокси-войны — международного конфликта между странами, которые пытаются решить свои задачи при помощи военных действий на территории другой страны и с использованием ее ресурсов. Это война чужими руками. При этом одна сторона (а возможно, и обе) отрицает свое прямое участие в конфликте, называя это «программой иностранной помощи». Прокси-войны дешевле, а политические риски значительно ниже по сравнению с прямым военным столкновением. Выделяемые сегодня деньги киевскому режиму — знак гигантского отката самому себе. Забрасываемые в топку войны тысячи украинских жизней, сопровождаемые похищенными долларами с российских банковских счетов, тут же возвращаются на счета американских компаний, занятых производством вооружения.

Реализуемый сегодня против России украинский проект — по сути, воспроизводство гитлеровского замысла. Как в годы Великой Отечественной войны ставка сделана на укра-русофобский национализм.

Как устроена укра-русофобская заводная игрушка? На что горазд заводной механизм, заложенный в это изделие?

При конструировании проекта Украина социальные конструктивисты, следуя Платону, рассматривая человека как принципиально бездомное и беспочвенное существо, с которым возможны любые манипуляции, основные усилия направили на деперсонализацию национального самосознания, соотношенного с Русским миром¹.

Переформатирование национального самосознания

1. *Формирование историографии, основанной на забвении существования украинцев как неотъемлемой части единого русского народа. Основная цель — вытравить дружеские отношения с Россией, прежде всего русскоязычных жителей, проживающих на Юго-Востоке Украины. Исторические небылицы и преднамеренное искажение исторических фактов возводятся в ранг государственной политики и массово тиражируются во всех школьных и вузовских учебниках.*

---

¹ Обкатанные на Украине технологии США сегодня используют в Тайване, превращая его в антикитайскую заводную игрушку.

2. *Разрыв с советским прошлым.* 9 апреля 2015 г. Верховная рада приняла пакет законов о декоммунизации. Согласно документам, коммунистическая идеология приравнивалась к нацистской и объявлялась вне закона. За любую ее пропаганду были введены наказания вплоть до тюремного заключения. Вместе с тем нацистские коллаборационисты времен Второй мировой войны были наделены специальным статусом и льготами. После принятия закона в стране были переименованы 52 тыс. улиц, почти 1 тыс. населенных пунктов и 26 районов, названия которых были связаны с советским прошлым. Помимо этого, было демонтировано почти 2,5 тыс. памятников, из которых более 1,5 тыс. были монументами в честь В.И. Ленина («Ленинопад»). Снесены памятники полководцам Г.К. Жукову и Н.Ф. Ватутину, под руководством которых происходило освобождение Украины от фашистских захватчиков. Показательным стал снос во Львове Монумента боевой славы советских Вооруженных сил. Тем самым современные украинские нацисты пытаются взять реванш и отомстить погибшим красноармейцам за их Победу над фашизмом, включая сокрушительный разгром дивизии СС «Галичина» в битве за Броды.

3. *Дерусификация.* Для обоснования отделения от России и потребовалась идеология, в качестве которой было принято «украинство», основанное на отторжении не столько от коммунизма, сколько от России. Ее суть заключалась в выстраивании украинской идентичности на принципиальном отторжении всего русского, отрицании общей истории, русских корней и языка, что у Украины свой, отличный от России, путь развития. К настоящему моменту на Украине запрещено все русское: язык, культура, образование и СМИ. Особенных «успехов» киевский режим достиг на почве дерусификации образования. Преподавание на русском языке в украинских школах запрещено. Все российские и советские произведения исключены из образовательных программ, книги на русском изымаются из библиотек по всей стране. Киевский режим законодательно поддерживал нападения на храмы канонической УПЦ. По всей Украине прокатился снос памятников А.С. Пушкину, так называемый «Пушкинопад». Запущен процесс сноса памятников русским правителям и полководцам (Екатерина II, А.В. Суворов и т.д.).

И наконец, государство Украина создавалось Вашингтоном для одной цели — для войны с Россией. Для этого, начиная с 2014 года: командный состав ВСУ проходил переподготовку в США и др. странах НАТО; осуществлялась бесперебойная поставка вооружений на Украину; на территории Украины действовали натовские военные инструкторы; к февралю 2022 г. Киев готовил захват Донбасса силовым путем, сосредоточив 125-тысячную группировку. По замыслу военных ВСУ, крупные города должны были быть окружены, а потом там начинались поисково-ударные, специальные, режимные и фильтрационные мероприятия. Проще говоря — туда должны были зайти каратели из «Азова», «Кракена» и им подобные нелюди. Мирных жителей просто уничтожали бы за то, что они жили на своей земле. Ну а для Крыма готовился давно известный сценарий: «Крым будет украинским, либо безлюдным». Всех жителей полуострова, голосовавших за воссоединение с Россией, записали в предатели.

На каких условиях американцы разрешили киевским властям применять оружие по нашей территории? В настоящее время западные военные

фактически в ручном режиме руководят процессом использования украинским режимом современных высокотехнологичных средств поражения, высокоточных и дальнего радиуса действия, будь то британский Storm Shadow или американский ATACMS, либо французские ракеты. Украинские военнослужащие на местах технологически не в состоянии управлять этими ракетами, а полетное задание и его загрузка в систему осуществляется теми, кто поставляет эти вооружения. Поэтому в Украинском конфликте мы не на пороге эскалации с США и его сателлитами, а уже внутри нее.

Пространства русофобии и ненависти

Сконструированное «изделие», естественно, начало движение по собственной траектории, демонстрируя невиданные проявления русофобии и ненависти.

«Памятник акуле». В ситуации отсутствия видимых военных или экономических успехов одной из главных «пэрэмог» для киевских неонацистов стала гибель в Египте российского туриста: 23-летнего парня родом из Архангельска растерзала акула. Трагедия породила в украинском сегменте Интернета огромную волну издевательских мемов. Сеть была забита коллажами с «поздравлениями» морскому хищнику от местных чиновников и силовиков, а также другим подобным информационным мусором. Пиком глумления стало появление на официальном сайте Киевской городской администрации петиции, собравшей несколько тысяч голосов, с призывом установить фонтан-памятник акуле, которую назвали «борцом с русскими», на одной из площадей или набережных города. При этом ведущие украинские СМИ горячо поддерживали издевательство над произошедшей в Египте трагедией и размещали людоедские коллажи.

«Там на деревьях сидят». Украинская телеведущая и видеоблогер Екатерина Соляр, комментируя наводнение, начавшееся в Херсонской области после разрушения Каховской ГЭС в следствии террористической атаки ВСУ, заявила о местных жителях следующее: «Там на деревьях сидят, им там как-то очень некомфортно, и они не спаслись, и еще там что-то, ну и, соответственно, я очень надеюсь, что с тех деревьев они не послезаюют. Когда говорят, что эти гадюки, змеи, скорпионы спасаются от этого самого затопления, то я очень надеюсь, что никто из тех, кто на деревьях прятался, точно не выживет в этой истории».

Львовские карандаши. Во Львове производят «особые» мелковые карандаши — с комментариями под каждый цвет. Красный, например, по мнению производителей, — это кровь, в которой они собираются утопить Крым. Оранжевый — это огонь, в котором они хотят сжечь Москву. Серый — кости русских, которыми они намерены «кормить псов». Фиолетовый — «кишки русских». И так далее. Реклама сопровождается «картинками», соответствующими содержанию надписей на карандашах. Самое жуткое заключается в том, что этот «перл» украинской канцелярской промышленности собирает тысячи лайков в соцсетях. А также это продукция, предназначенная для маленьких детей, из которых с детского сада пытаются вырастить русофобских монстров-каннибалов.

«С максимальным убийством». Советник офиса президента Украины Михаил Подоляк выдал очередной спич об основных планах киевского ре-

жима: «Существует один план: максимально жесткое продвижение вперед с максимальным убийством россиян на этом маршруте».

И наконец, когда «Я» полностью идентифицируется с ненавидимым объектом, самоуничтожение — единственный путь устранения объекта. Этим и занимается киевская власть, ведя войну против России до последнего украинца, обеспечивая прибыль военно-промышленному комплексу США. В такой перспективе, логическим концом станет убийство Отца, и маниакальное стремление Киева столкнуть НАТО с Россией — к этому ведет.

Отсюда, авторам проекта Украина следовало бы:

1) догадаться, что они оказались рабами сконструированной ими, набравшей крейсерскую скорость, укра-русофобской заводной игрушки, превратившейся в неуправляемую адскую машину, готовую в порыве безумной ненависти к России отправить в преисподнюю и тех, кто ее породил;

2) с целью самосохранения согласиться с предложениями России и Китая по мирному урегулированию Украинского конфликта, начав с прекращения поставок вооружения в эту страну¹.

---

¹ В Пекине задаются вопросом, почему Вашингтон может годами поставлять вооружение Тайваню, но требует от китайских властей воздержаться от военных поставок Москве.

ВЫШЛА КНИГА

Головлев М.

СВО. Клаузевиц и пустота. — 2-е изд., доп. — М.: Книжный мир, 2024.

Этот труд можно было бы назвать шокирующе правдивым и привести, например, такую историю. Начало 2015 г., времена Дебальцевской операции. Один из военных советников, оказавшихся в Донбассе вместе с «северным ветром», послал луганских бойцов взять опорный пункт ВСУ. Заверил, что украинцев там нет — отступили, можно идти смело. Луганчане, ничего не подозревая, двинулись колонной. В реальности оказалось, что враг позиции не оставлял, и колонна была разбита. Автор размышляет, анализирует, приводит факты, разбирается, почему, как многие ожидали, наша армия не вошла победоносно в Киев в феврале-марте 2022 года. Почему ушла из-под Киева, Чернигова, Сум, а осенью 2022 г. оставила Херсон? Что случилось с «перегруппировкой» в Харьковской области?

Во втором, обновленном издании 2024 года каждому важному событию 2014–2023 гг. посвящена отдельная глава: «Опыт Донбасса», «Харьков-2», «Изюм», «Красный Лиман», «Угледар», «Бахмут»...

ПРОЗА

Алексей КУРЕНЕВ

ХВОСТИК

Рассказ

Алексей Михайлович Куренев — родился в Самаре. Окончил Высшее военное училище и Государственную академию путей сообщения по техническим специальностям. Участник боевых действий РФ. В настоящее время руководит коллективом разработчиков программного обеспечения. Выпускник Литературных курсов ЧГИК (2018). Принимал участие в работе IX Межрегионального совещания молодых писателей (Челябинск, 2018). **Живет в Челябинске.**

Окопная траншея напоминала змею, которая раскинулась после сытного обеда в травянистых полях под июльским солнцем; проглоченными шишаками на ее теле набухли вставки ячеек для стрельбы. Сходство со змеей усиливалось пятнистыми масксетями, которые то тут, то там, перетягивали ее тело словно чешуя, маскируя пулеметные гнезда и блиндажи. Змея тянулась туда, где земля и небо сходились в тонкую, рассекающую их линию, время от времени окрашивающуюся кровью то заката, то рассвета.

Батальон распластал свои роты, словно руки, вдоль лесополосы, обрамляющей поля, идущие неравными, но ровными прямоугольниками. Ополченцы, народ лихой и довольно разношерстный, как умели, обживали занятые позиции. С недавних пор к ним на передок зачастили начальники всех мастей с проверками, отчего по траншеям пошел слух, что ВСУшники скоро пойдут в наступление и надо будет стоять до последнего. Тут же появились «заболевшие», кто острым шлангитом, кто воспалением хитрости — таких без лишних разговоров и под презрительные взгляды сослуживцев отправляли в тыл — кому нужен напарник, который отпразднует труса в решающий момент?

Подготовка обороны высасывала из бойцов все силы. Самое тяжелое занятие на свете — ждать, а на войне ждать еще тяжелее. Каждый день до непроглядной темноты батальон вгрызался в суглинок с песком, а по ночам замирал часовыми и дозорными, разбросанными в секретах, до первой линии окопов, вслушивался, вглядывался глазами и тепловизорами в непаханные, поросшие быльем поля.

Мария прибилась к ополченцам не сразу. Батальон тогда стоял под

Петропавловкой и сдерживал натиски свидомых. Уехать до войны она не могла. Лежачую бабу, которая ее воспитала-вырастила, ведь не бросишь. Вот и осталась.

Сначала помогала продуктами: то картошку отварит-принесет, то курицу пожертвует на суп — на одном сухпае много не навоюешь. А как очередной прилет превратил ее хату в бабкину могилу, так и пришла насовсем, в батальон. Ладная, бойкая, небольшого росточка, двадцатилетняя девчушка с белокурой косой бойцам сразу пришлась по нраву: и обед сготовит вовремя, и перевязки раненым сделает. Так и повелось с тех пор в батальоне, что за кашевара с фельдшером — Машка. Со временем она освоилась, и ее белая коса примелькалась в каждом подразделении. Бывало, целый день за комбатом ходила и ходила, зудела и зудела, ему, медведеподобному мужику: мол, продукты привезти надо, обезболивающие на исходе, бинты не прислали. Комбат только отмахивался: «Не до тебя мне сейчас!» Но девчонка не сдавалась, все свое гнула, не отставала, и так его допекала, что он не выдерживал — бросал все дела, звонил в штаб, выбивал необходимое, давал сопровождающего и машину с водителем, и фельдшер-повар с белой косой стремглав привозила запасы провизии и медикаменты. И так эти ее нудения комично смотрелись со стороны, что как завидят комбата с Машкой, смеясь, говорили: «Опять Маша Медведя уму-разуму учит». Справедливости ради надо сказать, что Мария меру знала и чаще чем два раза в месяц комбата не допекала и по пустякам не дергала. Девушка полюбилась бойцам, и за глаза ее так и прозвали Хвостик, а в глаза уважительно — Сестричка. В донецком ополчении подобались бойцы разных возрастов, и кому-то она напоминала дочь, кому-то сестру, кому-то девушку, оставленных в той, другой жизни, той, какая была до войны. И каждый пытался как мог побаловать Хвостика, кто добрым словом, кто шоколадкой, кто яблоками. Кто-то даже писал ей стихи, но последним Хвостик сразу давала понять, что разовые кавалеры ей ни к чему, а серьезные отношения возможны только в мирное время.

Тишину недозревшего еще утра, когда горизонт только-только принялся розоватыми просветами, а узкий серп сырной луны, висевший в небе, задумался об уходе на дневной сон, разорвали разрывы артобстрела. Огненные цветки распустились в шахматном порядке перед позицией батальона, перепахали минные поля, проделывая в них проходы, затем стежками, как на огромной швейной машинке, взрывы стали сшивать рукотворную змею, перепахивая вырванные клочья земли в единое месиво с торчащими из него островками дерна, обрубками бревен и обрывками масксетей. Пройдясь по шву траншеи пару раз, арта так же внезапно затихла, оставляя рассеивающиеся белые клубы вперемешку с поднятой взвесью. Пахло жженой землей, каленым металлом, порохом и почему-то озоном.

Вместе с кроваво-красным масляным блином, едва выглянувшим, но уже рвущим ночную перину облаков, до окопов докатился мерный рокот ревущих на полных оборотах дизелей.

Аккурат в проделанные среди минных полей проходы тремя колоннами по четыре бронемшины двигалась техника с трезубцами на броне, а сзади них, слегка пригнувшись и ощерясь автоматами в сторону ополченцев, тянулись цепочки мотопехоты с желто-синими повязками.

— Не стрелять! Подпустить ближе! Ждем! — приказ прилетел по рациям и тут же по цепочке унесся дальше по траншее.

Пройдя больше половины расстояния до позиций батальона, первые бронемшины, в колоннах, как по команде замерли и задымили. Головная в центральной колонне начала пятиться, вынуждая следовавших за ней повторять свой маневр. Боковые секреты ополченцев с расчетами гранатометчиков сработали быстро и четко, уничтожили технику, пересекающую невидимую черту. Тут же по пехоте заработали пулеметы, отсекая их от укрытий в виде замерших чадящих стальных махин. Атака захлебнулась, и волна из железа и плоти, словно прибой, откатилась назад к зеленке лесополосы, откуда и начинала свой путь.

— Приготовиться к артобстрелу! В укрытия! — захрипели рации.

Желтый круг наполовину выглянул над горизонтом, избавился от сонной рассветной красноты и залил все вокруг своим светом поспевающей пшеницы.

Бойцы по траншеям отбегали в тыл и мигом ныряли в укрытия.

В одном из перекрытий оказалось трое.

— Такое дело надо бы обкурить, а то кто знает, когда еще доведется, — Кузен достал сигареты и поочередно протянул пачку каждому, — угощайтесь.

— А все-таки грамотно наш комбат придумал с обманкой на первой линии окопов — как знал, как знал, — Анархист тут же прикурил сигарету.

— Даром что ли позывной Улисс? Тот еще хитрец, — Бурлак судорожно мял сигарету пальцами от фильтра к кончику, отчего она истончалась и выплевывала излишний табак.

Закурили. Дым выдыхали на деревянные стенки, он волочился по ним и рассеивался, не успевая достигнуть своими сгустками бруствера, чтобы выдать курильщиков.

Заухали прилеты. Земля сотряслась, как от шагов великана. Бум — ударил прилет. Шваххх — осыпалась поднятая в небо земля. Бум. Швахххх Бум. Швахххх. Шаги великана уже напоминали замысловатый танец, было слышно, как беспорядочно сыпались прилеты на первой линии, той, что была нарядно украшена масксетями и была обманкой. Но вот что-то неуловимо изменилось, и великан зашагал вглубь обороны батальона. Бум. Швахххх. Бум. Швахххх. Бум. Швахххх. Шаги великаны, как удары огромной невидимой кувалды, били по земле, оставляя на ней неровные конусы с кривыми краями. Взрыв раздался совсем рядом. На настил перекрытия посыпались комья с ветками, служившими маскировкой. Зацокали, зазвенели, зашелестели осколки.

Все трое инстинктивно вжали головы в плечи и подтянули ноги, сгруппировавшись, будто готовясь к прыжку.

Великан прошел еще пару шагов дальше и затих.

— Во дупят, гады! Даже покурить как следует не дают. — Кузен затушил выпавший из руки бычок о подошву горных ботинок.

— Щас опять штурмить пойдут. Чую, тот еще денек предстоит! — Анархист цыкнул слюной сквозь зубы.

Бурлак поправил каску, исподлобья посмотрел на сослуживцев:

— Кажись стихло, айда по позициям.

Пригибаясь при передвижении по траншеям, бойцы батальона занимали позиции, покидая укрытия. От зеленки раздался рык дизелей, и сизые клу-

бы стали хорошо видны на фоне деревьев. На этот раз закованные в броню трезубченосцы, наученные горьким опытом предыдущей атаки, изменили тактику и пошли по флангам, вдоль посадок, обрамляющих поле. Время от времени с танков кашляли пулеметы, кося молодую поросль, словно столяр рубанком снимал фаску, делая ровной грань заросшей лесополосы.

Когда на тебя едет сорокапятитонная махина — любому становится не по себе. Металлические коробки громыхали гусеницами, норовя поймать в прицел любое движение в окопной змее. Пехота с желтоблукитными опознавательными знаками прижималась к машинам, рыская стволами по брустверам, силясь выцелить любую точку сопротивления. Колонны заскребли траками, начали разворачиваться в линию, образуя цепь. Танки миновали бруствер, и пехота ВСУ ссыпалась в траншею, разливаясь по ней камуфляжными ручьями.

В окопах начались подрывы оставленных добровольцами сюрпризов, а по пехотинцам, выскакивающим из траншеи, чтобы спастись, заговорили с расположенных в глубине обороны батальона пулеметы, перемежая свою рваную речь с режущим лаем автоматов. Танки маневрировали, чтобы долго не стоять на одном месте. Открыв беглый огонь из пушек, они старались подавить вскрытые очаги сопротивления. Цепь распалась на звенья, которые, лязгая, двинулись на вторую линию обороны батальона, прикрывая свою пехоту от кинжального огня. Железными утюгами проходили они по замаскированной окопной линии, круша все на своем пути. Один за другим умолкали пулеметы ополченцев. Все реже огрызались автоматы. Бой был неравным. Батальон нес потери.

— Комбата убило! — каркнули все рации чьим-то незнакомым голосом в суматохе боя.

Вольно или невольно каждый, кто был на ногах, оглянулся на место, где дымился развороченный снарядом КНП батальона¹.

— Ну что, братцы? Видно, пробил наш час, — Бурлак посмотрел на соседей.

— Эх, жаль, подорвать их нечем, — Кузен мотнул головой вбок, где почувствовавшие свою безнаказанность танки всюю орудовали гусеницами.

— Смотри-ка, Хвостик кого-то тащит, — Анархист указал в сторону развороченного командирского блиндажа, белая коса болталась среди травяного моря. Фигурка Машки изгибалась под тяжестью плащ-палатки, но не сдавалась, продолжая тащить. Рядом с фигуркой бахнуло, и коса на миг скрылась в белом дыме, но как только дым рассеялся, коса опять заходила из стороны в сторону, волоча свою ношу.

Белый метроном будто отсчитывал каждый шаг, дававшийся нелегко. Мерно считал он и тягучие минуты. Вдруг коса пропала из виду.

— Прикройте! — бросил Бурлак через плечо и выскочил из окопа. Пригибаясь, петляя как заяц, перебежками, залегая и опять бросая тело вперед, побежал до места, где в последний раз видели белый маятник.

Короткие очереди за спиной только придавали сил.

---

¹ КНП — командно-наблюдательный пункт — пункт, с которого командир батальона (роты) управляет подчиненным подразделением в бою. КНП размещается в месте, позволяющем вести наблюдение за противником, действиями своего подразделения и соседей.

В воронке, на плащ-палатке, пропитавшейся кровью, лежал комбат, державший рукой бордовую набухшую накладку из ваты и бинтов, которая закрывала чудовищную рану на животе. Рядом с ним причитала Машка, по ее лицу текли слезы:

— Потерпи родненький, потерпи. Немного осталось.

Бурлак скатился в воронку и сел рядом

— Сестренка! Ты как? — боец переводил взгляд то на комбата, то на Хвостика.

— Я нормально! — фельдшер в миг собралась, размазывая слезы. — Он в сознании. Промедол вколола. Рация! Рация нужна ему. Срочно!

Рядом опять бахнуло. Хвостик прикрыла комбата собой. Комья земли и осколки посыпались сверху. Девичьи руки безвольно обвисли.

Бурлак бросился к фельдшеру, сдвинул ее тело на себя — Хвостик не дышала, и только теперь он заметил кровь на своей руке, которой держал голову девушки. Боец бережно переложил девушку рядом с телом командира. В этот миг комбат застонал и прохрипел:

— Рацию!

— Улисс! Командир. Держи! — Бурлак протянул свою.

Комбат открыл глаза, двинул руку навстречу, но тут же скривился от боли:

— Канал три семерки, набери.

— Готово, командир, — Бурлак ввел номер канала на своем «Азарте»¹.

Комбат опять было поднял руку, но не смог оторвать ее от тела. Бурлак нажал тангенту и поднес станцию ко рту командира.

— Улисс Перископу! Код красный! Огонь на меня! — комбат закашлялся, кровь пошла ртом. — Повторяю! Прорыв! Код красный! Огонь на меня!

Земляная змея молчала, не огрызалась ядом пуль и ПТУРсами, не выбрасывала своих детей навстречу наступающим, как будто затаилась, выгадывая момент для решающего броска. Машины доскрежетали гусеницами до остатков окопов, когда-то бывших последними рубежами обороны батальона, когда раздалась хлопки и остроконечные букеты из земли и металла распустили свои цветы, окутанные белым дымом, словно бутонами. Цепь накрыло. Земля подпрыгивала и пружинила каждый удар. Букеты перемалывали, перемешивали, переиначивали сталь, плоть, пространство и время. Один из стальных монстров выбросил в небо огромный красный язык пламени — сдетонировал боекомплект. Башня, кувыркаясь, пронеслась через остатки окопной траншеи к развороченному командному блиндажу и замерла, как голова с вырванным жалом, а на ее боку, испещренному царапинами, был перечеркнут следом от крупного осколка трезубец.

---

¹ Р-187-П1 «Азарт» — российская цифровая носимая радиостанция шестого поколения, относится к классу программно-определяемых радиостанций (SDR).

ПОЭЗИЯ

Юрий БЕЛЯЕВ

**«РУСЬ ЗЕМНАЯ!
КАК ТЫ ХОРОША!»**

К 80-летию

21 декабря 2024 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного современного поэта, литературоведа, историка и художника Юрия Антоновича Беляева. Он является президентом Академии Российской словесности, на четырех съездах Союза писателей России избирался секретарем правления СПР. Лауреат Международной премии Мира, Международной премии «Человек года», Всероссийской литературной премии им. Н.М. Карамзина и Всероссийской литературной премии им. братьев Киреевских, премий Александра Фадеева и Константина Симонова, Большой золотой медали Международной ассоциации «Знание».

Юрий Беляев — автор шестнадцати художественных и научно-популярных книг, в том числе трех мифологических энциклопедий и шести поэтических сборников: «Дары кентавра», «Ребус бытия», «Метафизика любви», «Идеалы», «Метаморфозы», «Пересекающиеся параллели», а так же, романа-эссе о Денисе Давыдове «Гусар на крылатом коне», романа «Сны наяву» и историко-философских драм «Человек, остановивший солнце» и «Звездные часы Микеланджело».

Юрий Антонович выступает также как литературовед и искусствовед. Известен своими работами в документальном кино: автор сценариев полнометражных документально-публицистических фильмов «Художник Илья Глазунов», «России сердце не забудет» (о Михаиле Глинке), «Художник Александр Шиллов».

В своей поэзии Юрий Беляев придерживается романтической традиции поэтов Серебряного века, обращает особое внимание на метафоричность и внутреннюю экспрессию стиха. Выдающийся русский филолог, лауреат Государственной

премии Виталий Костомаров назвал его «оригинальным мыслителем и взъскательным мастером слова».

Как художник он — приверженец поэтики русского консервативного авангарда, сочетающего элементы фигуративности с новаторскими поисками и противостоящего кризисным явлениям в современном изобразительном искусстве.

Произведения Юрия Беляева переведены на шесть иностранных языков.

Он является действительным членом восьми российских и зарубежных общественных Академий, награжден рядом высоких церковных, династийных и общественных орденов. Он — кавалер ордена св. Михаила и Крыла первой степени (Португалия), Патриаршего ордена св. Игнатия Антиохийского, ордена Преподобного Сергея Радонежского второй степени, орденов св. Станислава второй и третьей степеней, ордена Святителя Макария «За духовное просвещение», ордена Международной федерации русскоязычных писателей «Культурное наследие». Живет в Москве.

*В.Д. Поволяев,
писатель, первый вице-президент Академии Российской словесности,
Лауреат Государственной премии РФ им. маршала Советского Союза
Г.К. Жукова, кавалер ордена «За заслуги в культуре и искусстве».*

ВРЕМЕНА

*...И вечный бой!
Покой нам только снится.*

А. Блок

Улетают иллюзии,
Словно аэростат.
Отчего так эпохи похожи,
И почему бессмертен Герострат?
Неужто он — художник тоже?
Служа идее роковой,
Как служит веер зною,
Смеясь над чудом и молвой,
Себя считал он парой Ною...
Что это?
Каннибалов вой
Или похожее на паранойю?
Какое счастье: над Невой
Еще не скинули Петра!
Какое счастье, что со мной
Беседует о Лауре Петрарка!
И хочется услышать снова
Флоренского и Гумилева!
Пусть будет вечный бой!
Покой нам только снится...
История! Не будь рабой
Или летящей в пропасть колесницей!

РУСЬ ЗЕМНАЯ

Русь земная!
Как ты хороша!
У берез красоту занимая,
Молодеет душа...

Русь без края!
Просторы да лес...
Нам земля иная
Приторна, как лещь.

Что за дивное чудо,
Русь, твои города!

Лишь от козней Иуды
К ним приходит беда.

Русь родная,
Чисты твои помыслы.
В лихолетье страдая,
Ты не просишь о помощи...

Русь земная!
Вся в лесах да степях.
О тебе все зная,
Разгадать невозможно тебя.

ПОЭТЫ 1812 ГОДА

Благослови на подвиг, Муза,
Идущих в ратном строе,
И поэтического мужа,
И юных, и седых героев!

Когда сердца волнует месть
Средь попрадного мира,

Подарок Музы — меч,
А не золотая лира.

И Муза меч нам принесла,
На дальний путь благословив.
Сияет русская весна
Вдали от отчих нив.

* * *

Любовь моя, мой ангел!
Взмахни скорей крылами.
Пусть Михаил Архангел
Навеки остается с нами!

Пусть святость будет
По Библии, а не по сану,
И в пляске смутных буден
Мы пропоем Ему осанну...

НАД БЕЗДНОЙ

*Над бездонным провалом в вечность.
Задыхаясь, летит рысак...*

А. Блок

Для любовных утех
Не найти вам партнера.
Нет достоинств у тех,
У кого жизнь — афера,
А другие совсем тихи
И застенчивы до безобразия.

Им бы только читать стихи
Или спорить о судьбах Евразии.
Для любовных утех
Будет вечности мало,
Но останутся в памяти тех
Рысаки над бездонным провалом.

* * *

О, Россия святая и сильная!
Ноша твоя непосильная,
Но кажется легким крест
Тому, кто с насиженных мест

За длинным не побежит рублем.
Остаться с родным кораблем
Капитана священное право.
Нет в мире растений краше,

Чем русские травы.
То прекрасно, что наше.

Что нам мудрость с Востока!
Служат миру духовной пищей
Достоевского дневники.
Нет в мире истоков
Чище,
Чем русские днёвники.

* * *

Жизнь сегодня — смех да слезы.
Можно быть простым,
А можно быть и сложным.
Главное — уметь простить.
За ошибки — юность,
Молодость — за смелость,
Зрелость — за размеренность,
А кого-то за умеренность
Или за потерянность,
И за то, что в идеал уверовал,
И за то, что был самоуверенным...

ВЫША КНИГА

Борисов О.

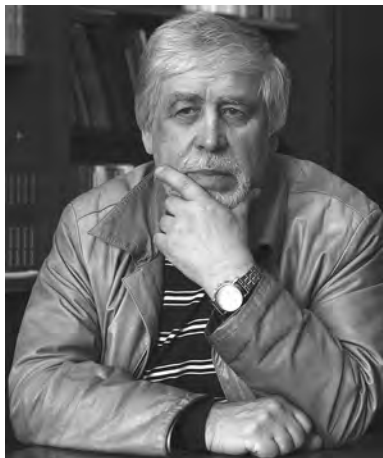
«Хук» и другие. Повесть переднего края. — Архангельск, 2024.

В новой книге русского северного писателя на основе реалий специальной военной операции рассказывается о том, как военнообязанные северяне сражаются с боевиками украинского режима, освобождая исконно русские земли Донбасса и Новороссии.

В повести почти нет широкомасштабных батальных сцен, внимание сосредоточено на том, что происходит в душах вчерашних сельских жителей, как они воюют, о чем размышляют в перерывах между боями. Это книга о людях на войне.

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ

«ОН НЕ ТВОРИЛ — ОН С БОГОМ ГОВОРИЛ...»

Памяти М.Ю. Лермонтова.

*Из поэтического цикла,
посвященного 210-летию поэта*

Владимир Петрович Скиф — родился в 1945 г. на ст. Куйтун Иркутской области. Служил в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 32 книг и собрания сочинений в 7 томах. Лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. Лауреат Большой литературной премии России (2018). Печатался в изданиях разных стран мира. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Секретарь Правления Союза писателей России. Советник губернатора Иркутской области по культуре. **Живет в Иркутске.**

ПОРУЧИК ЛЕРМОНТОВ

Который век поручик Лермонтов
грызет черешни и стреляет вверх.
Который век спешит Мартынов
к черному барьеру и стреляет
Лермонтову в сердце.
Который год не спит гора Машук:
на нее падает и падает
убитый Лермонтов.

ОДИНОЧЕСТВО

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...

М.Ю. Лермонтов

«Выхожу один я на дорогу...» —
Он сказал, наполнив чуткий слог
Безысходной болью и тревогой,
На земле и вправду — одинок.

Одинок всей сущностью поэта,
Острой, как скрепленные мечи...
Вновь о нем на подступах рассвета
Запевают Ангелы в ночи

Или демон, неподвластный Богу,
Что летит над бездной бытия...
«Выхожу один я на дорогу...» —
Опалило русские края.

Время — жизни яркие гасило,
Зло — свой новый затевало бег.
А его над Терекком носило,
И манил закатами Казбек.

Снились Бэла в подвенечном платье
И Тамань туманная, как сад.
Он стоял суровый, как распяты,
И себя отбрасывал назад

От тоски, от будущей дуэли,
От бесовских женщин и красот,
Суть свою, постыдную доселе,
Свергнув с демонических высот.

По пустыне направлялся к Богу,
По христовым тропам и камням...
«Выхожу один я на дорогу...» —
Он сказал и тишину обнял.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

В стихах он был — и вправду — равен Богу,
Он не творил — он с Богом говорил.
И, приближаясь к смертному порогу,
В бессмертие тропу свою торил...

Мертвел Мартынов, леденел от света
Его стихов и жажды — мир любить.
Он не затмил великого поэта,
И превосходства не сумел добыть

В стихах, в остротах непомерно-шалых,
И на балах — среди друзей-кутил —
Казался тем начищенным шандалом,
Который не горел и не светил.

Он, мстительный, напыщенный, в черкеске,
Стелил поэту смертную постель...
Под Машуком в ближайшем перелеске
Уж скоро грянет черная дуэль.

Нам не успеть к поэту на подмогу...
Он упадет в ночную тьму лицом.
Кремнистый путь дотянется до Бога,
Гора Машук подернется свинцом.

И будут сниться каждому отрогу,
Как дождь идет, как Лермонтов молчит...
И «Выхожу один я на дорогу»,
Как Божий гром, над Машуком звучит.

ПУЛЯ

*Чу — дальний выстрел! Прожужжала
Шальная пуля... славный звук...*

М.Ю. Лермонтов

Он музыку певучей пули
Ловил в ущельях и в степи.
Свинцовых пуль летучий улей
Звенел: «Судьбу не торопи!»

Он видел: вихрем стали кони
И расступались ковыли,
Когда за горами в погоне
Летели пули вдоль земли.

Казáки смерть в бою ласкали,
Стремясь кинжалы побороть.
Чеченцам — скалы потакали,
А русским — потакал Господь.

Ходили звезды на ходулях,
Раздвинув космоса края...
И пролетали мимо пули,
Как пчелы, из небытия.

И каждая — его любила...
«Шальная пуля... славный звук...»
Но та, которая убила
Его, появится не вдруг...

Она к Мартынову слетела,
Как вихорь черный на земле.
И в день дуэли леденела
В смертельно-мертвенном стволе.

А он играл цветком июля,
Черешни в небо запускал,

Его нашла немая пуля,
А он в ней музыку искал.

ГОРА МАШУК

Белеет парус одинокий...

М.Ю. Лермонтов

Над бездною тропа из кремния
И берег темный и крутой.
И парус кажется во времени
Неизъяснимою мечтой.
Клубится море многоликое,
Над Машуком — кровавый свет.

Стихотворение великое
Не умирает двести лет.
Но так же землю жгут неверные,
И души ходят босиком,
И мне все кажется, что Лермонтов
Стоит живой под Машуком.

ВЫШЛА КНИГА

Семенов Д.

На переднем крае битвы за Донбасс. — М.: Вече, 2024. 320 с. (Серия: «Битва за Новороссию»).

Кадрового офицера, а особенно выпускника командного вуза, всегда заметишь среди других служивых. Ладно сидящая форма, аккуратно и по всем правилам подогнанное снаряжение, ясность и твердость речи. В самых непростых условиях, в боевой обстановке такие не позволяют себе расхлябанности, пренебрежения уставными нормами, показывают личный пример собранности, ответственности, настраивая своим примером подчиненных на нужный лад.

Вот и внешность лейтенанта, с которым довелось пообщаться во время работы в 150-й мотострелковой дивизии Южной группировки войск, которая сейчас бьется на Донцеком направлении, не оставляла сомнений в том, что этот человек окончил командный вуз. Но, как выяснилось позже, за плечами у Никиты (так представился мой собеседник, добавив к имени еще и свой фронтовой позывной — Перун) не только учеба в высшем военном училище. Школьное образование он также получил с уклоном на армейскую жизнь, пройдя обучение в специализированной кадетской школе-интернате в родном Оренбурге. Здесь родилось и окрепло его желание стать офицером.

Служить он попросился в ту же дивизию, куда попал его друг. Но не для того, чтобы их кадетское братство воссоединилось. Выполняя боевую задачу, оставшись верным долгу и присяге, его верный друг Иван героически погиб в боях на подступах к Марьинке... За время, пока он служил и воевал, лейтенант успел не раз проявить себя в реальных делах как толковый и грамотный офицер, отважный воин. Тому свидетельство — орден Мужества, которым взводный был отмечен по заслугам. Вторая такая же награда пришла уже с пометкой «посмертно»...

Василий ДВОРЦОВ
ЯЗЫКИ БЫТИЙНЫЙ
И БЫТОВОЙ

*Художественная
литература как мерило
духовно-нравственного
состояния нации*

Василий Владимирович Дворцов — родился в 1960 г. в Томске. Как художник и реставратор поработал во многих городах СССР. Автор четырех книг прозы, сборников стихов, пьес, множества публицистических статей. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии журнала «Москва» 2002 г. за роман «Аз буки ведал...». Академик Российской академии словесности, генеральный директор Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оногo с языком простонародным.

Пушкин о Ломоносове

Английский писатель и шпион Сомерсет Моэм заявлял: «Что поражает каждого в русской литературе, так это ее исключительная скудость. Критики, даже из числа энтузиастов, признают, что их интерес к произведениям, написанным до девятнадцатого века, носит чисто исторический характер, так как русская литература начинается с Пушкина; за ним следует Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский; затем Чехов — и все!»

Действительно, как же так получилось, что государственночески мы ровесники королевской Англии, а литературно — историческая ровня лишь североамериканским Соединенным Штатам?

Революционные смены экономико-политико-социальных периодов в государстве болезненно отражаются на судьбах культуры. Каждая приходящая эпоха стремится революционно быстро перестроить под себя общественное сознание, и скорая перелицовка прошлого под нужды нового каждый раз разрушает логику последования событий и явлений в жизни Отечества и народа, затрудняя понимание об Отечестве и народе промысла Божия. Но с русской литературой что-то не так: в нашем сознании она легко, без особых трагедий, внешних и внутренних разрывов пережила крепостное право, начальный капитализм под монархией и без оной, материалистическую революцию, военный коммунизм, социализм, теперь как-то существует при капитализме, уже кризисном, уже закатным. Она всегда была и

остается русской литературой — реалистичной, лиричной, народно-сострадательной.

Необходимы пояснения.

Народ создается языком. Кровь и почва в этом процессе вторичны. Именно язык созидает народ, через язык в него входят и вживаются и новые этносы, и новые пространства.

В отличие от всех иных существ, человек мыслит словами, а не картинками.

Как язык созидает нацию, так литература формирует общество. Именно литература определяет и утверждает те нравственные императивы, на которых строятся и политические, и экономические, и социальные институты. Литература — основа для всех искусств, как математика для иных наук: как невозможны без математики физика, геология и ботаника, так не бывает живописи и даже музыки без литературной основы. Можно утверждать, что литература является основой цивилизации, определителем и носителем ее смыслов, одновременно путями их, смыслов, достижения. Ибо насколько человек и мир вокруг его познаваемы и осмысляемы, настолько и словесно описуемы.

Теоретик славянофильства Николай Данилевский насчитывал во времени и пространстве одиннадцать цивилизаций, прилагая перспективную славянскую к египетской, ассирийско-вавилонно-финикийской, китайской, халдейской, индийской, иранской, еврейской, греческой, римской, аравийской, германо-романской. Освальд Шпенглер видел лишь восемь культурно-исторических миров, зато Арнольд Тойнби различал аж двадцать один. И хотя Гегель отрицал за русским народом даже право на историчность, Русская цивилизация, как локализованное во времени и пространстве общество с особым оригинальным комплексом экономики, политики, социальности и, особенно, духовности, все же стала исторической реальностью. Более того, Русская цивилизация оказалась космически уникальна, особенно отлична от всех иных — тем, что в основу ее появления легли сразу два языка — утилитарно-бытовой и сакрально-бытийный. И настолько эти два языка лингвистически родственны, насколько же и семиотически различны, так как имеют целями совершенно разные адреса «коммуникации». Родство же их в течение нескольких веков позволяло множеству носителей славянских диалектов, разнесенных пространствами и временами, разделенных социально, без специальной подготовки едино-мыслить, видеть, понимать и описывать-запоминать мир одними словами-смыслами, жить в единых русских логосах. Чем созидать не просто Российскую империю, а именно Русскую цивилизацию.

Конечно, всякая империя, тем более создававшая цивилизацию, имела господствующий язык, покрывавший и связующий наречия и говора коренных и входящих народов, но в той же Византии греческий язык, как и латынь для Римской империи, были не сакральными, а общекультурными.

Поживший в Европе Ломоносов, до конца бился за сохранение в русской жизни церковнославянского языка как основы самоидентификации: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейшее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, напри-

мер в Германии, баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа». И далее: «...видим, что российский язык от владения Владимировича до нынешнего века, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время».

В учебнике «Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарем» (М.Л. Ремнева, В.С. Савельев, И.И. Филличев) читаем: «Церковнославянский язык русской редакции на протяжении восьми веков был на Руси литературным языком, реализовавшимся в памятниках разных жанров, существовавшим в ряде вариантов; он являлся элементом русской культуры, это был язык, на котором говорила на Руси церковная и светская мысль. С XVIII в. церковнославянский язык становится только языком церкви».

Как же такое произошло? Кто для нас ныне Михаил Муравьев и Гавриил Добрынин, Иринарх Завалишин и Михаил Чулков, Иван Дмитриев и князь Петр Трубецкой? Почему современному русскому человеку уже не понять, а, главное, — не прочувствовать то, что переживали такие же русские люди триста-четыреста-пятьсот лет назад? Почему нам закрыто, что тревожило, вдохновляло и радовало далеко не последних поэтов екатерининской эпохи — епископа Гавриила Бужинского и архимандрита Иакинфа Карпинского? Как нам сегодня ощутить их волнение, непосредственно сопережить из словосочетаний и речевых оборотов, в которых оно, волнение, ими было изложено? Со-пережить, и только тогда в полной мере уразуметь.

При том, что у нас всех есть опытная убежденность в эмоциональности мышления на церковнославянском. Читаем ли мы Акафист Богородице или Покаянный канон, слова молитвы, и соборной и келейной, сходя в сердце, возводят нас то в состояние запредельного восторга, то доводят до слезного покаяния.

Да, в советский период церковнославянский оказался не просто изъят из школы, но одним из первых декретов новой власти менялась грамматика, чем отсекались «старые книги». Слава Богу, не прошла реформа перехода на латиницу. Однако власть имущие — российское дворянство и разночинная интеллигенция — задолго до 1917 г. уже не мыслили церковнославянским, перестав жить Христианством, отцовской верой. Массонство, секты. За ними, по мере получения нового «научного» образования, от молитвенного бытия откачнулся и народ. И еще: сегодня русский язык в очередной раз подвергается глобальной атаке иноязычных терминов-понятий. Под внешними, вроде как лишь техническими имплантациями, на самом деле устанавливаются барьеры взаимопониманию поколений, и далее для изолированной от опыта старших молодежи в сокровенных сферах сознания идет прямая смена понятийных установок. Особые оптимисты рассуждают, мол, такое уже бывало и ранее: экспансия тюркских слов во времена Иоанна Грозного, немецких при Петре Первом, французских при Александре Павловиче, но имперский язык вбирал их и осваивал. Но это ранее, когда в сознании русского человека был сакральный «речевой заповедник» из непривязанных ко времени, почти вечных слов-понятий, тогда такие иноязычные атаки переживались безболезненнее, а сейчас оставшийся в одиночестве бытовой язык в реальной опасности.

Особая тема, требующая отдельной разработки и потому здесь опускаемая: симулякры «духовного искусства». Замещение духовного душевным, душевного плотским. Как в девятнадцатом веке философия пыталась заменить религию, так в двадцатом литература была вызвана как замена религии — Гюстав Флобер и Лев Толстой заявляли «свою» веру, а далее модерн — русский Серебряный век, когда все объявляли себя «пророками» и «апостолами». Отсюда, из самозванного мессианства сребровековцев, производное соцреалистическое «инженеры человеческих душ». Не ума, не чувств, а мистически откровенно — душ.

Именно на двадцатый век, век практически полной утери народным большинством молитвенного сознания, приходится пик русского литературного языка — Куприн, Бунин, Блок, Ахматова, А.Н. Толстой, Набоков, Шолохов, Леонов, Астафьев, Рубцов, Распутин — такого словарного объема у их предшественников, писателей прошлых веков и близко не было. А тут словарный запас бытового языка разросся до ... ну, своих естественных пределов. И, несмотря на это внешнее переполнение литературы, Русская цивилизация стала унифицироваться, глобализироваться, терять собственно свою русскость. Почему?

За ответом вернемся к Ломоносову, который, продолжая дело Епифания Премудрого, Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, видел развитие литературного языка в лоне церковнославянского. В своем учении о трех литературных стилях, Михайло Васильевич определял «высокий штиль» не только «благородными» темами сочинений, но и наибольшим количеством употреблений славянских слов: «Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги...». «Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет». Но Жуковский, Пушкин и Гоголь пошли иным путем, сотворив литературный язык из простонародного. Лучше получилось или хуже? История не знает сослагательности, а русская литература в эти двести пятьдесят лет честно отражала все усугубляющуюся секуляризацию общественного сознания, сопровождая его, сознание, в апостасийной деградации от классицизма в постмодерн. Но и выставляла в примеры героев духа сопротивления этой апостасии. «...Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский; затем Чехов». Конечно же, это не все, как бы того ни хотелось англосаксам. Однако...

Народ создается языком. В отличие от всех иных существ, человек мыслит словами. Как язык созидает нацию, так литература формирует общество. И если мы ставим главный вопрос нашего времени о русском буду-

щем — о выходе Русского мира из глобального кризиса завершения эпохи Западной материалистической цивилизации, то, прежде иного, мы должны ставить задачей восстановление полноценности русского сознания. И первым шагом к этому восстановлению является замена в начальной школе изучения иностранного языка на церковнославянский. Благо ничего не надо выдумывать искусственно — язык жив в стенах Церкви и только ждет своего призыва.

Возвращение церковнославянского языка в сознание русского народа — острая проблема общенационального значения. И воскресными приходскими школами она не решается. Необходимо введение основ церковнославянского в государственную общеобразовательную программу младших классов как основы для изучения предметов «Русский родной язык» и «Литературное чтение на родном русском языке».

Красота и чистота родной речи, сакральная непреложность ее значений, душевное понимание и сочувствие пишущих и читающих через столетия и пространства — и все это становится доступным в процессе изучения славянского языка, где вскрываются корни безвестного и тайны премудрого, где смыслы неотделимы от мелодики. Сама техника «распевного» церковного чтения — с придыханием, с острыми, тупыми, облегченными ударениями, будит генетическую память, она есть путь и врата, вводящие юного читателя в сокровищницы тысячелетней русской литературы, в величественные царские чертоги отечественной-отеческой культуры.

ВЫШАА КНИГА

Мысли великих: сборник цитат / Составитель: Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов). — Москва; Севастополь: Вольный Странник, 2024.

Известные всему миру ученые, философы и политики, поэты и писатели, врачи и полководцы, давшие миру самые главные открытия, одержавшие важные для их народов победы, подарившие миру прекрасные произведения искусства, оставили нам не менее ценное достояние — свой жизненный опыт, выраженный в слове. Эти великие люди говорят о Боге и вере, о красоте евангельской жизни, о любви к ближнему и воспитании детей, о прекрасном мире вокруг нас, о любви к Родине со страниц новой книги митрополита Симферопольского и Крымского Тихона (Шевкунова).

В августе 2024 года исполнилось 30 лет со дня смерти выдающегося русского советского писателя Л.М. Леонова.

Николай ДОРОШЕНКО

ЛЕОНОВ (1899–1994)

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления СП России, главный редактор газеты «Российский писатель» и одноименного сайта. Родился в 1951 г. в с. Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (отделение прозы, семинар Ф.Ф. Кузнецова). Был ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами в Московской писательской организации, главным редактором газеты «Московский литератор» (1988–2000), главным редактором ТВ «Парламентский час», преподавателем в Международном независимом эколого-политологическом университете (читал спецкурс «Культура как среда обитания»). Лауреат Большой Литературной премии России. Награжден медалью «За заслуги перед Отечеством II ст.» **Живет в Москве.**

1.

Когда Михаил Петрович Лобанов в конце 80-х позвонил мне и сообщил, что со мною хочет увидеться Леонид Максимович Леонов, я ощутил себя вдруг заблудившимся во времени.

Сам Михаил Петрович с его рукой, пораненной на той далекой войне, о которой мое поколение только слышать могло, и с его особой, уже почти не встречающейся душевной мягкостью, сочетающейся то с виноватой, то с очень уж строгой и твердой неуступчивостью, тоже казался мне посланником давно минувшей эпохи. А об авторе «Русского леса» Леониде Леонове я привык знать лишь по его академическим томам на моих книжных полках, а также по фотографиям нэповских времен, на одной из которых он, франтоватый, стоит с таким же, как сам, молодым Есениным.

Это же немислимо далекий «серебряный век»!

То есть я, конечно же, понимал, что хрестоматийный писатель Леонов — пока еще жив, но уже я и не рассчитывал, что встречу его где-нибудь в Центральном доме литераторов или, допустим, на очередном писательском съезде. Я знал о Леонове времен гражданской войны и самого первого писательского съезда гораздо больше, чем о Леонове последних десятилетий.

И потому, даже когда Леонов уже стал меня частенько приглашать к себе домой, наши с ним встречи были похожи на спиритические сеансы. Я, например, не без волнения спрашивал у него: «А что за человек

был Бухарин?» или: «А мог ли “пролетарский” писатель Горький ощущать в себе какой-нибудь экзистенциальный конфликт с “пролетарским” государством?» или: «Какое впечатление на вас произвел Сталин, когда вы с ним стали видеться у него на Кунцевской даче?» — а Леонид Максимович, уцелив свои давно обесцветившиеся глаза в давно канувшую эпоху, начинал на мои вопросы обстоятельнейше отвечать. И голос его был глуховатым, мерным, словно сквозь решето времени давно просеянным.

Сам же он меня ни о чем особо не расспрашивал. И не сразу я смог сказать ему нечто вразумительное о его романе «Пирамида», над которым он трудился уже около четырех десятков лет, и рукопись которого я по его просьбе прочел. Это было все равно, что судить о Вселенной. Ну, очевидно ж, что она огромная... Ну, как-то там все, одно вокруг другого, вертится... А когда я еще и посожалел о тех главах, которые Леонид Максимович вдруг из своего романа изъял, он с гневом, тоже сквозь сито его возраста давно просеянным, со мною не согласился: «А вот представьте себе человека, у которого одна рука длиннее другой, у которого печень не помещается в животе... Вот так и в романе каждый эпизод, каждая сюжетная линия должны занимать лишь то пространство, которое не нарушит его общего строя... И если одно слово должно читателя не задеть, то о некое другое он должен споткнуться... Слова, как тона и полутона на полотне живописца, должны находиться каждое на своем месте... Не то что у каждой строки, а даже и у каждой половины строки должна быть своя изобразительная функция...».

И я, привыкший сочинять наугад и лишь «по вдохновению», ощущал себя, может быть, тем насельником ветхозаветной пустыни, с которым в беседу вдруг вступил сам Господь, сам Творец всего сущего...

А он приглашал меня все чаще и чаще.

Должно быть, я скрашивал его одинокую жизнь, сосредоточившуюся в последние десятилетия у письменного стола, на котором возвышались горы его романа (от бесконечно вклеиваемых правок иные страницы этого романа уже были с палец толщиной...)

К тому же я был тих и нем, как то кресло, в котором, затаив дыхание, обычно сидел, так что Леониду Максимовичу можно было, наверно, в любой миг от меня отвлечься в какую-то свою потаенную, меня не касающуюся мысль.

А едва время приближалось к телевизионным новостям, он спешил включить телевизор. И с той жадностью, которая вызывала у меня лишь сострадание, затем вникал в канитель бурливших в стороне от его затворнической жизни событий.

Однажды он увидел на телеэкране депутата Верховного Совета Сергея Бабурина и завздыхал: «Очень и очень надеюсь я на этого мальчика... И голова, и собственный характер у него есть... Но таких обычно стараются затоптать...»

— Я могу его пригласить к вам, — предложил я. — Вы только назовите время.

Леонид Максимович и заволновался, и замешкался.

Мне даже показалось, что для него прикоснуться к реальной жизни было все равно, что протиснуться в телеэкран. И, сделав вид, что о Бабури-не уже забыл, я попытался было перевести разговор на что-то другое.

Н.И. Дорошенко в больнице у Леонида Леонова

— Если он сможет, то завтра на любой удобный для него час его пригласите... — предложил он, наконец.

— Хорошо, — пообещал я.

Вечером я с Бабуриным созвонился, и он, как и я когда-то, не сразу поверил в возможность увидеть самого Леонова.

— А можно я с сыновьями приеду, чтобы осталось на всю жизнь в их памяти такое событие?... — попросил он.

Но после того как я Леонову передал это пожелание Бабурина, он затем вдруг перезвонил мне и попросил встречу отменить на том основании, что журналисты непременно разведают о его тайной встрече с оппозиционным к власти политиком, и это поставит под угрозу публикацию его романа...

— Я не могу рисковать судьбой романа! — твердо заявил он.

А объяснить ему, что до него уже никому дела нет, я не мог. Проще мне было не покушаться на все те его уверенности, внутри которых продолжала в деятельном состоянии находиться его душа...

И Бабурину мне затем проще было сказать, что Леонов почувствовал некое недомогание и потому встречу попросил перенести на дальнейшие дни...

— Да, я понимаю, возраст у него... — заперевивал Бабурин.

И не успел я трубку положить, опять позвонил мне Леонов и голосом, от волнения уже прерывающимся, как задуваемое ветром пламя, попросил встречу не отменять...

Был в его судьбе в далекие годы эпизод, когда все недруги уже написали на него доносы и сами же, дабы не навлечь беду также и на себя, боялись с ним прилюдно здороваться. И надежда у него оставалась только

на Горького и Серафимовича, которые затем пред самим Сталиным за него все-таки вступились...

Может быть, в нем самое далекое советское прошлое и постсоветское настоящее все еще не могли жить независимо одно от другого...

2.

Так получилось, что и на нашу последнюю с ним встречу, которая состоялась уже в больнице, я тоже приехал совместно с Бабуриным.

Оказалось, что в том крыле городской больнички, где находилась палата с Леонидом Максимовичем, всюду шел ремонт. Так что, пока мы с Сергеем Николаевичем шли по коридору, ацетоновый запах выел наши глаза до слез. А маляры, узнавая в моем попутчике очень уж популярного в те годы политика, работу приостанавливали и с удивлением на нас глядели.

Леонида Максимовича мы обнаружили понуро сидящим на пружинной кровати. На коленях у него лежал том «Пирамиды» — последнего его романа, только что отпечатанного в типографии. Не в силах различить своими почти ослепшими глазами хотя бы одну букву в книге, он ощупывал ее похрустывающие страницы, а потоки свежего августовского воздуха, хлынувшего на нас сквозь затем распахнутое нами окно палаты, шевелили его легкие, как пух, волосы.

Сергей Николаевич сразу стал куда-то звонить, кому-то что-то срывающимся от ярости голосом по телефону втолковывать. А Леонид Максимович на ядовитый воздух не жаловался, был абсолютно спокоен. Тут же принялся подписывать нам свое сокровище.

В общем, он давно был уверен в том, что отойдет в мир иной сразу, как только его «Пирамида» будет издана. И значит, теперь, по его мысли, ему осталось исполнить последнее: что-то кому-то написать на титульных страницах романа и пониже непослушной рукою вытанцевать свою авторскую подпись, и — поставить дату, и, из последних сил сощурив свои почти бесполезные глаза, прицелиться кончиком авторучки в то место, где должна быть после даты поставлена точка, и — эту точку поставить...

Я извертелся от нестерпимого сострадания к этой его работе — упрямой и сверткропотливой, вовсе не похожей на простую церемонию дарения книги. Хотелось подсказать: «Да автограф бы вы черкнули, и все...».

Наконец, сделав вид, что подпись на книге мною прочитана слету (дома лишь с лупой можно было разгадать написанное), я с осторожнейшей благодарностью пожал его холодный пергамент руки.

То ли Сергею Николаевичу удалось кому надо объяснить, что за старик тут вынужден дышать ацетоном, то ли его личных депутатских полномочий оказалось достаточно, но Леонид Максимович все-таки был переселен туда, где ремонт не производился.

И вот же — ни выход последнего леоновского романа «Пирамида», ни даже сама вскоре наступившая кончина великого писателя не стали для страны событиями, достойными внимания. В телевизионных новостях, в которых сам он старался не пропустить каждую мелочь, промелькнуло лишь скупенькое сообщение: мол, умер такой-то. Словно речь шла не о писателе, произведения которого — на уровне с Толстым и Достоевским — переведены на все языки мира.

3.

Роман «Пирамида» (сам Леонов определил его жанр как *роман-наваждение*) не оставили без внимания лишь наши наиболее высококобые филологи. При всем том, что их мнения оказались даже и противоположными, для многих погружение в «Пирамиду» оказалось еще и поводом, чтобы уточнить собственные миропонимания.

Может быть, наиболее общее впечатление о «Пирамиде» и о результатах ее прочтения удалось сформулировать доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Алексею Любомуудрову: *«Восторженность, с которой книга зачислена в разряд повествований о “русском правдолюбце”, равнодушие, которое проявлено столь многими в отношении ее духовно-религиозного ядра, легкость, с которой оно принимается за исконные национальные духовные ценности, — симптомы показательные.*

Леонов оставил нам потрясающий образец того, каким может стать сознание человека и человечества накануне апокалиптических событий. Каков может быть новый вызов Богу на рубеже XXI столетия. И в этом смысле “Пирамида”, несомненно, роман-предупреждение».

Но не имеют эти читатели леоновского романа выхода на телеэкран, а значит и то великое культурное потрясение, которое русский писатель Леонов около сорока лет уединенно готовил для всей России, состоялось лишь в скрытых от сторонних глаз катакомбах нашей русской ученой касты.

Леонид Максимович Леонов — последний великий писатель, досказавший нам недосказанное русским «золотым веком» и опытом века XX-го, умер на обочине жизни новой и к нему уже воистину равнодушной.

И затем для страны неслышно, подобно Леонову, один за другим уходили из жизни те наши крупнейшие писатели, которые смогли даже и советской литературе вернуть высокие смыслы русской цивилизации. Но читателю, попавшему во власть информационных фабрик, казалось, что вместе с последними русскими классиками истаивают и наши русские небеса. И в опустевшие наши зениты всплывало нечто, доселе в русской литературе невиданное. И, как ацетон нам с Бабуриным выедал глаза, пока мы шагали к Леонову, так и человеческие души до сих пор травит эта для гибридных войн выведенная разного рода соросами новая писательская порода.

4.

Около сорока лет трудиться и трудиться над романом, заменяя одни главы на другие, достигая, может быть, только для великого мастера доступного совершенства, — кому из современных писателей такое высочайшее уважение к своему ремеслу и к своему читателю может показаться уместным? Кто сегодня верит, что у человека могут быть те вечные смыслы, ради которых в жертву можно принести даже и свою жизнь?

То есть на леоновский роман «Пирамида», вставший в ряд с «Войной и миром» Толстого и «Тихим Доном» Шолохова, наша русская цивилизация стала богаче, но лишь редкие ценители литературы об этом знают...

Что значит для нас этот воистину чудовищный факт?

Точка ЗРЕНИЯ

Михаил ТАРКОВСКИЙ

ВЫТОПТАТЬ СЛЕД

Михаил Александрович Тарковский — родился в 1958 г. в Москве. Русский писатель, поэт, биолог, охотник. Окончил Московский гос. педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности «География и биология». Работал на Енисейской биостанции ИЭМЭЖ АН СССР в пос. Мирное в Туруханском районе Красноярского края и охотником-промысловиком в Южно-Туруханском Госпромхозе в пос. Бахта. Главный редактор альманаха «Енисей» (Красноярск). Автор поэтического сборника, многих книг прозы, инициатор и автор целого ряда документальных кинопроектов и сценариев к ним. Внук великого русского поэта Арсения Тарковского. Лауреат Патриаршей премии по литературе. **Живет в Красноярском крае.**

В год 100-летия со дня рождения Виктора Петровича Астафьева необходимо отбросить дискуссии и начать с одного единственного: Астафьев является коренным и великим русским писателем и одним из главных художников послевоенной эпохи.

1.

У Астафьева у меня две любимые книги — «Последний поклон» и «Царь-рыба». «Царь-Рыба» произвела в свое время особенно сильное впечатление на читающую Россию и стала целым откровением, покорила жителей столиц и, вообще, огромное количество именно горожан. Помню, что на стене биохимического факультета Ленинского пединститута, где у нас были занятия, висел большой плакат, написанный в тон Виктору Петровичу с эпической интонацией, и призывавший читать эту прекрасную книгу, написанную, «с болью великой о нашей земле» (или даже «о земле нашей»). И впрямь, в этой книге мечта горожанина о Сибири и ее могучей и многострадальной природе достигла какого-то наивысшего взлета. Книгу проживали, цитировали и, порой по молодости, не постигая литературной глубины, упивались самим фактом явления сибирской темы и ее раскрытия с неофициальным самородным размахом...

Ну и писатели, конечно, в свою очередь, не оставались в стороне. Вот что писал Валентин Григорьевич Распутин в письме Виктору Петровичу 14 мая 1976 года. *«Я вроде неплохо знаю, как вы пишете, читал, кажется, все, что было, но всякий раз не только поражаюсь, а и подавляюсь этой мощью и точностью, чувствую себя ребенком, который*

Материал публикуется с сокращениями.

впервые разинул глаза свои на мир божий. Не сдавайтесь, Виктор Петрович, не сдавайтесь... То, что отпущено Вам, ни у кого больше нет, и называется оно народность — в первом его не затасканном и не вывернутом наизнанку всякими учеными мужами смысле... Вокруг сейчас все читают “Царь-рыбу” и звонят, брызжут в телефон счастливой слюной».

И вот еще Валентин Яковлевич Курбатов об оценке Распутиным творчества Астафьева («Остаться с овсянскими гробовозами», 2022 год.): *«А Валентин Григорьевич вон пишет Марье Семеновне, что “никогда всерьез к себе, как к писателю, не относился и все похвалы и чины принимал с испугом” и боялся, что его “принимают за другого”. Тут не было самоуничтожения, а было то же чувство и понимание высоты русского слова, которое, как он однажды писал мне, “давалось” Виктору Петровичу само, так что его “тесто” валило через край — не удержишь, а ему, Валентину Григорьевичу, надо было “все время дрожжец добавлять, чтобы взошло”».*

Эта великолепная через-крайность как нельзя ярко проявилась именно в «Царь-Рыбе». Помню, зоолингвистка из нашей экспедиции написала Виктору Петровичу восторженное письмо — признание в читательской любви... Сами же мы буквально жили цитатами из книги, сыпали ими, где надо и не надо, и, рыбача на спиннинг и перебираясь по скользким камням, все похохатывая, предупреждали друг друга — мол, аккуратней, а то тут недолго и «в Гогу Герцева сыграть». Имелось в виду, поскользнуться и разбить бóшку о камень. И все обсуждали, насколько возможна такая погибель, и спорили: кто-то считал, что Астафьев присочинил, ведь надо было «Гогу убрать по сюжету», а кто-то, что, наоборот, такое «запросто может быть». В ту пору книга казалась каким-то учебником по Енисею, хрестоматией всего, что связано с Красноярьем, и словно материализовывала мечту многих, бредивших Сибирью, тайгой, просторами... И было чудно, что воспето как раз то, о чем мечтаешь, что край-мечта енисейский этот словно принят на «худ-баланс», утвержден большим писателем... И дух захватывало от того, на сколь удивительна, прекрасна и справедлива жизнь.

На самом Енисее, в тех поселках, которые я уже хорошо знал, к «Царь-Рыбе» мужики относились по-разному и нередко очень ревниво. Многим не нравился противобраконьерский пафос, осуждение писателем рыбалки самоловами, его упрекали в сгущении красок, мол, по семьдесят стерлядок за один раз многовастенько, ну и ворчали, «пошто он нас, рыбачков, тут приструниват». Некоторым его проза в силу высокой художественности, обилий описаний и публицистических отступлений была не по зубам, так как требовала глубокой подготовки русской классикой вообще. Поэтому кому-то книга нравилась до слез, кто-то одобрял для приличия и собственного веса, а кого-то она раздражала и снаряжала на поиск ляпов и неточностей. И выходил парадокс — вроде бы писано прежде всего для своих, для тех, кто поразится раскрытию дорогого, для которых за каждым образом встает родная и объемная до дрожи картина-толща, а влюблялись в книгу в первую очередь горожане, открывавшие Енисей только в плоскости слова, но получавшие еще один пласт романтизации Сибири. А вообще, в плане признания на месте Астафьеву повезло значительно больше, чем Шукшину — вспомним пресловутые обиды на «Макарыча» сrostкинцев... Они, может, и понятны — кому понравится, когда тебя чудиком выпишут?

В Бахте есть охотник Геннадий Викторович Соловьев, который еще и отличную пишет прозу о промысле, и чей рассказ про волка «Разбойник или герой» был восторженно встречен Валентином Яковлевичем Курбатовым. Писать Соловьев стал гораздо позже, чем вышла «Царь-Рыба», но всю жизнь славился веским и остроумным словом, и нами, молодыми, воспринимался как наставник и законодатель еще и в этой области. Геннадий любил выражение «Всяк пьет, да не всяк крякать» и байку про то, как старовер в пост решил отведать спиртного, а бабка его осадила. Дед же парировал, что водка (или там бражка) — «она же не зырная!» Позже, внимательно перечитывая Астафьева, я все это у него и нашел. Значит, Соловьев читал внимательнее! И выходило прекрасно и странно — обычно писатель учится слову у народа, а здесь уже сам народ обучался у художника!

Искушенный читатель любит сравнивать одно произведение любимого писателя с другим, выискивать преимущества и недостатки каждого из них, и нередко при сравнении «Царь-рыбы» с «Последним поклоном» читатели упрекали, **как раз** «Царь-Рыбу» в несовершенствах и неровностях. Меня же каждый рассказ поражал по-своему. Все они виделись какими-то запредельно самоцветными, каждый со своим образом, ликом: «Уха на Боганиде»... «Капля»... «Сон о белых горах»... Как будто Астафьев себя пробовал и так, и эдак — и даже затеял киношный «Сон» этот еще и с дневниками и стихами Гоги — рассказ, в общем, для него нетипичный, можно сказать, экспериментальный и пробный... При том, что Гога, видимо, «висел в воздухе» тех лет, и его вариант ярко описан Олегом Михайловичем Куваевым в книге «Территория». Звали героя Гурин (тоже на «гэ»!) и вроде бы он имел прототипа — геолога Сергея Гулина. Гурин этот тоже плохо кончил, хоть и остался жив. Черты же его — несвойственные ходульному интеллигенту-хлюпику полевая сноровистость и умелость, вопиющие самоуверенность, снобизм и подчеркнутый индивидуализм объединяют Гурина с Гогой из «Царь-Рыбы».

Бесспорно, в «Царь-Рыбе» повествования очень разные по интонации, по густоте художественной краски. Например, рассказ «Царь-Рыба» выписан довольно скупо, ввиду самой истории, не требующей языкового приукрашу. Но при этом там нет-нет да и блеснет сдержанной точностью глубокий образ: например, осетр, «будто опоясанный цепью бензопилы». Меня такие образы восхищают и кажутся более глубокими, чем просто сравнение, эпитет и прочая филологическая штука, так как дорастают до художественного символа, давая глубинное понимание здешней жизни вообще — ощущение круговой поруки округи... Сильна эта обоюдная повязка осетра, символа Батюшки-Анисея и цепака от пилы — герба трудовых будней енисейских работяг! Или помните, как в «Последнем поклоне»: в голодный год углы изб «как челюсти у голодных людей сухи и костлявы».

Вообще же проза Астафьева ярка и росиста, как заросли Енисейской поймы после весеннего дождя. И на ее фоне совсем иными выглядели выступления Виктора Петровича по телевизору — конечно же, черно-белому, отчего и сам его образ, и то, о чем говорил, казались по сравнению с «Царь-Рыбой» карандашно-грифельными, очерковыми, потому что при всей литературности были публицистичными, граждански направленными и вроде бы — нехудожественными. Ярko помню его размышления о роли крестьянского начала, крестьянского мира в русской культуре, казавшиеся

лишними по сравнению с книгами, в которых то, о чем он говорил на передаче, было показано с высочайшей художественной силой. Позже, когда юношеское восхищение поэтической стороной дела подутихло, я, конечно же, осознал глубину и правоту тех его слов... И понял литературу очерковую, художественно-трезвую и в этой сухости увидел и «великую» ее красоту.

Так и не знаю, что больше нравится — «Царь-Рыба» или «Последний поклон»...

Книга «Последний поклон» — наверное, самая главная, бесспорная и, как он сам говорил, «заветная» книга автора, горячо любимая читателями. Писалась она с 1957 по 1991 гг. и окончательно сложилась в трех книгах, состоящих из 32 рассказов. Писатель начинал писать ее, еще не зная, что она выльется в большое и цельное повествование, которую он назовет «повестью в рассказах».

По выражению моего друга журналиста и книгочея из Красноярска Игоря Костикова, «Последний поклон» — это книга книг Виктора Петровича Астафьева, его поле, его вселенная, из которой смотрит на нас человек, переживший тяжелейшее и ярчайшее детство и уцелевший на войне. Именно оттуда, из Овсянки своего детства, глядит он на мир, и ни игарский север, ни война не переродили и не сломали его — он так и остался тем мальчиком, что бродит по таежным сопкам в поисках детского счастья, мамы, покосного молочка из бутылочки... Он словно потерявшийся Петенька из рассказа «Мальчик в белой рубахе», но только не потерялся, а вышел к нам со своей книгой, пронизанной любовью к крестьянскому миру, прекрасному, уходящему и достойному длиться в другом, более счастливом измерении. В книге очень много любви к земле и к людям, сострадания, надежды и чувства, что жизнь этих людей могла быть намного радостней. Астафьев все мерит этой Овсянкой детства. Именно поэтому его так много в нынешнем мире оскорбляло, и настолько многое он считал губительным для мира того, исконного, единственного, своего. Астафьев всегда говорит о самом дорогом ему, и эта книга-завет, утверждающая: — Вот она, ваша земля, ваш уклад, берегите их, ведь русский человек так прекрасно задуман Богом! И именно из этой книги растут как побеги и другие произведения Астафьева, именно эта книга и есть хрестоматия енисейского космоса Виктора Петровича, в которуюходишь и уже не представляешь себя без нее, если ты русский.

В повести каждая отдельная глава представляет собой самостоятельное художественное целое — не зря такие шедевры, как «Конь с розовой гривой» или «Осенние грусти и радости» давным-давно воспринимаются как просто «рассказы Астафьева», а не часть «какой-то там книги». Представьте себе: тридцать два рассказа, тридцать две драматургии, тридцать два художественных чуда! А главное — какой труд стоит за всем этим! — это не склепанный за год романец очередного нынешнего «новоиспеченца» с одной историей, растянутой на сотни страниц жвачки!

Помню, школьником слушал по радио «Монаха в новых штанах», еще и не подозревая не только о существовании «Последнего поклона», но и писателя Астафьева. Давно это было...

И вот только что перечитал «Осенние грусти и радости» и «Ангел-хранитель»... Последний раз погрязал в эти рассказы лет семь назад, поэто-

му перечитывал с волнением, которое бывает в преддверии встречи с дорогим произведением после перерыва. Когда боишься, что либо сам зачерствел, либо, как бывает, особенно при возврате к юношеской литературе — непорочно изменился чтением, как кажется, более сложных книг, и смотришь на давешний восторг с сожалением и почти что жалостью. С Виктором Петровичем, конечно же, не тот случай, но волнение... имелось.

Закрыв книгу... Долго сидел да думал... О чем?

Да о любви... О жертвенности русской женщины, о боли маленького человека, который с младенчества сам, как незарастающий шов, разверстыи небесам... О Витьке с его ревматизмом и прочими хворями, уже заранее меченом и контуженном, словно под аванс будущих испытаний... И о том, что от этой ранней затеси на юном еще деревце рвется на части бабушкино сердце. И об удивительной гармонии, соединении этих двух существ, сплавленных любовью... О том, что из них двоих только бабушка знает, как любовь эта навалиться на Витю, когда бабушка уйдет. Когда он вырастет, и будет уже поздно. И останется только видеть бабушку во снах, просыпаясь каждый раз в слезном ошеломлении, и не в силах выносить этот сердечный надрыв, тешить себя слабой надеждой хоть на бумаге выразить то, что невыразимо...

Какой русский мальчик не всплакнет о бабушке, особенно если дед с войны не пришел... Как много дали нам эти бабушки — даже и при живых-то родителях, которые вечно на работе... А главное — кому-кому, а бабушкам-то есть что сказать-передать внукам.

Невозможно разбирать эти рассказы, потрошить их фило- и культурологически, да и не нужно. Любовь и боль равно заливают все страницы книги и вызывают сильнейшее сострадание уже к самому писателю и желание обнять его, утешить неутешного, разделив горе, как горькую предвоенную краюху... И поклониться художнику, подставить плечо под неизбежность этой русской боли и доли.

А мой любимый рассказ «Конь с розовой гривой». Решил почитать, что пишут о нем сегодня, и обнаружил методичку, предназначенную для учителей, изучающих со школьниками этот рассказ. В разделе «чему учит нас произведение» было сказано, что рассказ учит мысли о том, что всякий обман всегда раскрывается и что нужно не бояться говорить правду. Ни слова более: ни что это — великий православный рассказ о том, как зло обрывается Добром. Ни что многовековая эта мораль ставит его в один ряд с высочайшими произведениями нашей литературы XIX века.

Потом читал детские и взрослые комментарии к самому рассказу — кто-то его понял, кто-то нет, многие, конечно же, снова увидели в нем «противообманную» направленность, но что главное — вердиктом «в конце всплакнула» заканчивались многие отзывы. И стало легче...

«Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушкины глаза, отдать ей последний поклон. И живет в сердце вина, гнетущая, тихая, вечная. Винаватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, поведать о ней другим людям, чтоб в своих бабушках и дедушках, близких и любимых людях, отыскали они ее, и была бы ее жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта...».

Прости Господи... И упокой душу рабы Божьей Катерины, раба Божьего Виктора.

Виктор Астафьев и Валентин Распутин¹

Продолжу словами Валентина Григорьевича Распутина: *«Это страницы, которые не нуждаются ни в каких оценках, это уже некое Вознесение письма, будто самостоятельное за труды Ваши, и осияние его. “Аще не будете как дети, не войдете в Царство Божие”. Это и к “Гори, гори ясно” относится, туда, прежде всего. А еще я думаю, что теперешняя наша русская литература должна поставить памятник нашим бабушкам...*

Каждый из нас, если не на бумаге, то в памяти должен бить и бить свои последние поклоны. Хорошо, что вы сделали это на бумаге, подвигнув на благодарную память многие тысячи людей, которые... без Вашей силы и искренности, без Вашего магнетизма и не удосужились бы на эту память». (27 февраля 1978 года.)

Господи, какое это счастье перечитать «Осенние грусти и радости»... За семь лет... еще лучше стал писать Астафьев! Еще богаче! Еще неэкономней, художественней, с дивно-естественным, врожденным ходом, переливом русского языка, портретами природы и быта, и с поразительной мерой в применении наших животворных народных словечек. Ну и самое главное — настолько пронзительно берет он за душу читателя, что поражаешься, на сколь глубока в его собственной душе рана... Рана чего? Да всего — каждого шага, воспоминания... Рана жизни. И настолько она неиссякаема, что и читательская душа начинает буквально сотрясаться от любви и состраданию ко всему сущему и, конечно, к автору, столько пережившему на самой заре своей жизни. А предельная чистота его слова и помысла под-

---

¹ Ссылка на источник фото:
<https://www.culture.ruevents4518252/valentin-rasputin-uroki-francuzskogo-viktor-astafev-pastukh-i-pastushkalocation=voronezhskaya-oblast-bobrovskiy-rayon>

водит читателя к гениальному по простоте выводу: **Виктор Петрович пишет так, как сегодня писать нельзя!** Нельзя, значит: запрещено. Ну а теперь: кем и как запрещено.

2.

Один молодой литератор, пытавшийся взять у меня интервью, задал вопрос: *как я отношусь к идее возродить интерес к так называемой деревенской прозе и продолжить ее?* Дескать, многие критики считают, что с деревенской прозой давно покончено, потому что той деревни, о которой Распутин с Беловым писали, уже нет...

Подумалось — какие такие критики? И как может кончиться деревенская проза-то? Пиши не распутинскую деревню, не астафьевскую, свою, какая есть. Как Андрей Антипин из Усть-Кутского района Иркутской области.

Вопрос в другом.

Придется повторить говоренное: за последние тридцать лет так называемая культурная элита, дорвавшаяся до власти и денег и подмявшая культурное поле, полностью изменила, точнее, подменила, литературный эталон и наплодила голых королей. Изменила так, что неперевариваемая дичь (скаламбурил!) с названием какого-нибудь южного дерева считается чуть не классикой, а автор на полном серьезе ходит надутый от значимости и все берет за чистую монету. Было бы смешно, но, в **действительности эталон изменен** — и в читательских, и в авторских головах. И молодые талантливые ребята в силу своей глубинной оторванности от русской культуры, от идеалов чести, совести, верности, представлений о художественном вкусе, эти ребята по правде думают, что писать надо именно «по-современному». То есть сорно, скудно, одинаково. Панибратски по отношению к писательскому делу — то есть без чувства дистанции между действительностью обыденной и действительностью художественной. Без подвижнической влюбленности в русский язык, без знания языка, без служения ему и преумножения его просторов...

К сожалению, у каждого явления культуры есть пик, надо это признать и успокоить гордыню. Есть историческая полоса художественного созидания, когда на волне открытия и одновременного потрясения этим открытием создаются настолько непревзойденные шедевры, что весь дальнейший путь — это переживание последующими поколениями этого потрясения и попытка в этом русле удержаться. Это было и в живописи, и в музыке, причем, особенно ярко проявилось в молодежной — вспомним всплеск 60–70-х, на фоне которого особенно жалко и коммерчески уныло выглядят все последующие потуги. Это было и в русской литературе — XIX век! И у этой великой литературы были три признака, один из которых должен был присутствовать обязательно. **Народность, религиозность и благородство интонации.** Всё. Нет, не всё: еще право на надежду.

Но даже и эта надежда сегодня на запрете... Сегодня новая и пресловутая элита на полном серьезе сказала молодым авторам, что Пушкин, Достоевский и Астафьев — это хорошо, но **прошло!** Навсегда. И поставлено под колпак. А на этот колпак села она («элита») своими задницами, и ясно, что пока она не свалит за границу вся без остатка — свободы и покоя не будет.

Виктор Астафьев и Василий Белов¹

А если говорить совсем уж серьезно — то все дело в государственной воле. И, конечно, в нас самих...

Ведь разве прошли боль-счастье от прочтения Достоевского? В этом воздухе, пропитанном дымом и кровью, разве прошел Пушкин, Толстой и Распутин! Да как были они у русского человека, так и остались незывлемыми. И поэтому **по-старому** надо писать! И в том сила. А если тебе сказали, что Астафьев «прошел», что его письмо архаично, несовременно, что не надо ему подражать, у него учиться-то, о чем тут разговор?! А хотеть подражать надо обязательно — потому что, если у тебя есть судьба, то Астафьев поможет — даст норму, канон, а писать будешь свое, непередаваемое. Но с русским заветом. И веками за спиной.

Вот что пишет 17 августа 2018 года В.Я. Курбатов в ответ на мое возмущенное письмо как раз о всяких новых «борхесах»:

«...Все бегом в прусты и борхесы, в набоковы и пелевины... И это будет длиться, пока сама жизнь не поправится. А она вон и не видит, что болеет. Жадное забвение Астафьева, Распутина, Белова, Абрамова, о чем мне криком кричат из Вологды, Красноярска, Перми — первый тому знак. И нынешняя литература торопится поскорее вытоптать живой след, чтобы самой стать камертоном».

---

¹ Ссылка на источник фото:

<https://vogu35.ru/news/7260-tvorchestvo-vasiliya-belova-i-ego-sovremennikov-obsudyat-na-nauchnoj-konferentsii-v-vogu?template=accessibility>

Вытопать след!

Я так понимаю, что если готовишься к юбилею, то разделяешь те фундаментальные вещи, с которыми писатель вошел в историю, любишь и готов защитить то, что он любил, понимаешь и разделяешь то, за что он переживал и сам так же переживаешь. Скажут: как же это мы будем глядеть на мир его глазам — если Астафьев был разный? Так вот в вопросе «разного» Астафьева и хотелось бы поставить четкую и ясную точку.

3.

Возникает тема, которую, как говорят мужики в поселке Бор Туруханского района, хорошо знакомого Виктору Петровичу — «все давно уже прожевали и выплюнули». Это тема олиберализации Виктора Петровича и расхождения его с писателями патриотического лагеря. Кто только ее не обсуждал, включая Курбатова, кто не судил Астафьева, вменяя едва не предательство русского дела и вспоминая «Письмо 42-х», которое Астафьев не то подписывал, не то полу-подписывал, сам понять не могу. Хотя те, кто ругали, прекрасно знают — да, поводы Астафьев давал.

Помню, на Вторых Астафьевских чтениях (дай Бог памяти 1998 г.) — Виктор Петрович выступал перед полным залом в Дивногорске. Меня удивило, что, несмотря на свою тягу к художественной прозе, ее лиричности, полноводности, говорливости, Астафьев необыкновенно и четко формулировал мысли в своей речи. Уже не помню, в каком месте его выступления, но возник некий тостообразный поворот, когда он перечислил имена значимых для него писателей, о которых нам следует сейчас вспомнить. И он назвал Василя Быкова, который находится в Финляндии и которого надо поддержать. Он так и сказал — «и давайте мы его маленько поддержим». И продолжил — в том же ключе, но не помню в связи с чем, и какими точно словами — что давайте упомянем, назовем русских писателей, поэтов — так сказать достойных быть упомянутыми. И называет: допустим, Юрия Кузнецова, и... Бродского. У меня отвисает челюсть, и я до сих пор не понимаю, зачем он упомянул этого Бродского, про которого даже мой дед, до лоска и блеска олизанный московскими либералами и вынужденный с «такой обстановкой» считаться, говорил про Бродского скучно-разочарованным тоном и пожимая плечами — «ну он же холодный»...

Я абсолютно уверен, что Бродский не мог нравиться Астафьеву, что Виктор Петрович терпеть его не мог, и упомянул, желая подчеркнуть свою идеологическую благонадежность, «современность». Подыграл, так сказать погоде, зная, что на его плечах литературная судьба Красноярья. И понимая, чьи времена настали, желая по-крестьянски хоть клоч шерсти поиметь от паршивой овцы «демократии». Хотя, бесспорно, именно такие высказывания и давали повод обвинениям в предательстве русского дела.

Помню в Москве, вначале 2000-х гг. общался с редакторшей одной замечательной, дочерью известного тоже писателя, и разговорились об Астафьеве. Она сказала, что мол, да, многие осуждают Астафьева — ну... Она, как это принято говорить, замялась, подыскивая слова, и продолжила: ну... осуждают... за... «связь с Бобиком». Выражение мне очень понравилось, и я решил, что под Бобиком, имелось в виду либеральное крыло российской культуры. А недавно подумал, что, скорее всего, она имела ввиду общение

Виктора Петровича с Борисом (Бобиком) Ельциным в Красноярске, и то, что последний профинансировал 15-томное издание Виктора Петровича.

И возвращаясь к Дивногорску. Я видел Астафьева всего несколько раз в жизни, но, конечно, слушал его по радио и телевидению, естественно, читал — и газетную публицистику, и в первую очередь, книги. И никто меня не убедит, что «Астафьев полюбил Бродского»! По-настоящему, внутри себя, позвонками... Кишошно, как говорят на Ангаре...

Можно долго рассуждать и припоминать... Но давайте представим себе Виктора Петровича Астафьева в виде дерева. Огромная, кряжистая и израненная ледоходами листвень на берегу Батюшки-Енисея или его притока. Рослая, с обломанными сучьями, с потеками смолы, с толстенной корой, серой снаружи и малиновой изнутри... И до слез хочется думать, что этот условный Бродский-Бобик — не более чем мелкий камешек, приставший к коре, вдавленный в нее проходящей льдиной, в то время как и сердцевина, и сокоживительная болонь с ее кровотоками, связывающими душу с родной землей, как была той, вековой, прежней, исконно-русской, такой и осталась навеки. Такой она и глядит на нас из эпохи перестрелки с Эдельманом. Из эпохи надежды... Когда свято и наивно верилось в Русскую Весну, как верится и теперь вослед военкорам Донбасса, — что ценой кровавых потерь что-то сдвинется в «древа власти», и развернет она свою сень к Родине и народу.

А теперь вспомним его дикую, трагическую самоэпитафию.

«Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье».

С каким адом в душе можно такое прокричать? Какая глухота мира к такому сподвигнет?

Существует в жизни закон некоей парности сущего, так называемый «закон парных случаев» — когда значительное явление эпохи открывается будто в двух взаимодополняющих ипостасях, совершенно разных по темпераменту, окрасу, но поразительно соизмеримых по масштабу. В качестве примера можно привести Пушкина и Лермонтова (признаю натяжку), Толстого и Достоевского. Ну и, конечно, Астафьева и Распутина. И если уж позволительно продолжать в этом ключе, то есть соблазн провести нить от одной пары великих прозаиков к другой и порассуждать, кто из них чью наследует если не линию, то притяжение, творческий склад. Судьбу...

И, с моей сугубо личной точки зрения, нити идут так: Толстой — Астафьев, и Достоевский — Распутин. И у Толстого, и у Астафьева бьет через край яркая и святая плоть жизни, да так, что художник нередко оказывается ведомым ею, столь великолепно отливающейся именно в слове. Достоевского же с Распутиным роднит строгость, свой особый аскетизм и даже некоторая скупость в передаче полотна жизненного фона, живописного подклада, и при этом величайшее, монастырское какое-то стремление к подвижнической высоте, приверженность внутренней идее, духовной задаче. А если принять общность жизненного креста со всеми испытаниями, заблуждениями и бедами и вспомнить мировоззренческие метания Толстого и его трагический уход, то нечто подобное мы увидим и у Астафьева. И в свете этого становится понятным, в каком серьезном и бережном осознании нуждается его самоэпитафия, и все, что за ней стоит...

Глубоко возмущен попытками покуски имени Астафьева в его юбилей некоторыми авторами, считающими себя патриотами. И вот вопрос: чей это

заказ — свергать, путать карты, мешать в кучу и искать разломы в Русском Мире? Зачем? И время ли? Бог судья...

Юбилей — это не речи, и не застолья. Это повод вспомнить дорогого писателя, посмотреть на происходящее *его* глазами, рассказать детям о них, о глазах этих! И задаться вопросом: почему же он белый свет-то не взвидел, — может потому, что знал, что все напрасно, что так быстро его поставят под стеклянный колпак, лишат жизненного присутствия? Что душа его раненная, воплотившись в книгах, ничего не исправит — ни в происходящем вокруг, ни на нас самих. И что просит он об одном — очнуться, наконец, вспомнить, что слышит он каждый наш шаг на этой земле, каждое слово... И просит не пересудов, а молитвы.

ВЫШЛА КНИГА

Шорохов А.

Бранная слава. — М.: Вече, 2024. 320 с. (Серия: «За ленточкой»).

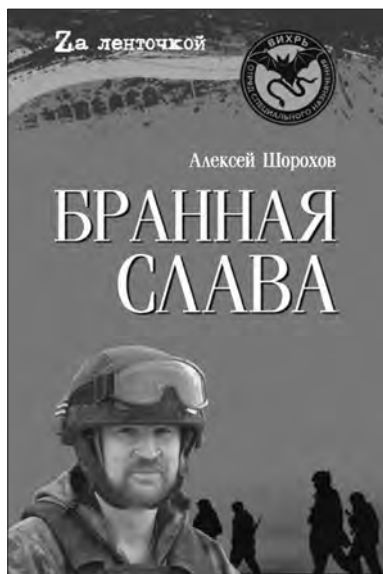
Повесть «Бранная слава» начинается с разрыва американской корректируемой бомбы, после чего дом, где заняли позиции бойцы отряда «Вихрь», «сложился в пыль, в труху». Главного героя повести, Егора Акимова, как и Алексея Шорохова в июле 2023-го, вынесло взрывной волной, остался чудом жив...

Во второй части повести — преимущественно мирное пространство. И нагрянувшая на Егора, пронзившая его любовь — на белом пароходе, выплывшем как будто из советского кино мечты. Наш герой, конечно, несвободен, незадолго до встречи с полюбившей его юной Дашей сталкивается с предательством близкого человека.

Но любовь героя войны света с тьмой, встречающаяся в отпуске по ранению, несказанна и чудесна. Даша тоже из Донбасса, из разрушенного Мариуполя.

Они сразу отличили друг друга в толпе отдыхающих — по израненной ауре, подбитой душе...

Михаил Крутин

Александр КАЗИН
ЯДРО РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ — ЭТО
ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА
И РУССКИЙ ЯЗЫК

*О роли Православия
в художественной
культуре России*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И. о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге.**

За последние несколько лет вышли в свет пять томов исследовательской серии «Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве», посвященной раскрытию православных смыслов в русском и советском искусстве XX — начала XXI века. Книги серии становились лауреатами национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты» в номинации «Культура» (в 2016, 2017, 2019 гг.), XIII конкурса «Просвещение через книгу» Издательского совета Русской Православной Церкви (2018 г.). Над исследованием трудились более пятидесяти ученых России. Об этих книгах и о судьбе Православия в художественной культуре России мы поговорили с руководителем проекта Александром Леонидовичем Казиным, доктором философских наук, профессором, научным руководителем Российского института истории искусств.

— Александр Леонидович, группа ученых под Вашим руководством провела масштабное исследование, посвященное изучению русского искусства через призму Православия. Что стало его отправной точкой, какие задачи Вы ставили перед собой?

— Замысел этой работы возник почти 10 лет назад, в 2015-м году. Я подумал, что следует изучить наследование фундаментальной духовной традиции России — Православия — на материале светской художественной культуры. Такого системного и последовательного изучения этой темы не существовало до сих пор. Хотя по отдельным произведениям и видам искусства такие работы появлялись — в Пушкинском доме, например. Есть извест-

ные книги М.М. Дунаева на тему «Православие и русская литература». Но мне показалось, что следует обратить внимание не только на литературу, но на все виды искусства — русскую музыку, изобразительное искусство, архитектуру, театр и кино — как некое религиозно-смысловое единство. Этот замысел сложился еще и под влиянием моего личного интереса к этой тематике, и по мере актуализации христианской темы для жизни России в целом: Россия стала осознавать себя Православной страной, даже Православной цивилизацией, что было, конечно, не всегда, например, на протяжении советского времени.

Я решил начать именно с советского и постсоветского периода культуры, мне показалось интересным проследить эволюцию этой тематики на протяжении ста лет, с 1917 по 2017 годы. Результаты работы получились настолько актуальными и востребованными, что тома исследования становились по мере их выхода в свет лауреатами национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты» в номинации «Культура», конкурса Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу».

— *Казалось бы, советское время в истории русского Православия — период трагический, богоборческий. Удалось ли выявить христианские аспекты произведений искусства советского времени?*

— Это исследование, конечно, начиналось не так просто. Известно, что у нас далеко не все ученые разделяют христианский подход к культуре. Культура — это не что иное, по словам отца Павла Флоренского, как то, что вокруг культа. Вопрос в том, вокруг *какого* культа собирается эта культура. Мое глубокое убеждение (и тех авторов, которые работали со мной) заключается в том, что православная основа русской культуры никуда не исчезла, в том числе и при советской власти.

Она существовала прикровенно, скрыто, а подчас и довольно открыто в некоторых выдающихся произведениях. Задача нашего исследования была в том, чтобы это «скрытое» показать и привести доказательства того, что духовный огонь православно-христианства продолжал гореть внутри культуры на глубинном уровне, хотя внешне она могла являться в разного рода «превращенных» формах, как я это называю. Подробно говорить об этом не буду, проще прочитать те книги, которые мы написали.

Думаю, могу привести в качестве примера произведения таких поэтов, как Александр Блок, Андрей Белый, Николай Клюев, Николай Рубцов. Можно вспомнить того же Андрея Платонова, чьи произведения пытались интерпретировать как антисоветские, а он совершенно иначе это понимал. Вспомним, например, эпизод романа «Чевенгур», когда приезжает идеологическая

Обложка первого тома книги «Судьбы русской духовной традиции»

Обложка второго тома книги «Судьбы русской духовной традиции»

повествования в конце фильма на экране возникают гениальные изображения «Троицы» и «Спаса» Андрея Рублева, разрешающие все противоречия.

А вспомните песню «Вставай, страна огромная» — это совершенно потрясающее душу музыкальное переживание жертвенного подвига во имя Отечества. Я до сих пор не могу без внутренней дрожи слушать эту песню, она меня просто поражает. И все, что подготовило народ к такому состоянию, к такому подвигу, не обошлось без влияния Православной духовной энергии, которая существовала и жила в народе, несмотря ни на какие идеологические чистки и разрушения храмов.

Это тайна России, тайна Третьего Рима, если уж на то пошло. И история советской культуры вплоть до 1988 г., когда официально отмечалось Тысячелетие Крещения Руси как государственный праздник Советского Союза, и вся дальнейшая история уже постсоветской России — это во многом история возрождения Православия. Достаточно сказать, что за эти годы издано православных книг больше, чем за всю предыдущую христианскую историю России.

— *Получается, в советский период в культуре христианское мировоззрение проявлялось благодаря некой духовной инерции верующих творцов?*

— Я не уверен, что тут слово «инерция» подходит. Инерция — это что-то неживое, а наследие — оно живо всегда. Густав Малер говорил, что традиция — это передача огня, а не поклонение пеплу. Этот огонь горит — тайно или явно — на протяжении всей истории христианской России. Это было и в Петровские времена, и в XVIII–XIX вв., когда вообще государственная (официальная) культура жизни осуществлялась в вестернизированных, западных формах. Вспомним Пушкина, которого называли французом и который потом стал великим национальным православным поэтом, духовным тружеником. Кто такой Достоевский, который поначалу

увлекался революционными идеями, а потом пошел на каторгу и узнал, что такое русский народ? В петербургский период русской истории Православные христиане переживали иногда не более легкие времена, чем при советской власти (например, при Екатерине II), хотя при этом храмы вроде бы не разрушали, а наоборот, строили.

— Я знаю, что очередной том, который сейчас в работе, как раз будет посвящен этому периоду.

— Да, мы сейчас только что сдали в издательство том, посвященный Серебряному веку, крайне противоречивому, когда Православие и христианство вообще подвергались самым разным соблазнам и превращениям, но вместе с тем и здесь творцы были в поисках христианской темы. Теперь в фокусе внимания первая половина XIX века.

— Вы привели примеры произведений разных видов искусства. Как Вам удалось собрать более пятидесяти ученых-искусствоведов, при этом верующих людей, профессионалов высокого уровня, объединенных общей идеей? Только если Промыслом Божьим они собрались...

— Вы сами сказали, Промысел — Господь помог. Господь в таких делах помогает. Во-первых, слава Богу, что такие специалисты есть, и это лишний раз подтверждает мою мысль о том, что Православное христианство никуда из русской культуры не делось. А ведь мы все люди советского происхождения. Я по рождению и воспитанию — советский человек. Закончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова и так далее. Хотя моя бабушка по матери была глубоко верующей Православной христианкой с детства. Я помню, как она молилась при мне, и я чувствовал, что она что-то очень важное делает. Что-то такое, чего я не понимаю, но что-то в этом есть такое, чего нет в других местах этого мира. Возможно, поэтому меня всегда тянуло именно к проблематике духовной, хотя я, конечно, не знал и не понимал, что такое Церковь и что такое христианство вообще, и тем более Православие. Все это пришло значительно позже. Крестился я уже во взрослом состоянии, в 38 лет, при советской власти еще, тайно.

— Среди авторов исследования есть и сотрудники Российского института истории искусств и многих других учебных и научных заведений России: Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Архангельска, Ульяновска, Саратова, Ставрополя и других городов. Наверное, сложно собрать коллектив, задача неординарная...

— И тем не менее я без особого труда собрал ученых, не прилагая каких-то невероятных организационных усилий, почти один этим занимался. Я очень рад тому, что это получилось. У меня, конечно, много связей в науке, но все делалось в основном на личном отношении — я просто набирал телефонный номер и предлагал человеку участвовать в таком исследовании, и он с радостью соглашался. Потому что большинство из них действительно православные люди, которые мыслят о культуре с христианской точки зрения. Люди, объединенные одними целями, они как-то в итоге сходятся.

Хотя и живут в разных городах. И это при том, что они не за деньги, так сказать, трудились. Первые тома были написаны в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда, это была символическая плата для каждого автора. Далее я уже был директором Российского института истории искусств, мог планировать свою научную работу и получить поддержку от ряда сотрудников. Но вообще за деньги такие вещи не делаются. Тут нужно соучастие внутреннее, душевное, духовное, энергичное, нужно единomyслие.

— Александр Леонидович, одним из таких единомышленников Российского института истории искусств сейчас является Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия), с которым Вы ежегодно совместно проводите конференции об исторических путях русской цивилизации. Почему Россия — это страна-цивилизация? И какое место в этой цивилизации занимает Православие?

— Да, эта конференция проводится ежегодно. Ее название — «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе». С Институтом Наследия мы дружим и проводим такую конференцию, где действительно основной вопрос — это судьбы русской Православной цивилизации. Что такое цивилизация? Есть много определений цивилизации, я сейчас не буду углубляться в эти научные споры. Могу только сказать, что это определенная духовно-антропологическая сущность, развернутая в большом времени, определяющим для которой является религия и язык. Можно еще добавить территорию, но главное — это религия и язык. Для русской цивилизации религия — это вера в Господа Иисуса Христа. И славяно-русский язык, который выражает наши отношения к Богу, и друг к другу, и к миру, и к бытию. Вот эти два момента, они продолжают присутствовать и определять судьбы России, как цивилизации, и как культуры.

Вера и язык — это ядро цивилизации, а вокруг него расположены концентрические оболочки, и первая из них — это культура, светская форма духовной жизни, которая осуществляет духовный импульс ядра на уровне искусства, философии, политики и других. Таково, с моей точки зрения, христианское понимание строения цивилизации, но могут быть другие какие-то понимания и трактовки. Например, марксистская трактовка, где ядром являются производственно-экономические связи и отношения, культура — это идеология, а религия — это вообще опиум для народа, по Марксу, «вздых угнетенной твари», как он это называл. Есть фрейдистские трактовки, согласно которым ядром цивилизации является, грубо говоря, секс, биологическое

Обложка третьего тома книги «Судьбы русской духовной традиции»

желание, а культура и религия — это превращенные формы (сублимации) этого желания и так далее.

— В соответствии с Вашей моделью получается, что Православие и русский язык — это ядро русской цивилизации? Святая Русь — это Православная вера и русский язык?

— Христианство пришло на Русь вместе со священным богослужебным языком, азбукой, принесенной Кириллом и Мефодием, и, собственно говоря, первоначально русский церковнославянский язык впитал в себя многие термины греческого языка, греческого богослужения Православного, от Византии идущего. В этом плане, конечно, Русь восприняла христианство в неискаженных формах Православия, идущего от Византии, а не от Рима, который был склонен к тому, чтобы обожествлять самого человека, начиная с Римского Папы. С тех пор, собственно говоря, Запад идет по этой антропоцентрической линии, когда человек все время становится на место Бога.

Главное, конечно, это то, что русский народ во многом пошел за Христом как за своим Богом и смыслом жизни. Это продемонстрировала и история раскола, когда старообрядцы были готовы идти на смерть ради утверждения, как им казалось, подлинной веры. Это было свидетельством того, что русским народом христианство принято всерьез, в предельной своей жизненной, экзистенциальной основе. И даже после Петровской реформы народ продолжал видеть в одетом по-европейски, в камзол и парик, Императоре миропомazanного Православного Царя, поставленного Самим Богом. В этом смысле вертикаль власти сохранялась вплоть до февраля 1917 года. А если подумать, и советские генеральные секретари воспринимались как своего рода монархи. Да и сегодня наш Президент фактически является представителем такой формы правления, как народная монархия, потому что бывают разные формы монархии.

Обложка четвертого тома книги «Судьбы русской духовной традиции»

— Вы сейчас затронули вопрос исторических и культурных влияний. Россия пережила в своей истории их огромное количество. Мы говорили о Петровской реформе, европеизации, советизации и так далее. Как получилось, что, несмотря на все эти влияния, Россия сохранила свою идентичность, неповторимость, уникальность — они сохранились благодаря ядру русской цивилизации? В чем преемственность?

— Да, вот именно. В том-то все и дело, что внешние оболочки культуры могут значительно отходить от ядра, что и было на протяжении русской истории и в условиях и XVIII в., и XIX в., и в условиях XX века. Но ядро

то продолжало сохраняться. Вот в чем тайна России, в чем ее величие, в чем ее значение для современного, распадающегося на глазах западного мира. Там давно перестали быть христианами, им это не нужно, это их не интересует. Более того, во многом это им враждебно, и они этого не скрывают. А в России мы видим совершенно иной процесс. Мы видим, что в Конституции нашей по поправкам 2020 г. брак признается как союз мужчины и женщины, запрещается ЛГБТ-пропаганда среди детей и молодежи. Ядро веры и русского языка удерживает нас.

— *Сегодня Россия сделала свой цивилизационный выбор, как Вы сами только что сказали. Как нам на этом пути закрепиться?*

Обложка пятого тома книги «Судьбы русской духовной традиции»

нове становится разум, рацию, как на Западе стал, уже в самой схоластике, в Средние века, на основе аристотелевской формальной логики, — то вера становится как бы продуктом этого разума. Тогда меняется и сама картина мира, и сама религия, и сама история. Основа русского ума — это философия, связанная с духовным умозрением. «Верующий разум. Русская философия культуры» — так будет называться моя книга, которую я в ближайшее время хочу издать.

И сейчас на фоне всех трагических событий что-то меняется в самом переживании бытия в России и в русском народе. Происходят изменения в лучшую сторону, и, дай Бог, будем надеяться, что Господь еще продлит наши дни. Потому что, как мы читаем в молитве: «Не хочу смерти грешника, но чтоб он обратился и жив был» (Иез. 33:11).

Беседовала Елена Жданова

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

*Изобразительные особенности,
жанровые направления
и духовные смыслы творчества
художника*

Филиппа Москвитина

К 50-летию живописца

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5-ти книг стихов, книги критики «Резонанс жизни», 4-х книг по современному искусству. Член Правления Союза писателей России, советник Российской академии естественных наук, член Экспертного Совета СПб отделения ВРНС, лауреат ряда литературных премий, награждена многими церковными и светскими наградами, также орденом Анастасии Узорешительницы, медалью ордена св. Анны. **Живет в Санкт-Петербурге**

Духовное и материальное начала в мировоззрении человека неразделимы. Созерцание и постижение художественного произведения осуществляется в результате единения картин мира зримого, открывающегося очам физическим, и образов духовного бытия. Проникновение в замысел художника требует напряжения души и тела, особого рода стояния, которое сродни торжеству стояния на посту, у знамени или в парадной шеренге, перед Венценосцем или иерархом Церкви, пред иконой или на молитве в храме перед незримым образом Божиим.

Зрителем-сотворцом живописных работ Филиппа Москвитина быть трудно — не только потому, что они требуют умного зрения, компетентности, вдумчивого сердца, но и потому, что сам художник все время совершенствуется, его мастерство — это лестница, ведущая к осознанию вневременных смыслов бытия, устремленная к Богу. И в то же время — живопись Филиппа Москвитина кажется понятной, интересной для любого человека, ищущего смыслы существования, любящего свое Отечество, так как все картины созвучны вечным, наследуемым из поколения в поколение смыслам существования.

Художник Филипп Москвитин принадлежит к редким современным мастерам традиции, работающим в системе духовного реализма. Своим творчеством он подтверждает слова архимандрита Киприана (Керна): «Человеку в его богоподобии не только что-то дано, но и очень много задано. Человеку дано как бы некое послушание от Бога, послушание продолжить дело Божие на земле... Человек обязан богословствовать»¹.

¹ *Архимандрит Киприан (Керн). Восхождение к Фаворскому свету. М.: Сретенский монастырь, 2007. С. 19.*

Евангельские откровения обильно взошли на русской религиозной почве «богословием в красках», которое достаточно широко исследовано в отечественной религиозной философии. Художественное творчество XX в., связанное с именами Виктора Васнецова, Михаила Нестерова, Павла Корина — художников, наследующих и дополняющих златую цепь мастерства и русских духовных смыслов, тоже раскрывается в богословских категориях. Но, как известно, со времен Древней Руси любое наследование означает развитие. Сегодня подтверждают этот непреложный закон и свидетельствуют о непрерывности художественной традиции живописные работы немногих современных русских художников, среди которых имя Филиппа Москвитина — одно из первых.

Филипп Александрович Москвитин родился в старинном русском городе Иркутске в 1974 г. в семье художника. Он с детства учился художественному мастерству, имеет несколько дипломов, в том числе об окончании Российской академии живописи, ваяния и зодчества (РАЖВиЗ), об окончании аспирантуры под руководством Народного художника СССР, академика Ильи Сергеевича Глазунова. Он член-корреспондент Российской академии художеств, член-корреспондент Российской академии естественных наук. По настоящее время художник провел более 50 персональных выставок в центральных залах столицы и городов России. Его выставки были в Москве в музее Храма Христа Спасителя, в Санкт-Петербурге в Александроневской лавре, в Екатеринбурге в Музее изобразительных искусств и т.д. Картины Филиппа Москвитина находятся в собраниях музеев, в российских частных коллекциях и за рубежом.

Исследователи творчества живописца причисляют его к Московской школе живописи, которая характеризуется как традиционно-реалистическая, сюжетно-тематическая, особенность мировоззрения — он исторически тяготеет к церковной тематике и военно-патриотическим темам, славятся его пейзажи и портреты. Не отрываясь от русской живописной традиции, Филипп Москвитин говорит своим художественным языком, находит и живописно воплощает свое новое слово, которое черпает из вечных глубин бытия. При всем многообразии художественно-выразительных средств, при неизменном реалистическом отображении картины мира он не сворачивает с единственного, выбранного еще с детства пути. Это путь родной православной традиции, которая не сужает творческие рамки, а, наоборот, дает возможность полнее исследовать самые разнообразные, привычные и оригинальные темы и сюжеты средствами живописи, графики, мозаики. Особый уровень творчества мастера — иконопись и роспись храмов. Творческая манера художника перекликается со сдержанной западной средневековой традицией, с русской церковной и классической живописью.

Чувство сопричастности к мировой христианской истории у Филиппа Москвитина кажется врожденным. Говоря о его исторических картинах, нельзя не обратить внимание на работы, посвященные библейской истории. Эта особенная страница творчества мастера. Мало, наверное, сегодня найдется художников, которые без специального заказа, только по велению души, писали бы большие картины на библейские сюжеты. «Исцеление слепорожденного», «Святой пророк Даниил во рву львином», «Изгнание торгующих из храма», «Рождество Христово. Поклонение волхвов» и другие работы этого ряда Филипп Москвитин создал как будто для какого-то

будущего своего храма, как некогда его духовный учитель Александр Иванов, мечтавший о своем «храме искусств», создал в 50-е гг. XIX в. цикл «Библейские эскизы». Наводит на предположение о том, что картины эти написаны для церкви, их монументальность, композиционные особенности, традиционное цветовое решение, строгий рисунок.

Живописный библейский сюжет не может иметь только внешний, фактологический план, он немислим без скрытого догматического подтекста, который достаточно трудно выразить художественными средствами. Филипп Москвитин решает эту задачу во многом с помощью цвето-пространственной антитезы: высветляя фигуру праведника или страдальца, погружая в область тени второстепенных героев и во тьму — образы, олицетворяющие зло. Встречным столкновением света и тени художник добивается эффекта реального движения, драматичности действия, достигается подлинность происходящего. Собственными духовными переживаниями и необходимыми авторскими художественными приемами мастеру удается создать обладающую поэтическим образом картину битвы извечно противоборствующих сил.

Показательна картина Филиппа Москвитина **«Рождество. Поклонение волхвов»**. Сюжет «Рождества Христова» на Руси имел иконописную традицию, берущую начало из XI века. В своей картине, используя сложившиеся каноны, не отказываясь от наработанных художественных достижений, Филипп Москвитин вступает в духовный спор с великими западными мастерами прошлого и в исконных русских религиозных категориях представляет глубинный смысл предания о Рождестве.

На первый взгляд классическая крупнофигурная композиция картины кажется величественной, статичной. При медленном, внимательном рассмотрении она начинает оживать, как будто приходит в движение. Замечаешь,

Филипп Москвитин. Рождество Христово. Поклонение волхвов

как словно из тьмы, которую олицетворяет разверстый зев пещеры, «вылупляется» Свет и, пульсируя, выплескивается и разливается, и становится дорогой и фоном, в пространстве которых происходит действие Поклонения. Точно не определить: откуда этот свет? От Вифлеемской ли Звезды, сияющей на утреннем небе, от розовеющих ли скал, отражающих лучи восходящего Солнца, или от Творца мира, изливающего Свет со всех сторон света во славу События. Художник находит так много убедительных, знакомых нам оттенков сияния, что перестаешь сомневаться в реальности происходящего. Жизненная, несомненная эта картина так насыщена духовными символами и смыслами, что долго не отпускает внимание зрителя. Ее хочется рассматривать не только по причине достоверности, живописной красоты, композиционной гармонии, но, более всего, чтобы проследить надмирные, невидимые связи, вовлекающие в происходящее духовный взор зрителя. Идеальная и предметная взаимосвязи, присутствующие в произведении, являются одним из наиболее значимых, узнаваемых средств художественного языка Филиппа Москвитина.

Библейским смыслом пронизано полотно живописца, посвященное трагическим временам русской истории. О том, как трудно, жертвенно на поле Куликовом решалась судьба нашего Отечества свидетельствует картина-поминовение, произведение молитвенного звучания «**Димитрова суббота**». Битва, как и предсказывал святой Сергий Радонежский, завершилась промыслительной победой русского войска, это произошло в день Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября 1380 года. Полотно не оставляет сомнения, что так все и было: Она, извечная Заступница Земли Русской, пришла поклониться усопшим, оставшимся на поле брани, и утешить живых. На картине нет натуралистического изображенной смерти, мы видим воинов, отдавших жизни за Русь, как будто спящими на теплой родной земле, и осознаем непостижимую данность, что у Бога, нет мертвых, у Бога — все живы. Печален, но не трагичен лик Матушки Богородицы, она знает, что все герои получают награду: живые — осознание победы и радость жизни, павшие — будут награждены Жизнью Вечной. Ведь и ради русских православных героев-воинов вочеловечился Христос — Солнце Правды, Сын Божий.

«Солнце Правды»¹ — понятие мира духовного, но и реальный, человеческий мир может быть пронизан, а человек — облечен лучами этого Солнца. Это подтверждает — строгий, торжественный портрет «**Иоанна, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского**», исполненный художником как дипломная работа в Академии живописи, ваяния и зодчества (ныне имени И.С. Глазунова).

Митрополит Иоанн совершил зримый святительский подвиг, выразившийся не только в том, что при нем произошел значительный рост числа верующих и прихожан в Санкт-Петербургской епархии, началось возвращение народа в свой исконный духовный дом — Русскую Православную Церковь. Выдающийся подвиг Владыки — его духовное творчество, где митрополит Иоанн разработал целостную, исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения.

Филипп Москвитин находит убедительное художественное решение. Изображая митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна в

---

¹ См.: Боголепов А.А. Три книги о главном. СПб., 2016. С. 21–22.

облачении света, он его самого уподобляет мощнейшему источнику любви, источнику света духовного. Достигается это восприятие вследствие симметрично выверенной композиции картины, где Владыка с архиерейским жезлом в руке изображен в полный рост на амвоне Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры. За ним — Царские Врата, над ним — золотые лучи, символизирующие схождение благодати Святого Духа.

Названные картины Филиппа Москвитина написаны легко и лаконично, как будто для храмовых сводов. Но ведь так оно и есть. Художник работает для православных храмов, он несколько лет трудился для Санкт-Петербургской Александро-Невской лавры. Его картины находятся в Троицком храме Лавры среди полотен известных мастеров прошлого. Будучи произведениями современными, работы Филиппа Москвитина созвучны творениям работавших здесь художников XVIII—XIX вв., мастеров церковно-исторической живописи. Имперские живописные традиции наследует и продолжает художник, помня, что в царствование Екатерины II собору были пожертвованы полотна кисти Ван Дейка, Рубенса, Якопо Бассано и других выдающихся европейских мастеров.

Большие церковно-исторические работы мастера представляют особенно значимую часть его творчества. Серия портретов русских святителей-миссионеров — то, что до него не делал никто в истории русской живописи. Лишь условно их можно определить жанром портрета. В современной художественно-смысловой аранжировке монументальных произведений Филипп Москвитин постигает и отображает духовный подвиг выдающихся деятелей Русской Православной Церкви, разрабатывая уникальные способы его художественного выражения.

*Филипп Москвитин.
Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский Иоанн (Снычев)*

Запоминаются картины, посвященные святителям Николаю Японскому, Иннокентию Московскому, Нестору Камчатскому. На больших полотнах они изображены в полный рост, в экзотическом пейзаже или на фоне ледяных просторов Сибири. Художник заставляет зрителя смотреть на героев снизу вверх, чем достигается осознание величия подвигов наших соотечественников. Сегодня, когда навязывается и отрабатывается эстетика принижения и осмеяния высших смыслов бытия и проявлений человеческого духа, эти работы Филиппа Москвитина воспринимаются как оборонный фактор государства через национальную культуру. О том, что полотна имеют не только духовное, эстетическое, но и непреходящее просветительское значение, свидетельствуют сюжеты и названия картин.

«Свт. Иннокентий причащает свою североамериканскую паству».

«Подписание Айгунского договора. Встреча графа Муравьева-Амурского и свт. Иннокентия с китайской делегацией».

«Апостольский крест. Свт. Иннокентий (Вениаминов) провожает иеромонаха Николая Касаткина в Японию». Просветитель архиепископ Николай (Касаткин) в Японии стал главой русской миссии, которой отдал более пятидесяти лет жизни.

«17 святителей и просветителей Сибири, Китая, Японии, Америки».

Картина **«Прощание с Америкой святителя Тихона»** посвящена образу святителя, принявшего на себя спасительную для Русской Православной Церкви миссию.

На языке духовного реализма, со знанием этапов жизни и подвигов веры, с портретной достоверностью Филипп Москвитин рассказывает о выдающихся православных пастырях, о великих духовных личностях сравнительно недавней истории России. Но интересуют его и времена стародавние, эпоха государственного и державного становления России. Он стремится найти нравственный идеал в прославленных людях далекого прошлого, стоявших у истоков нашей веры. Неоднократно художник обращается к житию любимого своего героя-воина — святого князя Александра Невского.

Историческое полотно **«Александр Невский и Сартак в Орде»**, кажется, не обладает драматургией, выраженным сюжетом. Для понимания происходящего нужно знать историю Руси времен татаро-монгольского нашествия. Картина написана по заказу наместника Александро-Невской лавры. Известно, что святой благоверный князь Александр Невский во время поездки в Орду побратался с сыном хана Сартаком. Русский князь славен не только военными подвигами, но и подвигом миссионерства. В Орде он строил храмы, воцерковлял ордынцев, желая им спасения души и дружбы с Русью. Сын хана Сартак, подружившийся с князем, тоже принял христианство, но в результате заговора сородичей был убит.

На полотне мы видим двух всадников, скачущих по степи, — святого благоверного князя Александра Невского и Сартака. Художник изображает их как обыкновенных всадников, ведущих по пути беседу. И только образ этого пути в виде полыхающего закатными красками ковыля, похожего на стелющееся, движущееся навстречу молодым всадникам пламени, вносит драматизм. От зрителя потребуется вдумчивое прочтение, пристальное внимание к произведению. В картине нет громогласной пафосности, метафоры тонкие, глубокие. Разнятся характеры всадников, выраженные различными

Филипп Москвитин. Александр Невский и Сартак в Орде

живописными приемами. Под обеспокоенным, жестикулирующим, импульсивным Сартаком черный норовистый скакун, кажется, несется неуверенно, стремительно, опасно. Художник, вытягивая его пропорции, заостряя морду, приглаживая на ветру гриву, достигает передачи большой скорости движения, подчеркивает пытливую нетерпеливость новообращенного его хозяина. Александр Невский, наоборот, выглядит уверенно, значительно, его белый конь полон достоинства, хотя в скорости не уступает соседу.

Умение выразить художественными средствами преобладание духовных стремлений над телесными, усиление мистического смысла изображенного события, присутствие элементов православного канона, заметных в образе Александра Невского, свидетельствуют о знании мастером особенностей создания иконных композиций и об умении изображать не просто лица, но лики.

С помощью Божией и по молитвам князя Александра, он выходит победителем из всех испытаний. Символом русской воинской победы можно назвать **«Портрет святого князя Александра Невского, выходящего с отрядом воинов из ворот Старой Ладоги»** — первой столицы Руси. Здесь он изображен в доспехах, с мечом — в виде предводителя дружины свободных русичей.

Трудна и жертвенна была история нашего Отечества на протяжении всех веков его существования. Филипп Москвитин ставит перед собой ответственную задачу — показать историю России в борьбе за свое будущее через образы смутных времен и блистательных побед.

Не следует искать точного определения жанра яркого узнаваемого парного портрета спасителей Руси-России от иноземных захватчиков и внутригосударственной смуты 1612 г. **«Гражданин Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский»**. Сегодня эта картина стала представительской в творчестве мастера. В наличие общих черт и в отсутствие индивидуальных портретных характеристик легендарных героев проявляется замысел художника, склонного к типизации героических образов. Заметные отличительные детали костюмов

Филипп Москвитин. Гражданин Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский

персонажей способствуют пониманию мировоззрения живописца, отождествляющего сословное единение с общенациональным. В картине, имеющей скрытый, мотивированный исторический вектор, Филипп Москвитин доказывает, что победа 1612 г. — не случайное событие, что она, проистекая из далекого прошлого, имеет расширение в наше время и устремлена в будущее. Изображая ополченцев параллельными рядами, уходящими за горизонт и подобными фигурам главных героев, художник создает смысловой контрапункт, символизирующий бесконечный собор русского ополчения, вечно стоящего на защите Отечества.

Другому, важному, значимому поныне событию — посвящена картина «**Перенесение мощей святого князя Александра Невского Императором Петром I в Санкт-Петербург**». Филиппа Москвитина как живописца богослова и историка волнуют не только причины конфликтных ситуаций, но и способы их преодоления. Об этом размышляет мастер, создавая тревожное, динамичное, сюжетно развивающееся полотно, посредством которого показывает непреходящее, спасительное значение духовного преемства. Эта большая, многофигурная картина, композиционно сложная, насыщенная многими историческими, богословскими, нравственными аналогиями и смыслами, несет главную идею — идею богоданности власти.

В 2024 г. — году 300-летия изображенного на картине события — в современности, многотысячным Крестным ходом была подтверждена не только богоданность Царской власти, но и единение ее с народом России.

Государственным величием пронизаны многие картины Филиппа Москвитина, в галерее которого десятки портретов выдающихся созидателей русской истории. Таковой можно назвать картину, посвященную царственной дочери Великого Петра «**Императрица Елизавета преподносит облачение святителю Софронию Иркутскому**». «**Портрет М.В. Ломоносова**» — в образе придворного, в европейском костюме знатного вельможи просвещенного века — еще одно свидетельство становления и осознания Россией своего важного, прочного места в истории и в мире. Могучему Ломоносову, кажется, тесны его одежды, как тесны условности и запреты для развития русской национальной науки и полету его гениальной мысли. Но он прорывается сам и выводит на высокий научный уровень Россию.

Монументальная картина «**Князь Потемкин показывает Флот Императрице Екатерине Великой**» — одна из запоминающихся в исторической галерее художника, она привлекает внимание не только патетическим настроением, богатством колорита, патриотичным сюжетом, симфоничным структурным ритмом, но и современным государственным звучанием.

Под сенью крыл имперского орла несли свое служение и способствовали победам России и другие великие русские государственные деятели, чьи портреты созданы Филиппом Москвитиным. В романтической стилистике старинных военных портретов художник изображает на картине «**Генералиссимус Суворов**» полководца в виде стремительного всадника, увлекающего за собой войска в победную атаку. Это и парадный портрет, и одухотворенный образ человека, глубоко верующего в то, что не он сам, а «Бог наш Генерал, Он нас и водит».

Русский флотоводец, командующий Черноморским флотом, командующий русской эскадрой в Средиземном море **святой Федор Ушаков** изображен художником в образе духовном. Адмирал

расположен, кажется, в точке исхода трехмерных координат — трех субстанций: воздуха, земли и воды. В физике эта точка является точкой отсчета для всех остальных точек, в жизни — судьба святого адмирала является примером и образом для народа и общества, нравственной «точкой отсчета».

Благо Отечества — устойчивое понятие, имеющее, однако, сложный смысл. Каждый человек понимает его по мере своих возможностей и намерений в служении Отечеству. Царю, который служил и даже смерть принял во благо России, посвящена сюжетная, ныне актуальная картина Филиппа Москвитина «**Царевич Николай Александрович закладывает Транссибирскую магистраль**» (2022 г., холст 60×130). Ему же посвящены и многие портреты разных лет жизни Императора, например «**Государь Император Николай II**».

Контрапунктно циклу, посвященному святому Императору, развивается цикл картин, на которых Филипп Москвитин показывает жизнь святого Патриарха Тихона (Беллавина). Являя нам художественные образы Патриарха Тихона в разные периоды его жизни, выпавшей на трудные военные и смутные революционные времена, художник совершил творческий подвиг, воссоздав живописными средствами историю жизни Патриарха в историческом контексте и современном ее значении. Живописными средствами Филипп Москвитин впервые провозгласил неожиданную идею — переосмыслив, переименовав «революционную, марксистско-ленинскую», разрушительную, богоборческую эпоху в эпоху святых деяний Патриарха Тихона и наследовавших ему великих русских Патриархов, вырвавших Россию у сатанинских сил. Художник показывает, что XX в. был вовсе не ленинским, разрушительным, грабительским, но патриаршим — веком спасительным, жертвенным, веком грандиозной христианской победы. Эта идея является

*Филипп Москвитин.
Государь Император Николай II*

Филипп Москвитин. Взятие под стражу Патриарха Тихона

концептуальной в цикле картин, посвященных образу мудрого и бесстрашного святого Патриарха Тихона (Беллавина).

Глядя на широко известное в современной России полотно «**Взятие под стражу Патриарха Тихона**», мы осознаем, что в пределах земного человеческого бытия бывают времена, когда тьме удастся пленить свет. Патриарх взят под стражу, но не ощущает он себя побежденным и униженным даже в условиях бесцеремонно-хамского поведения прислужников новых хозяев страны, увозящих Патриарха на Лубянку. Композиция выстроена на фоне древней красной кирпичной стены Донского монастыря, иконография и драматизм сюжета картины заставляют вспомнить «Боярыню Морозову» великого Василия Сурикова. Холодные чистые цвета зимнего пейзажа контрастируют с черными кожанками комиссаров, со жгучими адскими огоньками их папирос, выявляя сатанинские приметы власти темных, богоборческих сил. Белый куколь Патриарха и его ясное волевое лицо являются смысловым центром картины, на которой, по сути, изображена трагедия временного одоления света силами тьмы, представленными уверенными в своей правоте непреклонными во зле большевистскими комиссарами и солдатами. Но мы знаем, что эти силы будут посрамлены и побеждены.

Гармонично продолжают галерею портретов святителей образы героев России XX века. Это «**Портрет маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова**». Легендарный герой интересен Филиппу Москвитину в связи с характеристикой, данной маршалу архимандритом Кириллом (Павловым), тоже некогда бывшим солдатом Великой Отечественной войны. О Георгии Жукове архимандрит говорил, что «*Душа его христианская, печать избранничества Божьего чувствуется во всей его жизни*». «Печать избранничества» отражена и в картине Филиппа Москвитина. В ряду героев и «**Портрет Константина Константиновича Рокоссовского**», выполненный в документальной стилистике. И картина «**Парад Победы в Москве в 1945 году**».

Филиппа Москвитина, как художника-философа, интересует не только герой или исторический сюжет, но их соотношение с вечностью, пространством, временем, для него важны личности аскетические, внешне сдержанные, но духовно богатые. От образа своего современника Святейшего Патриарха Алексия II, которого мастер знал лично, художник развивает большую многофигурную живописную композицию «**Перенесение мощей Патриарха Тихона или Благовещение в Донском монастыре**». Это одно из выдающихся произведений современного искусства.

На картине изображено важное событие современной Православной церкви — прославление-поминовение Патриарха Тихона, который скончался в день Благовещения Пресвятой Богородицы. По традиции в каждое Благовещение после праздничной службы Святейший Патриарх Алексий II возглавлял процессию перенесения мощей Патриарха Тихона из Малого собора Донского монастыря в Большой собор. Это торжественное, многолюдное событие Филипп Москвитин передал, не перейдя тончайшей грани достоверности и художественного вымысла, который заключается в первую очередь в колористическом и пространственно-композиционном решении грандиозного полотна. Достоверность достигается узнаваемостью многих священнослужителей. Рядом со Святейшим Патриархом мы видим архимандрита Кирилла (Павлова) с иконой святителя в руках. На первом плане — архимандрит Даниил, который в юные годы бывал на службе Патриарха Тихона, благословлялся у него, участвовал в его погребении. Событие показано с большой жизненной правдивостью, оно не кажется явлением стихийным, случайным, но представляется звеном исторического процесса жизни Русской Православной Церкви.

Важной стороной творчества художника являются не только портреты царей и героев, среди которых редкие для нашего времени образы легендарных генералов Первой мировой **Петра Врангеля**, **Николая Юденича**, **Александра Колчака**, его интересуют также образы современников. Художник стремится найти и передать индивидуальные, особенные, отличительные черты портретируемого человека. В этом ряду личности разновеликие по исторической значимости. Здесь портрет ученого **А.Я. Воропаева**, здесь исследователь творчества Филиппа Москвитина «**Профессор, доктор искусствоведения В.Г. Брюсова**», простая женщина «**Татьяна Ивановна**», «**Поэтесса**» (Нина Карташева), «**Прихожанка**» (режиссер документальных фильмов Анна Москвина), спортсменка «**Мария Шарапова**» и мн. др. Подчеркнутые аристократизм и творческая одухотворенность портретируемой отличает работу «**Дама в шляпе**» (княгиня Е.Н. Чавчавадзе).

Портреты, выполненные Филиппом Москвитиным, не позволяют забыть ни о судьбах героев, ни о миссии духовного просветительства. Запоминаются образы великих деятелей русской культуры: **А.С. Пушкина**, **А.А. Ахматовой**, **А.П. Чехова**, **Ф.И. Шалапина**, **Ю.А. Гагарина** (находится в музее Космонавтики Звездного городка), **Г.В. Свиридова**, **А.А. Тарковского** и многих других духовных защитников земли Русской, которым Филипп Москвитин поклонился своим трудом и творчеством.

Портреты современных мастеру духовных светочей России — Патриархов всея Руси Кирилла и Алексия II, митрополита Тихона (Шевкунова), архимандрита Кирилла (Павлова) и др. заставляют зрителя заинтересоваться их образами и исследовать их подвижнический путь.

Филипп Москвитин. Портрет митрополита Симферопольского и Крымского Тихона (Шевкунова)

Филипп Москвитин. Икона Царственных Мучеников

Об этом свидетельствует работа Филиппа Москвитина «**Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Успенском соборе Московского Кремля**». Это портрет ныне здравствующего Патриарха, которому предназначен свой крест. Ему вменено высшей, объективной необходимостью духовное просвещение соотечественников, с чем он блистательно справляется. Именно такой Патриарх нужен сегодня, искренно его общение с православным миром, а слово так убедительно, мудро и в то же время понятно, что многие люди, просветленные проповедями Святейшего, приходят в Церковь и остаются там на всю жизнь. Филипп Москвитин изображает Патриарха Кирилла на амвоне древнего Успенского храма Кремля. Мы видим, с каким физическим и духовным напряжением дается Святейшему ответственное служение. Но за спиной Патриарха — Христос Вседержитель, Источник сил и Жизни Вечной, главный Предстоятель Вселенской Православной Церкви и Победитель адových сил.

Нигде так оптимистично не звучит тема победы, как в пейзажах — произведениях о неизбывной красоте Божиего мира. Пейзажи Филиппа Москвитина — светлая, жизнеутверждающая страница его творчества, явление особого поэтического образного строя. Для художника природа — тот мир, где в максимальной степени проявляется величие Создателя. Своими пейзажами, даже минорными, он спорит с рациональной идеей устройства мира, с законом его мимолетности, избывности.

Иконописание — особая, наследственная сторона дарования мастера, предполагающая отдельное исследование. Филипп Мо-

В мастерской художника. Филипп Москвитин работает над полотном «17 святителей и просветителей Сибири»

сквитин проектировал иконостасы Троицкого собора Борисоглебского монастыря, создал цельный образ храмового интерьера. Создавал росписи для алтарной части храма Николая чудотворца в Пыжах и других храмах.

Доктор искусствоведения, профессор В.Г. Брюсова особо отмечает храмовые росписи Филиппа Москвитина. «Создавать новое религиозное искусство следует на почве высокого мастерства художников нашего времени и опираясь на великое наследие древнерусской иконописи»¹. К таким талантам «высокого мастерства» В.Г. Брюсова относил и Филиппа Москвитина.

Доктор искусствоведения, профессор Г.В. Скотникова, говоря о живописных образах Филиппа Москвитина, видит их источник «из глубины свободно и предметно созерцающего сердца». «Русское сердце — это сердце любящее, сила его одухотворена Россией. Русский человек открыт России, полон ею. Переживая боль, трагедию, страдание, он переплавляет их в свет и тепло, исцеляя и укрепляя душу, инстинктивно припадая к благодатным истокам национального бытия. В творчестве Филиппа Москвитина отечественная культура в ее прошлом и настоящем предстает и воспринимается как совокупность смыслов, сохраняющих в жизненно сложных противоречиях и борениях духовно-ценностную вертикаль идеала».

Благословенно творчество Филиппа Москвитина, художника одаренного, жертвенного в трудолюбии, любящего Отечество и соотечественников, среди которых он известен как создатель шедевров, прославляющих Русь-Россию в веках и в мире.

¹ См.: Боголепов А.А. Три книги о главном. СПб., 2016. С. 42.

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН

«ДАЛЕКО ЕЩЕ ДО ЛИСТОПАДА»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 г. в г. Озеры Московской области. Окончил Педагогический институт (историко-филологический факультет). Работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2015 гг. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в т.ч. премии «Имперская культура», премии им. Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. **Живет в Москве.**

ЖАЖДА

Я поднимаю воду из колодца.
Она густа. Чем выше — тем ясней.
Я тороплюсь, ведро о стенки бьется,
И вот уж губы тянутся за ней.

Я пью и пью, и не могу напиться.
И льется — холодна! —
на грудь мою.
Вот так и жизнь — то меркнет,
то искрится,
То холодом обдаст, а я пою.

Пою о ней...
Об этой вот букашке,
Что не спеша по колышку ползет,
Об этой вот улыбочивой ромашке,
Что ждет меня часами у ворот.

Пою о милых мне глазах осенних,
О земляничных заревых губах,
Озерах тучных, рощах пенопенных,
Как табуны гривастых ковылях.

Плеснул случайно — о сапог водица.
Стою и долго щурюсь в синеву.
Я воду пью и не могу напиться,
Все не могу напиться. И — живу!

* * *

Слеза накатит беспричинно,
Как мне покажется. И что ж?
Вот я — не молодой мужчина,
А на дитя сейчас похож.

Мне больно стали трогать сердце
Летящий лист и птицы плач,
И мятный сумрак в теплых сенцах,
В чулане пыльном детский мяч.

Так что же душу расшатало,
По сердцу лезвием скользя,
Что дымка сизая вокзала
Вдруг набухает, как слеза?

Так что же остро так — не знаю! —
Вся жизнь моя, вся боль чужая
Горит слезой в душе моей
Сквозь горечь дней и радость дней?

* * *

От деда пахнет медом, туманом, огородом,
Рыбацкою лодчонкой, копченым рюкзаком,
От бабушки — стогами, вареньем, пирогами,
От мамы — то малиной, то теплым молоком.

От бати — пот и порох, и дней тяжелый ворох.
Жена рассветом пахнет и щебетом детей.
Стоим и замираем, а в церкви пахнет раем,
А в церкви пахнет раем и родиной моей.

МОЛЕНИЕ

Господи, ты меня видишь?

Я — атом в потоке Вселенной и поля родного.
Я — атом случайный, как жизнь и мерцание снега.
Пылинка, способная верить, дерзать, ненавидеть,
Способная каяться, петь, позабыв о себе.

Зачем мне, пылинке, косматое поле ржаное,
Гривастое море, гортанная песнь камнепада,
Когда по горам разлетаются демоны молний
И синими бивнями ливни трясут облака?

Зачем мне, пылинке (слезинкой душа зародилась!),
Встречать на пути то разоры и пепел, то славу,
То дрожью любовь ощущать, как дождинки — по ребрам,
Лететь, замирая, что ангел с тобою летит?

Так что ж мне, пылинке, так сладко на русском просторе
Любить наши роци, лелеять родные могилы,
Детей обнимать, что щебечут весенние песни,
Жене не цветы, а цветение сердца дарить?

Так кто же я, Боже? Пылинка ли? Я и не знаю.
А хоть и пылинка. Но только оставь со мной, Боже,
И солнечный день, и метельный, и боль, и надежду,
И счастье любить, негасимое счастье любить...

* * *

А когда я уйду, вы, любимые, ждите,
И тогда возвращусь я росой на раките,
И озерной зарей, и волною плескучей,
Аржаными полями и пьяною тучей.

И когда ты увидишь лодчонку, березу,
Над полынью вспорхнут золотые стрекозы,
И туман о заре принесет свою весть...
Это я тут и есть, это я тут и есть.

ОДИНОЧЕСТВО

Я живу на окраине. Дальше — лесá.
Приютилась избушка за дикою грушей.
Страшно, друг мой, ночами смотреть в небеса,
Словно космос голодный глядит в мою душу.

Это он за моим одиноким окном
Мириадами льющихся звезд пролетает.
От него не укрыться за флягой с вином.
Он лесами бушует и небом вскипает.

Что с того, что сирени пускаются в вальс?
Он не слышит счастливые вешние трели.
Он за мною следит миллиардами глаз,
Что давным уж давно свои жизни пропели.

Миллионы минувших и будущих лет
Разве могут заметить какую-то птаху?
Но поет соловей, предвещая рассвет,
И срываю я, ставшую тесной, рубаху.

Льется космос и топит огни городов,
И земли-то не видит — сквозящий, глубокий.
Видит только души огонек одинокий,
И она, как заря, — разбивается в кровь.

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою.

Сергей Есенин

Жизнь листвой роняет лес осенний,
И ледок затягивает пруд.
Без утрат и скорбных потрясений
Почему-то люди не живут.

Ждем чего-то. Разве счастья ищем?
Жизнь — сейчас, грядущее — во мгле.
Ходят, ходят люди по кладбищу,
Ищут свое место на земле.

Для себя желанных ждут и любят,
Потому и холодок в глазах.
На земле находят место люди,
Мало кто находит в небесах.

Жизнь — обман, волнующий и нежный.
Вот шумит, как под окошком клен.
То ударит в грудь метелью снежной,
То весенним плещется огнем.

Жизнь — обман. Но если состраданье
Поит душу, как луга — туман.
Значит, близок ты к любви и тайне,
Не такой уж жизнь твоя обман.

* * *

И мы не простые, и жизнь не проста.
Иуда, как прежде, целует Христа.
Иуда, как прежде, Христа предает,
Как прежде, безмолвствует тихий народ.

Но все-то не просто, и все-то не так.
Шипит на Россию надменный поляк.
Братушка болгарин который уж год
Оружие нашим врагам подает.

А как целовали и в дружбе клялись!
К груди прижимались, но вот отрелись.
И речи пустые и очи пусты.
Славянское братство, да было ли ты?

Когда ж черный морок с братьев опадет.
Собой ужаснется предавший народ,
И с горькой слезою к России придут
Все те, кто с молитвой к Христу припадут?

А мы будем помнить, что жизнь не проста.
Иуда опять поцелует Христа.

* * *

День убывает.
Лето впереди,
А все же ощущается утрата.
Хоть далеко еще до листопада,
А ветерок его — уже в груди.

Еще полны кипреем небеса
И по коровьи облака неспешны,
Но замолчали милые скворечни,
Ромашки прячут добрые глаза.

И зыбкие ныряют ветерки
В густой траве и нам напоминают,
Что этот ясный день цветет, но тает,
Как свет зари на гребешках реки.

*...И снова дум его полет
Подымет Божеская сила!*

Николай Языков

Наталья ЧИСТЯКОВА

«БУДЕТ СТОЯТЬ РОССИЯ С ИМЕНЕМ НИКОЛАЙ»

Наталья Дмитриевна Чистякова (Мазалецкая) — поэт, редактор, родилась в Вологде, окончила Вологодский политехнический институт, прошла действительную военную службу в рядах РВСН (1992–1994). Член СП России, Приемной комиссии МГО СПР, член Международной Ассоциации писателей и публицистов (МАПП), Культурного Центра им. А.И. Фатьянова, вице-президент Клуба писательниц «Московитянка» ЦДЛ. Автор 8 поэтических книг, многих литературных статей. Автор уникальных Всероссийских издательских проектов, лауреат нескольких премий. **Живет в г. Балашихе Московской области.**

Тихо в Николе зимовье.
Пишет стихи Рубцов.
Клюев хранит в «Песнослов»
Россыпи вещей слов.

По обе стороны сини
Не смыкается даль.
Будет стоять Россия
С именем Николай.

Там, где склонилась согреться
В южной реке велла,
Песни певучего сердца
Коля Зиновьев шептал.

Над золоченой морошкой
Колычев Николай
Рифмы берет в лукошко
Горкою, через край.

Певчая птица — Россия,
Выжить одна бы смогла ль?
Богу она угодила
С именем Николай.

* * *

...Старый дом глянет в сердце мое...
Александр Блок

Здесь криком кричит моя память
И все горизонты видней.
Здесь губы томятся сильнее
По самому милому: «мама».
И солнечный зайчик из тени
Крадется поближе к печи.
Кот прыгнул ко мне на колени,
Как маленький трактор урчит...
И все-то до боли родное,
До радости светлой — свое.
И если есть в мире святое,
То это отцово жилье.
Не ведаю, что будет дальше.
Душа припеклась навсегда
К печурке, где солнечный зайчик
И так далеки холода.

* * *

Я брожу в золотом лесу.
Здесь мгновения сыплются листьями.
На ладонях легко несусь
Небо вечное,
Небо чистое.

И такая в душе благодать!
Пахнут травы осенние ладаном.

Словно это мне только и надобно,
Чтобы осень смиренно принять.

И внезапно в просвете река
Просияла серебряным крошевом.
Здесь проворнее птички зуйка,
Век за веком сплавляется в прошлое.

СОЛОВЕЙ

За духмяною калиной
Старосветский соловей
Песней дивною, старинной
Сладко потчует людей.

Неприметная пичуга
К микрофону вновь встает,
И одна на всю округу
Ночью душно поет.

Про далекую чужбину,
Про житье-бытье на ней.
Как поет из-за калины
Одичавший соловей!

И Россия слышит это,
И не спит в слезах она.
У певца и у поэта
Жизнь одна, и ночь одна.

КЛЮКВА

Всю собрать бы,
да не хватит рук вам —
Столько нынче клюквы развелось!
Журавли — и те наелись клюквы
И не спят, как раньше им спалось.

Вознося на небо вереницы
Тех, кого сберечь мы не смогли,
Над кровавой клюквой кружат птицы,
Крыльями склоняясь до земли.

На болотах стынь стоит такая,
Что и звезды мерзнут на лету.
Стынет клюква, вечность окликающая,
И глядит спросонья в темноту.

Ничего таинственней на свете
Этих ягод, дремлющих во мгле.
И не солнце — клюква людям светит!
И светло от клюквы на земле.

* * *

Родовые корни,
Отчие могилы.
Прорастают в душу
Лики самых милых.

Высветляет Китеж
Светлояр былинный.

Доберусь до дома
Хоть пешком по глине.

Вглядываюсь в окна —
В сердце ветер резкий:
Не посмотрит мама
Из-за занавески.

* * *

Пылят по земле печенег.
В округе не видно ни зги.
Но будут моря, будут реки,
И будут на свете враги.

Пылят по земле печенег...
И сколько их полчищ окрест...
Но есть у Руси обереги:
Молитва, и вера, и крест.

Русские СУДЬБЫ

Леонид САВИН РУССКИЙ ФРАНЦУЗ, СТАВШИЙ ВЕЛИКИМ КУБИНЦЕМ

Жизнь и творчество Алехо Карпентьера

Леонид Владимирович Савин — родился в г. Сумы (Украина). Журналист, изучал древние языки в Сумском богословском училище. Главный редактор аналитического центра «Геополитика.Ру», генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств, глава администрации Международного «Евразийского движения». Председатель правления Фонда содействия развитию русско-кубинских отношений им. Фиделя Кастро. Автор многих книг по геополитике, более тысячи публикация в российской и украинской прессе. **Живет в Москве.**

В декабре 2024 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Алехо Карпентьера. Писатель и философ, политический активист и дипломат, композитор и этнограф, журналист и сценарист, политик и государственный деятель, обладатель многочисленных наград и премий, а также создатель интересных концепций — его наследие настолько огромно, что потрясает и воодушевляет.

В советское время тиражи его книг достигали ста тысяч экземпляров, и в СССР было издано фактически все его литературное наследие, хотя сейчас в России Алехо Карпентьер малоизвестен.

Даже в кругу специалистов не так много исследований, посвященных его творчеству. В 1991 г. была защищена диссертация Галины Трофимовой «Афрокубанизм Алехо Карпентьера (20–40 гг.)», в 1996 г. Андрея Подгуренко по теме «Пространство и время в творчестве Алехо Карпентьера», а в 1998 г. Елены Огневой «Второй латиноамериканский цикл Алехо Карпентьера, 70-е годы». Далее образовался провал, который тянется уже более четверти века.

Его полное имя — Алехо Карпентьер-и-Вальмонт. Вальмонт — это девичья фамилия матери, и если быть точнее, это искажение inicialной фамилии Бальмонт. Хотя есть разные сведения, откуда именно она родом (Юрий Дашкевич отмечал, что уроженка Нижнего Новгорода Екатерина Владимировна Вальмонт изучала в Швейцарии медицину, а Валерий Земсков — что его мать была предана музыке и являлась русской уроженкой Баку), исследователи однозначно утверждают, что она была племянницей известного поэта-символиста и одного из крупнейших представителей русской поэзии Серебряного века Констан-

тина Бальмонта. Мать Алехо Карпентьера была учительницей иностранных языков, а отец — французский архитектор Жорж Жюльен Карпентьер (в испанской транскрипции — Хорхе Хулиан Карпентьер), который, однако, через некоторое время расстался с женой и сыном.

В цикле «Видение Америки» Алехо Карпентьер рассказывает историю, свидетельствующую, что его предки по французской линии уже бывали в Карибском регионе: «Альфред Клерек Карпантье, мой удивительный прадед, — первым из нашей семьи поселившийся в Америке, — который исследовал эти области Гвианы в середине прошлого века и привез оттуда в качестве невинного трофея запонки гвианского золота, которые сейчас на мне». Капитан второго ранга, сын командира корабля, павшего смертью героя в Трафальгарском сражении, этот мой предок, потомственный моряк, уже в ранней молодости прельстился возможностями, открывающимися для исследователя в некоторых девственных областях Америки». Как пишет Карпентьер, его прадед спроектировал плоскодонное судно для плавания по реке Ояпок и с набранной командой смог пересечь на нем Атлантику из Франции в Гвиану.

Родился будущий писатель 26 декабря 1904 года. И здесь также задокументированы разные версии. Некоторые источники утверждают, что его место рождения было в Гаване, на улице Малоха, в центральной части столицы, хотя другие указывают швейцарскую Лозанну. Согласно данным кубинского исследователя Серхио Чапе, Алехо Карпентьер родился в Лозанне, но сам он указал данные о своем рождении в Гаване, когда поступал на архитектурный факультет Гаванского университета, возможно, из-за определенных требований, а может, по причине того, что хотел подчеркнуть свою кубинскую идентичность. С учетом места пребывания его матери, а также того факта, что будущий отец ранее покинул Францию в знак протеста по делу Дрейфуса, скорее всего, именно Лозанна была местом рождения Алехо Карпентьера.

Детство Алехо провел на Кубе, где жил в поместье на окраине Гаваны. В 1910 г. он начал обучение в колледже Кандлер, а в 1911 г. переходит в колледж Мимо в Гаване. Уже с семи лет он играет на фортепиано прелюдии Шопена. В 1913 г. он путешествует со своими родителями по России, Франции, Австрии и Бельгии. О России есть его воспоминания о пребывании в Баку, где в то время уже было неспокойно. В Париже он посещает занятия в лицее де Сейли. Он не очень лестно отзывался об этом периоде. «...Мой отец думал только о возвращении на Кубу. Он не любил Париж... Он очень хотел сбежать из Европы. Но ожидание было вынужденным. Вот почему возникла мысль о том, чтобы отдать меня в лицей Жансон-де-Сейли, который находился недалеко от дома моей бабушки. И я до сих пор с некоторым ужасом вспоминаю необъятность — для меня: необъятность — того огромного серого здания, в котором я заблудился в первые дни своего пребывания в полуподвале. Поскольку никто меня ни о чем не спрашивал и не интересовался мной, я бродил из класса в класс, не находя тех, кто отвечал мне взаимностью...».

В 1915 г. в возрасте одиннадцати лет и по решению отца, считающего начальное образование в Гаване очень похожим на испанское XIX в., он становится руководителем фермы Эль Лусеро на окраине города. В 1916 г. он через своего отца знакомится с такими классиками французской лите-

Алехо Карпентьер

ратуры, как Бальзак, Золя и Флобер. «... Мое обучение? Это было странно и необычно. Потому что мой отец, по происхождению француз из Бретона, ненавидел все, что было написано во Франции, начиная с восемнадцатого века. От девятнадцатого века меня спасли только Бальзак и Золя, но больше всего — Флобер, работы которого он передал мне в руки, когда мне исполнилось двенадцать лет...».

В 1917 г. он поступает в Институт второго образования в Гаване, где изучает теорию музыки. Уже в это время он исполняет свои первые прозаические произведения и пишет рассказы.

В 1920 г. отец Карпентьера, из-за чрезмерного разрастания фабрик и зданий в Гаване, решает уехать со своей семьей в небольшое поместье в Лома-де-Тьерра, Эль-Которро (сейчас это муниципалитет Которро, округ Альберро, провинция Гавана).

В 1921 г. поступает на архитектурный факультет Гаванского Университета, хотя его не заканчивает.

В 1922 г. Карпентьер начинает свою журналистскую деятельность в *La Discusión* со статьи «Страсти и смерть Мигеля Сервета». «Помпейо Хенер», открывая раздел «Известные произведения», а также пишет для других изданий. Показательно, что свои первые литературные произведения он подписывает псевдонимом Лина Р. Вальмонт в честь своей матери, которая привила ему любовь к русской культуре и литературе.

В 1923 г. он присоединяется к группе минористов, куда входили легендарные Хулио Антонио Мелла, Рубен Мартинес Вильена и Хуан Маринелло. Продолжается сотрудничество с различными журналами и газетами.

В 1926 г. писатель Хуан де Диос Бойоркес приглашает его в Мексику. Он посещает съезд писателей, путешествует по стране и заводит дружбу с Диего Риверой и Хосе Клементе Ороско. В 1944 г. он снова посетит Мексику и по заказу Фонда экономической культуры напишет книгу «Музыка на Кубе».

Вместе с Амадео Рольданом он занимается организацией концертов новой музыки. Он впервые представляет на Кубе произведения Стравинского, Малипьеро, Раваля, Пуленка и Эрика Сати.

В 1927 г. он входит в число авторов Манифеста минористов, который представлял собой критику диктатуры Херардо Мачадо. Вспоминая об этом, он пишет, что «в 27-м г. ... мы призывали к сотрудничеству, союзу и взаимному знанию с другими странами Латинской Америки, мы рассматривали Латинскую Америку как единое целое, мы видели своего рода революционный интернационализм между странами Латинской Америки, мы протестовали против вторжения на наши земли американского капитала...».

9 июля 1927 г. его заключают в тюрьму на семь месяцев по обвинению в приверженности коммунистическим идеям. Там Карпентьер пишет первую версию литературного произведения «Экю-Ямба-О!» (на лукумском языке: Боже, как хорошо, что ты есть!).

А в 1928 г. он делает сюжет для балета «Ребамбарамба», поставленного на музыку Амадео Рольдана. Позже он напишет либретто для двух хореографических стихотворений: «Мата-краб» и «Сахар», а также либретто для балета «Чудо Анакилле», поставленного на музыку Амадео Рольданом, и кантату «Черная страсть» для французского композитора Мариуса Ф. Гайяра, имевшую большой успех в Париже. А в 1930 г. он пишет оперу-буфф в одном действии и пяти сценах: «Манита на полу» на музыку Алехандро Гарсиа Катурлы. Во второй половине 30-х, будучи в Испании «...я написал случайную музыку к “Нумансии Сервантеса”, поставленной Жаном Барро в театре Антуан. Эта партитура принесла мне похвалу Дариуса Мийо, что было немаловажно для меня. И сегодня я могу сказать, что эта партитура была написана заранее для большого ударного аппарата и человеческих голосов (за исключением “добрых” струнных и деревянных духовых инструментов), как это делают сегодня многие люди новых поколений».

Подвергаясь преследованиям со стороны властей, в марте 1928 г. по документам французского поэта-сюрреалиста Роберта Десноса он заходит на корабль и покидает Кубу, отправляясь во Францию. Далее начинается его не менее насыщенная жизнь, полная скитаний, открытий, встреч и достижений. Во Франции он знакомится с Андре Бретоном, Луи Арагоном, Тристаном Тцара, Полем Элюаром, Жоржем Садулем, Бенджамином Пере, а также с художниками Джорджо де Кирико, Раймон Жорж Ив Танги и Пабло Пикассо. Хотя позже он разорвет отношения с сюрреалистами/дадаистами и будет высказываться о них критически. Во время пребывания в Париже, вероятно, были заложены основы его литературного стиля, который Карпентьер назовет «чудесной реальностью». Но пока это были лишь зерна, прорасти которым было суждено позже, после поездок на Гаити и в Венесуэлу.

Как он пишет: «я жил во Франции с 1928 по 1939 гг., но к тому времени, когда я приехал в Париж, я уже был образованным человеком и получил некоторое высшее образование в Гаванском университете. Вот почему, когда Роберт Деснос привез меня во Францию “как своего рода коренного жителя Нового Света”, как он выразился, у меня уже было общее представление о том, что я имею сегодня. Однако я признаю, что многим обязан сюрреализму, поскольку он научил меня открывать реальности, стоящие за другими реальностями».

Там же он познакомился с Эрнестом Хемингуэем, с которым сохранит дружбу, о котором расскажет много лет спустя: «я много бывал у Хемингуэя, я очень хорошо его знал. Я — духовный сын района, где Хемингуэй жил на Кубе — Эль-Которро и Лома-де-Тьерра. По вечерам он ездил верхом. У него тогда была вторая жена. Она всегда ходила в коротких “шортах”, и это, конечно, было необычно для той кубинской эпохи... У него была великолепная коллекция: шедевр Миро “Ферма”, две картины Пауля Клее... Мы хорошо ладили. Хемингуэй не говорил о литературе».

В 1936 г. он ненадолго возвращается в Гавану, а в 1937 г. едет в Испанию и вместе с Хуаном Маринелло, Николасом Гильеном, Феликсом Пи-

той Родригесом и Леонардо Фернандесом Санчесом представляет Кубу на II Международном конгрессе писателей в защиту культуры, проходившем в Мадриде, Валенсии и Барселоне. Выходит серия статей Карпентьера под названием «Испания под бомбами». В них мы можем найти и ту глубину, и постоянную музыкальность, которая характерна для всех его произведений, будь то журналистский очерк или солидный роман. «Но адский грохот упавших на город четырехсот снарядов не изгладит из памяти бередящий душу звук бедного, раненого пианино из квартала Аргуэльес, песня которого в ключе соль стала для меня символом сопротивляющегося Мадрида», — так заканчивается цикл этих очерков. В целом, все художественное творчество Карпентьера пронизано музыкальностью и особым ритмом. Романы «Потерянные следы» и «Весна священная» так или иначе связаны с музыкой. В первом главный герой едет в экспедицию, чтобы добыть редкие индейские музыкальные инструменты, но надолго остается в этом мире, где к нему приходит вдохновение, и он начинает писать музыку. В повести «Погоня» — о попытке революционера-неудачника спрятаться от бывших товарищей по оружию, сама структура произведения выстроена по подобию музыкального произведения. И оно начинается у входа в театр, куда идет и где пытается найти убежище главный герой. Фактически, это развязка, поэтому и заканчивается произведение в том же месте. Но между ними вставлены предшествующие события, которые своей детективностью и фатализмом придают необычный ритм. Поскольку действие происходит в Гаване и многие описываемые места легко узнаваемы, можно даже составить маршруты, по которым передвигался загнанный студент-революционер из провинции. А в романе «Весна священная» после пятой главы идет часть, названная интермедией. Хотя, конечно же, одна работа Карпентьера была посвящена непосредственно истории музыки на Кубе.

В 1939 г. он возвращается на Кубу, где пишет, продюсирует и ведет радиопрограммы включительно до 1945 года. В это время Карпентьер преподает курс истории музыки в Национальной консерватории и делает радиоспектакль «Эль Кихот» вместе с Анхелем Лазаро. В 1941 г. Карпентьер женится на Лилии Эстебан в Санта-Мария-дель-Росарио. С 17 февраля по 5 мая в Национальной консерватории музыки Юбер де Бланк он читает курс истории музыки. В 1942 г. Карпентьер организует первую выставку Пабло Пикассо в Латинской Америке с работами, которые ранее не выставлялись ни в Европе, ни в Америке. Они были выставлены в теннисном клубе Liceum Lawn с 18 июня по 4 июля.

В 1943 г. вместе с женой он едет на Гаити. Он описывает это путешествие следующим образом. «В 1943 г. в Гавану приезжает великий французский художник, великий французский актер и режиссер Луи Жуве. Мы были знакомы по Парижу. Бесполезно говорить, что мы виделись ежедневно. И однажды Луи Жуве говорит мне: “Меня пригласили на гастроли театральных постановок по Гаити. Если ты хочешь пойти со мной, я приглашаю тебя”. Я немедленно согласился. Эта идея показалась мне восхитительной, прежде всего потому, что в труппе Луи Жуве были актеры и актрисы исключительного интеллектуального качества. И я уехал с ними на Гаити». Произведение «Царство земное» посвящено первой революции в Новом Свете, которая произошла именно на Гаити. Хотя эта тема поднимается и в романе «Век Просвещения».

С 1945 г. Карпентьер живет в изгнании в Венесуэле. Там он совершает путешествие по Великой Саванне, верховьям Ориноко и территориям Амазонии. Ему удалось посетить земли индейцев гуахибо. Впечатления от этой поездки войдут в роман «Потерянные следы», который вышел в 1954 году.

После победы революции в 1959 г. Карпентьер вернулся из Венесуэлы на Кубу и занимал различные высокие должности, в том числе вице-президента Национального совета по культуре, вице-президента Союза писателей и художников Кубы (UNEAC) и президента Национального издательства Кубы (с 1963 по 1968 гг.), а в конце жизни он был назначен советником по культуре посольства Кубы во Франции.

Алехо Карпентьер умер в Париже 24 апреля 1980 года. Его прах похоронен на кладбище Колон в Гаване.

Теперь давайте перейдем к рассмотрению идей великого писателя, выраженных как в художественных произведениях, так и в публицистике.

Одной из интересных концепций Алехо Карпентьера является барочность. Под нею он понимал «способ перевоплощения материи и ее форм, способ упорядочивания путем создания беспорядка, способ пересоздания материи». Это нечто большее, чем архитектурный стиль или музыка, определяемая как эпоха барокко. Алехо Карпентьер пришел к выводу, что «Латинская Америка — барочна, и она была такой еще до того, как стала “латинской”, в чем нас убеждает орнаменталистика индейцев миштеков и майя. Но на Кубе барочность не застыла в камне, а стала сутью повседневной жизни, воплотилась в танце, в криках уличных торговцев, в своеобычности кондитерского искусства, в самом человеческом силуэте»... С Карпентьером трудно не согласиться. Если пройтись по улицам Гаваны в стороне от туристического старого города, и сейчас можно услышать крики разносчиков еды, увидеть самые различные архитектурные стили — от фахверка до готики (особенно это характерно для Ведадо), лицезреть мулаток в их ярком одеянии и сотрудников государственных служб в определенных униформах, заметить на дорогах ретро автомобили, российские микроавтобусы «Газель» и новейшие иномарки. Как писал много лет назад Карпентьер, «все это составляет единый сплав кубинского вездесущего барокко — живого и говорящего, — быть может, единственного в своем роде на всем континенте».

В ритме времени барочность наиболее активно «проявляется в какой-то кульминационный период развития какой-либо цивилизации или когда рождается новый общественный строй». Так, поэзию и перформансы Владимира Маяковского накануне революции в России Карпентьер охарактеризовал в русле барокко. Но также «собор Василия Блаженного — один из самых выдающихся образцов русского барокко». Если учесть, что он был построен по указу Ивана Грозного в честь взятия Казани, действительно, это был один из кульминационных моментов русской истории.

При этом барочность Карпентьер напрямую связывал со второй своей концепцией — чудесной реальностью. В лекции, прочитанной в Центральном университета Каракаса в мае 1975 г., он говорил, что латиноамериканская барочность укрепляется благодаря креольству, а «с таким многообразием этнических элементов, каждый из которых привносит что-то свое, и связано прямо то, что я назвал “чудесной реальностью”». Карпентьер откровенно говорит, что необязательно красота является критерием чудес-

ного. Страшное, уродливое, ужасное тоже может быть чудесным. «Все необычное — чудесно».

Карпентьер отрицает какую-либо связь между чудесной реальностью и «магическим реализмом», который, по его словам, не что иное, как нечто среднее между экспрессионизмом и сюрреализмом. А чудесная реальность повседневна, она обнаруживается «в ее первозданном, пульсирующем, вездесущем виде во всей латиноамериканской действительности».

При этом отсылки к этому можно обнаружить и в более ранних работах. Так, в мае 1944 г. в заметке о кубинском фольклоре в гаванской газете «Информасьон» Карпентьер пишет о символах и геометрических знаках, изображении солнца и звезд, а также деревьях в афро-кубинской культуре, подталкивая читателя к чудесной реальности, которую, возможно, он не замечает из-за всеобщего духа модерна и буржуазности. И сегодня на улицах Гаваны можно встретить белокожую (!) женщину с символами культа сантерии или увидеть необычные обряды или их последствия где-нибудь в центре столицы. Нужно только уметь видеть все это, и тогда откроются многочисленные нюансы кубинской культуры и жизни, являющиеся частью повседневности.

Русское происхождение, вероятно, тоже повлияло на мировосприятие писателя. Ведь «славянская душа, измученная и неустойчивая, вечно мятущаяся между кущами райских садов и преисподней», — как он писал в романе «Превратности метода», всегда ищет глубину и видит чудо в маленьких ежедневных событиях.

Из-под его пера вышли эссе, посвященные Игорю Стравинскому и балерине Анне Павловой, Александру Пушкину, Николаю Гоголю и Льву Толстому и, конечно же, детские воспоминания, которые так же наверняка заложили в душу маленького Алехо зерна и чудесного, и барочного. «В вагоне-ресторане я узнал вкус борща, потом познакомился с разноцветными брусочками рахат-лукума, покрытыми тончайшей сахарной пылью... Женщины с закрытыми лицами, обутые в туфли, плоские подошвы которых стучали по камням мостовой... ритуальные искупительные процессии фанатиков, избивающих себя цепями, шествующих вслед за знаменосцами (видимо, это был один из шиитских праздников. — *Прим. авт.*)... и конных казаков, патрулирующих улицы... Но вот наступили дни Пасхи, и стали твориться чудеса...», — писал он в статье, посвященной детской поездке в Баку. По воспоминаниям Карпентьера, ему нравилось посещать и православные храмы, но еще еврейские и мусульманские кладбища, и он даже стал свидетелем одной междоусобицы, когда на улицах были толпы людей и взорвали бомбу. Не чудесная ли реальность тогда открылась маленькому Карпентьеру, которую он позже прочувствовал уже на другом континенте и описал в своих повестях и романах?

Хотя XX в. — это торжество техники и материализма, по всей видимости, Карпентьер не приемлет этот прогресс, возлагая на Запад вину за духовную опустошенность, которая приходит вместе с материальными благами «развитой цивилизации». В романе «Потерянные следы» Карпентьер вкладывает в уста героя размышления о разных путях Запада и остального мира. При этом сам он — выходец Западного мира, оказавшийся в дебрях одной из стран Латинской Америки силой стечения обстоятельств. Очевидно, что Карпентьер осуждает Запад, когда его герой заявляет, что «я бы

никогда и представить себе не мог до какой глубины падения и мерзости способен дойти человек Запада, если бы собственными глазами не увидел того, что запечатлелось здесь, на развалинах этого здания кошмаров». Как и другие критики западного мира, где бы они ни были (русские евразийцы в начале XX в., идея иранского философа Джалала Але-Ахмада о востоксикации /отравлении Западом/, китайская теория о веке унижения от Запада и т.д.), Карпентьер делает резкое разделение между бьющей, неподдельной жизнью стихией в дебрях Латинской Америки и лицемерным Западом, где за внешним конформизмом и условной социальностью находится страх.

«Сельва с ее решительными людьми и нечаянными встречами, сельва, стоящая на пороге совей истории, научила меня — в том, что касается самой сути искусства, которым я занимаюсь, глубокого смысла прочитанных книг и многих вещей, величие которых я раньше не замечал, — научила гораздо большему, чем множество книг, которые теперь, умерев для меня навсегда, покоились в моей библиотеке. Глядя на Аделантадо, я понял, что величайшее дело, выпавшее на долю человеческого существа, — это самому познать свою судьбу. Потому что здесь, в толпе, которая окружала меня и пробегала мимо, безудержная и в то же время придавленная, я видел много лиц, но не видел судеб. Ибо любое глубокое желание, любой протест, любое побуждение, возникавшее за выражением, нарисованным на этих лицах, всегда пересекалось страхом. Страхом перед нагоняем, перед временем, перед новостями и перед скоплением людей, где каждый новый человек — еще один раб, страхом перед собственным телом и перед указующим перстом общественности; страхом перед тем, как бы не потребовали к ответу, перед тем, как бы чрево не приняло семени; страхом перед плодами и водой, перед датами, перед законами и лозунгами, перед ошибками, перед запечатанным конвертом и перед тем, что может вообще случиться».

Нечто подобное мы можем встретить в романе «Весна священная», где один из эпизодов происходит в США, куда часто летала кубинская буржуазия того времени. «Нью-Йорк выбивает из колеи, простите за избитое выражение. Я удивлялся, как могут люди жить в этом городе нормальной жизнью — завтракать, читать, любить, ведь все здесь разъединяет человека с самим собой: громадные скопления разнообразных зданий, дома без стиля, дома, представляющие собой смешение всех стилей, расставленные как попало, улицы, где пешеход растворяется, лишается индивидуальности, в бегущей, охваченной безумной спешке толпе... Нью-Йорк — это воплощение хаоса, путаницы, мешанины, тут все кое-как, вверх дном... Могуч Нью-Йорк, но бедою просвечивает его могущество».

В книге «Весна священная» (название для книги было взято по согласованию с Игорем Стравинским) через жизнь главных героев постоянно идет вопрошание об идеях. Так, один из добровольцев на испанском фронте Жан-Клод на вопрос: что, если все закончится плохо, спокойно отвечает: «Нам останется утешение — мы были верны идее. Самое важное для человека — быть в мире с самим собой».

Из романа «Потерянные следы», хотя он выдержан в совсем другом контексте, поскольку в данном фрагменте речь идет о католическом проповеднике, который отправился к индейцам, ведущих замкнутую жизнь, чтобы проповедовать им о Христе, мы понимаем, что за идею, если она достойна, можно и нужно умирать. «Я мог бы предположить еще более

ужасное, вообразить более страшные зверства и худшие надругательства, которые учинили над его старым телом. И все равно эта страшная смерть не вызвала бы во мне такого ужаса, какой, случалось, охватывал меня, когда я видел, как умирали люди, не знавшие, за что они умирают, умирали, зовя на помощь мать или пытаюсь руками удержать расплывшееся лицо, на котором и так уже не было ни носа, ни щек. Брат Педро де Энестроса получил наивысший дар из всех, каких мог добиться человек: возможность самому выйти навстречу смерти, бросить ей вызов и пасть, пронзенным стрелами, в борьбе, которая для побежденного станет тем же, чем была победа пронзенного стрелами Себастьяна: посрамлением и разгромом самой смерти».

Хотя идеи могут иметь и противоположный знак. В той же «Весне священной» говорится, что «бес — это не личность, а идея, которая может принять любую форму, воплотиться в человеке, овеществиться или преобразиться, не утратив своего извечного значения». И этот бес может овладевать целыми странами. Так он пишет о Кубе времен первой половины XX столетия: «остров буржуев, богачей, сильных мира сего, власть имущих, политиков-профессионалов и политиков “на час”, “мужчин, женщин, штатских, военных, педерастов и водолазов” с начала века принимает деньги от черта».

Возвращаясь к роману «Весна священная» — над ним Карпентьер трудился 18 лет (почти столько же времени Гете потратил на своего «Фауста»), отметим, что главные герои наделены автобиографическими чертами. В Энрике угадывается сам Алехо Карпентьер с его поездками в Испанию и Венесуэлу, а в русской балерине Вере — его мать.

Между тем, этот вымышленный сюжет, который охватывает важнейшие события XX в. с детальными описаниями через внутренние переживания по поводу происходящего, будь то нацизм в Германии или атомная бомбардировка городов Японии американцами, задает этический тон, который всегда будет иметь непреходящую значимость.

После победы франкистов в Испании главный герой Энрике едет оттуда во Францию, чтобы встретиться с Верой, где он поднимает вопросы, которые снова стали актуальными в XXI веке. «Европа. Эта Европа обанкротилась полностью. Я приехал сюда, томимый жаждой, я стремился напиться из кладези духа и знания, и вот мыслителей нет, только пустые черепа, в которых стучат, как костяшки, сохшиеся мозги. Сократ ждет смерти в Бухенвальде. Грязный фашизм торжествует, у него слишком много сторонников, явных и тайных. Настало время бежать, покинуть прекрасные города: Рим, Нюрнберг, светочи культуры, арены мудрости, колыбели цивилизации (колыбель всегда пахнет мочой...), как продажные шлюхи, готовы они отдаться первому попавшемуся болтуну — надув грудь, выпятив губы и поднимая руку на древнеримский лад, он обещает им могущество, колонии». Кажется, что в нынешнем ЕС также все (или почти все) отдалось и сдалось, а кто смог — бежал от новой формы неолиберального тоталитаризма, но теперь уже в Россию.

Красной линией через роман проходит и призыв к творческой самобытности. Вера, которая открывает свою танцевальную школу в Гаване, пытается изучать местные танцевальные традиции и народную хореографию и получает доверие от общины чернокожих в Гуанобокоа — ее приглашают на танцевальный вечер, где она поражается стихии танца — это делают не

напоказ, а чтобы танцевать, это часть жизни, которая приносит радость. «Эротика подчинялась гармонии и была исполнена архаического сакрального смысла». И, в конце концов, она увидела дьяволенка абакуа и танец араара, который привел ее в неопишуемый восторг. Она приходит к выводу, что такие танцоры и должны исполнять «Весну священную» Стравинского, «а не женоподобные дохляки из группы Дягилева».

Вера начинает понимать, что между сказками о Кошее Бессмертном и местными обычаями сантерии есть нечто общее. «Тамошнее и здешнее настолько схоже, и я спросила себя: не один ли для всего мира некий кладезь красоты, не покоится ли культура на немногих первичных, общих для всех доступных понятиях?».

Идея общего истока постоянно присутствует в литературных произведениях Карпентьера. В рассказе «Избранники», написанном в 1972 г., говорится о Великом потопе. Не только Ной построил ковчег, но еще был Амаливак, Девкалион и старик из царства Син. И когда весь мир покрыла вода, их судна однажды встретились, и каждый рассказывал свою историю и считал себя избранным.

В романе «Превратности метода», посвященном теме диктатуры, точнее, жизни диктатора, явно угадывается фигура президента Кубы Герардо Мачадо, а не названной страной является сама Куба, хотя в вымышленном государстве несколько иная география, и сама Куба даже фигурирует как соседнее государство. Однако в проекте Капитолия очевидна отсылка к Гаванскому Капитолию, а в монументальной скульптуре, которая находится внутри — известную статую, воплощающей Остров. Также есть и неоднозначные указания на методы политики северного соседа. Когда в одной из частей страны начался бунт против Главы Нации (так Карпентьер иронично называет своего анти-героя-диктатора), то «Посол Соединенных Штатов предложил немедленное вмешательство североамериканских войск для спасения наших демократических институтов. Как раз в эту пору несколько крейсеров проводило маневры в Карибском море». Хотя Карпентьер отражал реалии прошлого, в уже наступившем будущем это тоже неоднократно повторялось, достаточно вспомнить интервенцию США в Гренаду, Панаму и на Гаити.

В канву повествования Карпентьер ненавязчиво вписывает и связь с античностью, и с карибскими реалиями, например, в пассаже о взрывнике Мигеле Монументе, который разговаривает с деревьями и начал освобождать животных из камней и скал (это соответствует представлениям античных философов о технике работы с камнем), высекая фигуры зверей, птиц и земноводных. Он же, узнав о капитуляции восставших, снова поднимает их на бой против Главы Нации, который устраивает кровавую расправу.

«Превратности метода», по признанию Габриэля Гарсиа Маркеса, так сильно повлиял на него, что после прочтения он захотел внести изменения в свой готовившийся роман «Осень патриарха». Безусловно, «Превратности метода» является одним из лучших шедевров, посвященных проблеме тоталитарного правления, и отражает историю диктатур в Латинской Америке.

Были у Алехо Карпентьера и другие идеи, отражающие политические процессы в мировой истории. Например, в своей лекции, прочитанной 20 мая 1975 г. в Центральном университете Венесуэлы под названием «Полувековой путь», он сделал замечание о том, что астрономические столетия отличаются от столетий исторических. Так, XV веку он отмерил всего 50

лет, поскольку в этот отрезок, по его мнению, вкладываются все важнейшие события, которые произошли в это столетие — от взятия Константинополя до открытия Америки. XIX в. растянулся на 130 лет, поскольку начался с взятия Бастилии во Франции и закончился Революцией 1917 г. в России. И после залпов крейсера «Аврора» начался XX в., которому Алехо Карпентьер отмерял больше астрономических сто лет.

Нечто аналогичное предложил Джованни Арриги в своей книге «Долгий двадцатый век», предлагая экономический анализ международных политических процессов. Арриги отталкивается от работ предыдущих авторов, таких как Иммануил Валлерстайн (концепция мир-системы), но также видно и влияние идей Фернана Броделя (второе поколение французской школы анналов). Между тем, с точки зрения мировой экономики нельзя не упомянуть более раннюю теорию Николая Кондратьева об экономических циклах, которую значительно популяризировал Йозеф Шумпетер.

Карпентьер смотрел более широко, чем экономисты, и говорил о текущем веке как эре борьбы, перемен, потрясений и революций. Он писал о широком процессе антибуржуазного восстания в разных частях мира, пусть и без опоры на статистические данные и экономические показатели. Кстати, ранее России такое восстание началось в Мексике, но переросло в кровопролитную гражданскую войну и на тот момент затухло, хотя это было сигналом для других революционных движений в странах Латинской Америки, особенно тех, которые изнывали под прямой или косвенной оккупацией США. У Карпентьера революция в России, создавшая в итоге Советский Союз, является ключевой точкой отсчета не только потому, что территория государства занимала одну пятую суши планеты, но и потому, что дала толчок для подражания и симпатий по всему миру. О ней восторженно говорил духовный отец современного Пакистана, поэт и философ Мухаммад Икбал в Британской Индии; в Латинской Америке рабочее движение воодушевилось успехами Октябрьской Революции, в странах Азии с интересом следили за происходящим, хотя не имели полной информации; с ревностью и завистью, а также явным опасением, за процессами в Советской России наблюдали из США.

Ну, а антиколониальная борьба, охватившая три континента, после Второй мировой войны вполне вписывается в то, что Карпентьер охарактеризовал как эру борьбы. Важно то, что это не были конфликты империй или государств-наций, это шел процесс освобождения от буржуазной гегемонии, которая принимала глобальный характер и мимикрировала под видом «промышленно развитых стран».

И эта борьба до сих пор не закончена. Значит и к призывам Алехо Карпентьера нужно снова прислушаться, вникнуть в его размышления и заново оценить великолепные труды кубинского писателя в третьем тысячелетии.

Литература

Возвращение к истокам. Мастера кубинского рассказа: пер. с исп. М.: Художественная литература, 1989. 525 с.

Карпентьер А. Избранные произведения: в 2 т.: пер. с исп. Т. 1. Царство земное. Потерянные следы. Погоня. М.: Художественная литература, 1974. 476 с.

Карпентьер А. Весна священная: роман: пер. с исп. М.: Радуга, 1982. 473 с.

Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. Художественная публицистика: пер. с исп. М.: Прогресс, 1984. 415. с.

Карпентьер А. Превратности метода: роман: пер. с исп. М.: Прогресс, 1987. 332 с.

Alejo Carpentier. Lecturas de Juventud. La Habana: Casa Editora Abril, 2017.

Alejo Carpentier. Crónicas Habaneras. La Habana: Ediciones Boloa, 2018.

ВЫША КНИГА

Лузан Н.

От Особой группы до легендарного Смерша. 1941–1946. — М.: Вече, 2024. 480 с.

В издании подробно, на основании архивных документов и воспоминаний участников событий, описаны формирование и модернизация советских органов безопасности, пресекавших деятельность фашистских шпионов и диверсантов в годы Великой Отечественной войны. Приведены данные по работе во вражеском тылу и сотрудничеству с местным населением, а также по анализу захваченных архивов немецких спецслужб и армейских подразделений на оккупированной территории Советского Союза. Отражен и дальнейший, уже послевоенный, поиск германских военных преступников и их пособников.

Рассказывается о подготовке (под руководством Ивана Серова и кураторством Лаврентия Берии) обороны советской столицы и противодействия германским спецслужбам осенью — зимой 1941 года. 12 октября Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «Об охране Московской зоны», в котором НКВД СССР предписывалось «навести жесткий порядок на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы с юга и запада, по линии Калинин — Ржев — Можайск — Тула — Коломна — Кашира».

Александр МОСЯКИН

НЕОЭСТЕТИЗМ РУСЛАНА ФРАНТА

Александр Георгиевич Мосякин — известный историк-архивист, публицист, в прошлом — геолог-нефтяник, искусствовед и журналист. Из-под его пера вышли книги «За пеленой янтарного мифа. Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб», «Жемчужное ожерелье Санкт-Петербурга», «Страсти по Филонову», «Янтарная комната», «Фальшивки и мистификации: от искусства до политики», «Судьба золота Российской империи в срезе истории 1880–1922», «Золото Российской Империи и большевики» (3 т.) «Третья русская революция. От горбастройки до Путина» и многие другие. Документы и материалы, опубликованные автором, использованы во многих документальных фильмах.

Во Франции родилось новое явление в живописи, которое выгодно отличается от постмодернистских тенденций последних десятилетий своей приверженностью к исконной природе изящных искусств — к их эстетическому началу. Автором этого художественного феномена является французский художник Руслан Франт. Имя художника в России неизвестно, хотя он «нашинский», а статья «французом» его заставила жизнь.

Руслан Франт родился в 1961 г. в Ставрополе. С детства увлекался искусством. Азы художественного ремесла постигал у разных мастеров. Одним из них был известный театральный художник Всеволод Семенович Григорьев (ученик Н.П. Акимова), другим — художник Александр Сафронов. В 1985 г. Франт поступил в Московский Академический художественный институт имени В.И. Сурикова, где проучился три года, а потом был отчислен по нелепому доносу. Наступило самое тяжелое время в его жизни, о котором художник не любит вспоминать. В 1998 г. Франт поехал по туристической визе в Париж, где познакомился с парижанкой, женился и получил французское гражданство.

Началась его новая жизнь. Медом ее тоже не назовешь. У бедного художника-эмигранта были проблемы с жильем, временами приходилось спать на лавке в парижских парках. Потом он вспоминал: «Было очень трудно. Голодал. Во Франции не учился, не до того было, да и стар уже... Учился я в советское время, а тут другая школа — никакого академизма, никаких гипсов, все поверхностно и несерьезно». Парижские уличные художники пишут, как могут. Франта среди них

выделяло академическое мастерство, заложенное в суриковском институте. Он упорно работал, и его заметили.

В Париже и других городах состоялось пять персональных выставок. Почитателем его таланта и другом стал великий французский актер Жан-Поль Бельмондо, с которым Франт переписывался и у которого хранилось около 30 его работ. Франт подружился и со всемирно известной французской киноактрисой Мишель Мерсье, снявшейся в 55 фильмах, в том числе в историческом сериале про Анжелику, созданному в 1960-е гг. по роману Анн и Сержа Голон. Стены парижской квартиры актрисы украшают картины художника. Они висят в мэрии Парижа, экспонируются в частных и муниципальных европейских музеях. В 2023 г. Франт стал победителем Международного конкурса искусства и дизайна (Professional Painting and Drawing Category of International Art & Design Competition) и, как победитель, удостоился высокой чести: его «фантастическая» картина «Собор Нотр Дам в облаках» выставлена во Флоренции, у входа в Капеллу Медичи, созданную гением Микеланджело. Готовится выставка художника в Нью-Йорке. Франт работает в разных жанрах и стилях. Но он создал свое видение живописи и творческий метод, который назвал неоэстетизмом.

Эстетизм в широком смысле — это признание красоты высшей ценностью, культ прекрасного в искусстве и жизни. Как течение в европейской культуре эстетизм сформировался во Франции в середине XIX века. Его основателями были Т. Готье, Г. Флобер и братья Гонкур, но своего расцвета он достиг в викторианской Англии конца XIX в., где под влиянием европейского романтизма сформировалось эстетическое движение, проявившее себя в литературе (Дж. Китс, П.Б. Шелли), философии искусства (Дж. Рескин),

Р. Франт. Эстетизм «Джоконды». 2019

*Р. Франт. Эстетизм Веласкеса.
«Портрет инфанта Балтазара Карлоса». 2020*

*Р. Франт. Эстетизм Ван Гога.
Автопортрет*

Р. Франт. Эстетизм Ван Гога. Подсолнух

архитектуре и живописи пре-
рафаэлитов. К началу Первой
мировой войны эстетизм был от-
теснен на задний план потоком
авангарда. Франт возвращает
эстетизм в живопись, усиливая
ее эстетическое воздействие на
зрителя.

Эстетизация произведений
изобразительного искусства по-
явилась в эпоху Позднего Воз-
рождения (середина XVI в.)
в творчестве маньеристов.
В отличие от гениев Высокого
Возрождения, стремившихся
точно передать окружающую
действительность (прежде все-
го, человека), маньеристы со-
знательно искажали пропорции
человеческого тела для усиления
эстетического восприятия
художественного образа, хотя
наметки стиля можно видеть
еще в творчестве Боттичелли.
Идею эстетизации использовали
многие художники, добываясь
через традиционные средства
изображения (цвет, линию, ком-
позицию) особой выразительно-
сти. Непревзойденными масте-
рами певучего, поэтичного или
же напряженного, как струна,
рисунка были великие творцы
классической японской гравюры
(Утамаро, Хokusай и др.). Но-
вым маньеристом в начале XX в.
был Модильяни, создавший га-
лерею восхитительных обна-
женных женских фигур («ню»).
Эстетизировали свои картины
Пикассо и Сезанн. Своей край-
ности в стремлении к вырази-
тельности эстетизм достиг на ру-
беже XIX–XX вв. в творчестве
экспрессионистов. Иконой стиля
стала душераздирающая картина
Э. Мунка «Крик».

Франт создал свою концеп-
цию эстетизма. Используя цвет,

фактуру мазка и другие приемы, художник создает «парафразы» хорошо известных картин прошлого, наполняя их новой художественной выразительностью и содержанием. Парафраз (от др.-греч. Παράφρασις — пересказ) в буквальном смысле означает пересказ текста своими словами. Этот термин используют в музыке, создавая интерпретацию хорошо известных музыкальных произведений. Это не плагиат, не пародия, а новое «слушание» оригинала. Франт делает то же самое с известными живописными произведениями, предлагая зрителю их новое художественное видение. Свои работы, созданные за последние годы, художник называет «эстетизмами». Вот лишь некоторые из них.

Эстетизм «Джоконды». Оригинальное видение всемирно известного шедевра Леонардо да Винчи. Франт пишет (на манер Пикассо) «кубистический портрет» Моны Лизы, заставляя по-новому взглянуть в глаза и душу самой загадочной женщины в мировой живописи. Франтовскую интерпретацию «Джоконды» с помощью современных технологий выводят сейчас на брандмауэры парижских зданий.

Эстетизм «Венеры перед зеркалом» — парафраз на картину Диего Веласкеса из музея Прадо. Франт лепит тело Венеры, ее ложе, ангела с зеркалом и красный фон не тонкими живописными оттенками, как Веласкес, а крупными эскизными мазками, создавая совершенно иную пластику и эмоциональное восприятие образа.

А вот еще один франтовский парафраз на шедевр Веласкеса — «Портрет инфанта Бальтазара Карлоса» из мадридского музея Прадо. В подлиннике юный принц сидит на вздыбленном коне и сверлит вас глазами

Р. Франт. Девушка у окна. 2023

Фотография с подписью, подаренная Р. Франту Ж.-П. Бельмондо

Фото Р. Франта

Камиля Коро и, не меняя цветовую гамму, широкими размашистыми мазками меняет энергетику идиллического пейзажа и его восприятие.

Эстетизм Ван Гога. «Кипарис». В одной из самых «буйных» картин Ван Гога «Кипарисы» Франт усиливает буйство красок и пластику мазков, доводя изображение пшеничного поля с кипарисом до крика души природы, по аналогии с «Криком» Мунка.

У Франта есть и свое видение вангоговского «Подсолнуха» и «вырубленного» широкими мазками «Автопортрета» Ван Гога.

«Портрет Пикассо». Написан с известной фотографии великого «художника-хулигана». Но на картине Франта иссеченное морщинами лицо Пикассо выглядит как барельеф, высеченный из глыбы мрамора. Впечатление совершенно необычное.

Таков вкратце неэстетизм Руслана Франта, хотя он пишет и обычные портреты, пейзажи, натюрморты; у него много сцен из жизни парижан. Работы художника необычны и интересны. В них видна рука мастера и новатора. За пределами России творчество Франта хорошо известно. Его картины покупают, они есть в аукционных каталогах и растут в цене. Хочется, чтобы и на родине художника, в России, о нем узнали.

из-под черной шляпы. Франт фокусирует только лицо, меняет цветовую гамму одежды и убирает сверлящий взгляд, оставляя глазницы с еле видимыми зрачками. В итоге картина получила совершенно необычное художественное звучание.

Или «Портрет Хуана де Парехи», написанный Веласкесом в серовато-темных тонах. Франт делает его «агрессивно-красным», волосы Парехи словно горят, что делает реалистический портрет произведением экспрессионизма.

То же самое Франт сделал с «Мужским портретом» Сезанна, «долепив» его насыщенными красными и зелеными цветами, усилив эстетическую выразительность образа.

Эстетизм Коро. «Пейзаж». Франт берет известный пейзаж

Михаил ЗАРУБИН

БЫЛА НА КАРТЕ ДЕРЕВНЯ ЗАРУБИНО

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н.С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Когда-то давно оказалась в моих руках книга профессора Шерстобитова, которая называлась «Илимская пашня». Почти дословно помню такую фразу: «Есть деревня, точнее была деревня Зарубино, которую основал беглый каторжник». А дальше разъясняется, кто был этот каторжник — вроде бы чуть ли не князь. Но даже если и так, понятно, что в ней все Зарубины из князей, и уж точно — не наши деревенские. Известно, как в старину давались фамилии, и не удивительно, что на наших российских просторах полдеревни, если не вся, могли носить одну фамилию.

Мой отец, Зарубин Константин Федорович, вернулся с войны, я так думаю, в начале 1945 года. Пока он был на фронте, его жена умерла, и у него осталось десять детей. Сам он вернулся инвалидом, без руки, без ноги. У моей матери, Анны Савельевны, муж погиб на фронте, и она осталась одна с тремя детьми. Мои родители встретились, и дальше, думаю, было так — здесь десять да там трое, вдвоем поднимать детей все легче. Мама начала помогать отцу по хозяйству, присматривать за детьми, в результате этой помощи я и родился в первый послевоенный год, последним в этой большой семье. Поскребыш, как это называют в деревне. По паспорту — я родился 9 апреля 1946 г. в Иркутской области, в деревне Кеуль.

Обычно Иркутскую область представляют себе по реке Ангаре, воспетой в песнях, где располагается областная столица, или по озеру Байкал. Но это — только ее самая южная часть, а все остальное огромное пространство простирается к северу. Моя деревня Кеуль находится примерно в сорока километрах от границы Красноярского края — это далеко на север от Иркутска, то

есть, даже по сибирским размашистым масштабам — глухомань. Хотя вот что удивительно — недавно, без всякой особой цели, я купил карту России и там обнаружил свою родину Кеуль, хотя все мы привыкли, что на таких картах обозначают только города, да еще особо крупные поселки. Вот, оказывается, какая моя деревня!

Отец умер от ран в 1947 г., так что я знаю о нем только по рассказам матери. И саму деревню я помнить не могу: в том же сорок седьмом году мама сразу переехала в районный центр Ниже-Илимск, где уже обосновались старшие дети. Здесь я, можно сказать, заново знакомился со своими старшими братьями и сестрами по отцу и по матери. Получалось очень забавно — идем мы по улице, бежит навстречу девушка, сгребает меня в охапку, целует. Спрашиваю:

— Мама, кто это?

— А это, — отвечает она, — твоя сестра Маша.

Понятно, такие встречи, помня нашу многодетную семью, повторялись, и мне это было всегда приятно и удивительно.

В райцентре мы жили совсем недолго, вскоре переехали за реку и поселились в деревне Погодаево. По сути, это был то же Нижне-Илимск — нас разделяла только река. Особой достопримечательностью был аэродром, и на нем два ИЛ-12 — как единственная связь с цивилизацией. Там, на аэродроме, когда я уже подросток, мы проводили все свободное время. Бывали мы и на реке, конечно, рыбачили; у меня, как у взрослого мужичка, имелась своя лодка, но все это мной воспринималось как обыденное. Самолеты — это совсем другое! И мы не просто на них смотрели: деревенских детей хотя и нечасто, но в праздники сажали по очереди в самолет, и мы летали над деревней. Каждый из нас представлял, как он, чуть ли не завтра, возьмет в руки штурвал и сам поднимет самолет в воздух. Тогда даже и не задумывались — гражданским ты хочешь быть летчиком или военным. Просто — летать! И надо сказать, кое-кто из наших деревенских нашел себя в авиации. А мне, видно, было назначено другое жизненное задание.

Наверное, важно, что начало этого пути связано с ощущением раздолья, которое, в свою очередь, привносило или воспитывало какое-то естественное, чуть ли не природное чувство свободы, присущее каждому сибиряку. Вот пример: в наших краях есть немало мест, имеющих в своем названии корень «яр». Всем известен Красноярск, но я имею ввиду не обязательно официальные географические названия, но более частые — местные, обыденные. По этимологии Яр — славянский бог плодородия. Это «яр» видим и в именах князей — Ярополк, а в «Слове о полку Игореве» — «Яр-Тур Всеволод». В словаре Владимира Даля «яр» — это и сильный жар, и огонь, пыл, или уже в сибирской специфике — горячий, нетерпеливый, а также — лютый или неукротимый. А также — крутизна, круть, круча (но не утес, не каменный), обрыв, отрубистый берег реки, край пропасти.

Был такой край и неподалеку от нашей деревни, который мы называли «красный яр», — высокое место с почти отвесным обрывом к реке. На вершине — а это примерно метров 90 над рекой — обычно собирались на гулянья — на Троицу или на Первомай, одним словом, на народный праздник. Здесь сходилась вся деревня. Бывало, в сильном подпитии кто-то из мужиков срывался с яра. Все оставались живы, но всякий раз физиономия

сорвавшегося, когда он, смущенный, возвращался к компании, являла собой сильно впечатляющую, почти батальную картину.

Житель равнинного Петербурга наши яры вполне принял бы за горы. Считается, что когда Радищев получил разрешение вернуться из ссылки и покидал Илимск, он отразил это экспромтом, в котором есть такие слова: «Мы покидаем Илимские горы...». Кстати, о ссыльном авторе «Путешествия из Петербурга в Москву»: в Илимске любят показывать башню, рассказывая, что в нее был заточен Радищев. На самом деле это остатки самой обычной башни, не имеющей к «заточенному» никакого отношения. Хотя остроги, как и крепости, в давние времена во множестве здесь ставили первопроходцы. Радищев жил в обыкновенном доме, а сибирские избы очень просторные. И никаких лишений, кроме разве что отсутствия столичных выходов в свет и привычного круга друзей, он переживать не мог — климат, благословенная природа, великолепные виды, все здесь нацелено на здоровье, физическое и духовное. Это вам не Петербург, особенно тех времен, где быстрее можно было зачахнуть, сгинуть, получив какую-нибудь болезнь вроде чахотки.

Забегая чуть вперед, хочу сказать еще про яр: когда мальчишкой я поехал в Артек, то видел в Крыму горы, много ходил по ним, даже получил почетный знак отличия, свое первое всесоюзное звание — «Турист СССР». Но крымские горы и наши «яры» — сущности абсолютно разные. Мое личное впечатление: хоть в Крыму они и выше, но нет такой, как в наших ярах, мощи, размаха и простора.

На всю жизнь у меня сохранилось ощущение нашего яра. С его вершины, как на ладони, видна родная деревня Погодаево, мой дом, за ней — следующая деревня, потом другая, и так до облаков. А внизу, под ногами, река Илим уходит в бесконечную даль, и вокруг тайга — на многие километры одно сплошное ровное зеленое покрывало. Это первые ощущения моего детства. Это ни с чем не сравнимые и трудно передаваемые словами чувства.

Когда задумаешься или хочешь представить что-то хорошее, светлое — перед глазами обязательно встает деревня моего сибирского детства, как символ жизни и ее возможностей.

Из моих прожитых пятидесяти семи лет Зарубиным я был не всегда: первые десять лет жизни я знал себя под другой фамилией. Причем для меня это — открытие фамилии Зарубин — было действительно открытием, событием неожиданным. Случилось это так.

Первые два класса я учился в Погодаево, в нашей деревенской школе. На третий год нас перевели в школу в райцентре, так как учитель уехал и местную школу пришлось закрыть. Первый день занятий в Нижне-Илимске начался, как водится, с переключки. Сама переключка была для меня тоже впервые: в Погодаевской школе в ней и надобности не было, поскольку деревенские все друг друга знали и называли по именам. А здесь класс был большой, человек тридцать, — дети не только из райцентра, но и из ближайших деревень.

Когда классный журнал был дочитан до конца, я удивился: как же так, всех назвали, а меня нет. Дома первым делом спросил:

— Мама, а ты не забыла записать меня в школу?

Она, улыбнувшись, ответила:

— Конечно не забыла, а почему ты спрашиваешь?

— Потому что всех ребят назвали и новеньких тоже назвали, а меня нет, — всхлипнул я.

— А ты руку поднимал?

— Поднимал, а учитель сказал, что Карнаухова Михаила в журнале нет.

— А еще что-нибудь сказал?

— Да, он еще спрашивал, почему мальчик Миша Зарубин не откликнулся?

— Так это ты и есть. Ты же Зарубин! — рассмеялась мама.

Смысл маминых слов тогда дошел до меня не сразу. Мою маму все знали как Карнаухову, а меня — как сына моей мамы. А как обычно в деревне говорят? Мишка — он чей? — Карнаухов. На вопрос старших, с кем он идет, например, на рыбалку, мой товарищ отвечал:

— С тем то и тем-то, и Мишкой Карнауховым.

Или:

— Кто там по улице бежит?

— Да Мишка Карнаухов, или — Карнаушихин.

Все друг другу были известны от рождения и даже во втором или третьем поколениях — документов, понятно, никто не спрашивал и никто не предъявлял. И я, естественно, откликался на Карнаухова, не очень даже понимая, что это фамилия, да и вообще — что такое фамилия.

Удивление от знакомства с собственной фамилией быстро прошло. Первое время было как-то непривычно, но потом забылась новизна и этого.

Если говорить вообще о школе, то из первых лет запомнились не только курьезы. Как сейчас вижу обычный деревенский дом в Погодаево, в котором одну комнату занимала сама школа, а за ней располагалась квартирка учителя. В этой учебной комнате было четыре ряда парт. Первый ряд — первый класс, второй ряд — второй класс, следующий — третий, и замыкал комнату ряд четвертого класса. В первом было больше всего учеников — девять, в четвертом сидело трое. Понятно — война.

Один учитель был на все четыре ряда-класса, и все четыре занимались одновременно. Кто-то выполнял задание учителя, кого-то в это время он опрашивал или объяснял какой-то урок. Сегодня трудно представить, а по тем временам, да еще для сельской школы, это было нормально, наоборот, разве мог бы быть какой-то другой порядок. Но не только этими деталями запомнилась мне школа.

Мне с первых дней понравилось учиться. Я помню до сих пор свои первые буквы, свою первую, самостоятельно прочитанную книжку «Конек-Горбунок». Это было во втором классе. Еще могу сказать, что благодаря такому устройству школы, — когда все в одной комнате — я мог учиться в первом и одновременно во всех остальных классах. Из предметов особенно любил историю, литературу, и когда по ряду третьего или четвертого класса шли эти занятия, я забрасывал все свои дела первоклассника и слушал рассказ учителя для старших классов.

Я не просто хотел учиться — мне нравилось учиться именно хорошо. В школу ходил с радостью, оценки получал только самые высокие. Никто меня особенно и не наставлял, и не ругал, если бы я получил плохую отметку, то не знаю, стали бы меня ругать вообще? Значит, была какая-то внутренняя и вряд ли осознанная установка — я просто не мог не получать хороших отметок. Когда мать приходила на классные родительские собра-

ния, обо мне всегда говорили в превосходной степени. Когда она возвращалась с родительского собрания, я всегда встречал ее вопросом: «Мам, ну как там?» — хотя всегда заранее знал ответ.

— Ты у меня молодец, — радостно отвечала мама, и лучшего стимула мне было не надо.

Возможно, это можно назвать повышенным честолюбием, которое хорошо в детстве, но не лучший помощник для бесконфликтной жизни в зрелом возрасте. Хотя, поработав за свою профессиональную биографию со многими людьми и достаточно повидав разные характеры, я не раз убеждался, что лучше, когда это касается дела, иметь повышенное честолюбие, чем не иметь никакого.

Работать я начал лет с девяти или десяти. Это не надо понимать так, что в том возрасте я встал к станку или получил какую-то должность в колхозе. Просто жизнь в деревне совсем не такая, как в городе. Здесь дети постоянно участвуют в работе взрослых — выполняют дела самые обычные, но необходимые. Думаю, и сейчас мальчишки в подростковом возрасте все время в работе — сельский труд, и этим многое сказано.

Основная наша работа начиналась летом, когда приходила пора сенокоса. В каждую бригаду, отправляющуюся в тайгу, брали одного-двух, от силы трех пацанов, больше было не нужно. Я любил сенокос, хотя сам косил редко. Не потому, что не умел — я умел косить, как всякий уважающий себя деревенский житель вне зависимости от возраста, но для этой работы хватало взрослых, и наших рук здесь не требовалось. К тому же основной укос делали косилками на конной тяге, в некоторых местностях их называют лобогрейками. Вручную докашивали немного — там, где неудобно было подобраться техникой. Нам же предназначалась другая работа — с лошадьми. Лошадь — это загадка, это красота и восторг. Чем меньше на нее загружаешь, тем больше она сделает, и тем меньше устанет. Поэтому понятно, что одно дело, если на лошадь посадить мужика, и совсем другое кого-то из нас, детей. К тому же мужикам от конных поездок было мало радости — и растрясет, и все, что ниже пояса отобьет, покосы-то ведь располагались, самое близкое, километров в пятидесяти от деревни. Был и встречный интерес — мы в эту работу с лошадьми «впрягались» в охотку, с азартом, хотя тоже были не каменные. Ну-ка, целый день верхом потрясись? И бывало больно до слез, и сидеть не могли, и примочки-компрессы нам потом ставили... А наступал другой день — подстилочку или фуфайку кинешь — и вновь на коня.

Запомнилось название места, куда ездил несколько последних лет и где происходили основные мои приключения — Дальняя Тушамы, как раз на расстоянии тех полусотни километров от Погодаево. Мы жили на зимовье. Тайга давала ощущение свободы. Не то чтобы здесь без пригляда можно было похулиганить. Речь о другом: от тайги, речки, луга с высокой, сильной, хорошо настоящей травой шел дух свободы, который можно было просто вдыхать и радоваться тому, что живешь и дышишь.

Косить нам, пацанам, давали, как я уже сказал, редко. Мне еще кроме конных поездок бригадир доверял варить кашу — это надо было делать рано утром, до выхода бригады на работу. Вроде все, что требовалось, я умел. Заслуги какой-то особой я в этом не видел — и никто не видел, но в дальнейшей жизни все это сказалось в мою пользу.

Со мной вместе работал Гошка, которого все почему-то звали Уся. А у его брата было прозвище Руся. И когда мы втроем куда-то уходили, то ответ на вопрос, кто с кем был, вызывал хохот: ведь когда выпаливаешь ответ скороговоркой, получается уся-руся-я. С Гошкой-Усей у нас было много разных совместных приключений. Однажды бригадир послал нас с заданием на зимовье. Мы оседлали коня, и я, по договоренности с Гошкой, получил право ехать в седле, а он пристроился сзади. На зимовье мы ослабили подруги, пока выполняли задание бригадира, потом наметились в обратный путь. Тут Гошка потребовал, чтобы теперь я ехал сзади. Все было по справедливости — его очередь. Так и расселись. Но только забыли про седло — не проверили и не затянули подруги.

До речки доехали без проблем, и даже когда переходили ее вброд — тоже могли не заметить промашку, если бы коню не вздумалось напиться. Надо, наверное, было дать коню волю — неприятности бы тогда и не произошло. Но мы начали управлять конем, дергали поводья, стали пинать в бока пятками, хотя он упрямо старался свернуть в сторону, на глубину. И так, видимо, Гошка извертелся, что седло переползло под брюхо. Только что была передо мной Гошкина спина — и враз ничего, только пятки, а стремяна из воды торчат! И пока конь пил — уже и пятки дергаться перестали. Вытащил я кое-как коня на мелководье, Гошка под брюхом мешком весит — страшно даже смотреть. Я скорее ноги его из стремян освободил, принялся за искусственное дыхание. Смотрю — вроде задышал, потом его знатно вырвало, потом совсем оклемался. И тогда нам уже двоим стало страшно, но по другому поводу. Надо же бригадиру сказать. А сказать — так он еще и отлупит. Или все же не говорить? На чем остановились — сейчас уже наверняка сказать не берусь, но одно знаю точно — нас не отлупили.

А вот еще был случай на реке — теперь уже с самим бригадиром. Я за каким-то делом оказался на берегу и вдруг вижу: почти у кромки воды, на самом мелководье, стоит большая, ну прямо огромная щука — как замерла, только чуть плавниками пошевеливает и глаз косит. Надо понимать, она из омута поднялась, а омутов и глубоких ям у нас на реке предостаточно, и теперь нежится на солнышке, греет спину. Увидев такое, я бегом бросился к мужикам, кричу бригадиру:

— Дядя Вася, там щука!

Дядя Вася хватается то, что было, а кроме вил под рукой ничего другого не оказалось, и мы бежим к реке. К самой кромке продвигаемся чуть ли не по-пластунски. Тут бригадир встает, поднимает вилы — и всем весом — на щуку! Всплеск — и бригадир уходит под воду вслед за вилами. Щука-то была хитра и грелась на границе, на перепаде от мелководья к яме, вилы же из-за их кривизны прошли мимо и именно туда устремились, где началась яма. А поскольку замах был хорош, вилы потащили вслед за собой самого «охотника».

Это был фантастический полет, который наблюдали, ничего не понимая, не только я, но и косари, которые уже успели к нам подтянуться. Потом на всеобщее обозрение поднимается из воды этот дядя Вася и обрушивает на меня всю силу и мощь русского языка в его великой и могучей непечатной образности — ему не столько плохо оттого, что мокро, и не столько жалко, что щука ушла, сколько обидно, ведь маху-то он дал на глазах у всех.

Нельзя рассказывать о Сибири — не поймут, — не сказав ничего о медведе. Почему-то принято думать: если тайга, то обязательно наткнешься на ее хозяина. Они действительно есть. И их много! Во всяком случае, так было в дни моего детства, но это не значит, что жизнь хозяина тайги происходит на виду у людей. Как-то все у людей и медведей происходит хоть и рядом, но все же отдельно. Хотя каждый год, если не в нашей деревне, то в одной из соседних, медведь задирает человека — кто-то оставался калекой, а кого-то задирает насмерть. Это случалось постоянно, но об этом приходилось больше слышать, нежели видеть.

Мне повезло, хотя в тот момент я, конечно же, так не думал. Как-то с покоса меня командировали за холодным квасом. Я ехал верхом, один, по знакомой дороге. Уже на обратном пути в какой-то момент я заметил, что конь ведет себя странно: если его пнуть в бок — еще как-то идет, а нет — замедляет шаг, норовит остановиться. Мало того, что мне это непонятно, но мне еще этого и не надо — меня люди ждут. Так, в борьбе с конем, добрались мы до поворота, а как обогнули поворот, конь вовсе захрапел и встал. Тут и я уже увидел — возле дороги кусты малины, в малиннике стоит медведь и медленно поворачивает в нашу сторону морду: «Это кто-де еще тут?». До этого я, — поскольку, ни в цирке, ни в зоопарке не был, а передач о животных, как теперь, да и самих телевизоров в наших краях тогда еще не знали, — никогда не видел живого медведя. А тут не то, чтобы нос к носу столкнулись, но так близко, что лучше бы не надо. У меня хватило ума отпустить повод, и конь мой сам знал, что делать, развернулся и поскакал назад. Сижу в зимовье, возвращается бригада.

— Ты чего же, — говорят, — квас-то не привез?

Отвечаю:

— Я бы привез, но там оказался медведь на дороге.

Народ на меня, конечно, с недоверием смотрит:

— Какой медведь, ты о чем?

— Да настоящий медведь, живой — конь идти отказался.

Мужики начали уже между собой спорить — мог на этом месте быть медведь или не мог, мол сами-то они недавно проходили и никого медведя не встретили. Спорили долго, и все сводилось к одному — да как тут может медведь ходить?!

А на самом-то деле, посмотришь карту и посмотришь окрест себя с яра — все в один цвет, сплошная кругом тайга. Где ж ему, медведю, ходить, если не здесь, если не по нашим таежным просторам?

Анатолий БАЙБОРОДИН

ПУТЕВЫЕ ВЕХИ

*Повествование
из дневниковых записей*

Анатолий Григорьевич Байбородин — родился в забайкальском селе Сосново-Озерск. Окончил Иркутский университет, работал в газетах, преподавал в школе, в иркутском госуниверситете. Автор книг «Не родит сокола сова», «Озерное чудо», «Деревенский бунт», «Боже мой...», а также «Сокровища Сибири» и «Слово о роде и народе» (фольклорно-этнографические, историко-публицистические и художественные очерки). Составитель книги «Русский месяцеслов» (обычаи, обряды, поверья, приметы русского народа). Член СП России. Лауреат Большой литературной премии России и национальной премии им. В. Распутина I степени. **Живет в Иркутске.**

Русские писатели в мысленном озарении, в душевном дивлении, запечатлев на скорую руку тающее мгновение, щедро засевали повествования зернами живых зарисовок, и зерна либо светились во мраке повествования звездной россыпью, либо, зерна, засеянные не в камень, не в расхожий проселок, но — в ласково вспаханную, нежно бороненную сказовую ниву, рождали обильное повествовательное жито. А ежели сочинитель не ведал, куда засеять зерно, или скорбел, что зерно сгинет в долгой и мудреной повести, то собирал зерна в лукошко — рождались краткие сказы: «затеси», «зерна», «подорожники», «камешки на ладони». Вот и я, грешный, измыслил «Путевые вехи», куда собираю радостные и печальные, светлые и сумрачные заметы — впечатления, размышления, не дающие покоя неприкаянной душе.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Двадцать второе июня... Знойный мираж, тяжкая и пыльная тополевая листва, городской угар, раскаленный перрон на «Академическом» полустанке, выжженная белым зноем пустота, лишь под тенистым навесом, на долгой, ядовито крашенной лавке, словно на смертном одре, спит седой изможденный шатун в лохмотьях... может, вот-вот помрет; и, глядя на спящего бродягу, думаю: что тебе снится, мил-человек? Может, видится мальчонка в белой рубашонке, бегущий по проселку к маме, а встречу — высокие золотистые травы, и плывут голубоватые волны по травяной гриве, а на взгорке светятся купола и солнечно сияют кресты храма...; глядя на спящего бродягу, грустно напеваю: «Что тебе

снится, крейсер Аврора...». Рядом с горемыкой, вывалив парящий язык, дремлет лохматая изможденная дворняга — похоже, родня бродяге, поводыр... И вдруг вспоминаю: шестьдесят семь лет назад, «двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...». Думаю обреченно: не спит стремянной смерти, не дремлет, сатано, коль попереk горла Россия, изножье престола Божия... Одолели черти святое место. Чего еще, сатано, утварит на погибель Земли Русской? Но жизнь продолжается... Спит ветхий шатун и, может, уже вечным сном... жизнь за горами — смерть за плечами; дремлет древняя собака, а на другом краю лавки нетерпеливо озирается тоненькая, в белом ромашковом платье, русоволосая синеокая дева... похоже, поджидает милого дружка; а рядом с девицей потешная малышка кормит пшеном прожорливых голубей, и птицы, уместившись на девчужкину ладонь, плеща крылами, склевывают пшено из пригоршни; а я уныло парюсь на солнечной стороне перрона среди дачных баб и, глядя на бродягу собаку, синеокою деву, потешную малышку и заполосных голубей, улыбаюсь: жизнь продолжается, унынье — грех, но думаю тоскливо: тенистые березняки, солнечные сосняки и вольные степи, серебристо сверкающие на солнце реки и синие озера, росные луга и сенокосчики, мужики и бабы, парни и девки, деревенские избы с алыми закатными окошками, светлые и печальные сельские песни, звездные небеса, осиянные голубоватым лунным светом, — все, что безгрешно любил в молодые лета, будет жить, но уже без меня — на веки вечные!... и без меня!... и это не вмещает душа моя... А что душу ждет, грехом повитую — Бог весть — жил ни в рай, ни в муку, на скору руку. Прости, Господи...

Из знойного марева, словно подлодка из морской пучины, всплыла электричка; ожил сморенный народ, неожиданно проснулся лохматый шатун, сел на лавке, удивленно оглядывая белый перрон и дачников, похожих на суетливых мурашей. Жизнь продолжается...

РУССКИЙ

Бывший колхозный агроном, ныне зажиточный и работающий деревенский мужик, толковал мне в рождественском застолье: «На сон грядущий, Тоха, книги читаю, да... О русских! В библиотеке-то шаром покати, в город заказываю... Читаю, паря... Телевизор не гляжу — брехня собачья. А книги читаю... и даже божественные. Я ведь, Тоха, крещенный, меня мамка исподтишка крестила при Никите Хрущеве. Да... И вычитал я, Толя, что на весь мир лишь один народ богоносец — русский, прочие блудят во тьме кромешной. Во как... Может, паря, богоносец был, да сплыл... Какой там богоносец, когда в деревне сплошь и рядом — пьянь да рвань. А уж лодыри-и!... каких белый свет не видал. В пень колотят, день проводят... И живут... без поста, без креста. А тоже, паря, русские... Ага... Но, паря, интересно рассуждают: водку хлещешь, до нитки пропиваешься, в канаве валяешься, — русский, пашешь от темна до темна — жид, под себя гребешь. Вот и пойми: русский — он пахарь по натуре или пьянчуга горький? Хотя... лодыр да пьянчуга Русскую Империю сроду бы не выстроил. Весь мир перед Русью шею гнул. Да-а... Но, видно, выдохлись мы, паря. Испокон веку мужика власть ломала через колено и, похоже, доломала. Хана, однако... А может, одыбаем, как ты думаешь?

ПОМИНАЮ ДОСТОЕВСКОГО И ВИЖУ...

Поминаю Достоевского и вижу то, что не вычитал, вообразил: стылая петербургская улица; зимний ветер стонет в каменном ущелье; кружится снег, завивается вихрем, зловеще сверкает в желтом и хвором свете редких газовых фонарей; на улице ни души, в эдакое непогожие даже злой хозяин Христа побоится, не выпихнет собаку со двора; лишь одинокая девочка в изветшавшей шубейке, по самые глаза завязанная побитой молью, старушечью шалью, бредет, со слезами одолевая встречный ветер. И чудится: подхватит девчущку шалая метель и унесет с бесприютной, вьюжной улицы в луга, осиянные добрым солнышком, украшенные цветами и травами... В глазах ее стыннут слезы; посиневшие губы шепчут молитву: просит отроковица, чтобы Царь Небесный и Царица Небесная согрели ее маменьку, исчахшую, тихо гаснущую в подвальной каморе, сырой и промозглой, где по темным углам светится иней; просит, чтобы Боженька сжалился и над папенькой... так девочка величает отчима... который давно уволен со службы, пропилил в доме все, и даже маменькино обручальное колечко, который то ругает маменьку скверными словами, то, пав на колени перед койкой, где маменька страдает, просит у нее прощения, покаянно рыдает... А нынче выпихнул падчерицу в метель, чтобы шла на другой край города и просила на жизнь у кровного отца, что жил с матерью коротко и без Божиего венца. И вот бредет отроковица ночной метельной улицей и, не помня себя, молит со слезами Господа Бога, чтобы сжалился Человеколюбче над ее близкими. Поминаю Достоевского и вижу то, что не вычитал, вообразил; и томит душу горькая падчерица, что, кутаясь в рваную шаль, бредет посреди метели, словно Россия на стылом перевале веков; бредет, сбившись с проселочной дороги, и просит милостыню, а в глазах смертная тоска, а со всех сторон голодные и злые волчьи взгляды; и вдруг сквозь вой и посвист ветра слышит блаженная приглушенный звон колоколов, и вдруг сквозь снежную замять видит Божью церковь...

ЗА ДРУГИ СВОЯ

В селении, где моя дача, подле гривастого березняка живет Кеша Манечкин — некогда рыжекудрый, песельный, баешный, балалаешный, мастер резных потешек, а ныне, когда ему уже под восемьдесят, похожий на деревенского дедка и Николу Угодника со старых сельских образов: залысевший... седые кудерьки топорщатся над ушами... сивобородый, голубоглазый, и уж редко заливает байки, годом да родом бренчит на балалайке, — призадумался, пригорюнился на склоне лет, словно безлистный осенний березняк, задумчиво взирающий в предзимнее вечное небо. В соседях у Кешы Манечкина — Леша Русак, некогда процветающий, ныне прозябающий художник... ибо не по безродному и окаянному лихолетью слишком русский и народный... с тоски вечно хмельной, но балагуристый, тоже пожилой, но до старости величаемый просто Лешой.

И вот прибежал я на электричку внешней порой, когда в сумрачных балках еще светился снег, а на солнечных угорышках, где по-летнему припекало, уже зазеленела ранняя мурава. Бреду, любуюсь зеленоватой, сиреневой дымкой, укрывшей березняк и осинник, хвалю Господа за дарованную земле красу, и вдруг вижу: на сухой и бурой хвое под охватистой сосной спит, сомлев на солнопеке, Леша Русак, а под боком, словно женка родимая,

полеживает початая бутылка. Видимо, волочился с полустанка, присел под сосной, потом принял с устатку на старые дрожжи, вот и развезло бедалагу. Думал: разбуду, потрепал за плечо, но больно уж крепко и сладко спит, словно малое чадушко, насосавшись молочка из бутылочки с рыжей соской. Махнул рукой: спи, товарищ, на сосновом свежем воздухе; отоспишься и добредешь до родной избушки. Взшел на угор, завернул на подхребетную улочку, гляжу: Кеша Манечкин семенит, тележку катит. Спрашиваю:

— Ты куда это, Кеша, с тележкой побежал? По навоз?

— Какой, Тоха, навоз?! Счас Русака в тележку погружу, на дачу отвезу. Простынет — земля не прогрелась... А сам не дойдет — отяжелел.

— Ну, беги, Кеша, выручай друга.

Попрощался и думаю: за други своя не жалеет живота, а у самого и живота осталось... добрести до погоста.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

Мужичок, пьяненький, махонький, эдакая конторская тля, с кряхтением, сопением раздевается в прихожей; над мужичком зловеще нависает баба, подбоченясь, уперши веснушчатые руки в крутые бока. Мужик залихватывает ей байку:

— Дуся, мужик бухой привалил домой и спрашивает бабу: «Скажи, милая, что у меня в правом кармане на букву «п». «Получка!» — гадают баба. «Нет, путылка... А что у меня в левом кармане на букву «а»?» «Аванс!..» «Апять путылка...».

— Счас, пьяная харя, будет тебе и на «а», и на «п»!

Мужик боязливо постреливает юрким глазом на гром-бабу, но хорохорится, напеваает... вернее, мычит... в сырой, утиный нос:

— Это е-есть наш после-е-дний и реши-и-ительный бо-о-ой!

Тут гром-баба решительно, по-мужичьи широко отмахнувшись, потчует мужика звонкой затрещиной; тот осаживается на костистый зад и, уткнув горькое лицо в колени, плачет.

Баба круто разворачивается и уходит на кухню, где досадливо бренчит, гремит посудой, хотя, нет-нет да и замирая, прислушивается: чего мужик творит? Потом, не удержавшись, снова идет в прихожую, где мужик горестно сидит на полу.

— Зарекался же не пить! — бранит мужа. — Или коза зарекалась в чужой огород не лазить...

— Дуся, какая коза, какой огород?! Седни хозяин велит: «Вася, заводи черную бухгалтерию. От налогов будем спасаться...». А я говорю: «Григорий Давидыч, я так не могу». «Почему?» — спрашивает. Отвечаю: «А мне совесть не позволяет. У меня совесть есть...» «Совесть?! — смеется, сволочь. — Ну, Вася, — говорит, — будешь в мусорных контейнерах ковыряться со своей совестью. Совок...». «Я — не совок, — говорю, — хотя и не против советских людей. Я — православный, и грех на душу не возьму...».

Мужик опять плачет, сунув лицо в колени. Жена тяжело вздыхает, не зная, что и думать: и про совесть ведает — крещенная, и деньги нужны. Ничегошеньки не удумав, опускается на низенькую лавочку и, опять тяжело, одышливо вздохнув, робко гладит мужа по лысеющему темени, потом прижимает к мягкой груди. Мужик, малое время еще содрогаюсь в рыданиях острыми плечами, потихоньку затихает: чувствует, эдакая баба не даст пропасть.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий СДОБНЯКОВ

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ СЕРДЦА МОЕГО

Ловля рыбы и случаи из жизни в пределах старой нижегородской ярмарки

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 г. на станции Нижняя Пойма Нижнеингашского р-на Красноярского края. Создатель (2000 г.) и главный редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век». Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации СП России. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Награжден государственными наградами — «Медалью Пушкина» и Благодарность Президента РФ, а также Почетной грамотой Нижегородской области и Почетным знаком главы г. Нижнего Новгорода. Автор 30 книг прозы, публицистики, критики. **Живет в Нижнем Новгороде.**

1

Честное слово... приехав в деревню с намерением написать эти заметки о рыбалке (в которой, заранее признаюсь, я далеко не силен), совсем не ожидал, что начинать их придется вот с такого эпизода.

— Валера, рыбу возьмешь? А то нам ее уже девать некуда, холодильник забит.

Сосед протягивает через забор тяжелый пакет, в котором упруго бьются крупные караси — белые, спины отдают черненным серебром.

Немного ранее, дожидаясь на веранде, пока закипит чайник, и коротая время чтением «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, краем глаза я видел, как сосед, вернувшись с ранней рыбалки, запустил пойманный улов в ванну, наполненную чистой водой, недавно накачанной насосом из недр земли. Немного погодя, он позвал внука лет семи и предложил тому обратно выловить сачком карасей. Мальчишка с натугой приподнимал над ванной сачок, в котором билась очередная тяжелая рыбина, в то время как дед — невысокий, щупленький, немногим выше внука ростом — стоял несколько поодаль и, довольно щурясь, покуривал дешевую сигарету, изредка покашливая в кулак.

Я смотрел на происходящее через окно веранды и невольно про себя считал: раз, два... семь.

Теперь караси тяжелили мою руку.

2

И все-таки начну издаleка.

Я с малолетства жил на берегах двух рек: Оки и Волги. Но, кроме этого, рядом, буквально окружая наши пятиэтажные дома, выстроенные из «советского» красного кирпича

ча (хотя его цвет больше напоминал морковный), были широкие старые ярмарочные каналы, разрезанные насыпными дорогами на отдельные пруды. Кроме того, особо привлекали нас, местных мальчишек, два озера — Цыганка и Мещерское. Иными словами — вода была кругом. Потому хотел бы я того, или нет, но рыбалка совершенно естественно вошла в мою жизнь с тех пор, как сам себя помню.

Самым любимым местом мальчишеских забав было озеро Цыганка. Кто, когда и почему дал ему такое название — бог весть. Наш квартал из четырех домов, образующих внутри себя ровный двор-прямоугольник (в народе эти дома окрестили «хрущевками»), отделяли от озера всего лишь территория Спасского Староярмарочного собора, в те времена использовавшегося как складское помещение, бывший дом причта, превращенный в большой жилой барак для не слишком удачливого и законопослушного люда, и однокорейный железнодорожный путь, от которого заросший травой склон спускался в некую низину, к берегу озера, по краю которого у самой воды росли могучие тополя.

У этих тополей в жаркие дни наша ребятня купалась, не зная отдыха, а по утрам и вечерам испытывала свое рыбацкое счастье, используя удочки, смастеренные из сухих ореховых прутьев, лески, поплавок из пробки, закупоривавшей когда-то бутылку с вином, и спички, что прижимала пробку к леске, небольшой гаечки вместо грузила и крючка, купленного в спортивном магазине на улице Луначарского, что недалеко от Московского вокзала.

Эти крючки продавались по десятку в тоненьких прозрачных слюдяных пакетиках, и были самых разных размеров. Серьезные, взрослые рыбаки выбирали их со знанием дела — для всякой рыбы свой размер крючка с острым колючим жалом. Мы чаще всего покупали самые дешевые, маленькие, прозванные «заглотыши». На солидную рыбацкую удачу не претендовали, а окуни и ерши, если их вовремя подсесть, и с таких крючков не срывались.

С каким же нетерпением летним утром мы бежали на берег Цыганки, держа в одной руке эти неказистые приспособления для лова рыбы, в другой — веревочку, обмотанную и крепко завязанную вокруг горлышка трехлитровой стеклянной банки, с надеждой, что на этот раз уж точно удача окажется на нашей стороне.

По дороге останавливались у огородов.

Они были разбиты за старыми, с двух сторон ограждающими территорию собора-склада сараями, сколоченными из старых, почерневших от времени и непогод досок. Стены сараев кособочились, их подпирали столбами, и все равно вид построек выдавал неприглядность и необустроенность жизни их хозяев. Там, за сараями и забором, ограждающим грядки и яблони с вишнями от непрошенных гостей, мы, ковыряясь в земле попавшими под руку палками, добывали червей. Помещали их в найденную по дороге ржавую жестяную консервную банку с наполовину отогнутой крышкой, с опасными для неосторожных пальцев рваными краями в виде вывернутых на внешнюю сторону острых металлических треугольников, оставленных при открытии консервным ножом и напоминающих зубы акулы. Присыпали откопанных червей влажной землей и теперь уже без остановки спешили к берегу, заросшему осокой и особыми цветами, резко пахучими и растущими только в воде у края.

Нижегородская ярмарка. Главный дом

Тут были обжиты, утопаны, расчищены от водорослей особые места, удобные для заброса лески. Желательно это делать подальше, но в то же время, чтобы поплавок находился не так далеко от листьев кувшинок, как бы в проруби, в лужице между образующими заводь водорослями.

Теперь, когда все сделано правильно, остается только ждать поклевки. Как же она в такие минуты желанна!

Чаще всего это случается не сразу, словно окуньки испытывают твоё терпение, твою усидчивость. Но вот пробковый поплавок слегка пошевелился, затем сильнее, но все-таки легонько — словно его кто-то потеревил на пробу, потом и вовсе попытался уйти под воду и резко дернулся в сторону. Тут не упускай момента, подсекай.

Если сделаешь вовремя и удачно, наградой будет трепещущийся на крючке, на самом краю лески желто-полосатый окунек — такой красивый, пестрый, радужный.

Радостно снимать его, ощущая трепыхание живой скользкой рыбки в своей ладони. Потом суетливо подбегать к воде, наполнять её — мутноватой у илистого берега, с кружками мелких зеленых водорослей, напоминающих собой новогодние конфетти, — принесенную трехлитровую банку, опускать в нее пойманного окунька и какое-то время наблюдать за рыбкой, как она мечется за толстым синеватым стеклом, пока, наконец, не успокоится, не застынет на месте, словно всматриваясь через стекло на неизвестный, впервые открывшийся ей мир, и только осторожное шевеление плавников будет говорить о том, что окунек жив.

Возвращаясь к брошенному в траву удилищу, насаживаешь на крючок свежего червяка и быстрее закидываешь поплавок в удачливое место с надеждой на продолжение поклевки. Но это случается редко. Чаще всего приходится вновь ждать.

Но вот о чем я только сейчас подумал: не припомню, чтобы кто-то из мальчишек заранее, пока не поймал рыбу, набирал в банку воды. Конечно, мы тогда не думали о каких-то правилах или предрассудках — просто так само получалось. И правда, зачем готовить воду, пока еще не известно, будет тебе удача в этот день или нет.

В озере Цыганке рыба ловилась хорошо. Ее там обитало немало, и видами была разнообразна. В том числе и речными. Виной тому мощное весеннее наводнение. Когда случались разливы, озеро соединялось в единое водное пространство не только с куда большим по площади Мещерским озером, но и с Волгой.

Теперешним жителям микрорайона «Мещерское озеро» трудно представить, но паводок останавливался вширь только у высокой железнодорожной насыпи, идущей к Волжскому мосту. Тогда обитаемым островом являлся лишь асфальтовый завод, построенный на невысоком холмике, да голые, еще не успевшие покрыться листвой кроны огромных старых тополей, видом корявых мощных ветвей напоминающих страшных существ, свободно парящих над бескрайней водной гладью.

Но заканчивалось половодье, озера возвращались в свои исконные берега, и тогда все пространство между ними становилось желтым-желто от распутившихся одуванчиков. Это было зрелище невероятной красоты, и ничто нас, мальчишек, не могло удержать, чтобы мы не отправились в эти дуга.

Еще не вся вода ушла, еще широкие промоины были заполнены ею, отражающей движущиеся в высоком небе белые облака, а мы смотрели с высоты железнодорожной насыпи, что за Староярмарочным собором в эту, казавшуюся сказочной даль, и грезили неведомыми путешествиями. Словно в этом желтом пространстве с голубыми крапинами большущих луж таилось что-то неведомое и непостижимое, и оттого невероятно притягательное.

Если на Цыганку смотреть со стороны Староярмарочного собора, то слева озеро заканчивалось большими зарослями ивовых кустов, куда ходили старики резать лозу для плетения корзин. Справа берег был сух, и его как бы оберегала группа старых тополей — порубленных, побитых, с вколоченными в них металлическими скобами, но продолжающих упорно жить.

Чтобы перейти на другой берег озера, лучше всего его обойти с правой стороны, посуху. Правда, Цыганка с Мещерским соединялась непонятной протокой, которую пересекала проложенная к асфальтовому заводу автомобильная дорога. Преодолевая протоку, приходилось разуваться и по песчаному дну идти вброд.

Протоку эту мы, дети, побаивались, потому что в ней водились черные и красные пиявки. Черные были толстыми и жирными, красные тонкими и чем-то напоминали мотылей, только в длину намного больше. Бывало, выходя на другой берег, мы уже находили на ноге присосавшуюся к ней черную пиявку. Снимать ее с кожи было не больно, но неприятно и гадливо. Пиявка упруго шевелилась, сворачивалась в кольцо, и тогда казалось, что она хочет укусить за палец. Бросив пиявку обратно в воду, интересно было наблюдать, как она моментально расправлялась, вытягивалась и волнообразной лентой скрывалась в глубине.

Ходили мы на противоположный берег только купаться — около асфальтового завода образовался природный песчаный пляж. Однако недалеко, немного подальше, где на берегу росла еще одна группа старых тополей, было и удобное место для рыбной ловли. В основном там почему-то клевали караси.

Но однажды мы с двумя приятелями ближе к вечеру пошли к тому месту потаскать небольшой бредешок. В основном вся вода у берега с этой

затопляемой стороны Цыганки густо заросла водорослями, болотными цветами, оттого дно вязко удерживало ступни. Быстро темнело. Мы уже собирались идти домой, как вдруг в сетке среди вытянутых нами на берег темно-зеленых прядей водорослей суетливо зашевелилось что-то черное, продолговатое. Оно заползало, стараясь скрыться в траве. Поначалу мы испугались — змеи! Но потом бросились ловить руками расплзающуюся в разные стороны добычу. Это оказались выюны. За тот вечер мы их поймали довольно много. Темные, скользкие, бесчешуйчатые, издающие попискивающие звуки, они ползали в ведре, словно громадные черви.

Вспомнил я этот улов только потому, что ни до нас, ни после я никогда не то чтобы не видел, но и не слышал, чтобы кому-то еще попадались в озере эти рыбы.

Однако чаще всего мы ловили, конечно, с берега, на удочку. Добывать рыбу бреднем была прерогатива взрослых, среди которых время от времени появлялись просто профессионалы.

В той самой протоке у асфальтового завода, о которой я упоминал, в основном добычей занимались одни и те же мужчина и женщина — вернее всего, семейная пара. В специальных прорезиненных костюмах химзащиты они смело входили в глубокие места, перегораживали русло крупноячеистой сетью и затем, с шумом ударяя палками по прибрежным зарослям, с разных сторон загоняли рыбу в расставленную ловушку.

Вынимая сеть из воды, выпутывая из ячеек крупных отливающих золотом и почти круглых по своей форме красных карасей, они всегда были недовольны уловом, морщась, бросали рыбу на изумрудно поблескивающую влагой траву, при этом приговаривая: «Разве это добыча?!». Мальчишек такое отношение к крупным карасям возмущало. Нам самим никогда не приходилось ловить подобные экземпляры. Мы и завидовали профессионалам, и в душе недолюбливали — как конкурентов.

Промышляла эта пара и по берегам Цыганки. Как-то в ненастный серый день я в одиночестве пришел к озеру. Было воскресенье, но пустынно, и только «профессионалы» возились у ближних тополей со своей снастью. Вдоль противоположного берега шла подгулявшая в честь выходного дня компания из пятиэтажного дома, что стоял напротив моего.

Мужчины и женщины направлялись в сторону асфальтового завода. Далее их путь должен был лежать к броду через протоку. Но вот от этой компании отделился один из мужчин и вошел в воду. С берега ему кричали, чтобы не плыл, а пошел с ними. Но не настойчиво, а так, со смехом. Мужчина ответил, что он быстрее переплывет, чем они обойдут озеро вдоль берега. Женщины, весело переговариваясь, отправились своей дорогой.

Я скучающе сидел высоко на склоне ближе к железнодорожному полотну, сразу за собором, где трава росла наиболее густо, стелилась шелковистым ковром, и невольно наблюдал за происходящим.

Мужчина уже переплыл середину озера, когда вдруг замер на воде, опустив в нее лицо. Облысевшая голова и плечи безжизненно покачивались на невысоких волнах. Слабый ветерок пасмурного дня не торопился прибить к берегу омертвевшее тело.

Прошло довольно много времени, прежде чем, обойдя озеро, оставшая компания озабоченно приблизилась к нам. Рыбаки боязливо обошли утопленника сетью и так притянули к берегу. Я не стал к нему подходить

ближе, чтобы рассмотреть. В детстве мертвое тело всегда вызывает неосознанный страх. К тому же, когда на твоих глазах всего несколько минут назад человек был еще жив.

Да и узнал я этого мужчину. Он держал злющую собаку породы бульдог по кличке Найда. Когда ее выпускал гулять во двор, мы, детвора, разбегались по квартирам. Собака с лаем бросалась на случайных прохожих, бегала по кварталу без поводка и намордника, грызла перила детских горок, рылась в песочницах, таскала в слюнявой пасти игрушки, которые от нее не успевали спрятать.

Родители пытались договориться с владельцем Найды, как-то его устыдить, уговорить, чтобы придерживал собаку, но он неизменно на это отвечал, что ему бульдог «намного дороже всех ваших детей», и продолжалась вольная жизнь этой собаки в пространстве между четырех наших домов — как в собственном вольере.

Теперь хозяин собаки лежал в воде, уткнувшись мертвым посиневшим лицом в прибрежные камыши. Не помню криков, плача, суеты вокруг тела. Может быть, это были малознакомые ему люди. Впрочем, я почти сразу ушел домой. Говорю же — боялся покойников. А только после этого случая и Найда с нашего двора куда-то исчезла.

Вообще, озеро, несущее в своем названии нечто мистическое, вполне его оправдывало. Не раз мне приходилось видеть, как на его берег из воды вынимали утопленных новорожденных младенцев. Это страшное зрелище. Потому, только завидев возбужденное скопище людей, я обходил это место стороной. Но от досужих пересудов куда денешься, и потому ужасная весть всегда тем или иным способом достигала моих ушей.

Недалеко от Цыганки, за свалкой, ближе к порту на Стрелке, около некогда величественного собора Александра Невского, а в мое детство огромного склада объединения «Горький-рыба», был странный жилой поселок, состоящий из каких-то крохотных засыпушек, развалюх, сколоченных на скорую руку.

Подобные дома оказались жизненным прибежищем не для одного поколения отцов и детей. Что и говорить, нравы в этом месте царили нештучные. Обитал в развалюхах контингент соответствующий, между одной и другой тюрьмой недолго в нем задерживающийся. Потому и грешили во всех криминальных случаях на жителей Стрелки, хотя на самом деле все могло быть далеко не так, и злодейство совершалось где-то в другом, внешне вполне благополучном месте.

И все-таки, несмотря на столь зловещие события, порой происходящие на берегу озера, Цыганка была почти центром всей нашей детской жизни. Особенно той, что всегда оставалась сокрытой от родительских глаз.

Здесь мы учились самостоятельно плавать. Здесь на разоженных кострах в консервных банках плавил свинец, добытый из старых автомобильных аккумуляторов, чтобы затем его залить в выдавленные в земле формы кастетов или грузилов для донок (они были нужны для ловли рыбы на Оке и Волге). Здесь узнавали мир птиц и рыб, цветов и деревьев, добра и зла.

Иными словами, здесь мы входили в самостоятельную жизнь, и вхождение это почти всегда было непростым. Порок и доброта немислимо переплетались на наших глазах в нечто естественное, что должно было нас

сопровождать всю дальнейшую жизнь. Избавиться от этого, невольно приобретенного в детстве опыта, в дальнейшей жизни было невероятно сложно.

Именно на берегу Цыганки я впервые испытал, что это такое — ночная рыбалка.

Не верилось, что родители на нее отпустят, но это чудо произошло. И вот мы, ватага мальчишек, разжигаем на берегу костер, поначалу дурачимся, задираем друг друга, рассказываем под дружный хохот всякие глупости, но в скором времени утомленно затихаем, устраиваемся поплотнее к пламени, а оно уже спадает, костер догорает, потому что никому не хочется в наступившей темноте искать для него дрова, и потому начинаем смотреть в небо.

Оно чудесно — усыпано звездами (для городского мальчишки увидеть такое небо — неожиданное откровение), и только изредка их закрывают темные тени движущихся облаков. Некоторые из нас засыпают прямо тут на земле. Им непременно готовят какой-то подвох. В группе всегда найдется любитель напакостить.

Незаметно проходит ночь. Наступает раннее размытое серостью утро, но уже никому не хочется ловить рыбу. Поплавки заброшенных с вечера удочек давно прибило к траве и камышам. Поднявшийся ранний ветерок тербит их безжизненно, отстраненно. Видно, что ни у кого ни одной поклевки не было. Но главное произошло — самостоятельно, вне дома проведена ночь. Это рождает в душе неповторимое чувство взросления.

Я сматываю свою удочку и ухожу с берега, поднимаюсь на железнодорожную насыпь. Сюда в тупик загнан состав из пассажирских вагонов. Вагоны старые, внутри них деревянные сиденья, и под потолком для освещения — специальные ниши, закрывающиеся стеклянными дверками. В этих нишах огарки парафиновых свечей.

Иногда мы находим вагоны с незакрытой дверью и забираемся в них. Тут особый, ни с чем несравнимый запах. Если залезть на верхнюю полку, то можно дотянуться до фонаря, открыть закопченную дверку и взять свечку. Но сейчас в это раннее утро вагоны меня не интересуют.

Я подлезаю под них у самых колес. Из бухт тянет запахом машинного масла — таким знакомым для меня, потому что, когда состав трогается, а ждать, покуда его весь протянут, не хочется, я выбирал движущийся вагон, на взгляд более удобный, чтобы под ним как можно быстрее пролезть (в чем это удобство заключалось, чем один вагон для меня отличался от другого, я теперь сказать не берусь), нырнул под не набравший скорости состав у передних колес, и пока задние колеса вагона доходили до того места, где я только что стоял, успевал выскочить на другой стороне рельсов. Но запах успевшего разогреться от начавшегося движения колес машинного масла словно навсегда впитался в мою память.

Сейчас вагоны спали, и я без всякого труда и опасения пролез под ними.

Я не пошел по тропинке между огородами и домами к Староярмарочному собору, а направился по более широкой дороге, между огородами и забором своей школы, в которой к тому времени уже учился. Летом школа выглядела неживой. Трехэтажная, выстроенная из белого силикатного кирпича, в те далекие годы она считалась самой новой в нашей округе. В ней с первого по восьмой класс учились все дети с Сибирских приста-

ней и Стрелки, Ярмарки и улицы Советской, домов Германия и Медведей, Мельничного и Коммунстроя... Со всех ближайших бараков, в которых и жить-то, казалось, было невозможно — один туалет на огромные коридоры, крохотные комнатухи без окон, в которых весь день для освещения горят электрические лампочки, где стенки, отгораживающие одну квартиру от другой, сколочены из горбыля и листов фанеры.

От школы, мимо старого, добротного деревянного дома с садом вышел к паперти бывшего собора. Оттуда наискосок прошел в наш квартал, к своему дому.

В квартире встретила, открывая входную дверь, заспанная мама:
— Что, нарыбачился?

Ответив неопределенно, невнятно, я раздеваюсь и ложусь на свое место на диване. Засыпаю сразу. И мне видится вновь ранняя гладь утреннего озера, прибитый к осоке поплавок, остывшие угли давно потухшего костра... Но это летом...

3

Совсем другие ощущения озеро порождало зимой.

Рыбу в нем в это время года не ловили. Зато в больших количествах добывали мотыля для любителей зимней рыбалки. Для этого существовал целый промысел. Им занимались мужики, все как на подбор одетые в длинные брезентовые плащи выцветшего защитного цвета. Укутывались они тепло: на головах шапки-ушанки (старые, потертые, негодные для выхода в город), лица от мороза красные, обветренные.

Когда озеро замерзло, эти добытчики делали во льду квадратные проруби размером примерно метр на метр. Туда на длинном шесте опускали приспособление, что-то в виде черпака, только смастеренное из мелкой металлической сетки. Этим черпаком со дна озера доставали ил, тут же его промывали, а всплывшие на поверхность кроваво-красные червячки мотыля (личинки комаров) аккуратно собирали марлевым сачком в большую металлическую коробку.

Намыв столько, сколько требовалось, мужики шли продавать мотыль к автостанции «Канавинская», что недалеко от Московского вокзала. Стандартная мера отпуска мотыля — спичечный коробок. Сколько это тогда стоило — не помню. Только торговля всегда шла бойко.

Мне не очень нравилось наблюдать за добычей мотыля. Около таких прорубей утопанный снег черен, грязен, но когда по озеру катался на лыжах, то любопытство брало свое, и я подъезжал поближе, наблюдал за процессом этого промысла.

Зато совсем другим озеро представало поздним вечером.

Большое пространство бело и пустынно. Рядом ни огонька. Лунный свет сумрачно освещает лыжню, что вьется по краю, где лед налезает на берег. В такое время испытываешь чувство некой таинственности, подходя к не замерзшей проруби. Хотя вода в ней на поверхности успела загустеть.

Заглядываешь в эту непонятную черную бездну — как в потусторонний, пугающий, иной мир, в котором сейчас страшно очутиться: верная смерть. Но смотришь... смотришь не отрываясь, словно замороженный неведомой силой.

И вдруг видишь, как маленькая, светленькая рыбка, уклейка, откуда-то из чернейшей глубины поднялась на поверхность, чуть пошевеливая хвостиком, проплыла от одного края льда к другому, и тут только заметив твое неловкое движение (холодно стоять у воды не шевелюсь), лениво, словно нехотя, по обязанности, с сожалением о быстром расставании, опять ушла в непроглядную, бездонную глубину.

А кроме тебя и этой крохотной рыбки, кажется, во всем мире нет живых существ. Потому с ее исчезновением охватывает душу безмерное чувство одиночества, хочется побыстрее подняться по склону вверх, увидеть огни школы (там учится вторая смена, а в спортивном зале занимается секция борьбы), почувствовать близость родного дома.

Во времена моего раннего детства, в начале шестидесятых годов прошлого века, зимы отличались долгими морозами. По утрам по радио нередко делались объявления, что из-за слишком низкой температуры с первого по четвертый классы занятия в школах отменяются. Для нас, мальчишек, это оказывалось большой радостью. Значит, можно вволю погонять шайбу на улице или покататься с горки на берегу Цыганки, попрыгать на лыжах с невысокого, сооруженного из слежавшегося снега, самодельного трамплинчика.

Но главным занятием был, безусловно, хоккей. Тротуар нам становился полем для игры, высокие сугробы по бокам — бортами, найденные ледышки — штангами, обозначающими створ ворот. Не все из нас имели магазинные клюшки. Кто-то мастерил сам вполне добротные из палки и выпиленной фанерки, кто-то приспособливал для игры отслужившие свой срок новогодние елки. Для этого с невысокого деревца срубались все ветки, тонкий конец подтягивался к стволу и образовавшееся пространство плотно «зашнуровывалось» обрывком бельевой веревки. Срок таких клюшек недолог, но и их хватало на какое-то время.

Раскрасневшиеся, захваченные азартом, мы без устали гоняли черный резиновый кругляш шайбы до тех пор, пока совсем не выбивались из сил, или пока не появлялась разгневанная обнаруженным на тротуаре беспорядком дворничиха. Дети доставляли огорчение трудолюбивым дворникам, которые скребли беспрестанно лопатами снег вдоль наших домов. Потому они и прогоняли нас с вверенного под их неусыпный контроль участка. После этого мы разбегались по своим квартирам.

Конечно, у кого были бабушки, тот в наших играх на неурочном морозе не участвовал. Таких из дома не выпускали, и мы их за это презрительно называли «бабушкиными сынками». Хотя, надо признаться, мало за кем из нас осуществлялся подобный надзор. У большинства родители работали, а мы оставались предоставленными самим себе — без ограничений. Потому, после обогрева, по договоренности, вновь собирались гурьбой на улице, теперь уже с лыжами, и, побыстрее прошмыгнув мимо школы, оказывались на высоком склоне озера Цыганки. Чтобы с него скатиться, да еще там, где покруче, требовалась индивидуальная, а не командная, как в хоккее, смелость и сноровка.

В погожие выходные дни, когда солнце заливало белое пространство нетерпимо вольным золотистым светом, заснеженное поле озера оказывалось заполненным лыжниками из близлежащих домов. Мещерское озеро в

этом отношении выглядело почти нетронутой целиной. Люди вдоль берегов Цыганки катались по большому кругу, не сходя с плотной, чуть не до обледенения накатанной лыжни (ее проложили старшие ученики нашей школы, чтобы можно было сдавать нормативы во время уроков физкультуры), слышались смех, вскрики несущихся вниз с горки взрослых и детей. И в этом радостном, возбужденном столпотворении многих отцов, матерей, сыновей и дочерей (так редко у них у всех получалось быть вместе) ощущалось неувловимое дыхание неурочного праздника.

В будни, особенно в морозные дни, пространство озера оказывалось пустынным. Тут уж нам никто не мог помешать воплотить в жизнь самые дерзкие замыслы: например, устроить соревнования по прыжкам с трамплина до тех пор, пока у кого-то не сломаются лыжи. А еще прыгать через все тот же трамплин на самодельных санках — согнутых из толстого арматурного прута в виде салазок. Все это слишком рискованно, при недобром стечении обстоятельств грозило обернуться травмами и даже увечьями, но разве мы об этом тогда думали. Всегда находился какой-то провокатор, который «заводил» остальных, сам при этом стараясь оставаться в стороне. Ну а мальчишки, чтобы их не заподозрили в трусости, шли на безрассудные поступки.

Но вот морозы иссякали в своей крепости.

В один из таких дней я и отправился «обследовать» территорию асфальтового завода. Деревянный забор, окружавший это производство, давно имел довольно широкие свободные проходы. Я пробрался в один из них, залез на непонятную металлическую эстакаду, даже сейчас, зимой покрытую толстым слоем белой щебеночной пыли, трогал ладонью, закутанной в варежку, связанную для меня мамой, непонятного предназначения рычаги и приборы уснувшей на выходные дни громоздкой машины.

Вновь спустившись на землю вдоль забора, мимо огромной, перепачканной машинным маслом туши трактора пробрался в сарай, в котором небрежной россыпью хранилось невероятное количество чугунных шаров разных размеров — словно детские черные с рыжеватостью ржавчины резиновые мячики кто-то нерадивый неаккуратно рассыпал в ограниченном сумеречном пространстве...

И тут, как показалось — совсем близко, раздался выстрел из ружья. Выбравшись с территории завода, я довольно быстро, через разросшиеся кусты, что мертвенно оголенными торчали из снега, пробивая тропинку в снегу, вышел на объездную дорогу, и тут увидел двух мужчин. Один держал в руках новенькую красивую двустволку, другой на согнутом локте белую сову. Большая птица, ранена. Она ухватила руку своего врага мощными когтями и, застывши, словно потрясенная случившимся с ней, глядела вперед, не поворачивая головы.

Пока можно было, я с восхищением и жалостью разглядывал белое, в темных отметинах оперенье великана. До тех пор, пока двое не отправились в сторону проходной завода. Тогда я вернулся к трактору.

Этот металлический исполин был мне знаком. Еще раньше, осенью видел его повержено-беспомощным на лугу, недалеко от площадки для тренировки собак.

За Цыганкой, ближе к железнодорожной насыпи, что вела к мосту через Волгу, под мощными старыми тополями были сооружены приспособления

для обучения служебных собак. Несколько раз мне пришлось наблюдать за этим процессом. Особенно захватывающим выглядело нападение овчарок на человека, одетого в толстые ватные штаны и фуфайку. Почти без лая мощная овчарка набрасывалась на этого неповоротливого человека. Вцепившись в локоть, защищающий лицо, она начинала неистово рвать его клыками.

Наблюдать за такой тренировкой можно было только на значительном расстоянии, в отдалении, чаще всего от того самого острова разросшегося лозняка, что образовался у первого деревянного железнодорожного моста запасной ветки.

Господи, где только меня не носило в детские годы.

Оттуда, из лозняка, однажды и увидел, как от асфальтового завода к тополям, натужно ревя двигателем, по топкой пойменной луговине пробирается трактор. Захотелось узнать: что он там будет делать?

Я направился к тополям. Но трактор до них не добрался, увяз в непрочной, много раз затопляемой в половодье, ненадежной почве. Увяз так, что только кабина выглядывала из болотистой ямы. Тракторист сокрушенно стоял рядом, переживал.

Любопытство заставило меня подойти ближе. Тогда и услышал его горькое раскаяние:

— Соблазнился получить три рубля, чтобы повалить тополь на дрова... Теперь из-за меня завтра завод стоять будет.

Но это было осенью. А вспоминал я о случившемся в только намечающиеся дни будущей весны.

Выйдя за забор, вновь встал на лыжи, покатил в сторону Староярмачного безкрестового собора, поближе к дому.

Но запомнился мне и еще один необычный случай.

Однажды поздней осенью лед на Цыганке встал непривычно быстро. Он был не крепок, и если по нему пробежать, то под ногами начинал волнисто колыхаться. Но зато первый лед всегда до удивления, до зеркальной отраженности ровен, чист и прозрачен. В этот раз местные мужики ринулись на рыбалку не с удочками, а с топорами. Видимо, от нехватки кислорода крупные белые караси поднялись кверху в поисках свободной воды, в поисках проруби, но спасительного воздуха не было. Рыбу же сквозь тонкий лед хорошо видно. Там, где она стояла, топорами вырубали маленькие лунки, и караси оказывались на льду. Такую рыбалку пришлось увидеть мне тоже только раз в жизни.

Как и страшный мор рыбы по весне.

Не помню, по какому случаю ранним утром я оказался на берегу Цыганки, только вдруг обратил внимание на несколько довольно крупных дохлых щук, лежащих на дне недалеко от берега. Пошел дальше и стал все больше и больше замечать под водой дохлых рыб. Это меня настолько поразило, что я бегом вернулся домой и рассказал об увиденном отцу. Он традиционно мне не поверил (отец почему-то в детстве считал меня отъявленным лжецом — это не могло меня не обижать, и вот неволью осталось горькой памятью на всю жизнь), но я настоял, и он все-таки сходил со мной к озеру.

В общем... Цыганка хранила много тайн, но как я уже отмечал — в окружении наших домов это озеро было не единственным.

Другие четыре напоминали продольные пруды. Первые два верхним своим концом упирались в улицу Совнаркомовскую, а нижним — в улицу Должанскую. Вторые два, как бы их продолжение, от Должанской почти доходили до озера Цыганки, от которого их отделяли небольшие болотистые клочки суши. Но и то и другое имели к озеру продолжение в виде высохшего русла, над которыми были возведены два деревянных железнодорожных одноколейных моста — одни из любимейших мест наших игр.

Только намного позже, увидев репродукцию старинной гравюры с планом Нижегородской ярмарки, я узнал, что это действительно была единая система каналов, по которой баржи с товарами подходили к складам и пристаням. С Волги они заходили в Мещерское озеро, оттуда через особый прорытый перешеек (та самая протока у асфальтового завода) попадали в водную систему Нижегородской ярмарки, где главным пространством и было озеро Цыганка.

Все это для меня станет известным потом.

О столь интересных фактах, связанных с той местностью, где мы жили и учились, нам почему-то никто ничего не рассказывал. Зато в школе торжественно отмечали такие «великие» для России праздники, как взятие крепости-тюрьмы Бастилии в Париже, дни Парижской коммуны... Впрочем, это отдельная и не менее интересная тема — школьная жизнь в середине шестидесятых годов двадцатого века в СССР. Сейчас же я рассказываю совсем о другом.

В свои детские годы, вплоть до того времени, когда водоемы оказались засыпанными и замытыми речным песком, я считал, что это извечно существующие на этой земле самостоятельные озера. К тому времени они оказались довольно загаженными по берегам промышленным и бытовым мусором. С точки зрения рыбной ловли тут вроде бы вовсе не о чем писать. Однако так могло показаться только на первый взгляд совсем не сведущему в этом вопросе человеку.

Если встать спиной к Староярмарочному собору, а лицом к Главному торговому дому Нижегородской ярмарки, то зеркало первого озера слева у железнодорожного моста заканчивалось как бы небольшим заливчиком. Вверх по склону забор школы № 176, за которым разбита часть сада-огорода для практических занятий учеников по ботанике, а немного левее цех лесопилки с громадной кучей древесных опилок, под которыми каждый год до середины лета сохранялся пласт обледенелого снега.

Далее старый двухэтажный жилой дом-барак и фабрика, которую мы почему-то называли галантерейной. Видимо, это так когда-то и было, потому и передавалось старое название местными жителями из поколения в поколение. Хотя на самом деле там изготавливали чемоданы. Кучи старой неиспользованной металлической фурнитуры (чемоданные замки, уголки, скобки для ручек) бесхозно ржавели на берегу озера, да и в самой воде.

Все эти здания продолжают существовать по сию пору, правда, изменив свое первоначальное назначение, если срок этого назначения отсчитывать от моих ранних детских лет.

Так вот — на этом участке озера как-то вдруг крупные белые караси начали всплывать на поверхность и как бы глотать воздух ртом. Что этому

Вид на Нижегородскую ярмарку с Ярилиной горы

послужило — мне трудно сказать. На противоположном берегу находилась большая автобаза, может быть, оттуда что-то слили в воду, только ушлые местные мужички, прознали про удивительное явление, тут же бросились вылавливать беспомощную рыбу сачками.

Следующее озеро, что находилось между улицами Должанской и Совнаркомовской, мне мало чем запомнилось. С левого берега у него стояли жилые барачные дома. С правого — такое же длинное старинное здание красного кирпича, в котором разместились склады, пункт приема стеклопосуды, что-то еще мало примечательное и потому совершенно не запомнившееся. Но и тут умудрялись жить люди, обустроив для себя нечто наподобие квартир.

О берегах этого озера уже ничто не напоминает. На месте снесенного старинного дома позже, когда водоем завалили песком, построили пятиэтажный жилой дом из белого силикатного кирпича.

Справа от собора, параллельно левым, жили своей жизнью два других озера. Если смотреть на них со стороны Цыганки, то левые их берега были неприступны. Вода подходила прямо к зданиям, зато правые выделялись большими старыми тополями, толстыми в стволах с высокими раскидистыми кронами. Сейчас тоже о тех берегах ничто не напоминает, только один дом у бывшего гаража «Горгаза», который раньше был баракom, а теперь облагорожен и стал вполне жилым, соединяет мою память с тем далеким прошлым временем.

Я помню, как ломали длинный дом, который в свое время тоже заселили люди. Думаю, изначально это были складские помещения, но после ре-

волюции 1917 года обжитые, разбитые на квартиры-клетушки приехавшим в город в поисках лучшей жизни народом из многих русских деревень. Он был крепкий, сложенный из старого красного кирпича, а вместо подвала под ним обнажился каменный свод, то ли туннеля, то ли подземного водного канала.

Среди нас, мальчишек, ходили упорные слухи, что этот подземный туннель ведет к Главному ярмарочному дому и омывает водой его дубовые сваи. Легенда, или тут есть доля правды — мне сказать трудно.

Я помню, что со стороны старых тополей рыбу в озере ловили, но ничего особенно примечательного в связи с этим в моей памяти не сохранилось.

Правда, на оконечности пруда, всех ближе к деревянному мосту, находилось одно, крайне в наши детские годы привлекательное место — фабрика стеклянных елочных новогодних игрушек.

Название «фабрика» для этого небольшого одноэтажного помещения с низкими окнами — звучало слишком серьезно. Вернее всего, это был цех небольшой артели, а может быть, и государственное производство, в котором женщины, сидя за специальными столами, выдували из стекла красивые формы: сосульки, шары, бочонки, зайчиков, мишек, мальчиков-индийцев... Затем их покрывали краской, разноцветной пудрой, красиво, сказочно блестящей на солнце или при электрическом свете.

Нам разрешалось наблюдать за работой в цехе, прижавшись с улицы носами к стеклам окон. Женщины, заметив нас, улыбались, разговаривая между собой, смеялись, кивая головами в нашу сторону.

Насмотревшись, как появляются на свет игрушки, мы шли «на свалку» — место, куда вываливался брак. Там по-особенному сладко пахло чем-то химическим. Роясь в мелких как песок, безопасных осколках, нам удавалось находить почти целые игрушки. И тогда это была радость.

Так два параллельных пруда у железнодорожных мостов и отличались: у левого — куча опилок, у правого — куча стеклянного мусора.

Второе озеро, то, что за улицей Должанской, являло собой более облагороженный вид. Здесь клевали на удивление крупные окуни.

Но вначале давайте и здесь вспомним его берега.

С левой стороны возвышались корпуса какой-то фабрика. Чтобы к ней подойти, необходимо было миновать пространство, занимаемое двухэтажными деревянными сараями, привлекательными для нас, местной детворы, своими лестницами и балконами для игр в войну. Через дорогу проходная фабрики. Каким производством она занималась, сказать не могу, только врезалось в память: тюки то ли ваты, то ли хлопка; невероятно пронзительный гудок, зовущий новую смену к станкам; огромный тополь у проходной, который еще долго рос после сноса цехов — но и его в итоге спилили.

Оканчивалась территория фабрики пивным ларьком, недалеко от которого жил своей непростой жизнью Канавинский вытрезвитель, куда на мотоцикле с коляской свозили подгулявших мужичков с окрестных улиц.

С правого берега от тополей через дорогу выстроены больница, школа № 143 (эти здания и теперь пока сохранены) и техникум Советской торговли.

Окуней тут приходилось ловить у фабричной стены. Там был удобный небольшой мысок, около которого глубина позволяла надеяться на удачу. Сам я редко сюда ходил, но все-таки бывал. Для нас это место являлось не

то чтобы отдаленным (далеко ли от красных домов с Пушной набережной до улицы Должанской?) — скорее непривычным, оттого, видимо, и уловом отсюда похвастаться не могу.

Почему именно в этом месте водились окуни? Вернее всего, дело все в том же большом разливе.

Тут мне приходит на память один из них — особенный. Тогда вода в Цыганке и бывших каналах поднялась настолько, что по Должанской пройти оказалось невозможно, хотя она высокой насыпью разделяла пруды, и чтобы пробраться в продовольственный магазин, приходилось идти в обход по Совнаркомовской мимо «Пельменной» и вытрезвителя по специально сооруженным из досок тротуарам, поднятым на высокие деревянные козлы. Потому и рыба заходила в эти отдаленные уголки, хоть с Волги, хоть с Мещерского озера.

Надо сказать, что почти со всеми этими озерами и прудами у меня связаны свои происшествия, в полном смысле этого слова трагические истории, но сейчас вспоминать о них будет не к месту. Пусть уж хранятся только в моей памяти, раз жизнь ничего не оставила для их материального подтверждения. Все снесено, засыпано и замыто многометровыми толщами песка, и, может быть, я последний, кто о том прошлом может сейчас рассказать.

Улицу Совнаркомовскую полностью перестроили к 1970 году, когда в стране торжественно отмечали столетие со дня рождения В.И. Ленина. Тогда на месте уничтоженного вытрезвителя и всем, что было рядом с этим примечательным заведением, начали сооружать площадь имени основателя советского государства, заодно снеся здания и на улице Советской.

На месте бывшего канала, прямо над ним, возвели дома по бульвару Мира, который все никак не приобретет благообразный вид. Разве что бывшее здание Канавинского отделения милиции, тесно зажатое серой громадой вновь выстроенной гостиницы, дальним эхом напоминает о прошлом и, как оказалось, не забыто.

5

Основная рыбалка для нас, местных мальчишек, была на Оке, «на камнях».

Чтобы пройти к Оке, нужно было миновать ряд двухэтажных каменных барачков, которые окружали с трех сторон Главный ярмарочный дом, но в основном они располагались за ним в сторону Староярмарочного собора. Перед домом цвел ухоженный сквер с клумбами. В жаркие летние дни дети бегали плескаться и даже купаться к фонтану, что перед его парадным входом извергал потоки прохладной воды.

Пришло время, бараки сломали, и на их месте стали воздвигать серые пятиэтажные панельные дома. Эти стройки оказались самым привлекательным местом для наших игр, особенно по вечерам, в свете прожекторов высоких строительных кранов. Но это осенью, а летом...

Летом мы бежали к Оке.

Склоны левого берега реки во времена моего раннего детства уже были залиты бетоном, но от его обрыва до воды берег оставался заваленным крупно наколотыми глыбами белого камня.

Нижегородская ярмарка, затопленная весенним разливом Волги и Оки

Теперь от тех глыб не осталось и следа — их замыло паводковым илом, на образовавшейся почве разросся кустарник, появились первые робкие ростки тополей. Но в годы моего детства берег представлял взгляду оголено-обрывистым. Напротив теперешней автобусной остановки «Стрелка» спускалась к нему деревянная лестница. По ней женщины осторожно пробирались с тяжелой поклажей — ворохами белья для стирки. Потому что именно в этом месте многие годы неизменно причаливался большой плот с оборудованными для стирки прямоугольными отверстиями.

Для нас этот плот — одно из излюбленных мест купания. Тут и нырять можно с разбега сразу в глубину, и играть в догонялки на воде: подныриваешь под плот и неясно, в каком из отверстий вновь покажется твоя голова.

От этой мойки до пристани «Канавинская» (если брать по сегодняшнему расположению — до автобусной остановки «Площадь Ленина») берег сплошь покрывали каменные глыбы. Вот с них мы большей частью и таскали на удочку ершей. А когда надоедало, раздевались и прыгали в воду.

Стоял ближе к Канавинскому мосту по улице Советской выходявший одной стеной на берег каменный дом, в котором размещалось общество собаководов, да его разрушили. Однако за ним еще долго оставалась на своем месте самопроизвольная стоянка самодельных деревянных лодок, которые цепями гроздьями пришвартовывались к берегу. С кормы этих лодок тоже удобно ловить мелкую рыбешку, но только до тех пор, пока не появлялся хозяин одной из лодок и с непотребной руганью не прогонял незадачливых рыбаков.

Ерши в те времена ловились в невероятно большом количестве. Сейчас у меня такое впечатление, что, став постарше, я все лето проводил на берегу Оки: или на камнях, или на острове — пляже, рассекающим русло реки на две неравных по ширине части.

Фарватер оставался за островом, но и по протоке с нашей стороны проходили баржи к бывшей канавинской Башкировской мельнице, разгружали в огромные серые бетонные бочки элеватора зерно, двигались другие суда, для чего днем приходилось разводиться понтонный мост, соединяющий набережную Марата с Гребневскими песками.

Когда я купался с камней, то неизменно переплывал на остров, чтобы не делать по берегу большого крюка в обход по понтонному мосту.

Сейчас диву даюсь — какими бесстрашными сорванцами мы росли. Мало того, что Ока в этом месте имела сильное течение, так еще множество моторных лодок-«Казанок» и катеров «Прогресс» (была в те времена такая невероятно большая мода на эти суденышки из дюралюминия, что у кино-театра «Летний» на набережной Марата в самом конце сквера и у ресторана-дебаркадера «Чайка» была организована официальная стоянка для этих лодок) сновали туда-сюда по нашему рукаву реки.

И все-таки, несмотря ни на что, ни на какие опасности, мы умудрялись по нескольку раз в день переплывать на остров и возвращаться обратно на родной берег.

Лишь однажды на время ко мне не то чтобы пришел страх, но как-то не по себе стало пересекать глубокое место протоки.

Дело в том, что в один из полдней мы, мальчишки, обратили внимание на странный предмет, похожий на волосатый мячик, плывущий по течению Оки. Скоро догадались — это утопленник. Тело его опущено вниз, скрыто под водой, и только голова с грязными волосами, покачиваясь на волнах, то больше показывалась, то почти скрывалась в серой речной воде.

Все с тех же деревянных лодок, соорудив петлю из найденной на берегу проволоки в белой оплетке, старшие ребята сумели соорудить петлю, набросить ее на голову проплывающего мимо утопленника, подтянуть тело к берегу. Это оказался мужчина в плавках. Вполне возможно, какой-то смельчак, не рассчитавший собственных сил. А возможно, виной смерти алкоголь. Все это уже неважно. Только с тех пор память всякий раз напоминала мне о вынырывающей из глубины голове, когда я переплывал на остров. Так и казалось, что нечто подобное вот сейчас может ударить мне в живот, или рука наткнется на мертвое тело.

Но детские страхи недолговечны и быстро проходят. Недели через две об утопленнике я уже не вспоминал, а как и прежде, наловившись с камней ершей, уплывал на противоположный песчаный берег понежиться на раскаленном песке.

В этом месте на пляже, куда я приплывал, никто никогда не ловил рыбу. Весь остров, возвышающийся в середине невысоким гребнем, шириной метров семьдесят, длиной от Бугровской мельницы и немногим далее опор Канавинского моста, представлял из себя сплошную песчаную отмель, только по самым оконечностям отмеченную небольшими зарослями лозняка.

Порой в этих зарослях шла своя жизнь, невольными свидетелями которой мы иногда становились. Но это к теперешнему моему повествованию не имеет никакого отношения.

Сегодняшним жителям города трудно представить остров таким, как я его описываю. Он превратился в сплошной и, похоже, непроходимый лес. Мне же помнится, что «совсем недавно» в жаркие дни песок его раскалялся так, что по нему трудно было пройти, не обжигая ступни ног.

Так вот — рыбу на нем не ловили. Ее черпали зыбками с понтонного моста, что соединял берег с пляжем. Тут в основном попадалась плоская, блестящая мелкой чешуей чехонь. Пореже — небольшие стерлядки, еще реже — язи и подлещики. Незаконных браконьеров пыталась прогнать милиция, сотрудники рыбнадзора, но делали они это лениво и нерегулярно, потому промысел продолжался.

Однако так получилось, что единственный раз в жизни, когда я ловил рыбу вместе с отцом, произошел именно на пляже.

Отец в моем понимании в рыбацком промысле не был даже любителем, а совершенно случайным человеком, никаким образом не приспособленным к ужению рыбы. Мы вместе пошли на рыбалку, прихватив кроме удочки еще и донку (длинная леска с несколькими крючками и со свинцовой большой каплей на конце, имеющей форму столовой ложки, выплавленной мною на берегу Цыганки все из тех же решеток отслуживших свой век автомобильных аккумуляторов). Я всячески убеждал отца пойти на камни, но он упорно настаивал на пляже. Конечно, ловить на удочку с песчаного берега совершенно невозможно — слишком мелко. Тут он долго и полого уходил в глубину. Неподходяще место и для заброса донки, но отец попытался закинуть в воду и то, и другое.

Дождливый серый день. Пляж пустынен — кроме нас, на нем ни одного человека. На поплавочную удочку — ни поклевки. И только при перебрасывании донки снимали с крючков по несколько ершей.

Обо всем этом недоразумении можно бы и не вспоминать, если бы не то обстоятельство, что, обращаясь памятью в свое детство, я почти не вижу в нем отца. Редкие искорки поблескивают в ней с его участием, да и то, большей частью, курьезные.

Конечно, отец любил меня. Но он был молод, занимал руководящие должности, много работал, потому редко находил время для общения с сыном. А, возможно, причина во мне самом. Я рос довольно самостоятельным, одиноким волчонком, не терпящим чьего-либо руководства над собой, над своей свободной волей.

Одна из особенностей характера отца — недоверчивость. Это особенно обижало, а временами, неверием в мои рассказы, в мною проживаемую жизнь — оскорбляло. От этого становилось на душе особенно больно, раз я эти эпизоды помню, пережив по годам земной срок своего родителя. Вот один из таких.

Обычно, ловя рыбу на Оке, я ходил по берегу, выискивая, где лучше клюет.

Один раз остановился у мостков пристани «Канавинская», от которой уходили небольшие рейсовые «Фильянки» и «Калоши» вверх по Волге и на Мочальный остров. Чаще всего услугами пароходиков пользовались отдыхающие, садоводы и рыбаки.

Тогда стояли у перил пристани, курили и наблюдали за моей ловлей именно рыбаки. И надо же было такому случиться, что именно в этот раз я подсек крупного леща. Опыта вытаскивания на берег большой рыбы у меня не было.

Я упорно тянул леща на себя, преодолевая сопротивление удилища. Вот показалась его спина, вот он повернулся набок и плашмя, поддаваясь усилию десятилетнего мальчишки, стал приближаться к илистому берегу, к отмели, вот он боком заскользил по отмели у самой кромки воды.

Рыбаки с пристани кричали мне одобрительные слова, подбадривали, что-то советовали, но я ничего толком не слышал. Сердце у меня в груди колотилось от радости. Вот и ко мне пришла настоящая удача...

Голова леща показалась над водой. Он широко раскрыл рот и отчаянно всплеснул хвостом. Я не хотел в это верить, но уже видел — рыба сорвалась с крючка. Лещ еще лежал плашмя на отмели, но он был уже не мой, был свободен.

Вздых разочарования послышался с пристани. Но ни упреков, ни насмешек.

Рыба какое-то время осторожно шевелила плавниками, затем резко развернулась и ушла в глубину, скрылась в поднявшейся взвеси прибрежного ила.

Понятно, что все мои повторные забрасывания не имели никакого результата. Понурый, я смотал удочку и отправился домой. Вечером о случившемся рассказал отцу. И вот тут последовали насмешки, обвинения во вранье, уверение, что на такую удочку большая рыба попасться не могла...

Возможно — мелочный эпизод, стоило ли теперь о нем вспоминать? Не знаю, нет у меня ответа.

Только не тогда ли ко мне пришло осознание: свои переживания нужно всегда держать только в себе, в своем сердце. Вовне ты можешь услышать насмешки, пережить недоверие, наконец, зависть, но только не искреннее сочувствие.

А крупную рыбу позже я ловил — и немало. Чаще всего это случалось с лодки, зыбкой, в ночное или совсем раннее время.

Тогда в Оке обитало много мелкой стерляди, хотя попадались и крупные рыбины. Мы ржавым согнутым гвоздем, заранее с вечера приготовленным, открывали замок у одной из причаленных к берегу у Канавинского моста тех самых деревянных лодок. Весла, скрепленные цепью, были тут же. И ночь оказывалась в нашем распоряжении.

Город спал. Ночная темнота быстро таяла, и раннее солнце освещало такие незнакомые нам в эти часы, спокойные, лишённые машин и пешеходов тротуары набережных, мост, причальные стенки грузового порта.

Начиная с Оки, постепенно спускались на лодке к Волге. Там, на Стрелке, чаще всего приходила удача. Сильное течение относило почти к Речному вокзалу, и оттуда приходилось грести, преодолевая усталость.

Но зато как приятно возвращаться домой, ложиться в постель, закрывать глаза и ощущать, как река продолжает тебя укачивать своей ровной, спокойной волной.

Эта страсть к ночной рыбалке доходила порой до курьеза.

По окончании восьмого класса все ученики, чтобы получить свидетельство о неполном среднем образовании, сдавали экзамены. Первым значилось — сочинение.

Вместо того, чтобы к нему готовиться, я ночь провел на воде. Вернувшись домой, прилег «на минутку» поспать. Сестра, уходя в школу, разбудила, но я вновь незаметно заснул. Проснувшись, с ужасом осознал, что проспал. Экзамен начался больше получаса назад.

Быстро одевшись, побежал в школу, ту самую — у собора.

Но вот новая напасть — забыл взять с собой авторучку. При входе в вестибюле у технички (в то время эти женщины, малограмотные, строгие,

следающие за чистотой полов в коридорах, выполняли в школах и функции строгих бабушек) спросил в отчаяние, нет ли у нее лишней ручки. Конечно, не оказалось.

Как побитая собака я открыл дверь в класс.

Уничтожающий, испепеляющий взгляд учителя русского языка и литературы, женщины волевой, строгой, я сейчас не могу передать. Он выражал угрозу и призрание одновременно.

К тому же учеником я числился не из первого десятка, не из тех, кого ставят в пример на общешкольном построении, а вернее всего сказать — нестарательным.

Получив разрешение сесть за парту, занял свободное место.

Вокруг одноклассники с усердием раскрывали одну из трех тем, излагая свои мысли на специальных листах в линейку, что вырваны из тетрадей и по углам заверены школьным прямоугольным штампом.

Я сидел потерянным, не понимая, что дальше делать.

И вдруг осторожно открывается тяжелая, высокая, белая классная дверь, в нее заглядывает ставшее заботливым и сочувствующим лицо технички.

— Тут мальчишка ручку спрашивал. Вот, передайте ему, — протянула она комиссии, сидевшей за столом во главе класса, шариковую ручку.

Наступила гробовая тишина, которую через какое-то время нарушил возмущенный вскрик преподавателя русского языка и литературы:

— Ну, Сдобняков!..

Сочинение я как-то написал, свидетельство об окончании школы получил, но о своем разгильдяйстве не забыл и по сию пору.

А виной всему страсть к рыбной ловле.

Спустя тридцать с лишним лет меня по телефону разыскала учительница, что была в той школе нашим классным руководителем, чтобы поздравить с получением очередной литературной премии, на этот раз за книгу «Сопротивление нелюбви».

Я напомнил ей о том давнем происшествии. Вместе посмеялись.

Вот так вроде бы несерьезно и быстро все в нашей жизни проходит и меняется.

Продолжение следует.

Проба ПЕРВА

Давид ЧЕЧУРИН

«ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАСТУПАЕТ»

Давид Чечурин — родился 4 февраля 2014 г. в Санкт-Петербурге. Является учеником 4 класса МОБУ «СОШ № 6 с углубленным изучением отдельных предметов» г. Всеволожска. Дед юного поэта Сергей Германович Чечурин — офицер-подводник, капитан 1 ранга запаса, имеет 53 года выслуги. Служил на атомном подводном ракетоносце. Закончил службу в должности начальника 84 Военного Представительства МО РФ в Санкт-Петербурге. Награжден Орденом «За военные заслуги». **Живет в г. Всеволожске Ленинградской области.**

ПУЛИ

Пули завывают,
Дроны высоки,
Танки громяют —
Прячутся враги.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

День Победы наступает
И надежда расцветает!
Распускаются цветы,
Помнить мы всегда должны —
Что ценою своих жизней
Победили мы фашистов!
Мы смогли! Мы устояли!
И победу одержали!

МОЛОДОЙ СОЛДАТИК

*Феликс, мой родной брат,
я вдохновился его фотографией
ко Дню защитника Отечества,
на которой он — в военной форме
с гармошкой.*

Молодой солдатик Феликс —
В армию служить пошел,
И с собою захватил он
Небольшой аккордеон.

Вечерком он у костра
Показал всем класс тушэ —
Музыка, легка, быстра,
Веселей всем на душе!

Рано утром просыпаться,
Умываться, одеваться.
По команде отправляться...

Подбегает к командиру:
«Что велите исполнять?»
— Генерал сейчас придет,
Надо нам его встретить.

Генерала все встречали,
Чаем, медом угощали,
Карты-планы обсуждали —
Как врагов мы будем бить.

Через час после приезда —
Канонада вдруг вдали.
«По позициям! — команда. —
До врагов сто метров. Пли!»

28 ПАНФИЛОВЦЕВ

Панфиловцы-герои
Шагают дружно в ряд.
За Родину — горюю,
Столицу — отстоят!

СУВОРОВ

Суворов Александр
Ведет нас смелых в бой,
Французский арьергард
Спасается: «Ой-ой...»

НОВГОРОД

Новгород —
Великий град,
У его широких врат
Находиться снова рад.

Здесь —
Святые церкви есть,
Куполов золотых —
Не счесть.

Есть Софиевский
Собор.
Городу ровесник он.

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В.В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В.В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 30.09.2024 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,7.
Тираж 500 экз. Заказ 24НФ-125685.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.